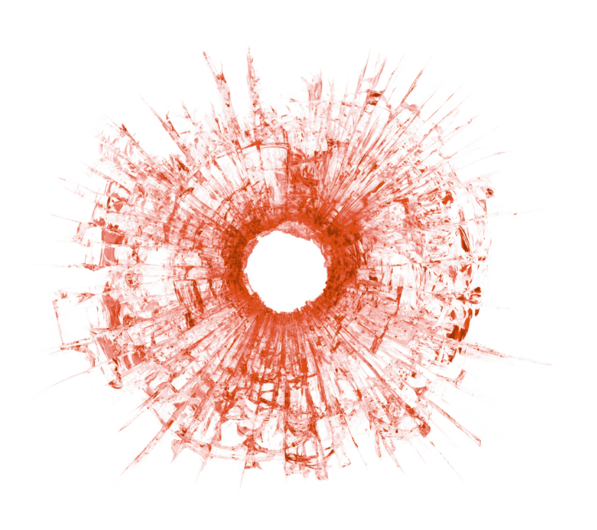
Евгений ИЛЬИН

ПСИХОЛОГИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ББК 88.362
УДК 159.9.019.43
И46

Ильин Е. П.
И46 Психология агрессивного поведения. — СПб.: Питер, 2014. — 368 с.: ил.

ISBN 978-5-496-00991-1

Новая книга профессора Е. П. Ильина посвящена ключевым вопросам психологии агрессивного поведения. Тема раскрыта максимально полно. Особое внимание уделено проблеме вандализма и насилия в современном обществе. В конце пособия приведены полезные методики.

Издание предназначено для психологов, педагогов, социологов, представителей смежных специальностей, а также студентов вузовских факультетов соответствующих профилей.

16+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

ББК 88.362
УДК 159.9.019.43

ISBN 978-5-496-00991-1

Оглавление

Предисловие

Прочитав название этой книги, многие интересующиеся психологией могли подумать: «Ну вот, еще одна книга об агрессии. Сколько же можно об этом писать!» Действительно, различным аспектам этой темы посвятили свои книги А. Басс (Buss, 1961), Л. Берковиц (2001), Р. Бэрон и Д. Ричардсон (2001), Д. Зильманн (Zillmann, 1979), К. Лоренц (1994), Д. Олвейс (Olweus, 1978, 1993), Э. Роланд (2012), А. Налчаджян (2007), В. К. Сафонов (2003) и др. К настоящему времени, по некоторым данным, лишь о человеческой агрессивности написано более 500 монографий. Кроме того, во многих монографиях по социальной психологии проблеме агрессии посвящены отдельные главы (Д. Майерс (2004); Р. Фрэнкин (2003); Х. Хекхаузен (2003) и др.). А количество статей, посвященных агрессии, трудно подсчитать. Только в книге Р. Бэрона и Д. Ричардсон имеется более 800 ссылок. В США издаются даже журналы, специально посвященные проблеме агрессии, насилия и жестокого обращения («Aggressive Behavior», «Child abuse and neglect», «Journal of emotional abuse», «Child maltreatment», «Journal of interpersonal violence», «Journal of Family Violence», «Violence against Women»)[1].

Несмотря на это, разногласия и противоречия между учеными по различным аспектам проблемы агрессии, на которые указывал еще Г. Кауфман (Kaufmann, 1965), остаются до сих пор. Достаточно указать на то, что отсутствует определение агрессии, которое было бы приемлемым для различных ее форм и видов.

---

[1] Ввиду большого количества публикаций в ряде случаев я был вынужден ограничиваться только ссылками на них, группируя их по той или иной теме. Читатель может найти эти публикации сам, пользуясь приведенным в книге списком литературы.

Знакомство с имеющимися отечественными и переводными зарубежными монографиями и учебными пособиями показало, что некоторые аспекты этой проблемы (например, насилие и его виды: буллинг, мобинг (травля), хейзинг (дедовщина), насилие в семье, на работе, в сфере образования, вандализм[1]) рассмотрены недостаточно или вообще не затрагивались. Например, в объемной монографии А. Налчаджяна (2007) рассмотрению насилия как специального вопроса уделено 6,5 страниц (правда, в других разделах автор часто говорит об агрессии как насилии). В книге этого автора мало ссылок на литературные источники, не рассмотрены результаты ряда отечественных диссертационных исследований по проблеме агрессии и насилия. В монографии, как и во многих переводных книгах по агрессии, не приводятся методики, с помощью которых можно изучать данную проблему. Отсутствие достаточно полных библиографических ссылок на литературу, освещающую новые аспекты проблемы агрессии и особенно насилия, создает затруднения для студентов, магистров и аспирантов, занимающихся этой проблемой, в получении соответствующей информации. Поэтому в данной книге я постарался устранить эти пробелы.

При этом я сделал упор на рассмотрение агрессии, проявляемой в межличностных отношениях, оставив в стороне вопросы преступности, агрессии в политике и межгосударственной агрессии, при различных видах патологии, обсуждение и изучение которых в большей мере касаются юристов, социологов и политологов, медиков.

В книге два раздела. Первый посвящен агрессии и агрессивности, второй — насилию. В конце книги помимо обширного списка отечественной и зарубежной литературы, в большинстве своем отражающем публикации конца XX — начала XXI в., дается подборка методик для изучения различных аспектов агрессии.

С библиографией вы можете ознакомиться на сайте:

http://storage.piter.com/support_insale/files_list.php?code=978549600991

---

[1] Единственной, насколько мне известно, публикацией, в которой в достаточно большом объеме освещена проблема вандализма, является статья А. С. Скороходовой (2002).

Введение

Проблема агрессии и насилия в последние десятилетия стала интенсивно обсуждаться в обществе и СМИ, так как наблюдается беспрецедентный рост и того и другого (терроризм, убийства, грабежи, насилие). Очевидным становится факт все большей агрессивности и жестокости людей. Особую важность данной проблемы для человечества подчеркивает тот факт, что в начале 70-х гг. прошлого столетия была основана организация, объединяющая и координирующая научные изыскания в области агрессиологии на международном уровне, — Международное общество по изучению агрессии (МОИА), которая включает ведущих специалистов по проблеме — психологов, социологов, философов, юристов, физиологов, этологов, психиатров, фармакологов. Как ни странно, вина за рост агрессии в обществе во многом лежит на тех, кто пытается привлечь общественное внимание к этой проблеме, а именно на СМИ. По большинству телевизионных каналов показываются бесконечные сериалы со сценами насилия. Даже спортивный канал, призванный пропагандировать здоровый образ жизни, чаще всего выбирает для показа хоккей, бокс, бои без правил, т. е. опять-таки агрессивные виды спортивной деятельности.

Однако не следует думать, что раньше люди были лишены агрессии и жестокости. При взятии Трои в 1184 г. греки-триумфаторы казнили всех лиц мужского пола старше десяти лет, а оставшиеся в живых, т. е. женщины и дети, были проданы в рабство.

С древнейших времен агрессия была у многих народов частью их культуры. Вспомним бои гладиаторов в Древнем Риме, когда зрители кричали: «Добей его!» в годы наивысшего подъема испанской инквизиции (1420–1498 гг.) многие тысячи мужчин, женщин и детей были сожжены заживо на кострах за ересь и другие «преступления» против церкви и государства.

Кулачные бои на Руси нередко заканчивались смертью одного из соперников (для примера: «Песня про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова). По нормам обычного права это не являлось поводом для

судебного разбирательства. Напротив, неучастие или уклонение от драк и кулачных боев отдельных молодых людей в прошлом считалось позорным и неподобающим чести настоящих мужчин. «Девушка могла потерять парня, забитого в драке, — но она могла “потерять” его и изза резкого понижения его социального статуса в случае уклонения от настоящего мужского дела» (Секацкий, 2005, с. 195–214). В народных представлениях подобные явления были связаны с древними языческими представлениями славян, согласно которым смерть во время ритуальных праздничных состязаний символизировала своего рода акт жертвоприношения высшим силам природы.

Во многих культурах мира приход весны был связан с культовыми состязаниями, сопровождавшимися человеческими жертвами (Фрэзер, 1980, с. 351). Пролитие крови в календарные праздники ассоциировалось с хозяйственным благополучием общины, а на поминальных и свадебных обрядах служило данью уважения и преданности предкам и символизировало благополучие и жизнеспособность новой семьи.

К культурным традициям в Испании относились и корриды, запрещенные лишь в конце XX в. В Средневековье физическая разрядка была естественной потребностью в жизни общества. Как отмечал Ф. Ницше, «современный человек даже не может себе представить, до какой степени жестокость составляла величественную радость древнего человека, примешиваясь как ингредиент почти к каждому его веселью» (Ницше, 1990, с. 447).

От агрессии и насилия страдали и взрослые, и дети. Дж. Л. Десперт (Despert J. L., 1965) отмечает, что во времена Древней Греции и Рима, в добиблейские и парабиблейские времена детей приносили в жертву ритуально; их сжигали на костре; в случае неполноценности ребенка его выгоняли; иногда дети были орудием кровной мести (убийство перворожденного). В Средние века жизнь ребенка также ничего не стоила. Довольно широко было распространено детоубийство (инфантицид). Духовенство рассматривало ребенка как нежелательный результат половых отношений; поэтому бремя первородного греха и вины лежало на младенце. Неудивительно, что жестокость к детям творилась от имени религии. Детей избивали за малейшую провинность, чтобы «изгнать дьявола» из «одержимых».

Конечно, попытки ограничить агрессию и насилие в обществе предпринимались. Так, с утверждением христианства в Римской империи и началом активной борьбы с язычеством были запрещены языческие игрища и ритуалы с человеческими жертвоприношениями на Британ-

ских островах и других подвластных Риму территориях. Позднее, в эпоху Просвещения, в Европе в XVII–XVIII вв. выступления христианских реформаторов против народных игр, сопровождавшихся пьяным разгулом и неконтролируемым насилием толпы, стало следующим этапом противостояния западного общества игровому насилию.

Однако как в римские времена, так и позже гуманистические идеалы и благие намерения искоренения зла во имя добра, как правило, выливались в свою прямую противоположность и оборачивались новыми человеческими трагедиями и ожесточением общества. Цивилизаторская миссия римских легионеров, огнем и мечом искоренявших культовые ритуалы с человеческими жертвоприношениями, в конечном счете привела к еще более жестким, узаконенным новыми традициями гладиаторским боям, а приверженность христианским канонам привела к Крестовым походам, Варфоломеевской ночи[1], судам инквизиторов над «ведьмами» и прочему.

В конце XIX в. насилие приобретает новую форму — как политический терроризм.

1878 год был годом рождения русского терроризма. 24 января, накануне суда над ста девяноста тремя народниками, совсем еще юная девушка, Вера Засулич, стреляет в генерала Трепова, губернатора Санкт-Петербурга. Оправданная судом присяжных, она вслед за тем ускользнула от царской полиции. Этот револьверный выстрел вызвал целую волну репрессий и покушений, которые следовали друг за другом; уже тогда было ясно, что они прекратятся не раньше, чем окончательно выдохнутся все их участники.

В том же году член «Народной воли» Кравчинский выпускает памфлет «Смерть за смерть», в котором содержится апология террора. Последствия не заставили себя ждать. Жертвами покушений в Европе стали немецкий кайзер, король Италии и король Испании. В том же 1878 году Александр II создает в лице Охраны наиболее действенное орудие государственного террора. Начиная с этого момента весь конец XIX века, как в России, так и на Западе, ознаменован непрекращающейся серией убийств. В 1879 году — новое покушение на испанского короля и неудавшийся заговор против русского императора. В 1881-м — убийство императора боевиками «Народной воли». Софья Перовская, Андрей Желябов и их сподвижники повешены. В 1883-м — покушение на немецкого кайзера; покушавшийся гибнет под топором палача. В 1887-м — казнь чикагских мучеников и съезд испанских анархистов в Валенсии, которые предупреждают: «Если общество нам не уступит, порок и зло все равно

[1] Варфоломеевская ночь — массовая резня гугенотов во Франции, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 г., в канун Дня святого Варфоломея.

должны будут погибнуть, даже если мы погибнем вместе с ними». 90-е годы во Франции отмечены так называемой пропагандой посредством фактов. Подвиги Равашоля, Вайана и Юбера Анри (французские анархисты конца XIX века. — *Прим. сост.)* предшествуют убийству Карно. Только в 1892 году происходит более тысячи покушений динамитчиков в Европе и около пятисот — в Америке. В 1898 году от их рук гибнет австрийская императрица Елизавета, в 1901-м — Мак-Кинли, президент Соединенных Штатов. В России, где покушения на второстепенных представителей власти никогда не прекращались, в 1903 году возникает боевая организация партии эсеров, группа самых поразительных фигур русского терроризма. Убийство Плеве Сазоновым и великого князя Сергея Каляевым знаменуют собой апогей тридцатилетнего кровавого апостольства и завершают эпоху мучеников революционной религии.

Камю А., 1990, с. 245

И до сих пор многие зрелища сопровождаются физической агрессией по отношению к тем или иным объектам. Например, традиционная конная игра «козлодрание» (по-узбекски «улак»; по-казахски «кокпар»; по-киргизски «кок бору»; по-таджикски «бузкаши»), столь популярная у народов Центральной Азии и Афганистана, мало отличается по жестокости от корриды. Она заключается в состязаниях двух соперничающих групп всадников за овладение тушей забитого козла.

Н. И. Семечкин (2011) в своей публикации «Агрессия — доминирующий способ существования человека» пишет, что «чем более “цивилизованным” становится человечество, тем агрессивнее себя ведет. Европейская история пятисот последних лет — наглядное тому подтверждение. В книге Э. Фромма “Анатомия человеческой деструктивности” приводится на этот счет красноречивая статистика — с 1500 по 1599 г. В Европе произошло 87 военных сражений, с 1600 по 1699 г. их было уже 239, с 1700 по 1799 г. — 781, с 1800 по 1899 г. — 651, с 1900 по 1942 г. — 892. А вот сводный итог, который содержится в книге А. Монтегю “Природа человеческой агрессии”, изрядно характеризующий облик и поведение Homo sapiens в течение последних приблизительно 5600 лет, т. е. за период так называемой “писаной” истории, произошло более 14 600 войн, в среднем около трех войн в год. Но помимо крупномасштабных, исторических войн и сражений миллиарды людей повсеместно, ежедневно вели и ведут неисчислимое множество мини-войн и микробоев личного, семейного, группового значения. Жестокость и насилие в межличностных отношениях, убийства и избиения в семьях и на улице, разбои, грабежи, похищения, террор, оскорбления и т. д. — все это специфические паттерны человеческого поведения...»

Далее Семечкин приводит суждения ученых различных эпох о сущности человеческой природы: «Древнегреческий поэт и мыслитель Гесиод характеризовал своих современников как злых, жестоких, безжалостных “железных” людей. Конечно, можно предположить, что автору поэмы “Труды и дни” не повезло с современниками. Но вот прошла тысяча лет, и уже другой мыслитель, философ-богослов Августин Блаженный (354–430) вновь говорит о порочности, первородной греховности человеческого рода. Жадность, злоба, зависть, подлость, утверждает Августин, присущи человеку от рождения до смерти. Минула еще тысяча с лишним лет, и уже английский философ Томас Гоббс (1588–1673) приходит к огорчительному выводу, что естественным состоянием человека является “война всех против всех”. Правда, позднее эпоха Просвещения породила веру в возможность смягчения людских нравов. Философы той поры, а также русские интеллигенты XIX и частично XX в. оптимистично полагали, что развитие науки и распространение знаний (просвещение) приведут к облагораживанию человека, к гуманизации его природы... Сбылись ли ожидания, связанные с просвещением? Скорее всего, нет. Просвещенность только усугубила проблему. Ведь уже в XX в. наиболее известные и авторитетные ученые, каждый со своих теоретических позиций, вновь вынуждены констатировать: человечество неестественно, патологически агрессивно. Это утверждает Зигмунд Фрейд (“По ту сторону принципа удовольствия”), Конрад Лоренц (“Агрессия. Так называемое зло”), Десмонд Моррис (“Голая обезьяна”), Иренеус Эйбл-Эйблсфельд (“Любовь и ненависть”)... На основании этого многие исследователи высказывают предположение, что человек, по-видимому, самое агрессивное животное на планете» (с. 32–33).

Однако в некоторых культурах агрессия считается аморальной. Так, например, в представлениях таитян Полинезии и народности семаи в Центральной Малайзии любая агрессивность греховна и поэтому строго табуирована.

Ряд зарубежных и отечественных психологов не только оправдывают проявление агрессивности, но и считают ее необходимым условием активности личности (Г. Аммон (1995); А. Адлер (2000); Э. Фромм (1999); Г. Паренс (1999); Р. Мэй (2001); Winnicott (1958); Storr (1968); Н. Д. Левитов (1972); Л. Серова (2000) и др.).

Противоположная позиция имеется у ряда ученых. Согласно Э. Сторр (Storr, 1968), именно «агрессивная, деятельная сторона человеческой природы подталкивает людей и заставляет их пытаться влиять на мир

вокруг». В то же время «недостаток агрессивности вызывает мягкотелость и попустительство» (Ромек В. Г., 1999, с. 6).

А. А. Реан (1996) выделяет два полярных подхода к феномену агрессии. Первый из них — этико-гуманистический, опирающийся на христианскую концепцию человека («возлюби ближнего своего как самого себя, любите врагов ваших, благославляйте проклинающих вас»), рассматривает агрессию как зло. Второй подход — эволюционно-генетический, в котором внутривидовая агрессия расценивается как биологически целесообразная форма поведения, способствующая адаптации и выживанию.

Проблема агрессии всеобъемлющая, касающаяся различных сторон жизни и поведения человека. Агрессию изучают в сфере образования[1], спорта[2], семейных отношений[3], криминалистики[4], патологии[5].

Важно подчеркнуть, что проблема агрессии рассматривается в двух аспектах: как поведение и как личностное свойство. Например, у Х. Хекхаузена речь идет об агрессии как личностной и ситуативной диспозиции, у А. А. Реана (1996) — об агрессивном поведении и агрессивности как личностном свойстве, у Т. Н. Курбатовой (1995) — о ее трех уровнях: индивидном (процессы регуляции), субъектно-деятельностном (стиль поведения) и личностном (мотивационная сфера, самосознание).

---

[1] См.: Банщикова Т. Н., 2001; Белозерова Л. И., 1992; Быковская Е. Ф., 2006; Демко Е. В., 2005; Дикова В. В., 2005; Заостровцева М. Н., 2003; Кондакова И. Э., 2000; Коновой А. С., 2001; Красноперова Ю. А., 2005; Левкова Т. В., 2003; Леднева И. Л., 2002; Маликова Н. Э., 2005; Милковска-Олейничак Г., 2001; Молчанова Л. И., 2002; Олешков М. Ю., 2005; Осеева Е. И., 2004; Осницкая А. К., 1994; Павлова Н. Н., 2001; Травина С. А., 2006; Фоменко А. С., 2012.

[2] См.: Афиногенова С. В., 2007; Борисова Е. В., 2000; Бызова В. М., 2000; Ивченко Е. А., Медников С. В., 2002; Костив Г. Ю., 2004; Краев Ю. В., 1998; Кутерин Н. Б., 2008; Сафонов В. К., 2003; Сергеев О. М., 2008; Isberg, 2000; Larrick et al., 2011; Wann et al., 1998, 1999a, b, c.

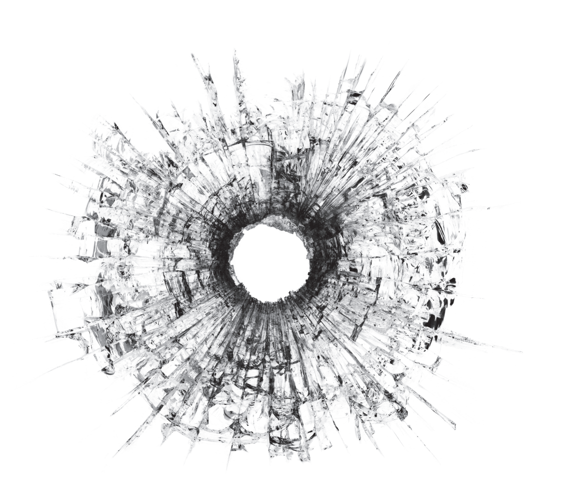
[3] См.: Бандура А., Уолтерс Р., 1999; Бютнер К., 1991; Давиденко С. В., 2004; Квадрициус М. П., 1990; Коренева А. А., 2004; Корытченкова Н. И., 2000; Смык Ю. В., 2004; Энгельгард Е. Е., Довгая Н. А., 2003; Энгельгард Е. Е., Кожихова Н. М., 2003.

[4] См.: Бойко И. Б., 1993; Васильченко Н. А., 2003; Жигина Н. В. и др., 2002; Казакова Е. Н., 1999; Масагутов Р. М., Ениколопов С. Н., 2004; Мельникова М. Л., 2003–2007; Петрова А. Б., 2003; Пономарева Д. И., 2003; Потапенко О. А., 2002; Скрыльникова Л. П., Вострухина И. П., 2001; Смирнов В. Д., 2000; Старшиков Ю. В., 2004; Сысоев А. М., 2002; Шабалин О. М., 2004; Щербаха С. А., 2003.

[5] См.: Абрамова А. А., 2005; Бортникова Е. Г., 2004; Васильева Н. В., 1998; Иокубаускайте И. К., 2004, 2006; Краскова Е. Ю., 2004; Кузнецова С. О., Ениколопов С. Н., 2006; Макарова О. Ф., 1996; Никольская Н. Л., 1999; Охматовская А. В., 2001; Шебанова В. И., 2002.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

АГРЕССИЯ И АГРЕССИВНОСТЬ

ГЛАВА 1

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1.1. Виды агрессивного поведения

Как ни парадоксально, но ради логики изложения я нарушу традиционный способ подачи материала, согласно которому сначала нужно было бы дать определение явления, а потом уже рассматривать его виды. Делаю я это для того, чтобы, рассуждая о сущности агрессии, мне было на что опираться. Дело в том, что определение агрессии часто дается под конкретный ее вид и исследователей мало заботит, имеется ли в этом определении что-то общее с другими видами агрессии.

Рассмотрим различные подходы к классификации видов агрессии.

По мнению А. Басса (Buss, 1961), все многообразие агрессивных действий можно описать на основании трех шкал: физическая — вербальная, активная — пассивная, прямая — непрямая. Их комбинация дает восемь возможных категорий, под которые подпадает большинство агрессивных действий (табл. 1.1).

Другой подход к классификации агрессивных действий предложен в трудах отечественных криминологов И. А. Кудрявцева, Н. А. Ратиновой и О. Ф. Савиной (1997), где все многообразие актов агрессии было отнесено к трем различным классам на основании ведущего уровня саморегуляции поведения и места агрессивных проявлений в общей структуре деятельности субъекта.

По этим основаниям первый класс составляют акты агрессии, которые осуществляются на уровне деятельности, побуждаясь соответствующими агрессивными мотивами, а саморегуляция поведения протекает на наиболее высоком, личностном уровне. Такая деятельность субъек-

Таблица 1.1. Категории агрессии по Бассу

Тип агрессии	Примеры
Физическая–активная–прямая	Нанесение человеку ударов, избиение или ранение при помощи огнестрельного или холодного оружия
Физическая–активная–непрямая	Закладка мин-ловушек, сговор с наемным убийцей с целью уничтожения врага
Физическая–пассивная–прямая	Стремление физически не позволить другому достичь желаемой цели
Физическая–пассивная–непрямая	Отказ от выполнения необходимых задач
Вербальная–активная–прямая	Словесное оскорбление или унижение другого человека
Вербальная–активная–непрямая	Распространение злостной клеветы
Вербальная–пассивная–прямая	Отказ разговаривать с другим человеком
Вербальная–пассивная–непрямая	Отказ давать словесные пояснения или объяснения

та является максимально произвольной и осознанной, здесь индивид обладает наибольшей свободой воли, селективностью выбора средств и способов действий. Соответственно выбор агрессивных или неагрессивных форм поведения и соотнесение его с общепринятыми нормами осуществляются на иерархически наиболее высоком — личностном уровне саморегуляции.

Второй класс, по мнению исследователей, образуют акты агрессии, релевантные уже не деятельности в целом, а соотносимые с уровнем действий. Поведение субъектов здесь находится под влиянием эмоционального напряжения, утрачивает мотивосообразность, а активность направляется аффективно насыщенными, ситуационно возникшими целями. Ведущим становится не личностно-смысловой, а индивидуальный уровень, где факторами, определяющими деяние, выступают не целостные смысловые образования и ценностные ориентации личности, а присущие субъекту индивидуально-психологические, характерологические особенности.

Третий класс образуют акты агрессии, совершенные субъектами, находившимися в наиболее глубокой степени аффекта. В этих случаях регресс достигает индивидного уровня, при этом активность теряет не только целесообразность, но подчас носит неупорядоченный, хаотич-

ный характер, проявляющийся в форме двигательных стереотипий. Нарушение сознания достигает столь глубокой степени, что у субъекта практически утрачивается способность к адекватному отражению и целостному осмыслению происходящего, по существу полностью нарушается произвольность и опосредованность поведения, блокируется звено оценки, способность к интеллектуально-волевому самоконтролю и саморегуляции.

В настоящее время имеются следующие общепризнанные подходы к выделению видов агрессии.

Исходя из форм поведения выделяют:

- *физическую* — использование физической силы против другого лица или объекта;
- *вербальную* — выражение негативных чувств через вербальные реакции (ссора, крик) и/или содержание (угроза, проклятья, ругань)[1].

Исходя из открытости проявления выделяют:

- *прямую* — непосредственно направленную против какого-либо объекта или субъекта;
- *косвенную*, выражающуюся в действиях, которые окольным путем направлены на другое лицо (злобные сплетни, шутки и т. д.), а также действиях, характеризующихся ненаправленностью и неупорядоченностью (взрывы ярости, проявляющиеся в крике, топании ногами, битье кулаками по столу и пр.).

Исходя из цели выделяют *враждебную и инструментальную агрессии*. Фешбах (Feshbach, 1964) видит основную разделительную черту между различными видами агрессии в том, какой характер носят эти агрессии: инструментальный или враждебный. Враждебная агрессия направлена на намеренное причинение боли и ущерба жертве ради отмщения или получения удовольствия. Она неадаптивна по своей природе, деструктивна.

Инструментальная агрессия направлена на достижение цели, причем причинение ущерба не является этой целью, хотя и не обязательно избегается. Являясь необходимым механизмом адаптации, она побуждает человека

---

[1] Агрессивным является такой речевой акт, который замещает агрессивное физическое действие и представляет собой оскорбление (в том числе грубую брань), насмешку, угрозу, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств.

к конкуренции в окружающем мире, защите своих прав и интересов и служит для развития познания и способности положиться на себя.

Фешбах выделял и *случайную агрессию*, против чего справедливо возразил Кауфман, но последний сомневался и в целесообразности разделения враждебной и инструментальной агрессии.

Берковиц (Berkovitz, 1974) пишет об импульсивной агрессии, протекающей по типу аффекта, которая есть не что иное, как экспрессивная (враждебная) агрессия по Фешбаху.

Х. Хекхаузен, разделяя враждебную и инструментальную агрессию, считает, что «целью первой является главным образом нанесение вреда другому, в то время как вторая направлена на достижение цели нейтрального характера, а агрессия используется при этом лишь в качестве средства, например, в случае шантажа, воспитания путем наказания, выстрела в захватившего заложников бандита» (с. 367).

Х. Хекхаузен говорит также о своекорыстной и бескорыстной агрессии, а Фешбах (Feshbach, 1971) — об индивидуально и социально мотивированной агрессии.

Надо отметить, что при дифференцировании враждебной и инструментальной агрессии авторы не предлагают четких критериев, используя только различие в целях (для чего осуществляется агрессия): при враждебной агрессии целью является нанесение ущерба или оскорбления, а при инструментальной агрессии, как пишут Бэрон и Ричардсон, «для лиц, проявляющих инструментальную агрессию, нанесение ущерба другим не является самоцелью. Скорее они используют агрессивные действия в качестве инструмента для осуществления различных желаний» (с. 31). Но разве при враждебной агрессии желание отсутствует?

В результате, характеризуя инструментальную агрессию, Бэрон и Ричардсон вступают в противоречия с самими собой. То они пишут, что «инструментальная агрессия... характеризует случаи, когда агрессоры нападают на других людей, преследуя цели, *не связанные с причинением вреда*» (выделено мной. — *Е. И.*), то пишут, что инструментальная агрессия причиняет человеку зло: «Цели, не предполагающие причинения ущерба, стоящие за многими агрессивными действиями, включают принуждение и самоутверждение. В случае принуждения *зло* (выделено мной. — *Е. И.*) может быть причинено с целью оказать влияние на другого человека или “настоять на своем”» (Tedeschi et al., 1974, с. 31). Апофеозом путаницы при характеристике инструментальной агрессии

можно считать следующий пример, приводимый Бэроном и Ричардсон: «Яркий пример инструментальной агрессии представляет собой поведение подростковых банд, которые слоняются по улицам больших городов в поисках случая вытащить кошелек у ничего не подозревающего прохожего, завладеть бумажником или сорвать с жертвы дорогое украшение. Насилие может потребоваться и при совершении кражи — например, в тех случаях, когда жертва сопротивляется. Однако основная мотивация подобных действий — нажива, а не причинение боли и страданий намеченным жертвам» (с. 31). Но можно ли воровство считать актом агрессии только потому, что оно наносит ущерб его жертве? и не является ли «воровство» при сопротивлении жертвы грабежом?

Кроме того, по мнению Бандуры, несмотря на различия в целях, как инструментальная, так и враждебная агрессия направлена на решение конкретных задач, а поэтому оба типа можно считать инструментальной агрессией, и по сути он прав. Различие же между выделяемыми типами состоит в том, что враждебная инструментальная агрессия вызывается чувством вражды, а при остальных видах инструментальной агрессии этого чувства нет. Но тогда мы должны сделать вывод, что враждебная агрессия является одним из видов инструментальной агрессии. А если это так, то исчезает необходимость выделения инструментальной агрессии (ведь всякая агрессия инструментальна) и ее противопоставления враждебной агрессии.

Внес свой вклад в эту путаницу и Н. Д. Левитов, который противопоставил инструментальной агрессии преднамеренную. Но разве инструментальная агрессия не преднамеренная? Кроме того, он своеобразно понимает инструментальную агрессию: «Инструментальная агрессия та, когда человек не ставил своей целью действовать агрессивно (выделено мной. — *Е. И.*), но “так пришлось” или по субъективному сознанию “было необходимо” действовать» (с. 169).

Исходя из причины выделяют: *реактивную и проактивную агрессию*. Эти виды агрессии Н. Д. Левитов (1972) называет «оборонной» и «инициативной». Первая агрессия — это ответ на агрессию другого. Вторая агрессия — когда агрессия исходит от зачинщика. Додж и Койи (Dodge, Coie, 1987) предложили использовать термины «реактивная» и «проактивная агрессия». Реактивная агрессия предполагает возмездие в ответ на осознаваемую угрозу. Проактивная агрессия, как и инструментальная, порождает поведение (например, принуждение, запугивание), направленное на получение (для агрессора или жертвы?) определенного

позитивного результата. Авторы обнаружили, что проявляющие реактивную агрессию мальчики начальных классов склонны преувеличивать агрессивность своих сверстников и поэтому отвечают на кажущуюся враждебность агрессивными действиями. Учащиеся, демонстрировавшие проактивную агрессию, не допускали подобных ошибок в интерпретации поведения своих сверстников.

Х. Хекхаузен (2003) пишет о реактивной или спровоцированной агрессии и спонтанной (ничем не спровоцированной) агрессии, под которой он имеет в виду по сути инициативную агрессию, т. е. заранее спланированную, преднамеренную (с целью мести или вражды по отношению ко всем учителям после конфликта с одним из них; сюда же он относит садизм — агрессию ради получения удовольствия).

По существу об этих же видах агрессии говорит и Зильманн (Zillmann, 1970), выделяя агрессию, обусловленную раздражителем, при которой действия предпринимаются прежде всего для устранения неприятной ситуации или ослабления ее вредного влияния (например, сильный голод, дурное обращение со стороны других), и агрессию, обусловленную побуждением, которая предпринимается с целью достижения различных внешних выгод.

В ряде исследований было установлено, что если людям причиняли физические страдания, например подвергали серии ничем не спровоцированных ударов электротоком, они отплачивали тем же: тот, кто подвергался определенному числу разрядов, хотел отплатить обидчику тем же самым способом (например, Bowen, Borden, Taylor, 1971; Gengerink, Bertilson, 1974; Gengerink, Myers, 1977; Taylor, 1967). Данные показывают также, что испытуемые оказались готовыми нанести ударов больше, чем получили сами, если полагали, что им за это ничего не будет (например, потому, что участие в эксперименте анонимно) (Zimbardo, 1969, 1972).

В определенных обстоятельствах люди склонны «давать сдачу по-крупному». Патерсон (Paterson, 1976) подметил, что агрессивное поведение кого-либо из членов семьи вызвано тем, что он таким образом пытается остановить нападки другого человека. Более того, ученый установил, что если агрессия одного из родственников неожиданно усиливается, другой, как правило, прекращает свои нападки. Хотя постепенная эскалация агрессивных действий может еще больше раздуть конфликт, резко усилившийся натиск («сдача по-крупному») способен ослабить его или вовсе прекратить. Данные, полученные из других источников, соответствуют этому наблюдению. Например, когда существует явная угроза получить сдачу за агрессивное поведение, желание нападать слабеет (Baron, 1973; Dengerink, Levendusky, 1972; Shortell, Epstein,

Taylor, 1990). Но здесь есть одно важное исключение. Когда человек очень зол, то угроза получить сдачу — даже мощную — не ослабит его желание инициировать столкновение (Baron, 1973).

Фрэнкин Р., 2003, с. 363

Исходя из направленности на объект выделяют ауто- и гетероагрессия. Агрессивное поведение при фрустрации может быть направлено на разные объекты: на других людей и на самого себя. В первом случае говорят о гетероагрессии, во втором — об аутоагрессии.

Конструктивная, деструктивная и дефицитарная виды агрессии

Г. Аммон (1995) пишет еще о трех видах агрессии: конструктивной, деструктивной и дефицитарной. Чтобы у читателя не возникло мысли, что я что-то исказил, привожу дословное описание этих видов «агрессии», данное автором.

«*Конструктивная агрессия* понимается как активный, деятельный подход к жизни, любознательность и здоровое любопытство, возможность устанавливать продуктивные межличностные контакты и поддерживать их, несмотря на возможные противоречия, способность формировать свои собственные жизненные цели и задачи и реализовывать их даже в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, иметь и отстаивать свои идеи, мнения, точки зрения, тем самым вступать в конструктивные дискуссии.

Конструктивная агрессия предполагает наличие развитой эмпатической способности, широкого круга интересов, богатого мира фантазий.

Конструктивная агрессия связана с возможностью открыто проявлять свои эмоциональные переживания, является предпосылкой для творческого преобразования окружающего, собственного развития и обучения.

Для лиц, обнаруживающих высокие показатели по шкале конструктивной агрессии, характерны активность, инициативность, открытость, коммуникабельность, креативность.

Они способны к конструктивному преодолению трудностей и межличностных конфликтов, в достаточной степени выделяют собственные

главные цели и интересы и безбоязненно отстаивают их в конструктивном взаимодействии с окружающими.

Их активность даже в конфронтационных ситуациях учитывает интересы партнеров, поэтому они, как правило, умеют достигать компромиссных решений без ущерба для личностно-значимых целей, т. е. без ущерба для собственной идентичности».

Возникает вопрос — есть ли в этом описании хоть какой-то намек на агрессию? Неужели собственное развитие и обучение, любознательность, установление продуктивных межличностных контактов — это агрессия?

А что агрессивного в следующем определении конструктивной агрессии, приводимом Е. В. Хохловой (2008): «...это сознательная активность человека в направлении достижения поставленных целей»? Конечно, стремясь достичь цели, человек может проявлять агрессию, насилие, но разве это обязательно?

«*Деструктивная агрессия* понимается как реактивное переформирование изначально конструктивной агрессии вследствие особых неблагоприятных условий в первичной группе, родительской семье, другими словами, в поведении деструктивная агрессия проявляется склонностью к разрушению контактов и отношений, в деструктивных поступках вплоть до неожиданных прорывов насилия, тенденцией к вербальному выражению гнева и ярости, разрушительными действиями или фантазиями, стремлением к силовому решению проблем, приверженностью к деструктивным идеологиям, склонностью к обесцениванию (эмоциональному и мыслительному) других людей и межличностных отношений, мстительностью, цинизмом».

Данное описание соответствует общераспространенному пониманию агрессии как поведению, направленному на причинение вреда какому-либо объекту.

Посмотрим теперь, что Г. Аммон пишет о *дефицитарной агрессии*: «*Дефицитарная агрессия* понимается как ранний запрет на реализацию имеющегося потенциала активности, поиска объекта и взаимодействия с ним.

По сути, речь идет о более глубоком расстройстве центральной Я-функции.

Это расстройство проявляется в виде недоразвития Я-функции агрессии, т. е. в неиспользованности изначально заданной конструктивной

предрасположенности к активному, игровому манипулированию предметным миром...

В поведении дефицитарная агрессия проявляется в неспособности к установлению межличностных контактов, теплых человеческих отношений, в снижении предметной активности, в сужении круга интересов, в избегании каких-либо конфронтаций, конфликтов, дискуссий и ситуаций “соперничества”, в склонности жертвовать собственными интересами, целями и планами, а также в неспособности брать на себя какую-либо ответственность и принимать решения.

При выраженной дефицитарной агрессии существенно затруднена возможность открыто проявлять свои эмоции, чувства и переживания, претензии и предпочтения.

Недостаток активности в какой-то мере обычно субъективно компенсируется нереалистическими фантазиями, несбыточными планами и мечтами.

В эмоциональных переживаниях на передний план выступают чувства собственного бессилия, некомпетентности и ненужности, ощущение пустоты и одиночества, покинутости и скуки.

Для лиц, обнаруживающих высокие показатели по шкале дефицитарной агрессии, характерны пассивная жизненная позиция, отчуждение собственных планов, интересов и потребностей.

Они склонны откладывать принятие решений и не способны прикладывать сколько-нибудь значительные усилия для достижения поставленных целей.

В межличностных ситуациях, как правило, наблюдаются уступчивость, зависимость и стремление к избеганию каких-либо противоречий, ситуаций столкновений интересов и потребностей».

Такая характеристика поведения скорее напоминает выученную беспомощность, а не агрессию. Кроме того, трудно понять, что имеется в виду, когда говорится о Я-функции агрессии.

Впрочем, дефицитарная агрессия понимается по-разному. Некоторые авторы видят в ней недостаток и ущербность враждебных стратегий поведения при неоспоримом проявлении агрессии. Например, тот же Аммон (1995) определяет ее как враждебное поведение, связанное с дефицитом соответствующих поведенческих навыков и недостаточным проявлением

агрессивных побуждений. Таким образом, агрессия реализуется, но посредством ограниченного арсенала поведенческих навыков, например «когда провоцируют молчанием или делают вид, что не замечают тебя».

По-другому подходит к расмотрению конструктивности агрессии Т. В. Левкова (2003). Она рассматривает агрессию как дуалистический феномен, включающий деструктивную и конструктивную составляющие. Это весьма смелое заявление. Когда человека грабят на улице или избивают, что в этом конструктивного?

В качестве конструктивной составляющей агрессии автор рассматривает ассертивность (кстати, это имеет место не только у Т. В. Левковой[1], но и у Е. В. Хохловой, 2008), и это тоже вызывает вопросы. «Ассертивность» — термин, заимствованный из английского языка, где он выступает производным от глагола assert — «настаивать на своем, отстаивать свои права». Однако отстаивать свои права не означает принуждать другого, наносить ему вред[2]. Не случайно, характеризуя ассертивность, авторы говорят о необходимости демонстрировать позитивность и уважение к другим, стремление к компромиссам. Кроме того, ассертивность характеризуется и как способность человека не зависеть от внешних влияний и оценок, самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него. Из сказанного не видно наличие в ассертивности признаков агрессии. Наоборот, при ее характеристике подчеркивается, что она занимает промежуточное положение между пассивным и агрессивным поведением. Если агрессор руководствуется принципом: «Ты мне должен, потому что я сильнее», то ассертивное поведение (assertiveness) опирается на кардинально иной принцип: «Я тебе ничего не должен, и ты мне ничего не должен, мы партнеры».

Таким образом, ассертивное поведение скорее можно рассматривать как миролюбивое, а не агрессивное, хотя оно и связано с активной позицией человека. Ведь Е. В. Хохлова пишет, что мировоззренческой основой понимания ассертивности является философия ненасилия.

---

[1] Е. В. Хохлова (2008) тоже делает весьма смелые, но мало обоснованные заявления, когда пишет: «Рассматривая агрессивность с позиции активности личности, мы полагаемся на идеи экзистенциальной психологии о свободе и личностном росте человека, что позволяет нам рассматривать агрессивность как качество, без которого стремление человека к росту и развитию невозможно». Выходит, что развитие человека возможно только из-под палки?

[2] Часто школьники и их родители подают апелляцию на заниженную оценку по ЕГЭ. Или сотрудник идет в бухгалтерию выяснить, почему ему мало заплатили в этом месяце. В обоих случаях отстаиваются свои права. Но где здесь агрессия, где стремление нанести вред другим в случае удовлетворения их жалобы?

Впрочем, запутанность этого вопроса видна и в следующем утверждении Е. В. Хохловой: «Нравственная оценка агрессии с позиции философии ненасилия позволит нам *отделить ассертивность от конструктивной агрессивности*» (выделено мной. — *Е. И.*). Выходит, что ассертивность не является проявлением конструктивной агрессивности. В то же время первая глава ее диссертации называется «Конструктивная агрессивность как основная характеристика ассертивности». Из этого должно вроде бы следовать, что они неразделимы, как, например, качество и цвет ткани неотделимы от ее субстанции. Еще одно обстоятельство, запутывающее вопрос, — это то, что автор вместо слова «агрессия» говорит об агрессивности. Но агрессивность — свойство личности, которое не может быть ни конструктивным, ни деструктивным. Таковым может быть только агрессия (агрессивное поведение).

Итак, если выделение конструктивной (положительной по Н. Д. Левитову, 1972) и деструктивной (враждебной, захватнической) агрессии имеет смысл, то выделение дефицитарного вида агрессии у меня вызывает большие сомнения.

Негативная и позитивная агрессия

Возможен еще один подход к выделению видов агрессии, связанный с ее целью и последствиями, — приносит ли она вред или пользу объекту агрессивного поведения. Во многом это определяется отношением к объекту агрессии — враждебным или позитивным (но не восприятием ее как положительной самим объектом — Е. П. Ильин (2008)). Позитивная и негативная агрессия рассматриваются чаще всего в аспекте конструктивного и деструктивного агрессивного поведения. Однако в связи с нечеткостью определения того и другого и признания того факта, что любая агрессия по сути конструктивна, так как преследует достижение определенной цели, трудно аналогизировать позитивную агрессию с конструктивной (в противовес негативной агрессии, которая всегда деструктивна).

Следует отметить, что рассмотрение агрессии как позитивного феномена возможно и вследствие происхождения этого слова[1]. Первоначально слова «быть агрессивным» означали нечто вроде «двигаться в направлении

[1] Значение слова «агрессия» в его корневом варианте aggredi происходит от adgradi (gradus — «шаг», ad — «на»), т. е. получается в буквальном смысле «двигаться на» или «наступать».

цели без промедления, без страха и сомнения» и лишь в дальнейшем стали отражать враждебное отношение к кому-либо.

Среди отечественных психологов первым стал говорить о положительной агрессии Н. Д. Левитов (1972). Так, он писал: «В некоторых случаях об агрессивных действиях говорят как об энергично наступательных и дают им положительную оценку. Это обычно делается, когда речь идет о спортивных состязаниях: отсутствие у команды спортивной “злости” или агрессивности оценивается как существенный недостаток. Однако “положительная” агрессия является скорее исключением, имеющим место в узкой специальной сфере» (1972, с. 168). Насчет узости проявления конструктивной агрессии позволю себе не согласиться с Н. Д. Левитовым. Конструктивная агрессия, т. е. имеющая созидательную цель, используется в виде принуждения при воспитании и обучении детей в семье и образовательных учреждениях. Не будь ее, думаю, что половина детей в настоящее время просто не получила бы школьного образования. Да и многие социальные запреты, являясь, по своей сути, насилием, способствуют сохранению здоровья и жизни людей, т. е. играют положительную роль.

Об агрессивном поведении, направленном на преодоление препятствий без намерения причинить вред другому человеку (относя его к конструктивной агрессии), пишут многие авторы (Т. В. Левкова (2003); Р. Мэй (2001); Е. В. Ольшанская (2000); Е. Г. Шестакова (2011); Feshbach (1971); Felson (2002); Rocha, Rogers (1976)).

Р. Мэй (2001) пишет, что природа агрессии двулика, как Янус, что можно видеть из латинского корня этого слова «aggredi», который означает «идти вперед, приближаться». Это может означать «подходить к комунибудь за советом или рекомендацией» или «идти против», «действовать с намерением причинить боль». Аналогично Е. Г. Шестакова говорит о бимодальности агрессивности (надо бы — агрессии! Опять эта вечная путаница двух понятий, разделение которых признает сама исследовательница! Не случайно же автор выявила два самостоятельных фактора, один из которых связан с видами агрессии, а другой — с показателями агрессивности). Однако и с тем и с другим автором нельзя согласиться, если речь идет о *природе* агрессии. Когда мы говорим о положительной и отрицательной агрессии, то имеем в виду не ее природу, сущность, а ее *роль* при использовании во взаимодействии с другим объектом — направлена ли она на вред или пользу ему. Природа же агрессии всегда одна — насильственная.

Другие подходы к выделению видов агрессии

Специфика изучаемых объектов накладывает отпечаток на выделение разных видов агрессивного поведения. Так, на основании изучения соотношения и роли личностных и ситуационных факторов в детерминации преступных агрессивно-насильственных действий Л. П. Конышева (1990) выделила такие виды агрессии, как экспрессивный, псевдоморальный, «инфантильно обусловленный», и показала, что они различаются по структуре, динамике, смысловому наполнению в зависимости от побуждающих мотивов.

Экспрессивный тип агрессии провоцируется поведением жертвы. Он характерен для лиц с неустойчивостью мотивационно-ценностной структуры. Криминальные действия при этом виде агрессии осуществлялись без учета требований ситуации и носили импульсивный характер.

Псевдоморальный тип агрессии носит планомерный, опосредованный характер. Он характерен для лиц, отличающихся суженностью смысловой сферы, ригидностью, тугоподвижностью системы мотивов, стремлением к доминированию. Их конфликт с жертвой, как правило, носит затяжной характер и обусловлен противоречием ценностей.

Агрессию, совершаемую по собственной инициативе, без провокации со стороны жертвы, продуманную, заранее спланированную, по наблюдениям Л. П. Конышевой, совершают три различные категории лиц. Первые действуют из жестоких побуждений (по обозначению автора — «садистический вид агрессии»); вторые — по мотивам «социопатической молодежной самоактуализации», а третьи — по мотивам «группового самоутверждения». У всех этих лиц имела место деформация системы ценностных ориентаций.

Инфантильно обусловленный тип агрессии характеризуется активной ролью, инициативой преступника в конфликте. Действия его носят ситуативный характер, заранее не планируются. Такого рода криминальные деяния совершаются либо субъектами с недостаточной зрелостью личности, слабо иерархизированной мотивационной сферой, либо людьми, склонными к антисоциальным способам самоутверждения, в ситуациях, угрожающих их статусу. В таких случаях можно говорить о «демонстративной агрессии».

И. А. Фурманов (1996) при изучении детской агрессивности выделяет две формы: социализированную и несоциализированную.

Социализированная агрессия. Дети обычно не имеют психических нарушений, у них низкий моральный и волевой уровень регуляции поведения, нравственная нестабильность, игнорирование социальных норм, слабый самоконтроль. Они обычно используют агрессию для привлечения внимания, чрезмерно ярко выражают свои агрессивные эмоции. Такое поведение направлено на получение эмоционального отклика от других или отражает стремление к контактам со сверстниками. Добиваясь внимания от окружающих, дети сразу успокаиваются и прекращают проявление агрессивных реакций.

Несоциализированная агрессия. Если страдают различного рода психическими расстройствами, которые сопровождаются отрицательными эмоциями, то враждебность может возникать либо спонтанно, либо быть реакцией на психотравмирующую или стрессовую ситуацию. Личностными характеристиками таких детей являются высокая тревожность, эмоциональная напряженность, склонность к возбуждению и импульсивному поведению.

В реальном поведении разные виды агрессии могут сочетаться друг с другом; например, физическая агрессия, так же как и вербальная агрессия, может быть прямой и косвенной. Кроме того, они могут носить враждебный или инструментальный характер, направленный на других или на себя.

В связи с этим нужно отметить некоторую нелогичность классификации видов агрессии, предложенную Бассом и Дарки. Они выделяют помимо вербальной и физической агрессии третий самостоятельный вид агрессивного поведения — косвенную агрессию, не деля ее на вербальную и физическую (первая выражается в ругани про себя, в скандале с близкими людьми, не имеющими никакого отношения к конфликтной ситуации; вторая выражается в хлопаньи дверью при уходе, в стучании кулаком по столу, в бросании (швырянии) предметов и т. д.). Целесообразность их выделения и самостоятельного изучения подтверждается, по данным П. А. Ковалева (1996), тем, что, во-первых, они имеют различную степень проявления (или склонности к проявлению): косвенная вербальная агрессия выражена вдвое чаще, чем косвенная физическая агрессия; кроме того, у мужчин больше всего выражена прямая физическая агрессия, а у женщин — косвенная вербальная агрессия (что существенно уточняет имеющиеся в литературе данные о большей агрессивности мужчин по сравнению с женщинами); во-вторых, показатели косвенной вербальной агрессии, как правило, не коррелируют

на значимом уровне с показателями остальных видов агрессии, в то время как показатели косвенной физической агрессии, как правило, обнаруживают достоверные связи с показателями других видов агрессии (прямой вербальной и прямой физической агрессии).

В то же время достоверные корреляции между суммарными показателями вербальной и физической агрессии, с одной стороны, и суммарными показателями прямой и косвенной агрессии — с другой, свидетельствуют о том, что у них есть что-то общее, и поэтому можно говорить об агрессивном поведении как комплексном психологическом феномене. Однако при этом не следует путать агрессивное поведение со склонностью к нему (агрессивностью как личностным свойством) и с другими личностными характеристиками, облегчающими или затрудняющими формирование мотива агрессивного поведения (например, конфликтностью), как это делают многие зарубежные и отечественные авторы. Это приводит к тому, что в опросники на агрессивность включаются и вопросы, относящиеся к конфликтности, а в опросники на конфликтность входят вопросы, связанные с агрессивным поведением.

Патологическая агрессия. Помимо агрессии, проявляемой «в норме», т. е. людьми без психических отклонений, в психиатрии и клинической психологии рассматривается и патологическая агрессия. Так, Ю. Б. Можгинский (1999) выделяет два вида патологической агрессии — психотическую и трансформированную. Психотическая агрессия совершается под действием галлюцинаций и бреда, характеризуется нелепостью разрушительных поступков. Жестокое поведение при трансформированной агрессии первоначально адекватно сложившейся ситуации, но в какой-то момент трансформируется в агрессивно-патологические действия с признаками немотивированного садистского насилия. Она чаще всего проявляется как патологическая компенсация ущербности и обиды, как результат длительного стресса и глубинного кризиса личности.

1.2. Так что же такое агрессия?

Имеется много различных определений агрессии. Зильманн (Zillmann, 1979) ограничивает употребление термина «агрессия» попыткой нанесения другим телесных или физических повреждений.

Басс (Buss, 1961) смотрит на агрессию более широко. Для него агрессия — это любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим.

Однако это определение дает основание относить к агрессии и случайное нанесение физического ущерба другому лицу, с чем трудно согласиться.

Поэтому определение, предложенное другими исследователями (Berkowitz, 1974, 1981; Feshbach, 1970), вносит как существенное ограничение в понимание агрессии, так и существенное дополнение, а именно: чтобы те или иные действия были квалифицированы как агрессия, они должны включать в себя *намерение* причинить другому лицу ущерб или оскорбление, а не просто приводить к таким последствиям из-за случайного стечения обстоятельств. По Э. Фромму, под агрессией понимаются действия, причиняющие ущерб не только человеку или животному, но и вообще любому неживому объекту. Такое же понимание агрессии дается и в других работах: «Агрессия — целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным или неодушевленным), причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. д.»[1].

Поэтому агрессией следует считать и проявления вандализма.

Ряд авторов обязательным признаком агрессии считают оскорбление или причинение вреда лишь *другому живому существу*, не желающему подобного обращения (Бэрон и Ричардсон, 2001, с. 30). Но тогда агрессией нельзя считать самонаказания и суициды (аутоагрессию) — они ведь не направлены на другого; нельзя отнести к агрессии и ломание предметов, т. е. вандализм. Именно так и считают Бэрон и Ричардсон (2001): «При всей очевидности того, что люди часто теряют контроль над собой, что-то разбивают или наносят удары по различным неодушевленным предметам, например по мебели, посуде, стенам, подобное поведение не может рассматриваться как агрессивное до тех пор, пока не будет причинен вред живому существу.

То же самое относится и к самоубийству. Здесь агрессор выступает в роли собственной жертвы. Поэтому подобные действия не могут быть классифицированы как агрессия» (с. 30). «Иные родители шлепают своих детей, чтобы те ощутили дискомфорт. Однако нет особого смысла квалифицировать эти действия как агрессию: в конце концов, они осуществляются ради какой бы то ни было пользы. Ввиду того что люди время от времени оскорбляют чувства других... представляется важным

[1] Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-н/Д: Феникс, 1999. С. 8.

отличать подобные действия от агрессии» (с. 28). Очевидно, что все перечисленные выше оговорки относятся только к одному виду агрессии (враждебной), не затрагивая другие, о чем пишут и сами авторы: «Мы ограничим использование термина “агрессия” сферой явно злонамеренного поведения», однако на самом деле при рассмотрении агрессии они все же вышли за установленные границы, что подчас создает путаницу в их рассуждениях.

Р. Фрэнкин (2003) отмечает, что в повседневной жизни слово «агрессия» используется не только для социально неприемлемого поведения, но и для социально приемлемого поведения, относя к последнему конкурентную борьбу или стремление спортсмена стать лидером в команде. Кроме того, к агрессии он относит подначивание к спору, а также поведение автомобилиста, сигналящего медленно едущим машинам. Что же объединяет, по Р. Фрэнкину, все эти случаи? В качестве такого знаменателя автор считает стремление человека контролировать поведение других. Отсюда он определяет агрессию как «готовность к физическим и психологическим действиям, направленным на причинение вреда другим людям, чтобы контролировать их поведение» (с. 365). Действительно, угроза потерять власть (родителями над детьми, диктаторами над народом) может приводить к агрессии. Однако ограниченность этого определения понимает и сам Р. Фрэнкин, так как пишет, что данное определение не подходит для случаев неспровоцированной агрессии (мне кажется, что как раз именно для этих случаев оно больше всего и подходит, например, для случаев принуждения), случайных актов насилия (здесь автор противоречит сам себе, так как несколькими страницами выше случайное причинение вреда он справедливо к агрессии не относил) и вандализма. С другой стороны, вряд ли оправдана обязательная привязка агрессии к контролю за поведением других (Р. Фрэнкин пишет, что «ключевой мотивацией агрессии является стремление обрести контроль над поведением других людей» (с. 365)). Вандализм не связан с контролем над поведением других людей и убийства из мести в состоянии аффекта тоже.

С. В. Ардашева с соавт. (2003), Г. П. Ярмоленко (2003, 2004) определяют агрессию как целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт.

Как видим, во всех определениях агрессии упор делается на причинении вреда или ущерба кому-либо или чему-либо. Н. Д. Левитов (1972),

например, категорично утверждал, что «агрессивные действия всегда вредоносны» (с. 168), что исключает из этого понятия конструктивную (проактивную, положительную) агрессию, связанную с получением *полезного результата* как для агрессора, так и для его жертвы (например, в педагогическом процессе). А последнее связано с принуждением (насилием), т. е. с агрессией. Как видим, дать адекватное определение агрессии не так просто.

Чтобы охватить различные виды и формы агрессии, нужно дать какое-то обобщающее ее определение. Мне представляется, что в кратком виде таковым могло бы быть следующее определение: *агрессия — это намеренное насильственное воздействие субъекта (субъектов) на живой или неживой объект, имеющее целью изменить его статус-кво (т. е. текущее, существующее положение дел, физическое или психическое состояние).*

Необходимо дать пояснения к этому определению, касающиеся частностей. Первое: что значит насильственно изменить статус-кво: 1) это заставить кого-то сделать что-то вопреки его желанию: отдать что-то, уйти или остаться, выполнить требование или задание, почувствовать психологический дискомфорт, действовать не так, как задумано, и т. д. или 2) уничтожить или повредить какие-либо неживые объекты из хулиганских или других антиобщественных побуждений.

Второе: я намеренно не говорю в определении о последствиях агрессии, так как они могут быть для ее жертвы как отрицательными, так и положительными. Я не раскрываю в определении, кто является жертвой агрессии: ею может быть как другой человек (другие), так и сам субъект. В определении ничего не говорится о причинах агрессии, поскольку она может как вызываться враждебным отношением к кому-либо, так и возникнуть без него (например, голодный отнимает хлеб у прохожего без всякого чувства вражды к нему, а потому, что хочет есть; или родитель наказывает свое дитя за непослушание при любви к нему, желая воспитать его достойным и полезным для общества человеком, и т. д.). Многие агрессивные акты проистекают из чувства враждебности, но не всякая враждебность и не во всех случаях проявляется как открытая агрессия.

Может возникнуть впечатление, что в это определение, впрочем, как и в прежние, не вписывается косвенная агрессия. Ведь от того, что от злости я что-то сломаю или наговорю за глаза всякие пакости о N, тому, как говорят, будет «ни тепло и ни холодно». Однако если вдуматься, то косвенное выражение агрессии тоже может привести к изменению

статус-кво жертвы. Сплетничание — это очернение человека в глазах других, изменение у других отношения к жертве, которое приведет к изменению ее взаимоотношений с окружением. Про битье посуды и прочие выражения гнева на глазах у жертвы много говорить не надо. Это элементарное замещение одного объекта (жертвы), на другой, ни в чем не повинный, для отрегулирования состояния злости, гнева («спускание пара»).

Н. Д. Левитов (1972), а вслед за ним и В. К. Сафонов (2003) рассматривают агрессию как состояние. Статья Н. Д. Левитова называется «Психическое состояние агрессии», однако обоснованию агрессии как состояния в ней уделено немного места. В соответствии со сложившейся в отечественной психологии традицией Н. Д. Левитов выделяет в этом состоянии три компонента: познавательный, эмоциональный и волевой. Познавательный компонент заключается в ориентировке в ситуации, выделении объекта для нападения и выборе «наступательных» средств. Эмоциональный компонент (чаще всего — гнев) сопровождает, по Н. Д. Левитову, все этапы агрессивного состояния — при подготовке агрессии, в процессе ее осуществления и при оценке ее результатов. При этом он выступает против отожествления эмоции гнева с агрессивным состоянием. Необходимость волевого компонента в агрессивном состоянии автор обосновывает тем, что это состояние часто возникает и развивается в борьбе, а всякая борьба требует проявления волевых качеств.

Эти представления Н. Д. Левитова об агрессивном состоянии вызывают много вопросов и не лишены противоречий. Начну с утверждения автора, что указанные компоненты могут сочетаться самым разнообразным образом. Как это понимать? Следует ли считать, что при одном агрессивном состоянии могут быть одни компоненты, а при другом — другие? Если да, то агрессивное состояние не обязательно должно быть трехкомпонентным? Разъяснений по этому поводу Н. Д. Левитов не дает.

Далее. Не ясны соотношения между агрессивным состоянием и агрессией, потому что автор не объясняет, что он понимает под психическим состоянием. Если подготовка, осуществление и оценка результата агрессии являются этапами агрессивного состояния, то чем эти этапы отличаются от стадий осуществления агрессивного поведения?

С одной стороны, Н. Д. Левитов пишет, обосновывая наличие в агрессивном состоянии волевого компонента: «В агрессивном действии (действии, а не состоянии! — *Е. И.*) имеются все формальные качества воли:

целеустремленность, настойчивость, решительность, в ряде случаев инициативность и смелость» (с. 169), — и тут же утверждает, что «если с формальной стороны агрессивное состояние является волевым актом, то было бы совсем неверно относить его к проявлениям силы воли» (с. 170). Спрашивается, в чем же проявляется сила воли, как не в перечисленных им самим волевых качествах?

Если подвести итог, то можно сказать, что попытка рассмотреть агрессию как состояние Н. Д. Левитову не очень удалась. Такой подход еще больше запутывает и без того сложный вопрос в понимании сущности агрессии. Более логично было бы говорить не об агрессивном состоянии, а о наличии в акте агрессии мотивационного состояния (напряжения побуждения, желания проявить агрессию) и во многих случаях эмоционального агрессивного (злости, гнева, ярости) состояния и состояния катарсиса (облегчения, разрядки напряжения)[1]. Однако при этом следует учитывать, что акт агрессии не сводится к этим состояниям.

В. К. Сафонов (2003), говоря об агрессии как психическом состоянии, не дает обоснования своей позиции, делая лишь ссылки на мнение других ученых. Создается впечатление, что привязка им агрессии к психическому состоянию — это тактическая уловка, чтобы иметь возможность порассуждать в своей книге о своей любимой теме — о состояниях вообще, доказательством чему является наличие главы 2, выглядящей инородным телом в структуре его монографии.

1.3. Мотивация агрессивного поведения человека

Дж. Каган (Kagan, 1969) справедливо утверждал, что для суждения о любом акте как агрессивном нужно знать его мотивы и то, как он переживается, а Фешбах (Feshbach, 1964) настаивал на включении мотивационных факторов в определение агрессии. Поэтому изучение мотивов агрессивного поведения в последние годы все больше привлекает внимание психологов, а если оно выливается в преступное поведение, то и криминалистов.

---

[1] Ряд ученых отрицают катарсическую роль агрессивного поведения. Стагнер (Stagner, 1924) предположил, что при привычной враждебности агрессивное поведение никакого катарсического действия не имеет. Басс (Buss, 1961) отмечает, что если агрессия сопровождается гневом, то она может привести к катарсису, а если не сопровождается, то, наоборот, от своей реализации только усиливается.

Формирование мотива агрессивного поведения, с моей точки зрения, может быть представлено следующим образом (рис. 1.1).

Все начинается с возникновения конфликтной (при общении) или фрустрирующей (при деятельности) ситуации, играющих роль внешнего стимула. Кстати, в зарубежных теориях мотивации конфликтность не упоминается при рассмотрении агрессивного поведения, хотя в методиках изучения агрессивности (с помощью опросников) изучается и конфликтность.

Однако возникновение этих ситуаций еще не свидетельствует о возникновении у человека состояний конфликта или фрустрации. Так, для возникновения состояния конфликта необходимо, чтобы столкновение мнений, желаний, интересов, целей между общающимися, во-первых, было осознано субъектами как таковое; во-вторых, необходимо, чтобы субъекты общения не захотели пойти на компромисс, и, в-третьих, чтобы между ними возникли взаимные неприязненные отношения — враждебность (или по крайней мере у одного из них). В этом отношении я солидарен с мнением Н. В. Гришиной (1995), относящей к конфликту не всякое разногласие и называющей не отягощенные эмоциональным напряжением и «выяснением отношений» разногласия столкновением позиций или предметно-деловым разногласием. Если это не учитывать, тогда любая дискуссия, протекающая мирно и спокойно, может быть отнесена к агрессивному поведению.

В то же время в процессе любого обсуждения «скрыта искра» конфликта, но, чтобы «из искры возгорелось пламя», нужны определенные провоцирующие условия, в качестве которых могут выступать как внешние объекты (поведение оппонента, давление со стороны других людей), так и определенные черты субъекта: обидчивость, вспыльчивость, заносчивость, «ершистость» (характеризующие его «возбудимость», «конфликтность»), подозрительность, нетерпимость к возражениям, неуступчивость. Они создают предрасположенность субъекта к возникновению состояния конфликта.

Именно такие субъекты сами могут способствовать перерастанию конфликтной ситуации в конфликт. Кроме «возбудимости» на возникновение агрессивного поведения, как показал А. А. Реан (1996), влияет и такая особенность личности (характера), как «демонстративность». Демонстративная личность постоянно стремится произвести впечатление на других, привлечь к себе внимание. Это реализуется в тщеславном поведении, часто нарочито демонстративном. Очевидно, именно

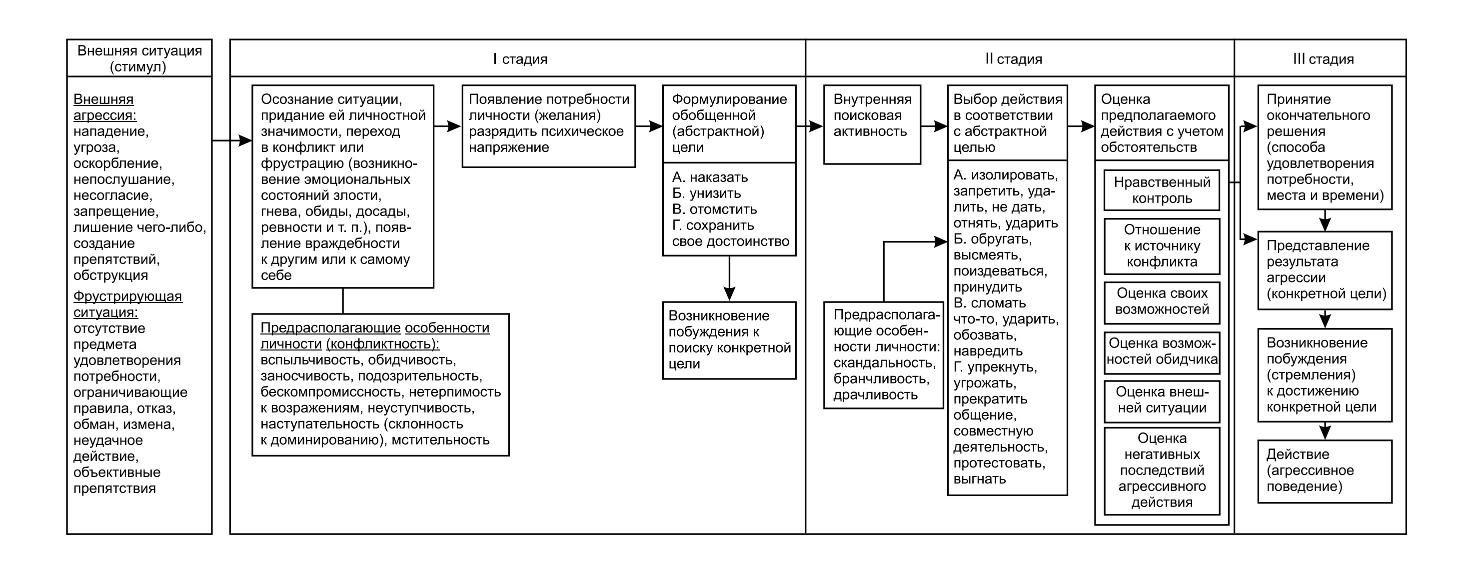

Рис. 1.1. Схема мотивации агрессивного поведения

чрезмерное тщеславие и приводит к обидчивости, заносчивости, роль которых для возникновения агрессивного поведения, как было отмечено выше, значительна.

Возникновение конфликта может зависеть и от партнера по общению, который проявляет по отношению к субъекту вербальную или физическую агрессию (отказывая в просьбе, запрещая, угрожая, выражая несогласие в оскорбительной форме, не пуская, выгоняя, приставая, нападая и т. д.). Все это вызывает у субъекта определенные отрицательные состояния — досаду, обиду, злость, негодование, гнев, ярость, с появлением которых и начинается формирование мотива агрессивного поведения. Переживание этих состояний приводит к возникновению потребности (желания) субъекта общения устранить психическое напряжение, разрядить его. Эта потребность ведет к формированию пока абстрактной цели: что надо сделать, чтобы удовлетворить возникшее желание наказать обидчика, устранить его как источник конфликта, унизить, навредить, найти способ сохранения чувства собственного достоинства (см. первую стадию мотивации агрессивного поведения, рис. 1.1). Во многом выбор этой абстрактной цели будет определяться как внешними обстоятельствами, так и опытом, воспитанностью человека, которые уже на этом этапе могут блокировать прямое агрессивное поведение (как вербальное, так и физическое), переведя его в косвенно-агрессивное.

Возникновение намерения наказать, отомстить и т. п. ведет к поиску конкретного пути и средства достижения намеченной абстрактной цели. С этого момента начинается вторая стадия формирования мотива агрессивного поведения, субъект рассматривает конкретные агрессивные действия, выбор которых зависит от оценки ситуации и его возможностей, отношения к источнику конфликта, установки на разрешение конфликтов. Здесь на принятие решения могут оказать влияние такие качества субъекта, как драчливость, скандальность.

В случае решения наказать обидчика субъект может выбрать следующее: ударить, отнять что-то, изолировать от других людей, не дать, не пустить куда-то, запретить, не разрешить, выгнать. При решении унизить обидчика выбор средств тоже достаточно большой: высмеять, поиздеваться, обругать, принудить что-то сделать вопреки его воле. Отомстить тоже можно разными способами: навредить в чем-то, сломать нужную обидчику вещь, распространить о нем сплетню и т. д.

Пропустив все эти способы через «внутренний фильтр», субъект переходит к третьей стадии формирования мотива агрессивного поведения: формированию намерения осуществить конкретное агрессивное действие в отношении того или иного объекта (не обязательно в отношении обидчика: зло можно сорвать и на ком-нибудь другом). На этой стадии осуществляется выбор конкретного агрессивного действия, т. е. принимается решение. Принятие решения приводит к возникновению побуждения достичь цели. На этом процесс формирования мотива агрессивного поведения заканчивается. Его итогом является образование сложного психологического комплекса, в который входят потребность (желание) личности отреагировать на конфликтную ситуацию (например, на агрессивность другого лица), способ и средство этого реагирования и обоснование, почему выбраны именно они. Таким образом, у субъекта появляется основание агрессивного поведения, которое объясняет, почему он пришел к пониманию необходимости такого поведения (что побудило), чего он хочет достичь (какова цель), каким способом и, может быть, — ради кого. Это основание в ряде случаев может выполнять и роль «индульгенции», оправдывающей и разрешающей совершить внешне неблаговидный поступок.

Конечно, не всегда мотив агрессивного поведения формируется так сложно, мотивационный процесс может быть свернутым, особенно за счет второй стадии. Некоторые люди привыкли в определенных конфликтных ситуациях реагировать присущим им стереотипным способом: драться, ругаться (дети — плеваться). У них может не возникать особых сомнений, как реагировать на внешнюю агрессию.

Мотивом агрессии может быть групповая солидарность. Побуждаемая им агрессия направлена на получение одобрения со стороны референтной группы для завоевания в ней желаемого статуса, иногда она реализуется под влиянием фактора группового давления (О. Д. Ситковская, 1990).

Итак, агрессивное поведение вызывается не просто комплексом различных внешних и внутренних факторов, а их системой, которая реализуется в процессе формирования мотива (мотивации). Рассмотрение этой системы позволяет объединить различные теории мотивации агрессивного поведения в единую концепцию, учитывающую роль и внешних факторов (фрустрационной ситуации, конфликтной ситуации), и внутренних (чувствительность субъекта к этим ситуациям, наличие опыта — научения и т. п.).

1.4. Факторы окружающей среды, провоцирующие агрессию

Каждому человеку известно, что когда он раздражен, он становится более агрессивным. Самый простой пример — проявление им физической или вербальной агрессии, когда он ударит по пальцу молотком, забивая гвоздь, или когда у него мигрень. Конкретных причин раздраженности может быть много, но все они объединяются одним — наличием дискомфорта. Основными факторами дискомфорта, изученными психологами в связи с агрессивным поведением человека, являются боль, жара и теснота, хотя провоцирующими могут быть и другие факторы внешней среды — табачный дым, неприятные запахи, загазованность и прочее (Rotton, Frey, 1985).

Влияние боли на агрессивное поведение изучено в основном на животных (Azrin, 1967), так как подобные эксперименты на людях считаются неэтичными. Правда, Берковиц с коллегами все же проделали эксперимент, в котором испытуемых-студентов заставляли держать руку в холодной воде до появления боли (ломоты). Испытуемые потом говорили, что они становились взвинченными и готовы были с руганью наброситься на другого участника эксперимента (Berkowitz, 1983, 1989).

Жара, как показано в ряде экспериментов (Anderson et al. (1999); Griffitt (1970); Griffitt, Veitch (1971)), приводит к повышению агрессии. В эксперименте Гриффитта испытуемые, заполнявшие опросники в комнате с комфортной температурой, чувствовали себя менее уставшими и агрессивными, чем те, кто находился в помещении с температурой выше 32 градусов. Подтверждением этому, пишет Д. Майерс (2004), является рост насильственных преступлений и актов гражданского неповиновения в жаркую погоду.

В отношении тесноты и ее влияния на агрессивное поведение людей и экспериментов проводить не надо. Достаточно приглядеться к поведению людей в транспорте в часы пик.

Л. Берковиц считает, что насилие проявляется лишь в том случае, когда присутствуют соответствующие стимулы окружающей среды, провоцирующие злость. Причем, по его словам, стимул приобретает агрессивное значение, если оказывается связанным с пережитыми ранее дискомфортом и болью. Затем данные стимулы могут и в дальнейшем

склонять к агрессивным действиям индивидуумов, которые ранее были спровоцированы или фрустрированы.

Л. Берковиц утверждает, что в ряде случаев роль посылов к агрессии могут играть люди с определенными чертами характера или с определенной внешностью, притягивающие насильников, а также физические объекты, созданные для демонстрации насилия, — холодное или огнестрельное оружие. Он полагает, что люди с физическими отклонениями в каком-то смысле обречены притягивать к себе страдания и становиться объектом проявления к ним враждебности со стороны общества, поскольку сам их дефект или болезнь, ассоциирующиеся со страданием и болью, способны спровоцировать людей, предрасположенных к агрессии, на манифестацию специфических действий насильственного характера, когда проявляется «комплекс Квазимодо».

1.5. Отношение людей к различным видам агрессии

В целом отношение людей к агрессии отрицательное, однако к разным ее видам оно разное, что определяется имеющимися в общественном сознании эталонами про- и антисоциального поведения. Рул (Rule, 1974) показал это в одном из экспериментов. Испытуемые (16–17-летние школьники) должны были прочитать «показания» человека, в которых говорилось о трех случаях физической агрессии человека, связанных с потерей кошелька, и высказаться, является ли эта агрессия правомерной и заслуживает ли наказания. В первом случае рассказчик вступал в физическое столкновение с бесчестным человеком, нашедшим кошелек, но не вернувшим его (просоциальная инструментальная агрессия). Во втором случае он отбирает кошелек и оставляет его себе (антисоциальная инструментальная агрессия). В третьем случае ударяет присвоившего кошелек человека, побуждаемый моральным негодованием (враждебная агрессия).

Ответы школьников показали, что более правомерной они считают просоциальную агрессию, а менее правомерной — антисоциальную инструментальную агрессию (табл. 1.2).

Имеются и половые различия в отношении к агрессии: женщины в отличие от мужчин, как правило, отрицательно относятся к прямой физической агрессии.

Таблица 1.2. Мнение о правомерности использования различных видов физической агрессии, баллов

Оценка	Агрессия		
	просоциальная	враждебная	антисоциальная
Правомерности	4,96	3,14	2,12
Заслуженности наказания	1,81	3,04	3,70

1.6. Является ли агрессивное поведение катарсисом?[1]

Распространено мнение, что агрессивное поведение является той отдушиной, которая снижает или вовсе снимает напряжение, возникающее при переживании человеком злости (гнева) или фрустрации. То есть возникает ощущение некоторого психического «очищения». Этой позиции придерживаются психиатры и психотерапевты (например, Перлз (Perls, 1973)), сторонники «гидравлической модели», согласно которой аккумулированная агрессивная энергия подобна воде, сдерживаемой запрудой, и, так же как она, стремится вырваться наружу.

Поверив в то, что человек освобождается от накопленной агрессивной энергии, совершая агрессивные действия или фантазируя, некоторые психотерапевты и руководители групп рекомендуют пациентам не копить в себе, а «сбрасывать» агрессивность: поколачивать друг друга банными губками или бить по кровати теннисными ракетками, издавая при этом «воинственные» кличи. Некоторые психологи советуют родителям подталкивать детей к тому, чтобы они сбрасывали напряжение в агрессивных играх…

В ходе проверки гипотезы катарсиса, выполненной Джеком Хокансоном и его коллегами, выяснилось: когда ее участникам разрешали ответить на провокацию, их возбуждение (оно оценивалось по артериальному давлению) действительно приходило быстрее в норму (Hokanson et al., 1961, 1962, 1966). Однако это успокаивающее влияние мести проявлялось только в определенных условиях: когда им предоставлялась

[1] Под катарсисом (греч. «очищение», «выздоровление») в современной психологии (в частности, в психоанализе, психодраме, телесно-ориентированной терапии) понимают индивидуальный или групповой процесс высвобождения психической энергии, эмоциональной разрядки, способствующей уменьшению или снятию тревоги, конфликта, фрустрации посредством их вербализации или телесной экспрессии, ведущих к лечебному эффекту.

возможность отомстить именно реальному провокатору, а не просто сорвать свою злость на ком-либо.

Майерс Д., 2004, с. 490, 491

В Японии в одном учреждении в пустом помещении установили муляж с изображением начальника, для того чтобы любой работник после конфликта с реальным начальником мог колотить битой этой муляж, чтобы выплеснуть свою злобу.

Однако имеются и противники точки зрения, что агрессия является катарсисом. К ним принадлежит и Д. Майерс, приводящий ряд исследований, подтверждающих его позицию. Однако приводимые им примеры не совсем адекватны. Рассмотрим один из примеров, где сотрудники учреждения могли вербально выразить свое недовольство начальством в связи с объявлением им о предстоящем увольнении (Ebbesen et al., 1975). Во-первых, это недовольство высказывалось посторонним лицам (исследователям), а не прямо начальнику. Во-вторых, факт возникновения враждебности при воспомнании об этой несправедливости начальства не должен вызывать удивления: ведь воспоминания оживляли негативные эмоции. Для катарсиса же здесь не было создано никаких условий.

Другое дело, что не всякая агрессия и насилие приводят к катарсису (например, сексуальное насилие), — Geen, Quanty, 1977. Однако это не значит, что следует вовсе отрицать роль агрессивного поведения в получении эффекта катарсиса.

ГЛАВА 2

Возрастно-половые особенности агрессивного поведения

2.1. Возрастные особенности агрессивного поведения

Лонгитюдные исследования показывают, что агрессивность, сложившаяся в детстве, остается устойчивой чертой и сохраняется на протяжении дальнейшей жизни человека (Olweus, 1977; Huesmann, 1984). Больше того, А. Басс и А. Дарки отмечают тенденцию нарастания отдельных видов агрессии по мере взросления подростков: физической, вербальной агрессии, негативизма. Однако у мальчиков и девочек возрастная динамика проявления агрессивных реакций носит различный характер. Например, у мальчиков с возрастом происходит затухание физической агрессии, тогда как у девочек наблюдается ее рост. Те же самые изменения происходят с вербальной агрессией.

Г. Р. Хузеева и Е. О. Смирнова (1996) описали феноменологию агрессивного поведения современных дошкольников. В результате наблюдений за свободным взаимодействием 115 дошкольников 5–6 лет (5 групп детских садов) были выявлены многочисленные и разнообразные формы агрессивного поведения. Наиболее часто у подавляющего большинства детей наблюдалась прямая и косвенная вербальная агрессия — от жалоб и агрессивных фантазий («Позвоню милиционеру, и он тебя в тюрьму

заберет») до прямых оскорблений («толстуха», «дурак», «ябеда и нытик»). У некоторых детей были зафиксированы случаи физической агрессии — как косвенной (разрушение продуктов деятельности другого, поломка чужих игрушек и пр.), так и прямой (дети били сверстников кулаком или палкой по голове, кусались и т. п.). Среди ситуаций, провоцирующих агрессивность детей, Г. Р. Хузеевой и Е. О. Смирновой выделены следующие:

- привлечение к себе внимания сверстников (мальчик вырывает книгу у девочки, разбрасывает игрушки и начинает громко лаять, изображая злую собаку, чем, естественно, привлекает к себе внимание);
- ущемление достоинств другого с целью подчеркнуть свое превосходство (заметив, что партнер расстроился из-за того, что у него не хватает деталей, мальчик кричит: «Ха-ха-ха, так тебе и надо, у тебя ничего не получится, ты плакса и нытик»);
- защита и месть (в ответ на «нападение» или насильственное изъятие игрушки дети отвечают яркими вспышками агрессии);
- стремление быть главным (например, после неудачной попытки занять первое место в строе мальчик отталкивает опередившего его друга, хватает за волосы и пытается стукнуть головой о стену);
- стремление получить желанный предмет (чтобы обладать нужной игрушкой, некоторые дети прибегали к прямому насилию над сверстниками).

Из этого перечня видно, что большинство проявлений агрессивного поведения наблюдается в ситуациях защиты своих интересов и отстаивания своего превосходства, когда агрессивные действия используются как средства достижения определенной цели. При получении желанной цели — будь то внимание сверстников или привлекательная игрушка — агрессивные действия прекращаются, что указывает на инструментальный или реактивный характер проявляемой большинством детей агрессии.

Однако у отдельных детей наблюдались агрессивные действия, не имеющие какой-либо цели и направленные исключительно на причинение вреда другому. Физическая боль или унижение сверстника вызывали у этих детей удовлетворение, а агрессия выступала при этом как самоцель. Такое поведение может свидетельствовать о склонности ребенка к враждебности и жестокости.

Выраженная склонность к агрессивности проявлялась в следующем:

- высокая частота агрессивных действий — в течение часа наблюдений дети демонстрировали не менее 4 актов, направленных на причинение вреда сверстникам, в то время как у других детей было зафиксировано не более одного;
- преобладание прямой физической агрессии — если у большинства дошкольников чаще всего наблюдалась вербальная агрессия, то эти дети часто использовали прямое физическое насилие;
- наличие враждебных агрессивных действий, направленных не на достижение какой-либо цели (как у остальных дошкольников), а на причинение физической боли или страдания сверстникам.

В процессе реального взаимодействия детей (в ситуации «Раскрась картинку» два ребенка должны были использовать как можно больше цветов, что предполагало обмен карандашами) агрессивные дети меньше интересовались работой партнера, проявляли выраженное отрицательное, а иногда и агрессивное отношение к успехам сверстника (вырывали его рисунок, пытались стукнуть). Они чрезвычайно редко уступали свои карандаши в отличие от неагрессивных детей, которые в половине случаев помогали партнеру. Давали свои фломастеры только 10% агрессивных детей, причем этот процесс всегда сопровождался требованиями равноценного обмена. Неагрессивные дети достаточно легко и бескорыстно уступали сверстнику в 49% случаев.

2.2. Формы агрессивного поведения у детей

Г. Р. Хузеевой и Е. О. Смирновой (1996) выделены три формы агрессивного поведения дошкольников: импульсивно-демонстративная, нормативно-инструментальная и целенаправленно враждебная.

Первая форма агрессии чаще всего используется детьми как средство привлечения внимания; их поведение направлено на получение эмоционального отклика от других. Для этого они, как правило, чрезвычайно ярко выражают свои агрессивные эмоции (кричат, громко ругаются, разбрасывают вещи). Однако их агрессивные акты мимолетны, ситуативны и не отличаются особой жестокостью. Чаще всего они используют физическую агрессию (прямую или косвенную). Добившись внимания партнеров, они успокаиваются; их враждебные действия быстро сменяются дружелюбными, а выпады против сверстников — готовностью сотрудничать.

Дети этой группы имеют невысокий статус в коллективе сверстников — их либо не замечают и не принимают всерьез, либо избегают. По словам сверстников, такие дети «Все ломают», «Всегда мешают», «Никого не слушают».

Данные психологического обследования показывают, что такие дети значимо отличаются от других (как обычных, так и агрессивных) низким уровнем интеллекта — как общего, так и социального; неразвитой произвольностью; низким уровнем игровой деятельности.

Это дало основание Хузеевой и Смирновой предположить, что в данном случае у этих детей имеется некоторое отставание в общем психическом развитии. Обостренная потребность ребенка во внимании и в признании сверстников не может реализоваться через традиционные формы детской деятельности, и в качестве средства самоутверждения и самовыражения они используют агрессивные действия.

При второй форме агрессия используется детьми в общении со сверстниками в основном как средство достижения цели — нужного предмета, или ведущей роли в игре, или выигрыша у своих партнеров. Об этом свидетельствует тот факт, что положительные эмоции дети испытывают после достижения результата, а не в момент агрессивных действий. Деятельность этих детей отличается целенаправленностью и самостоятельностью. При этом в любой деятельности они стремятся к лидирующим позициям, подчиняя и подавляя других. В отличие от детей предыдущей группы, они не стремятся привлечь к себе внимание сверстников. Как правило, эти дети занимают положение предпочитаемых, редко — «звезд». Среди всех форм агрессивного поведения у них чаще всего встречается прямая физическая агрессия (37%), которая, впрочем, не отличается особой жестокостью.

Эти дети обладают высоким уровнем интеллекта (как общего, так и социального), хорошо развитой произвольностью; хорошими организаторскими способностями, умением организовать игру; достаточно высоким уровнем развития ролевой игры. Они хорошо знают и на словах принимают нормы и правила поведения, но постоянно нарушают их. Нарушая правила, они оправдывают себя и обвиняют своих товарищей, стремясь избежать негативной оценки взрослого: «Он первый начал», «Он сам лезет, я не виноват». При этом они как бы не замечают собственной агрессивности; их способ действия представляется им привычным и нормальным. Например, выталкивая с площадки товарища, мальчик заявляет: «А что же мне делать, я тоже хочу играть, а он мне мешает».

При третьей форме агрессии нанесение вреда другому ребенку выступает как самоцель, так как агрессивные действия не имеют какого-либо рационального объяснения — ни для окружающих, ни для них самих. Дети-садисты испытывают удовольствие от самих действий, вызывающих боль и унижение сверстников. Дети данного типа используют в основном прямую агрессию, причем более половины всех агрессивных актов составляет прямая физическая агрессия. Их действия отличаются особой жестокостью и хладнокровием. Например, безо всякой видимой причины ребенок хватает другого за волосы и бьет головой об стену или толкает с лестницы и со спокойной улыбкой наблюдает крики и слезы своей жертвы. Обычно такие дети выбирают для своих агрессивных действий одну-две постоянные жертвы — более слабых детей, не способных ответить тем же. Чувство вины или раскаяния у детей-садистов совершенно отсутствует. Нормы и правила поведения открыто игнорируются. На упреки и осуждение взрослых они отвечают: «Ну и что!», «И пусть ему больно», «Что хочу, то и делаю». Отрицательные оценки окружающих в расчет не принимаются. Для таких детей особенно характерны мстительность и злопамятность: они долго помнят любые мелкие обиды и, пока не отомстят обидчику, не могут переключиться на другую деятельность. Самые нейтральные ситуации они рассматривают как угрозу и посягательство на свои права.

По результатам психологического обследования эти дети имеют средние показатели интеллекта; произвольность в целом соответствует возрастным нормам; низкий социальный статус в группе сверстников — их боятся и избегают; уровень развития игры средний, однако содержание их игр часто носит агрессивный характер — все дерутся, мучают или убивают друг друга.

Г. Р. Хузеевой и Е. О. Смирновой (1996) показано, что выделенные формы агрессии существенно различаются по частоте использования видов агрессии (табл. 2.1).

Во всех группах преобладает прямая физическая агрессия, однако наиболее часто данная форма встречается в третьей группе, где на нее приходится половина всех агрессивных актов детей.

Еще более существенные различия между группами наблюдаются в целях агрессивного поведения (табл. 2.2).

Выделенные формы агрессии значительно отличаются по выраженности своих целей. Так, в первой группе агрессия наиболее часто используется

Таблица 2.1. Виды проявления агрессии при разных формах агрессивного поведения у детей

Формы агрессии	Прямая вербальная	Косвенная вербальная	Символическая	Косвенная физическая	Прямая физическая
Импульсивно-демонстративная	16,8	4,7	21,4	27,1	30
Нормативно-инструментальная	19	7,6	20,3	16,1	37
Целенаправленно враждебная	21	2,6	20,1	5,2	50

Таблица 2.2. Цели проявления агрессии у разных типов агрессивных детей

Формы агрессии	Привлечение внимания	Уменьшение достоинств другого	Защита и месть	Стремление быть первым	Желание получить предмет	Нанесение вреда как самоцель
Импульсивно-демонстративная	40	9,9	21,5	2,8	21,4	1,4
Нормативно-инструментальная	5,4	8	17,9	9,8	39,1	18,9
Целенаправленно враждебная	17,2	7,3	28,8	8,9	7,3	30,3

для привлечения внимания сверстников; во второй — для достижения конкретной цели (чаще всего — получить желанный предмет); в третьей группе преобладающей целью агрессии является «бескорыстное» причинение вреда сверстникам (агрессия как самоцель). Данный тип мотивации (как и частота прямой физической агрессии) нарастает от первой группы к третьей.

Таким образом, в основе детской агрессивности может лежать различная мотивационная направленность: в первом случае — спонтанная демонстрация себя; во втором — достижение своих практических целей, в третьем — подавление и унижение другого.

2.3. Половые различия в агрессивном поведении

Считается, что агрессивное поведение больше присуще лицам мужского пола, чем женского. Например, при изучении половых стереотипов у представителей 30 национальностей было выявлено, что агрессия является одной из пяти характерных черт, которые ассоциируются с мужчинами (Williams et al., 1997). Некоторые ученые, например Бандура (Bandura, 1973), большую агрессивность мужчин по сравнению с женщинами объясняют разными социально одобряемыми моделями поведения. Однако следует учитывать и тот факт, что агрессивность связана с мужским половым гормоном — тестостероном, что указывает и на генетические корни большей агрессивности мужчин (Woody R., 1981; Чуприков А. П., Цупрык Б. М., 2000). Установлено, что уровень содержания тестостерона в крови у мужчин более чем в 10 раз выше, чем у женщин.

В известном обзоре исследований детского поведения, сделанном Элеонор Маккоби и Кэрол Жаклин (Maccoby, Jacklin, 1974), отмечалось, что предполагаемая разница в агрессивности полов постоянно обнаруживалась во всех научных работах начиная по меньшей мере с 30-х годов [XX в.]. За небольшим исключением, в полевых исследованиях, а также в лабораторных экспериментах, в которых использовались различные параметры, во всех случаях мальчики проявляли типично более сильную агрессивность, чем девочки. Более того, это различие существует во всех социальных слоях и наблюдается во многих культурах.

Я приведу пример только двух исследований, на которые ссылаются Маккоби и Жаклин. В одном из них под руководством Вайтинг и Поупа (Whiting, Pope) были проведены наблюдения за поведением детей из семи различных культур. Хотя мальчики из данных групп редко лезли в драку, в каждой из этих культур мальчики больше девочек были склонны оскорблять сверстников и чаще давали сдачи, если их начинали бить. Второе исследование было выполнено Омарком (Omark). Исследователи Омарк и Идельман (Edelman) наблюдали за поведением детей на школьных площадках в США, Швейцарии и Эфиопии. Они определили агрессию как толчок или удар другого человека и отсутствие улыбки на лице. Исследователи обнаружили, что во всех трех обществах мальчики чаще проявляли этот тип поведения, чем девочки.

Чтобы свести воедино всю информацию, Маккоби и Жаклин провели тщательный статистический анализ результатов наблюдений за детской

агрессией, основывавшихся на 31 выборке. Все дети были в возрасте младше 6 лет, социальный статус их родителей широко варьировал. Результаты снова продемонстрировали типично более ярко выраженную агрессивность мальчиков. Один аспект данного анализа стоит отметить особо. Вопреки предположениям некоторых психологов о том, что различия в мужской и женской агрессивности ограничиваются физической атакой и что девочки чаще мальчиков словесно оскорбляют сверстников, Маккоби и Жаклин обнаружили, что половые различия явно прослеживались как в вербальной, так и в физической агрессии во всех проанализированных ими работах (Maccoby, Jacklin, 1980).

Вышеупомянутые работы касались поведения маленьких детей. А как же взрослые? Элис Игли и Валери Стеффен полагали, что различия, наблюдаемые у малышей, становятся меньше у взрослых (Eagly, Steffen, 1986).

Игли и Стеффен провели статистический анализ половых различий, найденных ими во время 63 полевых и лабораторных исследований. Они работали с молодежью — студентами колледжа и людьми более старшего возраста. Измерялись поведенческие параметры агрессии (без использования проективного теста или воображаемой агрессии, make-up aggression). Игли и Стеффен особо выделили некоторые результаты своей работы. Во-первых, хотя мужчины в среднем были несколько агрессивнее женщин, различие не проявлялось последовательно во всех исследованиях, оно в целом оказывалось незначительнее половых различий, полученных при изучении других типов социального поведения, таких, например, как помощь и невербальные действия. Во-вторых, тенденция к большей агрессивности у мужчин была очевидна, когда им предоставлялась возможность причинить своим объектам физическую боль (например, когда они применяли электрошок). Здесь Игли и Стеффен отмечали, что при исследовании реакции испытуемых на их собственное поведение женщины явно выражали более сильное чувство вины и тревоги. Они также проявляли больше эмпатической тревоги о вреде, который они могли нанести своей жертве.

Берковиц Л., 2001, с. 459–461

Анализ литературы, проведенный И. С. Коном (1981, 1988), показал, что действительная картина не столь единообразна, как кажется на первый взгляд. Так, для мужчин более характерна явная агрессия, а для женщин — скрытая (враждебность). Поэтому решение вопроса о том, кто более агрессивен, зависит от того, о каком виде агрессии идет речь. Физическая агрессия действительно более присуща мужскому полу. Однако Бьерквист с соавт. (Bjerqvist et al., 1992) и П. А. Ковалев (1996) показали, что косвенная вербальная агрессия (сплетни, клевета, злоязычие) более присуща женскому полу.

Сходные данные получены и другими исследователями. А. Ю. Степанян с соавт. (2007) показано, что у мальчиков-подростков сильнее выражена физическая агрессия и открытое агрессивное поведения, а у девочек-подростков — вербальная агрессия.

Женщины часто используют непрямую агрессию, например манипуляцию и завуалированное унижение (Bjerkvist et al., 1994; Osterman et al., 1997).

В. К. Сафонов (2003) тоже приводит данные, полученные при изучении агрессии у спортсменов, из которых следует, что склонность к прямой агрессии больше выражена у мужчин, а к косвенной — у женщин (табл. 2.3).

Таблица 2.3. Склонность к проявлению разных видов агрессии у лиц мужского и женского пола, баллы

Группы испытуемых	Агрессия		
	физическая	**вербальная**	**косвенная**
Дзюдо, самбо:			
мужчины	6,0	8,2	3,2
женщины	5,2	6,7	5,3
Айкидо:			
мужчины	5,0	7,2	3,9
женщины	4,6	5,6	4,7
Легкая атлетика, лыжные гонки:			
мужчины	5,4	7,3	5,7
женщины	3,8	5,1	8,1
Все спортсмены:			
мужчины	5,5	7,6	4,2
женщины	4,3	5,8	6,0
Студенты:			
мужчины	4,8	6,9	5,9
женщины	3,6	5,4	7,1

П. А. Ковалев пришел к выводу, что в мужском агрессивном поведении решающая роль отводится форме агрессии, причем предпочтение от-

дается прямой форме агрессии, а в женском — виду агрессии и предпочтение отдается вербальному ее виду, причем культурные стереотипы заставляют чаще склоняться к косвенной форме агрессии. Таким образом, для мужчин важен не столько вид агрессии (физическая или вербальная), сколько выражение ее в открытой форме и непосредственно с конфликтующим. Для женщин же форма агрессивного поведения стоит на втором плане.

Эти гендерные различия в проявлении агрессии объясняют ожиданиями общества в выполнении социальной роли, которые удерживают лиц женского пола от определенных агрессивных действий (Bussey, Bandura, 1999). Девочки демонстрируют бóльшую устойчивость к давлению сверстников, побуждающих к открытой агрессии (Caprara et al., 1998).

По данным Е. В. Козыревой, лица, склонные к аутоагрессии, имеют более высокий уровень застенчивости и совестливости, чем лица, склонные к гетероагрессии (табл. 2.4). У женщин эта тенденция проявляется четче, особенно в отношении аутоагрессии.

Таблица 2.4. Выраженность склонности к ауто-и гетероагрессии (в баллах) у лиц с различной застенчивостью и совестливостью

Свойства личности	Аутоагрессия		Гетероагрессия	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Застенчивость:				
высокая	4,3	4,9	4,4	4,4
низкая	3,7	3,0	5,1	5,5
Совестливость:				
высокая	3,9	4,1	4,7	4,9
низкая	3,7	3,3	5,1	5,2

По данным М. К. Омаровой (2002), у девушек установка на самообвинение выражена больше, чем у юношей, что согласуется с результатами исследования Е. В. Козыревой.

Сравнение лиц мужского и женского пола по склонности к ауто- и гетероагрессии с учетом маскулинности — феминности тех и других (Козырева Е. В., 2002) обнаружило результаты, не подтверждающие распространенное в психологии представление о большей агрессивности мужчин и меньшей — женщин. Аутоагрессия несколько более

выражена у женщин, особенно с ярко проявленной феминностью, а у феминных мужчин аутоагрессия равна гетероагрессии. Последняя явно сильнее у мужчин и женщин с ярко выраженной маскулинностью (табл. 2.5).

Таблица 2.5. Самооценка (в баллах) ауто- и гетероагрессии мужчин и женщин в зависимости от выраженности маскулинности, феминности и андрогинности

Половые типы	Аутоагрессия	Гетероагрессия	Разность
Мужчины: с маскулинностью, в том числе с			
сильной	2,9	4,9	–2,0
слабой	3,6	5,2	–1,6
с фемининностью	4,6	4,8	–0,2
Женщины:			
с маскулинностью	3,7	5,2	–1,5
с андрогинностью	3,8	4,2	–0,4
с феминностью	4,2	4,2	+0,1

Из показанных в таблице цифр становятся очевидны тенденции, приводящие к этому: чем слабее у мужчин выражена маскулинность, тем сильнее аутоагрессия, а у женщин бóльшая маскулинность сопровождается более выраженной гетероагрессией. Соответственно разность между ауто- и гетероагрессией из отчетливо отрицательной по мере уменьшения маскулинности становится либо положительной (как у женщин), либо приближается к нулю (как у мужчин).

ГЛАВА 3

Агрессивность как свойство личности

Меркуцио. Милый мой, ты горяч, как все в Италии, и так же склонен к безрассудствам и безрассуден в склонностях.

Бенволио. Неужто?

Меркуцио. А то нет? Он еще сомневается! Ведь ты готов лезть с кулаками на всякого, у кого на один волос больше или меньше в бороде, чем у тебя, или только за то, что человек ест каштаны, в то время как у тебя глаза каштаного цвета. Голова у тебя набита кулачными соображениями, как яйцо — здоровою пищей, и, совершенно как яйцо, сбита всмятку вечными потасовками. Разве ты не поколотил человека за то, что он кашлянул и разбудил твою собаку, лежавшую на солнце? Разве ты не набросился на портного, осмелившегося надеть новую пару до Пасхи, или на кого-то другого за то, что он новые башмаки подвязал старыми лентами?

Шекспир У.[1]

3.1. Агрессивность и ее компоненты

Понятия «агрессия» и «агрессивность», как уже говорилось, не синонимичны. Если агрессия — это определенные действия, поведение, то агрессивность — это свойство личности. Необходимость различения этих понятий отмечается в последние годы многими авторами. Главное, не заблудиться в трех соснах и понимать, каково соотношение между ними.

[1] *Шекспир У.* Ромео и Джульетта. Гамлет. М.: Мартин, 2010. С. 60–61.

Т. В. Левкова (2003), например, пишет, что агрессия человека может проявляться в виде таких личностных характеристик, как агрессивность (враждебность, деструктивность, насилие) и ассертивность (ненасилие, конструктивность). Автор полагает, что корректировать нужно не агрессию, а агрессивность; развивать конструктивную силу агрессии, без которой человеку трудно будет реализовать себя, самоутвердиться.

Мне представляется, что у этого автора все поставлено с ног на голову. Во-первых, агрессия (агрессивное поведение) не проявляется в агрессивности, а наоборот, агрессивность как свойство личности может проявляться через агрессивное поведение. Во-вторых, непонятно, почему не надо корректировать агрессивное поведение. И что легче изменить — поведение или индивидно-личностную особенность человека, обусловленную во многом генетически? В-третьих, насилие — это агрессивное поведение, а не личностная характеристика. В-четвертых, деструктивность или конструктивность — это характеристики агрессивного поведения, а не агрессивности.

А. А. Реан (1996) понимает под агрессивностью свойство, выражающееся *в готовности к агрессии*. Мне представляется, что такое понимание не совсем точно отражает суть этого свойства по той причине, что готовность к чему-либо — это мотивационное состояние человека, а не свойство личности. Готовность — это настрой человека на выполнение чего-либо здесь и сейчас.

При определении агрессивности более подходит слово «склонность». Агрессивность — это свойство личности, выражающееся в склонности (установке) человека решать возникающие проблемы агрессивными способами: в случае нехватки чего-то — отнять, в случае эмоционального напряжения (злости, гнева) — разрядить его с помощью ругани, удара, ломания вещей и т. п.

Агрессивность можно рассматривать как интегральное свойство личности, включающее в себя наступательность (напористость), неуступчивость, мстительность, нетерпимость к мнению других.

Мстительность — это склонность человека к мести, т. е. к агрессии в ответ за причиненное зло. По данным Нгуен Ки Тыонга (2000), мстительность больше выражена у лиц, склонных к автократическому стилю руководства.

Наступательность (напористость) — стремление навязать свою волю, подчинить.

Неуступчивость — несговорчивость, нежелание уступать в споре, желание настоять на своем.

Нетерпимость к мнению других — нежелание учитывать другие точки зрения, отличные от своих собственных; проявление авторитарности при принятии решений.

Бескомпромиссность — нежелание идти на взаимные уступки, что приводит к возникновению конфликтной ситуации.

Конфликтность. Другим интегральным свойством личности, «подпитывающим» агрессивность и способствующим враждебному агрессивному поведению, с моей точки зрения, является конфликтность. Она включает в себя вспыльчивость, обидчивость и подозрительность.

Вспыльчивость — склонность к раздражению, горячливость. Одним из проявлений вспыльчивости является гневливость, которую Ч. Спилбергер (Spielberger C., 1994) выделил как устойчивую эмоциональную черту человека. Она имеет несколько характеристик:

- гневливый человек склонен воспринимать широкий спектр ситуаций как провокацию;
- гневливость как реакция характеризуется от средневыраженного раздражения или досады до ярости и бешенства;
- это черта темперамента, которая проявляется и без связи с провоцирующей ситуацией.

Выявлено, что проявление уровня гнева у мужчин больше, чем у женщин (Eckhard et al., 1995).

Обидчивость определяется легкостью возникновения эмоции обиды. У гордых, тщеславных, самолюбивых людей отмечается своего рода гиперестезия (повышенная чувствительность) осознания собственного достоинства, поэтому они расценивают самые обычные слова, сказанные в их адрес, как обидные. Отдельный человек может быть особенно чувствителен в отношении каких-либо сторон, порождающих его обидчивость, с ними он обычно связывает наибольшую ущемленность собственного достоинства. Когда эти стороны оказываются задетыми, бурного ответного аффекта не избежать.

Подозрительность — недоверчивость к словам и поступкам других людей.

Имеется достоверная связь между показателем интегральной агрессивности и показателем интегральной конфликтности. Однако эта связь

у трусливых менее тесная, чем у нетрусливых. Это свидетельствует, что высокая конфликтность может и не приводить к агрессивному поведению у трусливых людей или вызывать косвенную агрессию, а не прямую.

Несмотря на то что у высокоагрессивных субъектов почти все конфликтные свойства выражены значительно сильнее, чем у низкоагрессивных, их влияние на общую агрессивность различно. Наибольший вклад в агрессивное поведение вносят вспыльчивость и обидчивость (Ковалев П. А., 1997). Не случайно Л. И. Белозерова (1992) выявила у трудных подростков преобладание таких личностных особенностей, как обидчивость (74%), упрямство (68%), вспыльчивость (34%), драчливость (33%).

В то же время агрессивность и конфликтность — не тождественные свойства личности. Об этом свидетельствует тот факт, что конфликтность больше выражена у женщин, а агрессивность — у мужчин (Афиногенова С. В., 2007).

3.2. Возрастно-половые особенности агрессивности

В диссертационном исследовании П. А. Ковалева (1996) выявлено, что наибольшие показатели агрессивного поведения, которые можно рассматривать как косвенное отражение имеющейся у испытуемых агрессивности, у мальчиков отмечены в 13- и 15–16-летнем возрасте, а у девочек — в 12- и 14-летнем возрасте. Если учесть не паспортный возраст, а биологический, т. е. время вступления в период полового созревания (известно, что у девочек он наступает на 1–1,5 года раньше), то возрастные периоды подъема и снижения уровней агрессивности у мальчиков и девочек практически сопадают.

Н. Ю. Жарновецкая (2007) выявила, что наибольшая агрессивность имеется у школьников 12–13 лет.

П. А. Ковалев (1996), изучавший самооценку обидчивости у школьников, установил, что она наибольшая в период полового созревания и в трех возрастных группах из пяти выше у девочек, чем у мальчиков (рис. 3.1).

Наибольшая мстительность у мальчиков наблюдается в возрасте 12 и 14–15 лет (рис. 3.2). У девочек существенной возрастной динамики мстительности не выявлено.

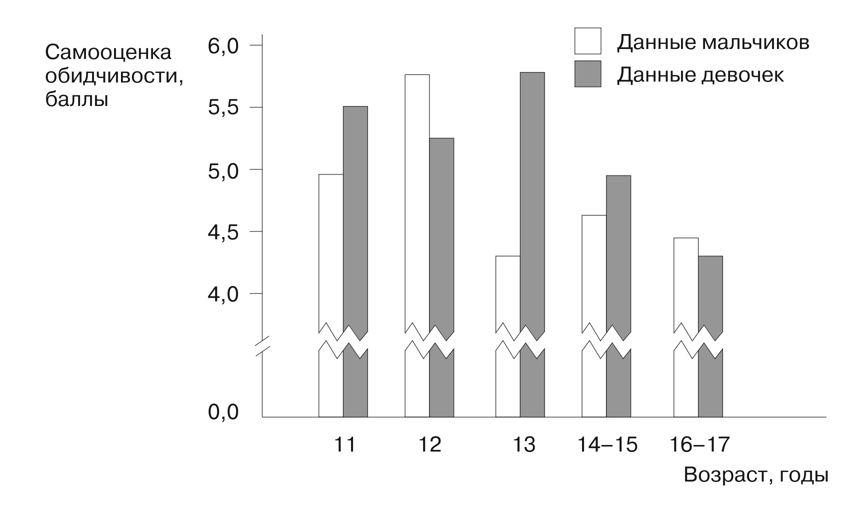

Рис. 3.1. Возрастная динамика обидчивости

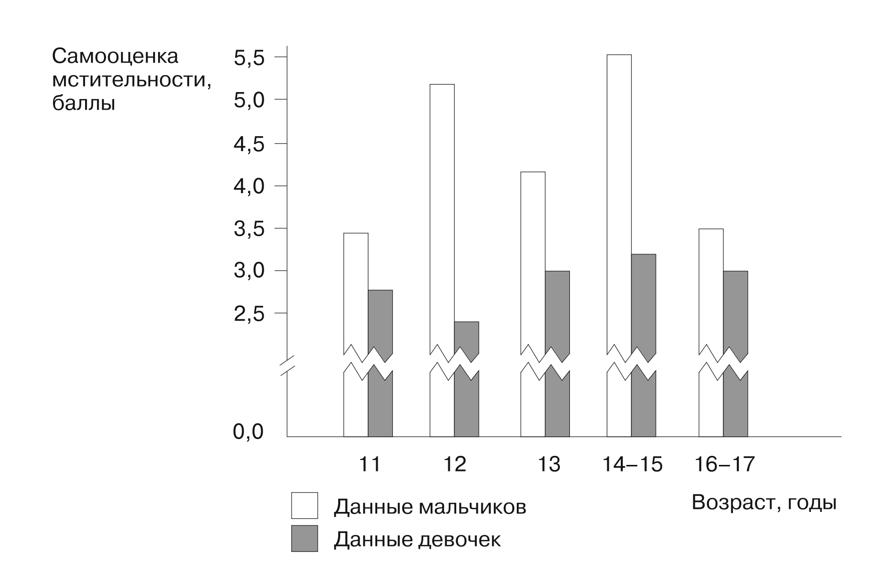

Рис. 3.2. Возрастная динамика мстительности

П. А. Ковалев, исследуя мстительность у школьников, пришел к выводу, что во всех возрастах она выражена сильнее у мальчиков, чем у девочек.

Половые различия

Что касается половых различий по выраженности агрессивности, то у всех авторов имеется сходство в полученных результатах. В. К. Сафонов (2003) выявил, что агрессивность, измерявшаяся по методике Спилбергера, выше у мужчин, чем у женщин (у студентов соответственно 24,8 и 22,6 балла; у спортсменов — 23,2 и 19,9 балла).

А. Ю. Степанян с соавт. (2007) показано, что у девочек-подростков раздражительность, подозрительность и чувство вины выражены сильнее, чем у мальчиков-подростков.

Эти различия можно объяснить, с одной стороны, тем, что уровень содержания тестостерона в крови у мужчин более чем в 10 раз выше, чем у женщин, а с другой — что агрессия мальчиков поощряется родителями, а девочек — нет.

Выраженность агрессивности зависит не только от биологического пола, но и от психологического (маскулинности, андрогинности и феминности). Это было показано в ряде исследований.

С. В. Афиногенова (2007) изучала степень выраженности различных сторон агрессивности в зависимости от маскулинности, феминности и андрогинности. Полученные ею данные представлены в табл. 3.1.

Из представленных в таблице данных видно, что вспыльчивость и обидчивость больше выражены у феминных по сравнению с андрогинными и маскулинными независимо от их биологического пола, а подозрительность, наступательность, неуступчивость, бескомпромиссность, мстительность и нетерпимость к мнению других больше выражены у маскулинных, чем у феминных и андрогинных. Из этих данных следует, что *конфликтность*, включающая вспыльчивость и обидчивость, выше у феминных лиц мужского и женского пола (соответственно 9,1 и 11,4 балла), чем у андрогинных (соответственно 8,6 и 10,5 балла) и маскулинных (соответственно 8,5 и 9,3 балла). *Собственно агрессивность*, включающая остальные характеристики, представленные в таблице, выше у маскулинных мужчин и женщин (соответственно 28,3 и 25,7 балла), чем у андрогинных (соответственно 25,2 и 21,1 балла) и феминных (соответственно 20,2 и 19,1 балла).

Обращает на себя внимание также, что у маскулинных мужчин и женщин более всего выражены неуступчивость, вспыльчивость и наступательность, а у феминных мужчин и женщин — вспыльчивость, обидчивость

Таблица 3.1. Выраженность различных характеристик агрессивности у лиц мужского и женского пола в связи с маскулинностью, феминностью и андрогинностью

Характеристики агрессивности	Юноши			Девушки		
	маскулинность N = 80	андрогинность N = 57	феминность N = 31	маскулинность N = 56	андрогинность N = 94	феминность N = 182
Вспыльчивость	5,2	4,9	5,4	5,7	6,1	6,4
Обидчивость	3,3	3,7	3,7	3,6	4,4	5,0
Подозрительность	4,7	4,6	4,4	4,4	4,1	4,1
Наступательность	5,0	4,3	3,2	4,6	3,8	3,2
Неуступчивость	5,5	4,8	3,6	5,1	4,2	3,6
Бескомпромиссность	4,1	3,5	2,7	3,2	2,4	2,3
Мстительность	4,8	4,8	3,6	4,3	3,4	3,2
Нетерпимость	4,2	3,2	2,7	4,1	3,2	2,7

и подозрительность. У феминных обоего пола слабее всего выражены бескомпромиссность и нетерпимость к мнению других. То есть феминные более склонны к ведению конструктивного диалога, чем маскулинные, которые стремятся жестко отстаивать свои позиции. Необходимо также отметить большую склонность маскулинных мужчин и женщин к мстительности.

Н. Ю. Жарновецкая (2007) подтвердила данные, полученные С. В. Афиногеновой. Корреляционный анализ показал, что маскулинность положительно, а феминность отрицательно связаны с самооценкой различных характеристик агрессивности (табл. 3.2).

К этому можно добавить, что у женщин выявлена положительная связь обидчивости с феминностью. Кроме того, выявлено, что маскулинные оцениваются другими более агрессивными, чем феминные, что видно из данных той же таблицы. При этом разделение мужчин и женщин с учетом психологического пола выявило больше различий в восприятии их агрессивности окружающими, чем при разделении только по биологическому полу. Так, между маскулинными мужчинами и феминными женщинами появились достоверные различия по восприятию окружающими вспыльчивости и неуступчивости.

Таблица 3.2. Коэффициенты корреляции между маскулинностью — феминностью и оценкой агрессивности в группе студентов (n = 53)

Характеристики агрессивности	Самооценка	Оценка окружающими
Вспыльчивость	Недостоверно	0,45***
Наступательность	0,33*	0,32*
Неуступчивость	Недостоверно	0,45***
Бескомпромиссность	0,38**	0,40**
Мстительность	0,41*	0,53***
Нетерпимость к мнению других	Недостоверно	0,52***
Подозрительность	0,30*	0,34*
Общая агрессивность	0,36**	0,47***

Примечание: * — достоверность на уровне 0,05; ** достоверность на уровне 0,01; *** — достоверность на уровне 0,001.

3.3. Особенности личности у агрессивных субъектов

Среди психологических особенностей, провоцирующих агрессивное поведение, обычно выделяют недостаточное развитие интеллекта и коммуникативных навыков, сниженный уровень саморегуляции, неразвитость игровой деятельности, сниженную самооценку, нарушения в отношениях со сверстниками (Бэрон Р., Ричардсон Д., 2000). Агрессивность связана с такой чертой характера, как импульсивность (Cocarro et al., 1993; Carli, 1991). Однако Г. Р. Хузеева и Е. О. Смирнова (1996) выявили, что агрессивные дошкольники мало отличались от своих неагрессивных сверстников по большинству изученных психологических показателей. Так, уровень развития интеллекта в обеих группах был примерно одинаковым; уровень социального интеллекта неагрессивных в среднем был несколько выше, чем у агрессивных (соответственно 6 и 6,9 балла), хотя у 60% агрессивных дошкольников был зафиксирован достаточно высокий социальный интеллект (среди неагрессивных — у 65%). Показатели развития произвольности в группе агрессивных детей были ниже — у 56% был зафиксирован низкий уровень произвольности и только у 12% высокий (у неагрессивных соответственно 38 и 30%). Уровень развития игры у агрессивных и неагрессивных был примерно одинаковым — большинство детей в обеих группах находились на среднем уровне,

в то же время среди агрессивных дошкольников было больше детей, не умеющих играть, и меньше тех, кто достиг высшего уровня развития игры (только 6,5%, среди неагрессивных детей — 31%). 40% агрессивных детей имеют заниженную самооценку (у неагрессивных — 16%), однако у 60% самооценка оказалась высокой. Несмотря на незначительные различия в средних показателях самооценки у агрессивных и неагрессивных (5,7 и 6,1 балла), авторы обнаружили, что у агрессивных детей имеются более существенные расхождения между их самооценкой и ожидаемой оценкой со стороны сверстников: у детей, не проявляющих агрессивных форм поведения, данный показатель составил 1,4 балла, в группе агрессивных — 2,2. Данный факт, по мнению Г. Р. Хузеевой и Е. О. Смирновой, может свидетельствовать о том, что эти дети более остро переживают свою «недооцененность», непризнанность своих достоинств со стороны сверстников. Однако результаты социометрии показали, что эти переживания, как правило, не соответствуют реальности.

Авторы полагают, что, несмотря на выявленные различия, ни уровень развития общего и социального интеллекта, ни произвольность, ни самооценку или недостаточный уровень развития игры нельзя рассматривать как основу или причину агрессивного поведения, так как значительное число агрессивных детей имели высокие результаты по данным характеристикам. Наиболее существенные различия между двумя группами были выявлены по способу выхода из конфликтной ситуации и по отношению ребенка к сверстникам. При решении конфликтных ситуаций, изображенных на картинках (например, кто-то берет чужую игрушку, или рушит постройку других, или ломает игрушку), на вопрос: «Чтобы ты сделал на месте обиженного ребенка?» практически все агрессивные дети давали агрессивные ответы типа: «Дам ботинком по животу», «Схвачу и посажу в клетку», «Убью», «Изобью» и пр. В отличие от этого неагрессивные дети в большинстве случаев давали более конструктивные и миролюбивые ответы: «Починю», «Сделаю новую», «Пойду играть в другую игру», «Заплачу и пожалуюсь маме». Показательно что, интерпретируя сюжеты картинок, все агрессивные дети приписывали изображенным персонажам агрессивные намерения: «Он нарочно сломал», «Украл», «Сейчас будет бить». В неагрессивной группе те же сюжеты дети интерпретировали часто как бесконфликтные: «Случайно сломали домик, нужно починить», «Он поиграет и вернет», «Они договорятся и пойдут играть вместе».

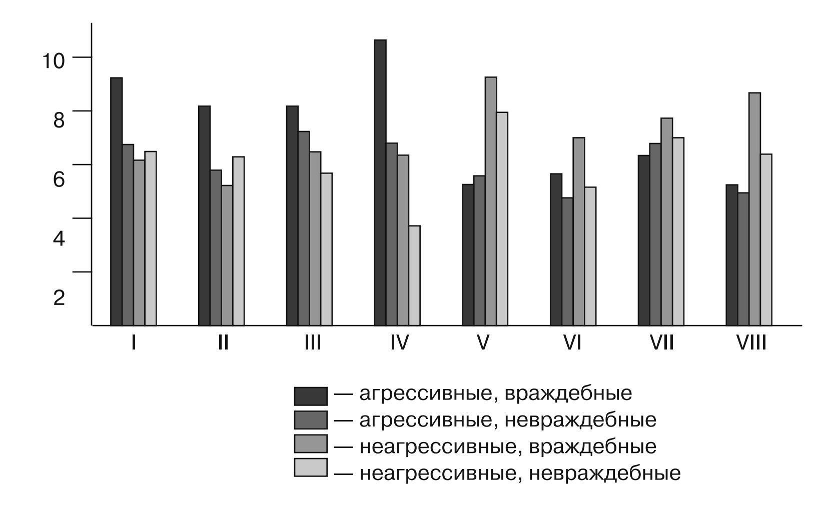
Г. Р. Хузеева и Е. О. Смирнова полагают, что главные проблемы агрессивных детей лежат в сфере отношений со сверстниками, а не в особен-

ностях личности. Всех агрессивных детей объединяет одно общее свойство — невнимание к другим детям, неспособность видеть и понимать другого. Все они проявляли низкий интерес к сверстнику, неадекватные реакции на успехи другого (злорадство при его неуспехе и протест против его достижений) и неспособность бескорыстно поделиться или помочь другому. Подобный тип отношения к сверстнику оказался не связанным ни с уровнем развития игры, ни с самооценкой, ни с реальным положением ребенка в группе сверстников. По-видимому, в основе такого отношения к другим лежит особое строение самосознания ребенка, а именно фиксированность на себе и внутренняя изоляция от других. Другой ребенок выступает для них как конкурент, как препятствие, которое нужно устранить. Такое отношение нельзя свести к недостатку коммуникативных навыков (многие агрессивные дети в ряде случаев демонстрировали вполне адекватные способы общения). Г. Р. Хузеева и Е. О. Смирнова полагают, что это отношение отражает особый склад личности, ее направленность, которая порождает специфическое восприятие другого как врага.

Г. Р. Хузеева и Е. О. Смирнова (1996) и О. И. Шляхтина (1997) показали инвертированную зависимость уровня агрессивности от *социального статуса* подростков. Наиболее высокий ее уровень наблюдается у лидеров и «отверженных». В первом случае агрессивность поведения вызывается желанием защитить или укрепить свое лидерство, а во втором — неудовлетворенностью своим положением.

П. А. Ковалев (1996) выявил связь агрессивности со склонностью к лидерству. Так, среди лидеров 48% составляли лица с уровнем агрессивности выше среднего и 33% — со средним уровнем. Однако у 19% лидеров уровень агрессивности был ниже среднего.

Г. П. Ярмоленко (2004), используя опросник Кеттелла, установила у студентов связь высокой агрессивности с экстернальным локусом контроля, жесткостью, сниженным самоконтролем, радикализмом, эмоциональной неустойчивостью, тревожностью, общительностью, социальной смелостью и доминантностью. При взаимодействии с другими людьми агрессивные придерживаются стиля «Соперничество». Они скептичны, склонны к лидерству, независимы и прямолинейны в межличностных отношениях (рис. 3.3). Адаптационный потенциал у них занижен. Высокоагрессивные субъекты, имеющие высокую враждебность, стремятся к приобретению знаний, у них выражена творческая направленность, их особенностью является также дискретное восприятие своего жизненного

Обозначения: I — лидерство, II — независимость, III — прямолинейность, IV — скептичность, V — застенчивость, VI — зависимость, VII — сотрудничество, VIII — ответственность

Рис. 3.3. Личностные особенности агрессивных и неагрессивных субъектов

пути. Имеющие низкую враждебность проявляют способность жить настоящим, т. е. переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не как фатальное последствие прошлого или подготовку будущей «настоящей жизни».

М. А. Сухая и О. А. Уточкина (2007) изучили связь агрессивности с различными сторонами самосознания. Установлено, что самоуверенность и самосимпатия повышают гетероагрессию, но снижают аутоагрессию. Чем меньше человек корит и винит себя, тем менее он способен управлять своей физической гетероагрессией. Чем больший интерес человек проявляет к себе, тем меньше у него выражена аутоагрессия.

Е. Г. Шестакова (2009) выявила, что негативной агрессии способствуют такие особенности личности, как экстраверсия, доминантность, наглость, бессердечность. О. П. Гиндин (2008) обнаружил связь агрессивности с такими личностными свойствами, как аффективная лабильность (эмотивный тип) и заторможенность (дистимический тип).

Прентки (Prentky, 1987) выделены характерные для агрессивных лиц особенности биографии, личности и поведения. Это большая эмоцио-

нальная связь с матерью при одновременном пренебрежении ее личностью; чувство страха перед отцом; неспособность к установлению длительных чувственных связей; отделение сексуальной сферы от чувственной; сексуальный эгоцентризм; агрессивная форма сексуальных контактов, промискуитет.

Однако, несмотря на эти многочисленные данные, полученные разными авторами, остается неясным, какие именно из этих особенностей в наибольшей мере влияют на агрессивность.

3.4. Межличностное восприятие агрессивности

В ряде исследований показано, что лица мужского пола воспринимаются более агрессивными, чем лица женского пола. Е. И. Бережковой (2003) это было выявлено уже у младших школьников.

В литературе уже неоднократно отмечалось, что агрессивный человек имеет предвзятое мнение о том, что в неопределенных ситуациях поступками окружающих руководит враждебность, они приписывают другим враждебные намерения и пренебрежение к себе (Dodge, 1986, 1993; Dodge and Frame, 1982; Dodge and Coin; 1987; Crick, Dodge, 1994). Агрессивный человек не анализирует социальную ситуацию, а преодолевает неоднозначность действий окружающих, полагаясь на информацию о самом себе и имеющиеся у него схемы агрессивного поведения, сформированные предшествующим опытом (Dodge, Tomlin, 1987). При этом такие люди более склонны к реактивной агрессии (Dodge and Coin, 1987; Hubbard et al., 1996).

Атрибуция враждебности была зафиксирована у агрессивных детей и в экспериментах Г. Р. Хузеевой и Е. О. Смирновой (1996).

Н. Ю. Жарновецкая (2007) провела исследование, в котором у школьников 5–11-х классов и студентов изучались особенности межличностного восприятия агрессивности: с одной стороны, субъектами с разным уровнем агрессивности — агрессивность окружающих, а с другой стороны, окружающими — агрессивность этих субъектов. Было выявлено, что собственная агрессивность воспринимающего субъекта оказывает влияние на его восприятие агрессивности других лиц: чем выше субъекты оценивают свою агрессивность, тем выше они оценивают агрессивность

других, и наоборот. При этом оценка агрессивности окружающих ниже, чем оценка собственной агрессивности. Исключение составляют лишь низкоагрессивные по самооценке субъекты, приписывающие бо́льшую агрессивность окружающим, чем себе.

Имеется связь между социометрическим статусом субъектов в группе и оценкой их окружающими: более агрессивными оцениваются лица с социометрическим статусом «отверженных». Существует связь между сплоченностью группы и восприятием ее членами агрессивности друг друга: чем выше сплоченность, тем менее агрессивными воспринимаются окружающие (рис. 3.4).

Однако эта закономерность проявилась только у школьников старших классов. В средних классах связи между сплоченностью и восприятием агрессивности друг друга не выявлено, что, очевидно, связано с несформированностью коллективов в этих классах.

На восприятие агрессивности оказывают влияние возрастные и половые особенности субъектов. Оценка агрессивности окружающих с возрастом снижается. Лица мужского пола, как правило, воспринимаются окружающими более агрессивными, чем лица женского пола. В свою очередь, субъекты мужского пола приписывают окружающим бо́льшую агрессивность, чем лица женского пола.

Женщины оцениваются окружающими более обидчивыми, чем мужчины, причем и сами женщины придерживаются о себе такого же мнения.

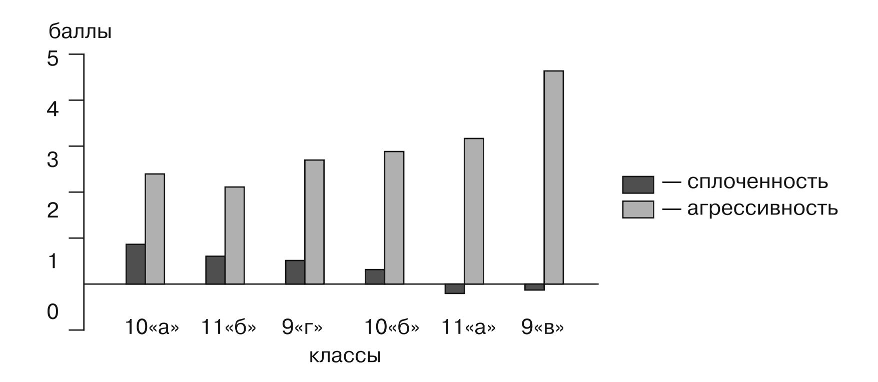

Рис. 3.4. Восприятие уровня агрессивности окружающих в группах с разной сплоченностью

Восприятие агрессивности окружающими находится в прямой связи с маскулинностью воспринимаемых ими субъектов: чем больше выражена у субъектов маскулинность, тем более агрессивными они оцениваются окружающими. И наоборот, чем больше у субъектов выражена феминность, тем меньшая агрессивность им приписывается.

ГЛАВА 4

Генезис агрессии и агрессивности

4.1. Теории генезиса агрессии

Разные ученые по-разному объясняют природу агрессии человека.

В *теориях влечений* агрессия рассматривается как устойчивая характеристика индивида: «агрессивное влечение» у З. Фрейда, «энергия агрессивного влечения» у К. Лоренца, «инстинкт агрессивности» у Мак-Дауголла. Все эти теории, с точки зрения Х. Хекхаузена и Д. Майерса, представляют уже только исторический интерес, хотя критиками этих теорий не оспаривается, что человеческая агрессия имеет эволюционные и физиологические корни.

Согласно *фрустрационной теории*, агрессия —— это не автоматически возникающее в недрах организма влечение, а следствие фрустрации, т. е. препятствий, возникающих на пути целенаправленных действий субъекта, или же ненаступление целевого состояния, к которому он стремился (Dollard J. et al., 1932, 1939). По этой теории, агрессия всегда является следствием фрустрации, а фрустрация всегда ведет к агрессии, что впоследствии получило лишь частичное подтверждение. Бэрон (Baron, 1977) пришел к выводу, что фрустрация приводит к агрессии тогда, когда она достаточно сильная, неожиданная и непредвиденная. Кроме того, доказано, что инструментальная агрессия не является следствием фрустрации. Фрустрационную теорию агрессии поддерживают с некоторыми оговорками Берковиц (1962), Мак-Нейл (McNeil, 1959), а ряд ученых (Buss, 1961; Kaufmann, 1965; Kuhn et al., 1967; Taylor, Pisano, 1971) ее вообще отвергают.

Теория социального научения (Berkowitz L., 1962, 1978, 1989; Bandura A., 1973) в значительной степени является уточнением и развитием предыдущей теории. Л. Берковиц ввел между фрустрацией и агрессивным поведением две переменные: гнев как побудительный компонент и пусковые раздражители, запускающие агрессивную реакцию. Гнев возникает, когда достижение целей, на которые направлено действие субъекта, блокируется. Однако гнев еще не ведет сам по себе к агрессивному поведению. Для этого необходимы адекватные ему пусковые раздражители, которые должны связаться субъектом путем размышления с источником гнева, т. е. с причиной фрустрации. Агрессия возникает у человека тогда, когда он понимает, что у того, кто вызвал его фрустрацию, была возможность действовать иначе (Averill, 1983; Weiner, 1981). В дальнейшем и эта точка зрения несколько видоизменилась, что нашло отражение во взглядах А. Бандуры, который считает, что эмоция гнева не является ни необходимым, ни достаточным условием агрессии. Главная роль принадлежит, с его точки зрения, научению путем наблюдения за образцом (т. е. подражанию).

Представьте себе эпизод одного из экспериментов Бандуры (Bandura et al., 1961). Место действия — одно из дошкольных учрежденй Стэнфорда. Ребенок увлеченно рисует. В другом конце комнаты находится взрослая женщина, там же деревянный конструктор, деревянный молоток и большая надувная кукла. Повозившись в течение одной минуты на полу с конструктором, женщина поднимается и в течение почти 10 минут колошматит надувную куклу: колотит ее молотком, пинает ногами, швыряет, не переставая кричать: «Дай ему в нос!.. Врежь ему!.. Пни его!..»

Затем ребенок, видевший эту вспышку ярости, переходит в другую комнату, в которой много очень привлекательных игрушек. Однако спустя пару минут женщина (она же — экспериментатор) отрывает его от игры, говоря, что это — ее лучшие игрушки, которые она «должна беречь для других детей». Фрустрированный ребенок переходит в третью комнату, в которой много игрушек для агрессивных и неагрессивных игр, в том числе кукла «бобо» и деревянный молоток.

Дети, не видившие агрессивного поведения экспериментатора, редко играли или разговаривали агрессивно. Те же из них, кому довелось быть свидетелями агрессивных проявлений экспериментатора, чаще брали в руки молоток, чтобы ударить им куклу. Наблюдение за агрессивными действиями взрослого снизило их торможение. Более того, дети нередко повторяли и действия экспериментатора, и его слова…

В семьях, где практикуется рукоприкладство как способ наказания, вырастают дети, склонные к агрессивным действиям в отношении окружающих. Чтобы призвать их к порядку, родители нередко прибегают к окрикам, шлепкам и подзатыльникам, демонстрируя тем самым,

что агрессия может быть способом решения проблем (Patterson et al., 1982). Чаще всего такие родители — выходцы из семей, в которых не брезговали физическими наказаниями (Bandura, Walters, 1959; Straus, Gelles, 1980). Хотя большинство людей, с которыми жестоко обращались в детстве, и не преступники, и хорошие родители, 30% из них все-таки переносят известные им по собственному опыту «методы воспитания» на своих детей и наказывают их в 4 раза чаще (Kaufman, Zigler, 1987; Widon, 1989). В семьях насилие нередко порождает насилие.

Майерс Д., 2004, с. 456–457

В концепции Бандуры агрессивное поведение объясняется как с позиции теории научения, так и с позиции когнитивных теорий мотивации. Важное место отводится ориентации субъекта на обязательные стандарты поведения (например, в прошлом веке дворяне при оскорблении их чести и достоинства должны были вызвать обидчика на дуэль; в то же время в низших слоях общества это было не принято). Поэтому какая-то ситуация может привести одного субъекта к агрессии, а другого нет.

Различные подходы к рассмотрению причин агрессивного поведения отражают сложившееся в психологии положение дел по проблеме мотивации. Теория влечений близка к точке зрения, по которой за мотив принимается побуждение, возникающее у человека при наличии той или иной потребности, фрустрационная теория — к точке зрения, по которой причинами действий и поступков человека являются внешние стимулы (внешняя ситуация)[1]. А теория социального научения близка к точке зрения, по которой мотив отождествляется с целью (у Бандуры таковой является привлекательность предвосхищаемых последствий агрессивного действия). Но все эти теории обладают одним и тем же недостатком —— односторонним подходом к рассмотрению причин поведения и поэтому не могут дать достаточно полного описания процесса мотивации этого поведения.

4.2. Биологические предпосылки агрессивности

Подсчитано, что агрессивность на 20–25% связана с эндокринными факторами (Gladue, 1991). По некоторым данным, высокая склонность

[1] Наиболее важными детерминантами агрессии с позиции фрустрационной теории могут быть слова, действия, присутствие или даже появление других людей, к которым человек испытывает вражду (Latane, Richardson, 1992).

к агрессивному поведению некоторых людей связана с повышенным содержанием в их организме тестостерона (Lindman et al., 1987; Christiansen, Knusmann, 1987) или прегормона андростенедиона. Такие мальчики и девочки имеют проблемы с поведением, проявляя ложь, непослушание, эмоциональную вспыльчивость, препирательство с родителями и учителями (у мальчиков), злобную установку по отношению к родителям и стремление доминировать (у девочек) (Hopson, 1987).

> Агрессивность коррелирует с содержанием в крови мужского полового гормона тестостерона. Хотя влияние этого гормона значительно сильнее проявляется у низших животных, чем у человека, лекарственные препараты, снижающие уровень тестостерона в крови склонных к насилию мужчин, способны снизить и уровень их агрессивности...
>
> Известно, что уровень тестостерона у заключенных, отбывающих наказание за совершение тяжких неспровоцированных преступлений, выше, чем у тех, кто осужден за совершение преступлений ненасильственного характера (Dabbs, 1992; Dabbs et al., 1995, 1998). Подростки и взрослые мужчины, уровень содержания тестостерона в крови которых высок, более предрасположены к правонарушениям, наркомании и агрессивным реакциям на провокации (Archer, 1991; Dabbs, Morris, 1990; Olweus et al., 1988)...
>
> Другим «обвиняемым», нередко упоминаемым при обсуждении агрессивного поведения, является низкий уровень содержания в крови нейротрансмиттера серотонина... Для приматов и людей разного возраста, склонных к насильственным действиям, характерен низкий уровень серотонина в крови (Bernhardt, 1997; Mehlman, 1994; Wright, 1995). Более того, искусственное снижение концентрации серотонина в лабораторных условиях усиливает агрессивную реакцию испытуемых на неприятные для них действия...
>
> Майерс Д., 2004, с. 449–450

Наблюдение кастрированных сексуальных преступников показало, что кастрация снижает враждебность и агрессивные тенденции (Bremer, 1959; Hawke, 1950; Strup, 1960). При введении им тестостерона агрессивные тенденции восстанавливались (Hawke, 1950). Коэн-Кеттенис и ван Гузен (Cohen-Kettenis, van Goozen, 1997) изучали транссексуалов, которые проходили курс гормонального лечения с целью смены пола. Женщины, менявшие пол на мужской, получали большие дозы мужских гормонов, и в том числе тестостерона, а мужчины, менявшие свой пол на женский, принимали женские гормоны. Как и предполагалось, бывшие женщины повысили свою агрессивность, а бывшие мужчины — снизили.

Когда вводили тетстерон беременным обезьянам, их детеныши после рождения участвовали в беспорядочных драках, а не в характерной для молодых самок «мирной» деятельности (Young, Goy, Phoenix, 1964). Сходные результаты получены и у людей. Маленькие девочки, которые до рождения получили большую дозу мужских гормонов, так как их надпочечные железы плохо функционировали, чаще дрались, чем их сестры (Money, Erhardt, 1972).

Однако Сапольски (Sapolsky, 1997), изучив все исследования, посвященные связи агрессии с тестостероном, пришел к выводу, что этот гормон не обусловливает ее возникновение, но важен для ее проявления. Данные говорят о том, что когда тестостерон подавляется, агрессивное поведение редуцируется, но не полностью. Следовательно, агрессия инициируется чем-то еще. Как пишет Сапольски, уровнем тестостерона не объяснить, почему люди нажимают на спусковой крючок пистолета.

Некоторые данные о непосредственном влиянии гормонов получены в результате исследования пренатального воздействия прогестина (progestin), синтетического гормона, который иногда дают беременным женщинам, чтобы снизить вероятность выкидыша. Результаты уже имеющихся исследований показывают, что прогестин оказывает на плод эффект маскулинизации. Руководствуясь этими данными, Джуан Рейниш (Reinisch) решила выяснить, повысил ли этот гормон агрессивность у детей, которые получали его, находясь в утробе матери. Для этого она провела психологическое тестирование, оценивающее агрессивные наклонности 25 маленьких детей (17 девочек и 8 мальчиков), матери которых принимали прогестин в период беременности. Братья и сестры этих двадцати пяти детей тоже прошли тестирование.

Во время тестирования ребенка просили показать, как он отреагирует на шесть различных конфликтных ситуаций, таких, например, как ссора во время игры. Когда Рейниш сравнила ответы детей с ответами их братьев и сестер, не получавших гормон, она обнаружила, что как пол, так и прогестин влияли на реакцию детей в конфликтной ситуации… Внутри групп того и другого пола дети, подвергшиеся в утробе воздействию синтетического гормона, чаще выбирают физическую агрессию, чем их братья и сестры, развивавшиеся в нормальной среде. Очевидно, прогестин так повлиял на развитие их мозга до рождения, что в период взросления они стали проявлять больше склонности к физической агрессии.

Берковиц Л., 2001, с. 464

Установлена связь агрессивности с генетическими факторами, например с наличием лишней Y-хромосомы (Jacobs, 1977). Так, отмечено, что

среди людей с генотипом XYY (один на 700 мальчиков) чаще встречаются более высокая агрессивность, преступность и распространенность сексуальных девиаций.

Ученые Европейского научно-исследовательского института физической культуры и спорта исследовали вариации нескольких генов, имеющих отношение к агрессивному поведению человека, и прежде всего ген переносчика серотонина (5HTT). Ключевой участок этого гена бывает «коротким» и «длинным». Исследования показали, что носители двух «длинных» вариантов гена более агрессивны, чем носители двух «коротких». Второй интересовавший ученых ген — ген фермента деградации другого нейромедиатора — дофамина. Точечная мутация в этом гене снижает проявления агрессивности. Так что носители двух таких мутантных генов менее агрессивны, чем носители двух нормальных. Исследователи обнаружили, что агрессивность женщин-спортсменок связана с вариациями этого гена.

Давно известно, что можно вывести породу особо агрессивных представителей многих биологических видов. Иногда это делается для определенных практических нужд (примером может служить разведение бойцовских петухов), иногда — для исследовательских целей. Из обычных мышей-альбиносов финский психолог Кристи Лагерспец вывела более агрессивных и менее агрессивных, чем они сами, мышей (Lagerspetz, 1979). Через 26 поколений она получила помет, в котором были свирепые мыши, и помет, состоявший из спокойных особей.

Разным людям, как и разным приматам, агрессивность свойственна в разной степени, и это вполне естественно (Asher, 1987; Olweus, 1979). Наши темпераменты, т. е. то, насколько мы эмоциональны и «реактивны», отчасти являются нашим биологическим наследством, результатом реактивности нашей симпатической нервной системы (Kagan, 1989). Темперамент индивида проявляется уже в детстве и, как правило, не изменяется в течение жизни (Latser, Diener, 1987; Wilson, Matheny, 1986). Бесстрашный, испульсивный и вспыльчивый ребенок рискует превратиться в подростка, склонного к насильственным действиям (American Psychological Association, 1993). Однояйцовые близнецы, когда их спрашивают по отдельности, более, чем двуяйцовые, склонны соглашаться с тем, что у них «взрывной» темперамент или что они дерутся (Rushton et al., 1986; Rowe et al., 1999). Половина однояйцовых близнецов тех людей, чьи преступления доказаны, тоже состоит на учете в полиции, а аналогичный показатель для двухяйцовых близнецов — только 20% (Raine, 1993).

Майерс Д., 2004, с. 447–448

Поскольку агрессия — сложное поведение, нельзя сказать, что ее контролирует какой-то определенный участок мозга. Однако ученым удалось установить, какие именно участки нервной системы облегчают агрессивное поведение человека и животных. Активация этих зон мозга приводит к усилению враждебности, а дезактивация — к ее ослаблению…

В одном из экспериментов исследователи ввели электрод в тот самый участок обезьяны-лидера, который контролирует сдерживание агрессии. Одну маленькую обезьянку научили нажимать кнопку, активирующую этот электрод, всякий раз, когда от лидера начинала исходить угроза. Существует возможность активировать и мозг человека. После того как одна женщина подверглась безболезненной процедуре — электростимуляции миндалевидной железы (участка коры головного мозга), она впала в ярость и разбила о стену свою гитару, лишь по счастливой случайности не задев при этом головы своего психиатра (Moyer, 1976, 1983)[1].

Значит ли это, что мозг склонных к агрессии людей в известном смысле аномален? Чтобы ответить на этот вопрос, Адриан Рейн и его коллеги с помощью сканирования измерили активность мозга убийц, жестокость которых нельзя было объяснить ни беспризорностью, ни насилием, пережитым ими в детстве, и определили количество серого вещества в мозге мужчин, склонных к антисоциальным поступкам (Rain, 1998, 2000). Они нашли, что префронтальная кора, исполняющая функцию аварийного тормоза для участков головного мозга, «ответственных» за агрессивное поведение, у них на 14% менее активна, чем у нежестоких убийц, а ее объем у лиц, ведущих антисоциальный образ жизни, на 15% меньше, чем у среднестатистического человека. Можно ли утверждать, что аномалия головного мозга сама по себе создает предрасположенность к насилию? Возможно, нет, но что касается некоторых людей, склонных к жестокости, то для них она, весьма вероятно, является определенным фактором (Davidson et al., 2000).

Майерс Д., 2004, с. 447

Хайне (Hine, 1983) считает, что в механизмах агрессии ведущая роль принадлежит нейромедиаторной системе. Связывают агрессивность и с наследственностью. Так, Ж.-П.Синьоре (1889) нашел, что генерализованная агрессия выше у тех самцов животных и у тех мужчин, у которых отличались агрессивностью отцы.

[1] На роль миндалевидной железы в проявлении агрессии указывает и случай, произошедший с американцем Чарльзом Уитменом. Этот молодой человек никогда не выделялся своей агрессивностью и склонностью к насилию. Однако однажды ночью он убил своих жену и мать, а на следующее утро начал стрелять по прохожим на улице. Его жертвами стали 14 человек и еще 24 были ранены. После того как его убили полицейские, при вскрытии черепа у него была обнаружена опухоль в медиальной части головного мозга, которая оказывала давление на миндалевидную железу (Фрэнкин Р., 2003, с. 373).

Раштон с соавт. (Rushton et al., 1986) на выборке в 572 человека выявили, что у монозиготных близнецов наблюдается большее сходство в агрессивном поведении, чем у дизиготных близнецов (коэффициент корреляции у первых был равен 0,40, а у вторых корреляция отсутствовала), что указывает на роль генетического фактора в индивидуальном проявлении агрессии. Однако достоверные связи между уровнем агрессивности у монозиготных близнецов обнаруживаются не всегда (Tedeschi, Felson, 1974).

Метаанализ данных, опубликованных в 24 исследованиях, показал, что генетическим фактором можно объяснить 50% существующих вариаций (Miles, Carey, 1997). При этом было выявлено, что у детей проявление агрессии тесно связано с окружающей средой, а у взрослых — с генетическим фактором.

Грей (Gray, 1991) выделил три нейробиологические структуры, задействованные в реализации агрессивного поведения, — две из них связаны с побуждением к агрессии и одна — с ее подавлением.

Система «борьбы — бегства» (СББ). Данная система активируется, когда мы испытываем боль и фрустрацию. Такие события стимулируют миндалевидную железу, гипоталамус и средний мозг; вместе с мозговым стволом эти структуры вызывают оборонительное поведение.

Система поведенческой активации (СПА). Она запускается в случае фрустрации. Чтобы преодолеть препятствия или избежать наказания, человеку требуется обратиться к инструментальному поведению. Оно управляется системой СПА, которая способна продуцировать вознаграждения. Одним из главных ее компонентов является дофаминергическая система.

Система поведенческого торможения (СПТ). Ее можно обозначить как систему «прекрати смотреть и прислушайся». Способность подавлять поведение обусловлена активацией СПТ. Это происходит благодаря как новым стимулам, так и тем, что связаны с наказанием или с прекращением вознаграждения. В работе СПТ задействовано несколько структур головного мозга. Когда она активируется, внимание фокусируется на стимулах, представляющих угрозу.

Объяснение агрессии как черты характера

Ряд данных показывает, что люди отличаются агрессией, которая связана с характером. Исследователи предположили, что различная склонность людей к агрессивным действиям определяется тем, что они рождаются с разными порогами активации трех нейробиологических струк-

тур, задействованных в реализации агрессивного поведения: системы «борьбы — бегства» (СББ), которая включает в себя миндалевидную железу, гипоталамус и средний мозг и активируется, когда мы испытываем боль и фрустрацию; системы поведенческой активации (СПА), главным компонентом которой является дофаминергическая система, активирующаяся в случае фрустрации, чтобы избежать наказания или преодолеть препятствия; системы поведенческого торможения (СПТ), в которой задействовано несколько структур головного мозга и активация которой автоматически приводит к концентрации внимания на тех стимулах, которые являются угрожающими (Gray, 1991).

Возьмем, к примеру, вербальную агрессию. Согласно изложенной точке зрения, к ней склонны те, у кого низкий порог активации СПА и СББ и высокий — СПТ. Точнее, «люди с высоким уровнем вербальной агрессии имеют сильную мотивацию достичь цели, участвуя в межличностных взаимодействиях, они быстро переходят к агрессивной тактике в случае первых неудач и, если отсутствует надлежащее торможение, становятся агрессивными. Фокусировка внимания, сопровождающая активацию системы, обеспечивает постоянную сосредоточенность на цели и сводит к минимуму внимание к возможным негативным последствиям агрессивного символического действия» (Beatty, McCoskey, 1997, с. 450). Понятие порогов является важной составляющей теории, поскольку позволяет выявить, что даже люди, обладающие невысокой агрессивностью характера, способны проявить ее вербально, если достаточно событий, чтобы активировать СББ и СПА, но мало для активации СПТ.

Фрэнкин Р., 2003, с. 371

Некоторые ученые считают, что спровоцированная (реактивная) агрессия напрямую зависит от количества тестостерона. Это значит, что люди, имеющие высокое содержание тестостерона в крови, будут отвечать на провокации более агрессивно. Исследователи полагают, что кроме прямой существует также косвенная связь между количеством тестостерона и агрессивностью, а именно что высокое содержание данного андрогена обычно сочетается с пониженной способностью переносить фрустрацию. Человек, неспособный переносить фрустрацию, может ответить агрессией, даже когда он является объектом провокации.

4.3. Роль подражания в развитии агрессивности

Очевидно, что большую роль в формировании агрессивного поведения играет механизм подражания (Levin, Fleishmann, 1967). Это было про-

демонстрировано в одном эксперименте (Bandura et al., 1961). Дети от 3 до 5 лет были разделены на четыре группы: три экспериментальные и одну контрольную. В первой экспериментальной группе дети наблюдали за агрессивным поведением взрослых, выражавшемся в грубом обращении с куклой. Дети второй группы видели то же в кинофильме. В третьей группе детям тоже показывался кинофильм, но в нем высмеивалось грубое обращение с куклой. Затем все дети (в том числе и контрольной группы) играли с очень интересными для них игрушками, а во время игры игрушки отнимались и экспериментаторы смотрели, как дети реагировали на это.

Выяснилось, что по сравнению с контрольной группой в экспериментальных группах было больше агрессивных реакций, причем наибольшую агрессивность обнаружили дети второй группы.

Однако не все люди, выросшие в семьях, где имело место насилие, прибегают к насилию и плохо обращаются со своими детьми (Widom, 1969). Возможно, в «передаче эстафеты» агрессивного поведения от одного поколения к другому играют роль биологические и генетические факторы, например наличие определенного темперамента (DiLalla, Gottesman, 1991).

4.4. Агрессивность как результат семейного воспитания

Бандура и Уолтерс (Bandura, Walters, 1959) выявили, что если матери снисходительно относятся к агрессивным действиям своих детей и даже склонны им потакать, то дети становятся еще агрессивнее. С другой стороны, как показано Эрон с соавт. (Eron et al., 1963), если детей очень строго наказывают, они тоже отличаются большой агрессивностью по отношению к товарищам.

Олвейс (Olweus, 1980) исследовал связь между ситуацией в семье и агрессивностью мальчиков в Швеции. Он изучал три аспекта семейных отношений: использование физического наказания ребенка, близость или отчужденность родителей и контроль за поведением ребенка. Каждый аспект в отдельности, а особенно все три в совокупности, были тесно связаны с уровнем агрессивности мальчиков. Конечно, не исключено, что агрессивность и как следствие агрессивное поведение со стороны мальчика в итоге приводит к физическим наказаниям, более сдержанно-

му отношению родителей и ослаблению контроля. Олвейс рассматривал такую возможность и заключил, что причинно-следственная связь все же обратная: негативные отношения в семье порождают агрессивность. Тот же вывод сделан и другими исследователями (Loeber, Farrington, 2001).

Как воспитание родителей способствует формированию агрессивности детей

Родители поощряют агрессивность в своих детях непосредственно либо показывают пример (модель) соответствующим поведением по отношению к другим и окружающей среде...

Родители наказывают детей за проявление агрессивности. В ряде исследований было установлено, что:

а) родителям, разумно подавляющим агрессивность у своих детей, как правило, удается воспитать в детях умение владеть собой в ситуациях, провоцирующих агрессивное поведение;

б) родители, которые не наказывают своих детей за проявление агрессивности, вероятнее всего, воспитывают в них чрезмерную агрессивность;

в) родители, которые очень резко подавляют агрессивность у своих детей, воспитают в ребенке чрезмерную агрессивность, которая будет проявляться в более зрелые годы...

Кретти Б. Дж., 1978, с. 111

Более точная картина могла быть выявлена Олвейсом в том случае, если бы он показал связи каждого из видов агрессивности (реактивной и проактивной) с негативизмом, физическим наказанием и недостаточным надзором со стороны родителей, однако он этого не сделал. Тем не менее его исследование представляет интерес для изучения феномена моббинга, поскольку реактивная и проактивная агрессивность тесно связаны (Dodge, 1991; Roland, Idsoe, 2001). Поэтому вполне вероятно, что рассмотренные аспекты отношений в семье влияют на формирование как реактивной, так и проактивной агрессивности.

Додж (Dodge, 1991) отмечал, что проактивная и реактивная разновидности агрессивности могут формироваться под влиянием отчасти тех же, отчасти других аспектов отношений в семье. Он предположил, что та или иная форма насилия над ребенком увеличивает риск развития реактивной агрессивности, в то время как наличие собственного опыта или

наблюдений за другими, свидетельствующих о том, что агрессия приносит свои плоды, повышает вероятность развития проактивной агрессивности. Додж подчеркивал, что в сущности — это гипотеза, требующая дальнейших эмпирических исследований (Loeber, Farrington, 2001).

Все становится еще сложнее, если задаться вопросом, какую роль играет пол ребенка. Ведь связь между ситуацией в семье и агрессивностью в основном изучалась среди мальчиков (Loeber, Farrington, 2001; Olweus, 1980).

Вероятность осуществления агрессии высока у детей, наблюдавших и испытавших на себе насилие в семье (Холод Н. И., 2005), реализовавших подобное поведение в собственной социальной практике и получивших положительный опыт.

Е. В. Козырева (2004) установила, что высокий уровень гетероагрессивности подростков обнаруживается при отсутствии общих интересов в семье, при отвержении ребенка родителями, при недружеских взаимоотношениях в семье и при использовании жестких методов воспитания. Высокий уровень аутоагрессивности наблюдается при отсутствии общих дел и взаимопомощи в семье, а также при использовании жестких методов воспитания.

В исследовании И. Н. Кириленко (2007) тоже показано, что характер отношений родителей с подростками, положение и самочувствие в семье, а также их оценка степени эмоциональной теплоты взаимоотношений с родителями оказывают непосредственное влияние на развитие агрессии детей. Подростки, имеющие неблагополучные отношения с родителями, более склонны проявлять физическую, косвенную и вербальную агрессию, испытывать подозрительность и чувство вины, чем подростки с благополучными отношениями.

Проведенное И. Н. Кириленко исследование дало возможность определить характеристики родителей агрессивных и неагрессивных детей. Прежде всего оказалось, что существует различие в их взглядах на цели и способы воспитания, необходимость авторитарных, категорических запретов, допустимые методы наказания и поощрения. Также обозначились расхождения в оценках поведения подростков и содержании типичных тем разговоров с детьми.

Родители, оценивающие своих детей как агрессивных, больше внимания уделяют контролю и меньше — разговорам на интересующие подростка темы, разговорам на «отвлеченные» темы, демонстрируют

приоритет дисциплинарных воздействий над поддерживающими. Их требования и запреты чаще носят импульсивный, непоследовательный и несогласованный характер. Во взаимоотношениях родителей с детьми мало позитива и оптимизма, у детей присутствуют страх, тревога и беспокойство. Это ограничивает самостоятельность и свободу подростка, побуждает его к манипулированию, избеганию и конфликтности. Как показал опрос, дети этих родителей предпочитают утаивать свои проблемы и обращаться за помощью к сверстникам.

Напротив, родители, считающие своих детей неагрессивными, предпочитают сотрудничать с детьми, формируют у них высокую самооценку, установки на успех, уверенность в своих возможностях, транслируют модели конструктивного поведения в сложных ситуациях, предпочитают поддерживать и защищать своих детей. Характерно, что дети этих родителей указывают, что в большинстве ситуаций затруднения они обратятся к родителям. Таким образом, в семьях, где дети и родители выступают как одна команда и поддерживается безопасная, развивающая среда, подросток имеет больше шансов на формирование адекватных моделей взаимодействия в микро- и макросоциуме.

Г. П. Бочкарева выделяет типы семьи, которые способствуют формированию агрессивного поведения у детей и подростков:

1) с неблагополучной эмоциональной атмосферой, где родители не только равнодушны, но и грубы, проявляют неуважение по отношению к своим детям;
2) в которых отсутствуют эмоциональные контакты между ее членами, имеется безразличие к потребностям ребенка при внешней благополучности отношений. Ребенок в таких случаях стремится найти эмоционально значимые отношения вне семьи;
3) с нездоровой нравственной атмосферой, где ребенку прививаются социально нежелательные потребности и интересы, он вовлекается в аморальный образ жизни.

4.5. Агрессивность и СМИ

Среди социальных факторов, влияющих на уровень агрессивности и проявления агрессии в обществе, одним из главных является действие средств массовой информации (СМИ).

Дегуманизация средств массовой информации у нас и за рубежом в последние десятилетия стала очевидной. По телевидению все новости начинаются с катастроф, убийств и т. п. Не случайно, по данным А. Крыловой, самыми агрессивными передачами на российском телевидении наряду с программами «Человек и закон», «Специальное расследование», «Дежурная часть», «К барьеру», новыми российскими сериалами («Охота на изюбря») опрошенными назывались все новостные программы центральных каналов («Вести», «Время», «Сегодня»). Многие каналы для поднятия своего рейтинга «специализируются» на телесериалах с криминальным содержанием, сценами насилия и убийств. Как отмечают в своем исследовании социологи Санкт-Петербургского университета, «никого не шокирует, что за один день на главном городском телеканале нам показывают 160 драк, 202 убийства, 32 негативные новости, 39 раз звучит неприличная брань»[1]. В связи с этим телевидение стало рассматриваться в качестве одной из вероятных причин агрессии. По мнению профессора Университета штата Айова Брэда Бушмана, «связь между телевидением и агрессией, а также снижением интеллектуального уровня у детей более доказана, чем связь между курением и раком».

Хотя статистические данные сильно расходятся, все они показывают безрадостную картину. Подсчитано, что к окончанию начальной школы американский ребенок уже увидел 8 тыс. убийств и 100 тыс. актов насилия на экране, а к 18 годам — 40 тыс. убийств и 200 тыс. актов насилия (Basta, 2000). В отчете Национального института психического здоровья приводятся данные, что к 16-летнему возрасту телезритель, вероятно, видел около 13 тыс. убийств (National Institute of Mental Health, 1982). По данным Медицинского Гарвардского университета, к 18-летнему возрасту американский ребенок становится свидетелем 180 тыс. актов насилия на экране, из них примерно 80 тыс. составляют убийства. И это при том, что, по данным Е. И. Бережковой (2003), предпочитают смотреть фильмы «агрессивного» содержания только 13,7% младших школьников (из них девочек только 5%). Таким образом, видеопродукция «агрессивного» содержания просто навязывается детям.

Компанией *Mediascope* в результате анализа сетки вещания было установлено, что 60% программ содержали сцены насилия (1998). Национальное исследование телевизионного вещания США 57% телевещания связало с демонстрацией насилия (1997). А. В. Федоров (2004) приводит данные, согласно которым эпизоды с насилием присутствуют в сюжетах

[1] *Шергина Н.* Под властью рейтинга // Российская газета. 2004. 27 декабря. С. 5.

фильмов (90% — в США, 57% — в России), телесериалов (72%), детских сериалов (66%), видеоклипов (31%), передач, основанных на реальных событиях (30%), комедийных сериалов (27%).

По данным зарубежных социологических исследований, в наиболее популярных телевизионных программах на каждый час вещания приходится девять актов физической и восемь актов вербальной агрессии (Бэрон Р., 1997, с. 109). Художественные телефильмы, которые транслируются по российским телеканалам, часто имеют «агрессивные» названия: «Страшная месть», «Идеальное преступление», «Схватка», «Антикиллер», «Наемный убийца», «Карты, деньги, два ствола» и т. д. (Дроздов А. Ю., 2001, с. 66).

За один час просмотра, по различным данным, зритель видит от 3 до 100 актов насилия (Федоров, 2004; Gerbner et al., 1986; Willtams, 1989; Джонсон с соавт., 2000). Максимальное число актов агрессии наблюдается с 18.00 до 20.00 (Федоров, 2004; Gerbner et al., 1986). Продолжительность среднестатистической сцены насилия составляет около 5–7 минут.

В ходе исследований российской прессы установлено, что публикации «МК» с мая 1997 по декабрь 2000 г. содержали: жестокие подробности криминального насилия — 63,93%; описание технологии совершения убийства — 36,07; нагнетание чувства страха, беспомощности — 72,13; циничный, кощунственный стиль изложения — 80,33% (Брушлинская Л. Б., 2002). На телеканалах России обычно и агрессорами, и жертвами оказываются мужчины. Конфликты между ними на телеэкране носят предельно жесткий характер: 50% сцен — это убийства, 30% — драки или избиения. Женщины становятся жертвами в два раза, а агрессорами — в десять раз реже, чем мужчины (Фенько А., 2000). Причем наблюдается явная диспропорция убийств в реальной жизни и на экране. Ученые из Университета штата Айова Б. Бушман и К. Андерсон подсчитали, что реальные убийства составляют 0,2% всех преступлений, совершаемых в США, однако убийства составляют половину всех преступлений, показанных по телевидению (Убийство на экране... 2003).

Большая часть исследователей считает, что показ сцен насилия в фильмах и телевизионных программах может повысить агрессию зрителей (Блэкборн, 2004). И действительно, выявлено, что просмотр жестоких фильмов внушал испытуемым агрессивные мысли (Бушман, Джин, 1990). Замечено также, что дошкольники, которым по вечерам разрешали смотреть боевики, в 2,8 раза чаще использовали агрессию для раз-

решения спорных вопросов во взаимоотношениях с другими детьми по сравнению с теми, кому перед сном читали сказки (Корнеева Е. Н., 2004). Л. Берковиц (Berkowitz, 1974) обнаружил, что мальчики-подростки, видевшие, как в фильме кого-то сильно били, потом меньше сдерживали желание ударить человека, похожего на жертву из фильма.

Опрос 1152 школьников Москвы, проведенный Центром социологии образования РАО, показал, что удовольствие от сцен насилия испытывают 10,9% опрошенных, а тех, кто «специально выбирает передачи с большим количеством насилия», — 2,8%[1]. К. А. Тарасов приводит сведения о 6% российских подростков, считающих, что жестокие фильмы учат, как нужно овладевать искусством насилия. У 39–43% подростков, склонных к хулиганским поступкам и участию в драках, насилие на экране вызывает положительные эмоции.

Вуд, Уонг и Чачере в 1991 г. рассмотрели результаты 23 экспериментов, в которых участвовали дети и подростки, и заключили, что «изображение насилия в средствах массовой информации усиливает агрессию детей и подростков при их взаимодействии с незнакомыми, одноклассниками и друзьями» (Крейхи Б., 2003). Результаты метаанализа, проведенного Пейк и Комсток, включающего обзор 217 исследований, опубликованных с 1957 по 1990 г., оказались похожими. В результате метаанализа Хогберна (1998) была выявлена умеренная, но убедительная взаимосвязь между наблюдением медианасилия и агрессивным поведением (Крейхи, 2003). В сборнике «Насилие в СМИ» под редакцией К. Вексера (Wekesser C.) приводятся данные о том, что из 85 исследований медианасилия только в одном не было выявлено связи между теленасилием и реальным насилием в обществе. По некоторым оценкам, вклад телевидения в увеличение склонности к насилию оценивается не более чем в 5% («TV and aggression» // Science. — 2003. — Vol. 299. — № 5614. — P. 1839). Другие исследователи считают, что величина эффекта последующего агрессивного поведения составляет от 5 до 15% (Comstock, Paik, 1994).

Жмуров Д. В. Сценарная агрессия. Влияние СМИ на криминализацию молодежи // Интернет-портал

Наблюдение сцен агрессивного характера может стимулировать процессы социального научения и приводить к освоению новых типов поведения (Крейхи, 2003). При этом, как показано Е. И. Бережковой (2003), это зависит от формы предъявления информации. Для младших школьников,

[1] Телевизор превращает законопослушных людей в преступников // Мембрана. 2002. 1 апреля.

например, более сильным влиянием обладает информация, предлагаемая в киноварианте. Влияние мультипликационных сцен агрессии имеет место только при определенных условиях. Картинки, иллюстрирующие различные проявления агрессивного поведения людей по отношению друг к другу, повышают агрессивность школьников младшего возраста. И аудиальное, и визуальное предъявление агрессивной информации одинаково повышает агрессивность младших школьников, но менее, чем их сочетание. После визуального воздействия возрастала склонность к физической агрессии, а после вербального — склонность к вербальной агрессии.

Научение агрессии происходит при следующих важных условиях.

1. *Демонстрация наказуемости/ненаказуемости насилия*. Как правило, наблюдение поощрения агрессии у других усиливает враждебную направленность, а наблюдение наказания ослабляет тенденцию вести себя подобным образом (А. Бандура). К сожалению, результаты исследований свидетельствуют о том, что насилие больше поощряется, нежели критикуется. «Mediascope» приводит данные о том, что в трех четвертях случаев телевидение демонстрирует программы, в которых насилие не порицается[1]. Согласно другим источникам, 40% демонстрируемого насилия совершается «положительными героями» и не осуждается. Отмечено, что только 4% всех программ демонстрирует явное осуждение насилия, а вывод, что зло способно обернуться еще большим злом, содержат лишь 15% программ[2]. Национальное исследование телевизионного насилия 1997 г. (США) установило, что в 44% передач насилие изображалось оправданным. В каждом пятом фильме в России, показанном в вечернее время, не обнаруживается наказания антигероя, применяющего насилие (Тарасов К. А., 2003).

   Мало того что телевидение способствует росту агрессивности у зрителей, оно еще подспудно «учит» актуальным методам агрессии, а также способам рационализации и оправдания насилия. Социологические опросы российских подростков показали, что телевидение является основным источником информации о противоправных действиях несовершеннолетних. 81% законопослушных подростков, 62% состоящих на учете и 50% учащихся закрытых спецшкол, по их словам, черпают информацию о молодежной преступности именно из телевизионных программ

[1] ТВ и видеоигры развивают в детях жестокость // Эксперт-центр. 2003. 13 февраля.
[2] Культ насилия уродует детскую психику // Правда. 1999. 11 июня.

и фильмов[1]. В опросах американских заключенных США 63% из них заявили, что совершили преступление, подражая телевизионным героям, а 22% переняли из передачи телевидения «технику преступления» (Кара-Мурза С., 2005).

2. *Демонстрация отсутствия последствий агрессии.* Отсутствие изображения трагических последствий насилия может привести к недооценке результатов ее использования. По данным Б. Крэйхи, в 50% телевизионных сцен насилия в США не показывалось никаких страданий и повреждений жертвы. В Великобритании подобные сцены составляли около 20%.

3. *Количество времени, проведенного за просмотром телевизора.* Систематическое и продолжительное восприятие сцен насилия с большей вероятностью повлечет за собой использование агрессии в реальной жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что к моменту окончания средней школы ребенок, который ежедневно смотрит телевизор несколько часов, более склонен к агрессии (Горельчик Е., 2001). Аналогичные данные приводит исследовательская группа «Nielsen Media Research» (Жмуров Д. В.).

Психоаналитики считают, что наиболее «опасное» время для усвоения моделей агрессии — вечер. Во-первых, именно в вечернее время транслируется наибольшее количество сцен насилия. Во-вторых, в эти часы с увеличением усталости снижается уровень самоконтроля и критичности (состояние предсна), что обеспечивает принятие негативных образцов поведения. Более того, воспринятые в ночные часы модели могут «прорабатываться» в дальнейшем в сновидениях и усваиваться на уровне подсознания (Собкин В., Глухова Т., 2001). С другой стороны, в рамках психоанализа развивается идея катарсиса, согласно которой реальная агрессия человека изживается в ходе просмотра сцен экранного насилия.

Э. Фромм писал, что для людей, лишенных естественных человеческих связей, просмотр насилия на телевидении — это попытка компенсировать страшную скуку, овладевшую ими. Такой человек «испытывает пассивную тягу к изображению преступлений, катастроф, кровавым и жестоким сценам — этому хлебу насущному, которым ежедневно кормят публику пресса и телевидение. Люди жадно поглощают эти образы, ибо это самый быстрый способ вызвать возбуждение и тем облегчить скуку без внутреннего усилия. Но всего лишь малый шаг отделяет пас-

[1] Национальный правовой сервер Республики Беларусь. 24.09.2004 г.

сивное наслаждение насилием от активного возбуждения посредством садистских и разрушительных действий».

Физиологические теории формирования агрессивных тенденций упирают на то, что при просмотре сцен агрессии ребенок испытывает потрясения, сопровождающиеся выбросом различных гормонов (адреналин, норадреналин, эндорфины и пр.). Эмоциональные потрясения, переживаемые ежедневно, адаптируют организм индивида к повышенному содержанию гормональных веществ в крови, возникает физиологическая зависимость, и со временем, когда телевизор перестает приносить удовольствие, начинается поиск замещающих форм поведения для поддержания требуемого гормонального уровня. Ребенок начинает заниматься подстрекательством, провоцированием агрессии.

Теории ситуативных гормональных изменений исходят из предположения, что агрессивные сцены не вызывают физической зависимости, но могут на короткое время изменить выработку того или иного гормона. Вследствие этого возможность агрессивного поведения существенно возрастает. Эксперименты О. Шультхайсса показали, что при просмотре кинофильмов у людей изменяется уровень половых гормонов. Так, было отмечено, что мелодрамы с участием К. Иствуда снижают уровень тестостерона, а значит, и агрессивность у мужчин. Криминальные драмы и боевики оказывают противоположное влияние. Например, при просмотре «Крестного отца-2» уровень тестостерона в крови мужчин повышался на 30%. В связи с этим О. Шультхайсс заметил: «Если вы хотите получше узнать человека, присмотритесь к его видеоколлекции»[1].

Теория стимулирующего воздействия (Gunter, McAleer, 1997; Zillman, 1989; Mueller and others, 1983) объясняет агрессию, возникающую после просмотра сцен жестокости: а) усилением возбуждения человека, б) снижением чувствительности к страданиям жертвы, в) представлениями о допустимости насилия в межличностных отношениях (Тарасов К. А., 2003).

Сторонники этой теории утверждают, что высокий уровень физиологического возбуждения, вызванный просмотром сцен насилия, повышает склонность человека к агрессивному поведению. Лабораторные эксперименты показали, что эффект от наблюдаемого насилия длится около часа (Бьювиник, Берковиц, 1976; Уилсон, Капитмен, 1982). В то же время

[1] Телевидение изменяет уровень гормонов // ФедералПост. 2004. 27 июля.

постоянное наблюдение сцен насилия, сначала повышая и закрепляя уровень возбуждения, со временем приводит к его снижению (Averill, Malstrom, Koriat, Lazarus, 1972; Cline, Croft, Courrier, 1973). Например, дети, увлеченные медианасилием, обнаруживают более низкий уровень физиологического возбуждения в ответ на показ сцен насилия, а также менее восприимчивы к страданиям жертвы, чем контрольная группа детей. В связи с этим они стремятся к постоянному поддержанию этого уровня, вновь обращаясь к теленасилию и агрессии (Ениколопов С. Н., 2002).

Результаты некоторых исследований показывают, что агрессивные дети в сравнении со спокойными детьми действительно считают, что увиденное на экране насилие отражает реальную жизнь[1]. Поэтому после просмотра фильмов с актами насилия у детей в играх могут проявляться имитационные агрессивные действия, представляющие собой причинение вреда без преступного умысла, когда опасность копируемого насилия недооценивается или не осознается детьми. Так, группа 5–6-летних детей в г. Осло на лужайке недалеко от дома забила насмерть одну из подружек. Она в игре представляла ту черепашку-нинзя, которую в последней передаче все били (Кара-Мурза, 2005).

Причиной серьезных нарушений поведения реакция имитации может стать, когда примером для подражания служит антисоциальный «герой». Не случайно культ гангстеризма, насилий, убийств, грабежа, возвеличивание удачливого «преступника-супермена» в американском кино, телевидении, бестселлерах способствовал росту в США преступности малолетних (Личко А. Е., 1983). Так, в Уэльсе дети после просмотра фильма «Гладиатор» воспроизвели некоторые сцены кровавой битвы. В результате одного 12-летнего мальчика пришлось отправить в больницу, потому что друг пронзил его двухфутовым копьем[2].

Выявлено, что на индивидуальные различия в восприимчивости изображения медианасилия влияют следующие факторы: половые различия — на мальчиков изображение насилия воздействует сильнее, чем на девочек; интеллектуальные способности — более развитые в познавательном плане дети подвержены влияниям в меньшей степени (Холод Н. И., 2005). Влияние оказывают также возраст и психологические особенности ребенка. Имеет значение отношение родителей

---

[1] *Файтельберг-Бланк В., Колесниченко Т., Костроменко А.* Кинонасилие — провокация преступности // Порто-Франко. 2005. № 39 (784). 7 октября.

[2] Фильм Тарантино виноват в убийстве подростка // События. 2000. 8 июля.

к агрессии и насилию: если их отношение отрицательно, то и дети, увидевшие сцены насилия по телевидению, не склонны перенимать такое поведение (Dominick, Greenberg, 1971). Следует принимать во внимание и то, что не всем детям нравится смотреть сцены с насилием. Очевидно, с охотой смотрят их дети, имеющие врожденную склонность к агрессии (Bushman, 1995; Eron et al., 1972; Fenigstein, 1979). Отсюда делается не совсем корректное заключение о влиянии на них таких телепередач. Однако это не исключает влияние сцен насилия на развитие агрессивности у остальных детей.

Существует «сенситивный период», в течение которого индивиды особенно восприимчивы к воздействию медианасилия. Критический возраст «сенситивного периода», по данным Б. Крэйхи, 8–12 лет, по наблюдениям Жмурова — 3–10 лет. (Эксперименты Ф. Циммермана с 4-летними детьми, пишет Жмуров, заставляют обоснованно сомневаться в нижних границах «сенситивного периода», предлагаемых Б. Крэйхи.)

Е. И. Николаева отмечает, что демонстрация сцен насилия выступает в качестве катализатора агрессивного поведения лишь у фрустрированных детей.

Установлено также, что чрезмерное увлечение детей просмотром передач со сценами насилия было связано с совершением в дальнейшем насильственных действий только при условии жестокого обращения с ними родителей (Блэкборн, 2004).

Особенно выражена реакция имитации, подражание асоциальным «героям» у подростков неустойчивого типа. По мнению К. С. Лебединской с соавт. (1978), это связано с тем, что среди них много инфантильных.

Нельзя не отметить, что расстройства поведения у подростков, по некоторым данным, повышают вероятность проявления сценарной агрессии. Д. Коннор (2005) отмечает, что более подвержены рискам, связанным с просмотром сцен насилия, транслируемых СМИ, специфические группы несовершеннолетних. Так, дети с разнообразными эмоциональными и поведенческими расстройствами (Sprafkin, 1993), дети с синдромом дефицита внимания/гиперактивности (СДВГ), оппозиционно-вызывающими расстройствами (ОВР) и иными расстройствами поведения проявляли сочувственное отношение к агрессорам на экране (Cathers, Vernberg, 1996). Возрастание агрессии под влиянием сцен насилия может развиваться при наличии посттравма-

тического стрессового синдрома. Например, согласно многочисленным жалобам учителей, после показа последствий терактов в Москве встречалось характерное для посттравматических нарушений в подростковом возрасте возрастание агрессии (Трубицына Л. В., 2002).

Проблема состоит не только в том, что медианасилие может способствовать увеличению криминализации общества, но, главное, в том, что хрупкая психика детей в результате контакта с агрессивным персонажем на экране подвергается серьезной травме, итогом которой часто становятся страх, заикание, тревожное, подавленное эмоциональное состояние. В ходе исследований *National Television Violence Study* обнаружилось, что на многих людей сцены насилия оказывают сильное и длительное негативное воздействие: например, многие перестали купаться в океане после того, как посмотрели фильм «Челюсти» (Федоров А. В., 2004, с. 79).

4.5. Влияние СМИ на криминализацию молодежи

Стойкая связь между криминализацией населения и появлением телевидения была зафиксирована в ряде исследований. Так, было установлено, что в 2 раза выросло число убийств в период наиболее бурного развития телевидения в 1960-х гг. В США и Канаде. Аналогичный эффект последовал за возникновением национального телевещания в Южной Африке, где телевидения не было до 1975 г. (Williams, 1986; Centerwall, 1989; Клочкова А. В., 2004). Сравнительное исследование, проведенное в Польше и США в 1980 г., показало, что Польша на тот момент имела наименьший процент преступности. Тогда она находилась на предпоследнем месте по числу использования телевизоров; на последнем месте по числу показа сюжетов агрессивного содержания и по проценту показа фильмов или сюжетов, связанных с насилием. США, которые в 1980 г. являлись рекордсменом по уровню преступности, имели наивысший процент содержания сцен насилия в телевизионных программах (Ениколопов С. Н., 2002). Таким образом, прослеживается четкая зависимость — уровень преступности в той или иной стране возрастал через 10–15 лет после появления в ней телевидения[1].

[1] Перед телевизором дети проводят больше времени, чем за уроками // Интер-Мед Новости. 2003. 13 февраля.

Социолог Д. Филипс установил связь между боями боксеров-профессионалов и уровнем убийств. Это послужило основанием для заявления о том, что «СМИ действительно провоцируют агрессию в реальной жизни». Суть наблюдения заключалась в том, что на протяжении нескольких дней, после широко освещавшихся телевидением поединков, в США отмечался рост числа убийств. Если проигрывал белый боксер, увеличивалось число убитых белых американцев. Если поражение терпел чернокожий спортсмен, то возрастало число убийств чернокожих.

Жмуров Д. В. Сценарная агрессия. Влияние СМИ на криминализацию молодежи // Интернет-портал

Однако подобные выводы подтверждались не всеми исследованиями. Хеннинген с коллегами сравнили уровень преступности в американских городах с наличием или отсутствием телевидения в период с 1949 по 1952 г. Они обнаружили, что введение телевидения не привело к повышению уровня насильственных преступлений (Блэкборн, 2004).

И все же, по данным Дж. Кэнтор, 51% несовершеннолетних преступников назвали своим любимым фильмом картину, содержащую сцены насилия. По данным Дж. Джонсона с коллегами, 45% из тех молодых людей, кто в возрасте 14 лет смотрел телевизор больше трех часов в сутки, были склонны к насилию, а 20% считались опасными для общества и готовыми совершить преступление[1]. Эрон с соавт. (1984) обнаружили связь между количеством программ, показывающих насилие, которые смотрели дети в восьмилетнем возрасте, и вероятностью того, что они будут обвинены в серьезном преступлении в возрасте 30 лет. В другом исследовании 22-летнее наблюдение за 875 американскими подростками показало, что те, кто в детстве был увлечен сценами насилия по телевидению, рисковали в 4–5 раз чаще оказаться за решеткой, чем их сверстники, не увлекавшиеся подобными телевизионными передачами (Федоров А. В., 2004).

Английский ученый У. Бельсон изучил 1565 лондонских мальчиков. Те из них, кто смотрел значительное количество передач, содержащих сцены насилия (особенно реалистического, а не мультипликационного), совершали почти вполовину больше правонарушений в течение последних шести месяцев (Майерс Д., 2002). Ф. Циммерман из Университета Вашингтона в Сиэтле обнаружил, что дети, которые в четырехлетнем

---

[1] Телевизор «портит» не только детей // «PsyGrad.ru — Институт психотерапии и клинической психологии», новости психотерапии. 11.04.2005 г.

возрасте смотрят телевизор около 3,5 часов в день, имеют шансы стать хулиганами на 25% выше, чем те, кто мало смотрел телевизор[1]. Этот феномен подражания, имитации увиденного называется «copycat crimes», или преступления-имитации.

После показа на канале РТР сериала «Бригада» участились случаи сообщений о преступлениях групп подростков. Нападения «бригад» зафиксированы в Брянской, Курской, Карагандинской, Саратовской областях, Москве и т. д. Порой имитация доходила до того, что подростки выбирали себе имена киногероев. Так, в Караганде, по сообщению пресс-службы ГУВД, группа подростков на берегу Федоровского водохранилища жестоко убила мужчину и женщину. Расследование показало, что преступление совершили трое несовершеннолетних. Все они увлекались сериалом «Бригада». Более того, молодые люди выбрали себе прозвища героев киноленты, называя друг друга Пчела, Космос и Саша Белый[2].

Как правило, преступления совершаются через короткое время после показа сцен насилия на телевидении и резко снижаются примерно через четыре дня после освещения провоцирующих сообщений (Берковиц Л., 2001). Однако в ряде случаев временной интервал между показом насилия и его имитацией достигал нескольких месяцев. В этой ситуации агрессия носила инструментальный характер. Например, два преступника из штата Юта, США, трижды видели фильм «Magnum Force», где женщину убивают с помощью едкой моющей жидкости «Драно». Меньше чем через месяц они воспроизвели в реальной жизни содержание сцены убийства, отравив трех человек с помощью «Драно» (Майерс Д., 2002).

4.7. Компьютерные игры и агрессия[3]

Имеются две точки зрения на роль компьютерных игр для развития агрессии. Многие исследователи отмечают, что компьютерные игры могут «повышать уровень агрессивности подростка», «приводить к выбору агрессивных стратегий поведения». Ведь многие игры сопровождаются

---

[1] Телевидение делает из детей хулиганов // Честное слово. 2005. № 16 (430). 13 апреля.

[2] *Абеурова Г.* Майкудукская «братва» решила отомстить судьбе за жестокость // Пресс-служба ГУВД Карагандинской области, материалы с сайта Департамента внутренних дел Карагандинской области. Источник: http://www.krg-guvd.kz/publications/pub20040809-0815_02.html

[3] Этот вопрос подробно рассмотрен в статье Д. В. Жмурова (2006), краткое изложение которой дается в этом параграфе.

инструкциями с призывами: «Быть хитрее, быстрее и подлее врага... Вот тут-то и станет ясно, кто ты: сухопутная крыса или настоящий морской волк!.. Нападай неожиданно, стреляй из всего, что стреляет, и по всему, что движется!!! Пусти всех на корм рыбам... Цель оправдывает средства!» («Aquanox2. Откровение»). В «Psi-Ops: The Mindgate Conspiracy» утверждают продавцы, «вас удивят новые возможности: пирокинез, позволяющий... поджаривать противников, телекинез, использовав который вы сможете поднять врага в воздух, со всей мочи разбить его о стену и превратить в ничтожную кровавую лужицу, стекающую вниз». Даются советы, как вести себя с противником: «Деритесь с врагами врукопашную, убивайте тихо и незаметно ножами-крючьями, расстреливайте отряды охранников...» («Chronicles of Riddick: Escape from Butcher Bay-Developer's»). Предлагается испытать новые ощущения. «Узнай, каково это — поджаривать противников, сидя за рычагами огнеметного танка... и сеять смерть с борта истребителя "Орка"» («Command and Conquer: Renegade»). В 23 (10%) играх и аннотациях к ним предлагается примерить на себя роль преступника. В одной лишь игре «Кармагеддон» («Carmageddon») к тому времени, когда игрок проходит все уровни, по статистике, он успевает убить до 33 тыс. человек (Дискретный обзор... 2005). В игре «Postal 2» за 20–30 секунд при использовании оружия массового поражения (огнемет, напалм, гранаты) можно убить от 200 до 400 школьников и школьниц. По различным данным, 80% видеоигр отличается жестокостью сюжета. Н. Кленова (2004) установила, что игры в 55% включали сцены насилия и убийств, в 39% игр содержались эпизоды драк разной степени жестокости, в 35% игр изображались катастрофы. Только 17% компьютерных игр не содержали никаких сцен насилия (игры на спортивную тему). Согласно материалам «Washington ProFile», насилие присутствует в 85% наиболее популярных в США видеоигр[1]. Исследования продукции для игровых консолей также подтверждает общие выводы: 80% наиболее популярных игр для приставок «Sega» и «Nintendo» были основаны на насилии и агрессии, причем в 23% игр насилие было направлено на женщин[2]. По данным А. В. Федорова, только 17,24% компьютерных игр не содержали никаких сцен насилия, 55,17% компьютерных игр включало в себя интерактивные сцены разнообразных убийств («Doom», «Young Blood», «Final Doom» и др.), 39,08% компьютерных игр основывались на интерактивных сценах драк (разной степени жестокости).

---

[1] ТВ и видеоигры развивают в детях жестокость // Интернет-портал «Мир психологии».

[2] *Жилин И.* Доигрались // Компьютер и жизнь. 2000. № 18.

В результате может возникнуть явление *агрессивного прайминга*[1]: опыт виртуальной агрессии в играх на время усиливает проявление агрессивных черт личности. Поэтому нередко после игр подросток проявляет склонность к импульсивным и агрессивным реакциям в разных жизненных ситуациях.

Вот два примера игровой имитации. Один из них описан Т. М. Дьяченко (2002). Мальчик, объявивший в классе войну девочкам, организовал военные действия так, что мальчики, вооружившись игрушечными пистолетами, построив укрытия и засады, должны были «убить» как можно больше девочек. Оценка и переход на более высокий «уровень» мальчика пропорциональны числу «убитых» или пойманных в засаду девочек... Во время интервью с мамой [мальчика] выяснилось, что он очень любит играть на компьютере в военную игру, правила которой перенес в школьную жизнь. Другой пример: перед вооруженным нападением на школу два подростка имитировали атаку на нее в любительском фильме по сценарию игры «Doom». По сути, малолетние преступники в игровой форме воспроизвели компьютерную игру с собственным участием.

Еще одним следствием компьютерных игр является *десенсибилизация агрессии,* т. е. потеря эмоциональной чувствительности к фактам насилия благодаря их постоянному наблюдению в игре. Это «прививка» аудитории чувства равнодушия, безразличности к жертвам насилия, снижение порога чувствительности по отношению к проявлению насилия в реальной жизни. Десенсибилизация тесно связана со снижением эмпатии, т. е. способности сопереживать жертве насилия. Известен эксперимент, подтверждающий это. Группе студентов колледжа давали играть 20 минут в безобидную игру типа компьютерного тенниса, а другая группа столько же времени играла в «стрелялку». Из лаборатории студенты выходили поодиночке через коридор, в котором специально приглашенная актриса тихо стонала, изображая жертву преступника. Те, кто в игре стрелял, в четыре раза реже предлагали «потерпевшей» свою помощь.

Психологи Крейг Андерсон и Карен Дилл провели ряд исследований, направленных на выявление зависимости агрессии от жестоких компьютерных игр. Сначала был проведен опрос 227 случайно подобранных учеников колледжа (Lenoir-Rhyne College). Их попросили «используя специальную шкалу, самостоятельно определить уровень собственной агрессии. При этом обнаружилось, что студенты, любившие в детстве

[1] Прайминг — это процесс, в результате которого недавний опыт усиливает доступность тех или иных черт личности.

играть в “жестокие” компьютерные игры (и продолжающие делать это до сих пор), отличались более высоким уровнем агрессии по сравнению с остальными»[1]. После этого был проведен эксперимент с 210 учениками того же колледжа. Разделенные на две группы, они играли в жестокие и мирные игры. После чего им предложили игру якобы на скорость реакции. Задание заключалось в том, чтобы как можно быстрее оглушить оппонента шумовым импульсом, подаваемым в его наушники. На самом деле исследователи фиксировали интенсивность и продолжительность импульса, которую выбрали испытуемые для оглушения своего противника. Игравшие в агрессивные игры оглушали своего противника более мощным и продолжительным звуковым импульсом, чем те, кто играл в мирные.

Психологи пришли к выводу, что жестокие игры могут влиять на поведение человека и повлечь выбор агрессивной реакции в конфликтных ситуациях. В обращении к сенату США Крейг Андерсон сказал: «Хотя в области исследования поведенческих особенностей есть много сложностей, одну простую и ясную вещь нужно знать всем: компьютерные игры увеличивают жестокость и насилие. Наше исследование показало: влияние на агрессивность поведения у жестоких компьютерных игр даже серьезнее, чем у жестоких телепередач и фильмов».

Японские исследователи университета «Оханомизу» под руководством профессора Акира Сакамото впервые провели лонгитюдное исследование влияния игр на агрессивность. Были изучены 592 японских школьника. Сначала был составлен психологический портрет каждого из них, определялись игровые предпочтения детей. Год спустя те же подростки были обследованы вновь. «Выяснилась интересная вещь — те подростки, которые предпочитали игры с персонифицированным героем (“хороший парень”), который убивает также персонифицированных врагов (“плохие парни”) — стали существенно агрессивнее! и наоборот, подростки, которые предпочитали игры, где насилие присутствовало, но не было оправдательной линии (“хорошие” против “плохих”), снизили уровень агрессивности в своем психологическом портрете» (Перевертайлов, 2005). Таким образом, японские исследователи отмечают повышение агрессивности тех подростков, кто в играх отождествляет себя с «положительным» героем, насилие которого всегда оправданно.

Жмуров Д. В., 2006. Сценарная агрессия. Влияние СМИ на криминализацию молодежи // Интернет-портал

Жестокие компьютерные игры притупляют оценку реальных последствий жестокого поведения. У поклонников жестоких игр фиксируется снижение активности предлобных и лобных долей, отвечающих за

[1] *Хромов М.* Агрессия в играх: враг или фраг... // Компьютер БМ. 2004. № 43 (331). 17–23 октября.

эмоциональность, память, обучение и поведение. Таким образом, игрок не только теряет эмоциональную восприимчивость, но и с понижением умственной активности утрачивает социальную гибкость, способность к выбору различных вариантов поведения.

Итоги исследований, посвященных проблеме влияния жестоких игр, подводит американский психолог, руководитель группы исследователей из Университета Св. Льва Д. Николл. По ее сведениям, большинство психологических исследований, проведенных за последние 20 лет, выявляют связь между жестокостью в играх и повышением агрессивности поведения игроков в реальной жизни. Д. Торр (Torr, 2002) из Университета Сан-Диего также утверждает, что «свыше тысячи исследований в течение последних 30 лет подтверждают причинную связь между медианасилием и агрессивным поведением некоторых детей».

Психолог Д. Гроссман пишет, «что механизм воздействия электронных игр схож с боевой подготовкой, во время которой солдаты учатся преодолевать врожденный барьер перед совершением убийства». К примеру, было обнаружено, что у многих пехотинцев отвращение к убийству исчезает, когда во время учений они стреляют не по обычным мишеням, а по мишеням в виде человеческих фигур. Такой же эффект, по мнению Д. Гроссмана, оказывают и пропитанные насилием игры: они прививают детям «вкус и навык к убийству». «Когда ребенок, играя, убивает, он испытывает те же ощущения и такое же воздействие на психику, как солдат или офицер полиции в боевых условиях», — говорит Дэйв Гроссман[1]. Это значит, что ребенок учится «преодолевать психологический барьер убийства. Легкость расправы с виртуальным противником “растормаживает” сдерживающие нервные центры человека, делая его более способным на убийство»[2].

> Многие родители считают, что игры провоцируют детей на преступления. Ресурс vote.com провел голосование по поводу насилия в компьютерных играх. Варианты ответов были следующими: «Эти жестокие игры превращают наших детей в убийц» и «Детям нужно лучшее воспитание, а не меньшее количество игр». Первый вариант избрали 19 578 (42%) из 46 612 респондентов. Д. Гроссман считает, что игры, в которых подростки держат в руках оружие, практически являются стимулятором убийства.
>
> Жмуров Д. В., 2006. Сценарная агрессия. Влияние СМИ на криминализацию молодежи // Интернет-портал

[1] Электронные игры — оборотная сторона медали // Башкортостан — это мы. 2003. 20 сентября.

[2] *Слободнюк И.* Игры учат убивать // Сегодня. 2002. № 248. 4 ноября.

Основными потребителями компьютерных игр являются несовершеннолетние. По данным Института СМИ и семьи, игры, содержащие насилие, особенно популярны среди детей и подростков 8–15 лет (Уолш Д.), по другим данным — среди детей от 12 до 15 лет (Федоров А. В., 2001). Нижний возрастной предел может варьировать. По данным В. Баранича (2004), большинство четырехлеток (из них 59% девочек и 73% мальчиков) назвали своими любимыми видеоиграми те, где есть насилие.

В период с 4 до 18 лет игры с убийствами, драками, пытками «более чем вдвое превышают количество выбираемых подростками "мирных" игр. При этом игровые предпочтения девочек в целом ничем не отличались от мальчишеских» (Федоров А. В., 2001). По другим исследованиям, агрессивные игры в четыре раза более предпочтительны, чем какие-либо иные.

Однако не все ученые согласны с подобными выводами. По данным Илга и Маркета, на первом месте у подростков находятся игры на ловкость, а «боевые» игры идут далеко позади (Шапкин А., 1999).

Есть ученые, которые заявляют, что игры могут спровоцировать активные действия лишь у неуравновешенных людей, но не в состоянии превратить нормального подростка в убийцу. Представители этого подхода считают, что видеоигры не толкают детей на преступления, а, напротив, помогают выстроить отношения в жизни и учат эффективной командной работе, развивают ловкость, внимание и скорость реакции, способствуют катарсису. «Миллионы людей играют в стрелялки, и никто после этого не берет оружие, начиная расстреливать все движущееся вокруг себя», — звучат справедливые замечания.

Более эффективным было бы не настаивать на однозначной вредности или полезности игр, а признать обе точки зрения взаимодополняющими. Игры с элементами насилия приводят к агрессивному поведению в реальной жизни у тех, кто имеет предрасположенность к агрессии, т. е. склонность к совершению агрессивных поступков, имевшуюся до начала игровой практики. М. Чабанянц (2001) перечисляет личностные факторы, которые, по его мнению, в сочетании с жестокими играми могут вызвать негативные последствия. Это дисгармоничность структуры личности в виде сочетания обидчивости, обостренного самолюбия, сниженного порога фрустрации, негативизма и т. д. (характерные для проявления кризиса подросткового возраста). В исследованиях компании *Gallup* выявлено, что 34% подростков из числа тех, кто играл в «GTA», принимали участие в драках, тогда как среди детей, равнодушно относящихся к видеоигре, процент тех, кто дрался, был равен 17.

ГЛАВА 5

Агрессия в сфере образования

С самого начала возникновения и внедрения образования на Руси отслеживаются элементы насилия над учащимися. В те далекие времена насилие в образовании реализовывалось в качестве телесных наказаний. Именно тогда впервые появляются основные его формы, такие как битье розгами, стояние на горохе (что и сейчас сохраняется в детских дошкольных учреждениях как стояние в углу), таскание за чуб, а также оплеухи и затрещины, запирание в темной комнате и др. Такое положение дел сохранялось вплоть до прихода советской власти.

Каким бы диким это ни показалось, но в ряде стран физические наказания в виде побоев используются до сих пор. В двадцати трех американских штатах позволяются телесные наказания в государственных школах (Национальная коалиция за отмену телесных наказаний в школах, 2001). Телесные наказания детей также приняты в других странах. В Шри-Ланке в государственных школах разрешен такой способ наказания, как битье палками, а учителя считают, что имеют право использовать телесные наказания (de Silva, 2001)[1].

Однако официальный запрет применять в школе физическое насилие не мог отменить использование педагогами других видов насилия — психологического, эмоционального. Кроме того, встречаются и случаи физического насилия в качестве воспитательной меры или разрядки учителем эмоции гнева. Поэтому применение деструктивного (враждебного) насилия в школе многими людьми считается нормой. В одном исследовании[2] был проведен опрос 172 взрослых о ситуации с агрессией и насилием в школе.

---

[1] Child Abuse. International Encyclopedia of Marriage and Family, 2003.

[2] *Белашов С.*, 2011.

На вопрос: «Насилие в образовательной среде — это норма?» ответили «да» 26,7% респондентов; «нет, но нередко встречается» — 64,5, «нет, встречается редко» — 8,7%.

На вопрос: «Кто чаще является жертвой?» получены следующие ответы: ученики — 46,9%, учителя — 42,7, директор — 1,7%.

На вопрос: «Кто чаще выступает в роли насильника?» 14% респондентов назвали администрацию, а 9,7% — учителей.

На вопрос: «Нужно ли снимать директора, если в его школе обнаружен факт насилия?» только 7% ответили положительно. 14,5% считают, что этого делать не следует, а большинство респондентов ответили, что все зависит от ситуации.

Наконец, на вопрос: «Является ли гласность защитой от насилия?» 20,9% ответили «да», 21,9% считают, что это полезно для профилактики, однако 24,4% полагают, что это лишь провоцирует новое насилие, и еще 10,4% отмечают, что это лишь еще одно напоминание о жертве. Отрицают роль гласности как защиты еще 18,4% респондентов.

Дети подвергаются насилию и в интернатных учреждениях. За последние годы получили широкую известность факты жестокого отношения к воспитанникам во многих детских домах и школах-интернатах России, в которых по отношению к воспитанникам применялись различные виды физического и эмоционального насилия (другими словами, физическая и вербальная агрессия).

5.1. Агрессия педагогов

Негативная агрессия учителя — это деструктивное поведение, выражающееся в нарушении профессионально-нравственных норм взаимодействия педагога и учащихся. Она проявляется как враждебное отношение к учащимся и обнаруживается в разных формах: от вербальной до физической и связана с «карательным» педагогическим воздействием, насмешками, угрозами, навешиванием «ярлыков», грубостью.

В исследовании Т. В. Левковой (2003) только треть будущих учителей имела нормальный уровень враждебности, а у двух третей он был высоким. Поэтому проявление агрессии учителями не должно удивлять.

В. В. Дикова (2005) выделила способы педагогической агрессии (табл. 5.1).

Таблица 5.1. Типы агрессии личности учителя и их характеристика

№	Проявления агрессии	Стратегия поведения	Эмоциональная реакция	Формы поведения
1	Импульсивные действия	Активная	Аффект	Физическое воздействие на учащихся, действия с предметами
2	Враждебные высказывания	Активная	Гнев	Словесное оскорбление, грубое обращение, унижение учащихся, крик, угрозы, насмешки
3	Конфронтация	Активно-пассивная	Отчуждение	Отказ от выполнения необходимых профессиональных задач
4	Доминантность	Активно-пассивная	Подавление	Установление жестких требований к учащимся, общение в форме указаний, распоряжений. Наказания, подменяющие учебные действия
5	Оппозиция	Активно-пассивная	Негативизм	Отказ разговаривать с учащимися, отвечать на вопросы, давать объяснения, повторять учебный материал, сопровождаемый демонстрацией обиды или безответственности
6	Стереотипная дифференциация	Пассивная	Антипатия	Пристрастное отношение к отдельным учащимся
7	Нетерпимость	Пассивная	Отвращение	Презрительное отношение к выделяющимся учащимся, имеющим отклонения в поведении, неопрятным и т. д.

Агрессивный педагог не только разрушительно воздействует на психику учащихся, но и являет собой пример для подражания и закрепления ответных агрессивных реакций, обогащая их поведенческий репертуар (Бережкова Е. И., 2003). При этом у наблюдателей (учащихся) формируется представление о том, как выстраивается поведение, осуществляется профессиональная деятельность, разрушаются моральные и этические эталоны поведения и деятельности. Впоследствии такие примеры могут стать руководством к реальному действию.

К сожалению, агрессивное поведение педагогов всех уровней (воспитателей, учителей, преподавателей) не такое уж редкое явление. На-

пример, по данным Е. Е. Алексеевой (1999, 2003), половина детей детского сада воспринимали отношение к одному из своих педагогов как отрицательное доминирование, сопровождая комментариями: «злая», «обижает меня», «очень строгая». 66% детей отдали предпочтение только одной воспитательнице, отказав другой, потому что она «злится на детей постоянно», «все время ругается». В. В. Дикова отмечает, что 78% учащихся сталкивались с различными проявлениями агрессии учителя как активного, так и пассивного характера.

> Анализ особенностей восприятия детьми воспитательных воздействий взрослых показал, что каждому третьему ребенку не нравится воспитатель. Боятся воспитателя 31% детей, что фактически означает для этих детей воспитание на страхе… Каждый второй ребенок боится, что воспитатель его накажет… 17% детей считают, что воспитатель их может ударить, т. е. наказать физически. 30% детей отметили, что их много ругает воспитатель… 32% детей, что на них кричит воспитатель… 73% детей считают, что воспитатель их редко хвалит. 42% детей неинтересно с воспитателем, а каждый второй ребенок хотел бы, чтобы с ним работал другой воспитатель.
>
> Алексеева Е. Е., 2001, с. 204

В исследовании Е. М. Пановой (2009), посвященном агрессии педагогов, учащимся 5-х, 9-х и 10-х классов предлагалось определить свои эмоциональные переживания на уроках и эмоцию, которую, по их мнению, испытывает учитель. Выявлено, что в 5-м и 9-м классах каждый десятый учащийся отмечает проявление учителями на уроках злости и наличие у себя страха. Причем в большей мере это касается слабо успевающих учащихся. Так, в 5-м классе 68% негативных ответов относятся к слабо успевающим ученикам и 31,7% — к хорошо успевающим ученикам. В 9-м классе распределение ответов аналогично: 76,8 и 23,2%.

В. В. Дикова (2005) выявила, что 63% педагогов проявляют вербальную агрессию, 34 — физическую, 15% — скрытую.

И. Г. Лебедева (2008) установила, что у воспитателей детского сада преобладают такие виды агрессии, как аутоагрессия и вербальная агрессия. Высокий уровень агрессивного поведения был выявлен у 40% воспитателей.

Однако не следует думать, что в педагогику идут лица, имеющие склонность к агрессивности, насилию (хотя, по данным Л. М. Митиной (1998), половина учителей оказались агрессивными; правда, неизвестно, ка-

кова степень выраженности этой агрессивности). Агрессия педагога связана чаще с его эмоциональным реагированием на возникающие профессиональные ситуации и проявляется в импульсивных действиях, враждебных высказываниях, конфронтации, доминантности, оппозиции, нетерпимости. Агрессия учителя, как правило, направлена на учащихся, взаимодействие с которыми вызывает сложности, затруднения, является неприятным — в общем, вызывает негативные эмоциональные реакции. Категория таких учащихся на сегодняшний день достаточно обширна: неуспевающие учащиеся, учащиеся с девиантным, отклоняющимся асоциальным поведением, учащиеся, демонстрирующие свою неординарность, и другие. Работа с таким контингентом требует от педагога повышенной мобильности, самоконтроля, самосознания, глубокой и постоянной рефлексии профессиональной деятельности, а также наличия и активизации определенной (толерантной) установки на работу с разными детьми.

Однако не все так мрачно. Например, по данным Е. М. Пановой (2009), у учителей и воспитателей дошкольных учреждений агрессивность как личностное свойство выражена в средней степени и меньше, чем в контрольной группе, т. е. у лиц, не занимающихся педагогикой (рис. 5.1).

При этом у учителей склонность к проявлению агрессии выражена сильнее, чем у воспитателей.

Наличие у учителей среднего уровня агрессивности (в целом для всей выборки) не говорит о том, что среди них нет высокоагрессивных. Однако они составляют ничтожное меньшинство (всего 4,7%).

Обнаружились некоторые различия и в динамике изменения со стажем показателей конфликтности и агрессивности. Вспыльчивость и мстительность у учителей с увеличением стажа снижаются, у воспитателей вспыльчивость возрастает, а мстительность остается на одном и том же уровне.

Сходные данные получены А. В. Ракицкой и Т. Ю. Кочетковой (2012). Они выявили, что лишь у 8% педагогов наблюдались высокие агрессивность и жестокость по отношению к другим, у 76% была средняя степень агрессивности и 16% имели низкую степень агрессивности.

Изучение агрессивности учителей и воспитателей (все женского пола), проведенное Е. М. Пановой (2009), выявило другую динамику изучавшихся показателей агрессивности в связи с увеличением стажа работы. Если у учителей с увеличением стажа возрастает склонность к косвен-

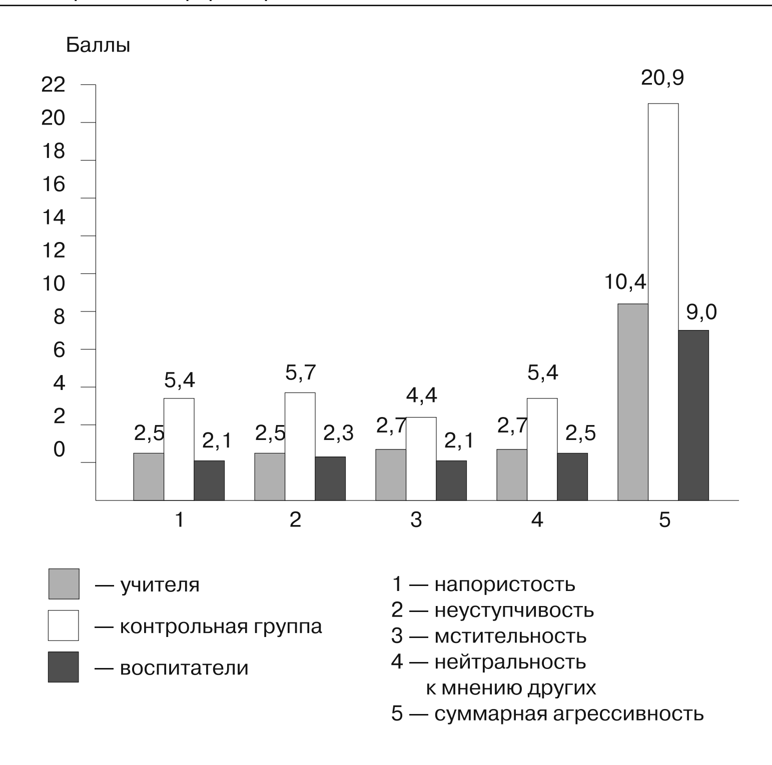

Рис. 5.1. Выраженность склонности к агрессии у педагогов

ной вербальной агрессии и снижается склонность к прямой вербальной агрессии[1], то у воспитателей, наоборот, склонность к косвенной вербальной агрессии уменьшается, а склонность к прямой вербальной агрессии возрастает.

Если агрессивное поведение становится для педагога нормой, то, скорее всего, оно отражает профессионально обусловленную деформацию его личности, связанную с эмоциональным выгоранием. Эта деформация проявляется в деструктивном поведении, связанном с нарушением профессионально-нравственных норм взаимодействия учителя с учащимися.

---

[1] Очевидно, это связано с тем, что у педагогов имеются повышенная сдержанность, высокий самоконтроль, позволяющий сдерживать аффективные проявления, сохранять их в социально допустимых пределах (Юсупов Ф. М., 1991).

Как показала В. В. Дикова (2005), существуют определенные периоды профессиональной деятельности, в которых агрессия обостряется, проявляясь более значительно, чем в другие.

На различных этапах профессионального развития учителя наблюдаются различия в психологических особенностях агрессии, качественное и количественное своеобразие ее проявления.

На этапе профессиональной адаптации агрессивные поведенческие реакции не типичны и связаны с эмоциональным состоянием молодых педагогов (раздражением и подозрительностью), что обусловлено их недостаточной приспособленностью к требованиям и условиям выполнения конкретной деятельности.

На этапе первичной профессионализации учителя склонны к проявлению реактивной агрессии, выражающейся в стремлении к доминированию, враждебной настроенности к социальному окружению, возможным аффективным реакциям. Наиболее ярко это проявляется в косвенной агрессии, сопровождаемой высокими средними показателями обиды и подозрительности. Структура агрессии характеризуется двумя взаимосвязанными «ядрами»: эмоциональной неустойчивостью и физической агрессией, имеющими наибольшее количество значимых корреляций, что свидетельствует о наличии деформации личности. Автор предполагает, что обида, возникающая в результате неудовлетворенности собой, своим профессиональным статусом, реализацией потенциальных возможностей, является фрустрирующим фактором, способным провоцировать агрессивные поведенческие тенденции.

На этапе вторичной профессионализации гибкая стратегия профессионального поведения способствует избеганию конфликтных, эмоционально сложных ситуаций, снижая возможность проявления агрессии. Однако личностная готовность проявления агрессии связана с переживанием негативных эмоциональных состояний. В целом отмечается незначительное проявление агрессии учителей.

С увеличением стажа профессиональной деятельности и возраста педагогов усиливается проявление агрессии в зависимости от эмоционального состояния, инициируемого обидой, чувством неудовлетворенности собой и своим профессиональным статусом. Стремление учителя занять доминирующую позицию подкрепляется вербально. Анализ корреляционных связей и описательных статистик свидетельствует о сложной

зависимости вербальной агрессии от эмоциональной стабильности педагога, для которого наиболее характерны высокая чувствительность, ранимость и обидчивость.

На стадии постпрофессионализма спонтанная и реактивная агрессия имеет низкие значения при слабой раздражительности и средней уравновешенности. Таким образом, агрессия на этапе постпрофессионализма у учителей не выражена.

Таким образом, заключает В. В. Дикова, на этапах профессиональной адаптации, вторичной профессионализации и постпрофессионализма агрессия у учителей не выражена. В наибольшей степени агрессивные тенденции проявляются учителями, находящимися на первичной стадии профессионализации.

Автор отмечает, что именно речевая агрессия педагога может иметь наиболее опасные последствия. С одной стороны, это так называемый дидактогенный невроз, который, по некоторым неофициальным данным, составляет около 30% всех детских неврозов: у детей снижается самооценка, возникает неуверенность в себе, появляется сначала страх перед конкретным учителем, а потом и перед школой вообще. Кроме того, у ребят часто складывается впечатление, что агрессия учителя направлена не на их поведение в конкретной ситуации, а на них самих, их личность: «я плохой», а не «сейчас я поступаю плохо».

М. Ю. Олешков (2005) в проявлении прямой вербальной агрессии выделил четыре тематические группы:

- *грубое выражение волеизъявления*: категорические требования («Заткнитесь!»), намерение наказать («Я тебя сейчас убью, Петров!»), запрещение;
- *выражение оценки в формах насмешки, оскорбления, ироничного замечания* («Вы что, больные что ли?»; «Тебе, Петров, надо учиться в школе для дураков»);
- *угроза* с прямым указанием на последствия в случае невыполнения требования («Если сейчас кто откроет рот, поставлю два!») или скрытая («Я больше объяснять не буду! Все поняли или нет? Сообщения должны отскакивать от зубов!»);
- *агрессивные высказывания, не имеющие строгой видовой отнесенности*, по преимуществу гневные («Ты испытываешь мое терпение!»).

Речевая агрессия педагога может иметь опасные последствия. Ведь она выражается в пренебрежительно-грубом или повелительно-покровительственном отношении к детям, в повышении тона, резких восклицаниях, частом употреблении повелительного наклонения глаголов, грубых замечаниях и язвительных насмешках.

Среди отрицательного влияния вербальной агрессии на детей в первую очередь следует назвать так называемый дидактогенный невроз, который составляет около 30% всех детских неврозов. У детей снижается самооценка, возникает неуверенность в себе, появляется страх перед учителем, а затем и школой. По данным Т. И. Марголиной (1996), у детей, которые обучаются у конфликтных учителей, более выражены тревожность, враждебность, конфликтность. Учащиеся часто думают, что агрессия учителя направлена не на их поведение в конкретной ситуации, а на них самих, их личность.

Кроме того, добиваясь сиюминутного послушания путем воздействия на детей в агрессивной форме, педагог невольно провоцирует ответную агрессию. При этом дети усваивают агрессивную модель речевого поведения и начинают использовать ее в общении с друзьями и взрослыми.

Агрессивная речь демонстрирует авторитарный стиль общения педагога и приводит к отчуждению, непониманию, часто к враждебным отношениям с детьми. Поэтому с коммуникативной точки зрения вербальная агрессия педагогов неэффективна.

Конечно, полностью устранить вербальную агрессию из педагогического процесса вряд ли возможно, однако можно научиться контролировать себя, сдерживать проявление грубости. Это достигается, как показано в исследовании В. В. Диковой (2005), с помощью тренинга, и не только в отношении склонности к вербальной агрессии, но и физической.

Ю. В. Щербинина (2001, 2012) уделила особое внимание речевой агрессии в школе, и в частности ее проявлению у учителей, что выражается в пренебрежительно-грубом или повелительно-покровительственном отношении к ученикам, в повышении тона, резких восклицаниях, неоправданно частом употреблении повелительного наклонения глаголов, отсутствии необходимых формул речевого этикета, грубых замечаниях и язвительных насмешках: «Закрой рот!», «Выйди вон из класса! Считаю до трех...»

С другой стороны, добиваясь сиюминутных целей послушания в неэтичной форме, педагог невольно провоцирует ответную агрессию. Кроме

того, школьники усваивают агрессивную модель речевого поведения и переносят ее на общение друг с другом.

Агрессивная речь наглядно демонстрирует авторитарный стиль общения, отсутствие профессионализма и приводит к отчуждению, враждебности, непониманию. Получается, что агрессия слова не только недопустима в этическом отношении, но и оказывается просто неэффективной с коммуникативной точки зрения.

Вряд ли можно говорить о полном устранении речевой агрессии из педагогического общения. Однако можно научиться успешно контролировать, сдерживать, преодолевать агрессию слова, не прибегая при этом к ответной грубости.

5.2. Агрессия учеников по отношению к учителям

Ссылаясь на результаты исследований, проведенных в Европе в 2010 г., директор Европейского комитета Интернационала образования Мартин Ромер отметил, что учителя сталкиваются с физическим насилием на работе в шесть раз чаще, чем работники производственной сферы. Однако только 6,6% педагогов заявляют, что подвергались насилию на рабочем месте[1].

Учителя за рубежом тоже плачут

Преступность в отношении педагогов стремительно молодеет по всему миру.

Так, по результатам недавнего исследования в США, процент отчислений детей из детских садов в 20 раз больше по сравнению с этим показателем в школах. Самые распространенные проступки — нападения на воспитателей с использованием тупых предметов, укусы и пинки ногами.

Учителя боятся ходить на работу — об этом заявили 9% из 12 тысяч опрошенных.

По словам ученых из Йельского университета, равнодушие взрослых к тому, что творится в учебных заведениях, вседозволенность, которой пользуются дети в обществе потребления, — «главная причина того, что американские детские сады превращаются в змеиные гнезда».

[1] Итоговые материалы Международной конференции «Насилие в образовательной среде. Причины, тенденции, обострения, поиски решений». М., 2011.

В Берлине 15-летний выходец из Ливана в ответ на увещевания соблюдать тишину на уроке ударил педагога лбом в лицо, сломав 61-летнему математику нос и разбив губы. За прошлый год во всех школах немецкой столицы зафиксировано 1573 случая «морального оскорбления учителей» и «применения физической силы со стороны учеников». Это на 75% больше, чем отмечалось годом раньше.

Директора школы из района Нойкельн жестоко избили его ученики. 12-летний подросток из Кройцберга во время занятий мощным ударом кулака едва не выбил глаз учительнице. В районе Берлинского зоопарка старшеклассница с пистолетом в портфеле подстерегала учителя английского языка, чтобы тем самым избежать «дальнейшего получения плохих оценок».

Серьезным прецедентом в Швеции стало недавнее обращение в полицию группы учителей из города Кируны с жалобой на школьников, которые их «регулярно избивают, царапают и пинают ногами». Опрос, проведенный Национальным объединением учителей, показал, что 12% педагогов подвергаются физическому насилию и оскорблениям со стороны учеников.

Исследование, проведенное среди учителей, показало, что 45% сотрудников школ получили электронные письма, в которых содержались оскорбления.

Профсоюз учителей Испании призвал правительство принять срочные меры по их защите. В результате опроса, проведенного среди учителей, выяснилось, что 15% педагогов подвергается насилию со стороны учащихся, а 73% — постоянным оскорблениям.

Отметим, что во Франции в 2003 году был принят закон, по которому за агрессивные выходки школьников старше 13 лет ждет наказание до 6 месяцев тюрьмы.

В феврале 2005 года премьер-министр Японии Коидзуми призвал учителей не рассчитывать на полицейских, а заниматься спортивными единоборствами и вооружаться деревянными мечами, чтобы противостоять насилию в школах.

Интернет-портал.President.org.ua/news

А. С. Фомиченко (2012) изучены представления учителей о ситуациях, приводящих к агрессии учащихся против учителей. Оказалось, что конфликтные ситуации, вызывающие агрессию учеников, зависят от возраста учащихся. Во 2-м классе единственной причиной является угроза учителя сообщить родителям о неуспеваемости или плохом поведении учащегося. С 5-го по 9-й класс причинами являются личностные особенности учащихся: эмоциональная неустойчивость, наличие физических или психических отклонений, низкий уровень самоконтроля, грубость,

невоспитанность. В 7-м классе причиной агрессии учащихся является несправедливая, по их мнению, оценка учителем их знаний. В 9-м классе причиной агрессии могут быть идеологические расхождения между учеником и учителем. К 11-му классу значимость личностных особенностей снижается, но остаются агрессивные реакции на провокации учителей (оскорбление личности ученика или его родителей, неприязнь учителя к ученику). При этом основной зоной конфликта у старшеклассников является критическая оценка ими профессионализма учителей. Увеличивается количество причин, связанных с семьей: неблагополучная атмосфера в семье, жестокое обращение с ребенком, неуважительное отношение родителей к учителю. Имеет значение и общение учащегося с плохой компанией.

ГЛАВА 6

Агрессия в спорте

6.1. Агрессивный дух состязательности и спорта

По своей состязательной сути спорт уже агрессивен, так как спортсмены на соревнованиях стремятся ущемить стремление других к победе. Соревнование — это отрегулированное правилами агрессивное поведение, это агрессивность, выражаемая в социально неопасной форме. Однако такой характер борьбы имеет место не всегда. Часто агрессия в спорте проявляется как умышленные, деструктивные действия спортсменов, мотивированные враждебностью либо гневом, выходящие за рамки спортивных правил и норм, способные причинить вред объекту нападения через физический ущерб или психологический дискомфорт. Естественно, с такой деструктивной агрессией следует бороться.

Следует отметить, что в прежние времена различного рода состязания в силе, ловкости, быстроте сопровождались такими актами агрессии, которые не идут ни в какое сравнение с тем, что имеет место сейчас. Обряды инициации, похороны и поминальные тризны, как и календарные праздники, с незапамятных времен сопровождались кровавыми состязаниями с человеческими жертвами в ритуальных целях. Из дошедших до нас источников известно, что еще у древних ацтеков существовала командная ритуальная игра с литым мячом, напоминавшая современный баскетбол. Победителям сохраняли жизнь, проигравших приносили в жертву богам (Ачер, 2001, с. 14). Популярные состязания лодок-драконов у китайцев в дни летнего солнцестояния, как и игра в «херлинг» у предков современных ирландцев в календарные праздни-

ки, всегда заканчивались увечьями и человеческими жертвами (Эберхард, 1977, с. 69–74). На похоронах знатных людей у этрусков и римлян устраивались кровавые бои гладиаторов.

На Британских островах незадолго до промышленной революции массовая игра в мяч, санкционированная традицией и церковью, всегда сопровождалась драками и столкновениями. Как правило, таким конфликтам предшествовали отдельные трения и споры между жителями соседних населенных пунктов, ремесленных гильдий или между женатой и неженатой молодежью, которые возникали до игры. Так называемый массовый футбол всегда был знаменательным событием в жизни общины и являлся своего рода ритуалом, который проводился только в праздничные дни, его ждали с нетерпением, чтобы «воздать долги противникам» (Elias, Dunning, 1972, с.116–132).

У некоторых народов Кавказа еще в недалеком прошлом конные скачки подростков в честь умерших часто сопровождались ритуальной гибелью одного или нескольких соревнующихся. Поэтому отношение в обществе к различного рода соревнованиям было неоднозначным. Л. Н. Толстой устами одного из героев романа «Анна Каренина» Алексея Александровича Каренина выразил это отношение следующим образом: «Безобразный спорт кулачного боя или испанских тореадоров есть признак варварства. Но специализированный спорт есть признак развития»[1].

Однако и «специализированный» спорт может не на много отличаться от «варварского». Например, бои без правил, бокс, сопровождающиеся травмами мозга и глаз. Исследователи ссылаются на варварство бокса и его связь с преступными организациями. Л. Прокоп называет профессиональный бокс «смертельным шоу». Только в 2001 г. на ринге погибло 11 боксеров, а в период с 1942 по 2004 г. — 347 (Захаров М. А., 2008). Неслучайно еще в 30-х гг. XX в. врачи выступали с требованиями запретить бокс. Однако при коммерциализации спорта сделать это оказалось невозможно.

В настоящее время во многих хоккейных командах имеются специальные игроки (товгаи), цель которых состоит в провокации насильственных действий, потасовок между хоккеистами.

Все большее распространение получают различные виды восточных единоборств, в которых агрессия правилами не регламентируется. Например, в некоторых индонезийских школах восточных единоборств

[1] *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. Л.: Художественная литература, 1979. С. 215.

полный контакт и предельная жесткость бойцов на арене являются изначальной философией и традицией культуры. Любые попытки перевести подобные практики в русло современных спортивных состязаний с их универсальными правилами и защитной экипировкой вызывает негативную реакцию со стороны большинства мастеров-наставников. По их мнению, это выхолащивает духовную основу их стилей и превращает традиционное искусство в обыкновенное запрограммированное шоу, что не соответствует их традиционным представлениям мужественности и чести (Боевые и спортивные единоборства, 2003, с. 587–588). В соответствии с этим проводятся и бои без правил, по сравнению с которыми агрессивность, проявляемая в регби, кажется невинной забавой.

Но в процессе культурно-исторического развития у многих народов традиционные виды спортивных состязаний в силу их жесткого, а иногда и воинственного характера предавались забвению, а в некоторых случаях запрещались насильственными методами. Так было в недалеком прошлом с кулачными боями «стенка на стенку» у русских, с некоторыми видами конно-спортивных состязаний у народов Центральной Азии, а также с отдельными видами единоборств с применением холодного и боевого оружия у народов Кавказа, со стрельбой из лука у народов Сибири и Дальнего Востока, палочными боями у молдаван, гуцулов и т. д.

И все же игровое насилие, по утверждению Эриха Фромма, является наиболее «нормальной» и наименее патологической формой насилия, так как оно не мотивировано ненавистью и деструктивностью и обусловлено демонстрацией «ловкости и спортивности» (Фромм, 2004, с. 250). Конрад Лоренц тоже отмечает, что «спорт предотвращает вредные для общества воздействия агрессии... учит людей сознательно и ответственно властвовать над своими инстинктивными боевыми реакциями... он не только открывает превосходный клапан для накопившейся энергии в ее более грубых, более индивидуальных эгоистических проявлениях, но и позволяет разыграться и изжить себя в ее особой дифференцированной коллективной форме» (Лоренц, 1998, с. 235–236). По мнению некоторых исследователей и политиков, агрессивный спорт помогает сохранять здоровое начало в обществе и способствует утверждению сильной и конкурентоспособной нации. Однако это требует введения ограничений на проявление агрессии, создания таких правил соревнований, которые сводили бы к минимуму получения травм и увечий.

Отдельные зрелищные виды спорта по степени своей агрессивности у разных культурных групп и народов могут восприниматься по-разному.

Например, испанская коррида в представлениях многих англичан рассматривается как жестокое варварское развлечение, в то время как современный бокс, возникший в Англии, многими испанцами воспринимается как крайне брутальный[1] вид спорта, унижающий человеческое достоинство (Marvin, 1986, с. 118–135).

Следует ли удивляться, что в обществе возникло убеждение, что спорт и агрессия неразрывны, поскольку в любых состязаниях происходит столкновение интересов противоборствующих сторон (по данным С. О. Закаморного (2012), агрессивное поведение встречается абсолютно во всех видах спорта, в большей степени проявляясь там, где имеется жесткий физический контакт. Так, количество спортсменов, сталкивающихся с агрессией в избранном виде спорта, при жестком контакте равно 92%, при предметном контакте — 84, при полном контакте — 80, при условном контакте — 67, при отсутствии контакта — 56%).

Возникает вопрос — способствует ли спорт росту агрессии в обществе или же, наоборот, приводит к ее снижению, являясь средством разрядки?

Некоторыми исследователями уделялось основное внимание проверке идеи, что спорт служит средством контроля над агрессией и насилием и играет роль катарсиса. Результаты исследования, проведенного Райаном, показывают, что снижение напряжения достигается только тогда, когда агрессивность направлена на человека, который первым ее проявил. Удар по мячу, к сожалению, не приносит такого удовлетворения, как удар по сопернику. Однако результаты других исследований настолько разнообразны, что невозможно сделать какое-то определенное заключение.

Между тем случаи немотивированной жестокости на спортивных площадках с каждым годом становятся обыденным явлением. Нередко зрители и фанаты идут на матчи и состязания не ради спортивных зрелищ, а ради драк и потасовок, которые становятся главным стержнем соревнований. В начальный период развития в нашей стране хоккея с шайбой в Москве появилась одна команда, которая первая стала

[1] Это слово-неологизм. Оно появилось в нашем языке сравнительно недавно и произошло от английского brutal — «грубый, необработанный, нечистый». Брутальность означает подчеркивание и следование естественным, грубым формам поведения, когда человек не склонен принимать во внимание моральные факторы человеческого поведения, а ориентируется только на природные инстинкты и считает их главными в поведении.

использовать силовые приемы во время игры. И хотя эта команда не отличалась высоким мастерством и занимала в турнирной таблице скромное место, болельщики ходили на ее игры больше, чем на игры лидеров. При этом восторженно реагировали они не на красивые комбинации, а на силовые приемы. Теперь использованием силовых приемов зрителей не удивишь.

История показывает, что агрессивность в спорте, как и в обществе в целом, в стабильные периоды социального развития минимизируется. И наоборот, в критические периоды, в периоды социально-психологических трансформаций и усиления фрустрации в обществе происходит реанимация агрессивных инстинктов, которые сегодня наиболее заметно проявляются в спортивных состязаниях.

6.2. Агрессивность как побудитель к занятиям спортом

М. Месснер и Д. Сабо (Messner, Sabo, 1994) пришли к выводу, что спорт формирует агрессивность у спортсменов.

Однако можно предполагать и другое: агрессивность как свойство личности является одним из факторов, приводящих к занятиям спорта, особенно теми видами, где она может проявиться. На такое предположение наводят некоторые данные, полученные в исследованиях. В. М. Бызова отмечает, что результаты, полученные в тесте руки Вагнера, показали достаточно высокий удельный вес агрессивно-директивных тенденций в поведении спортсменов, что совпадает с мнением большинства опрошенных о том, что агрессия и спорт неразрывно связаны между собой. Опрос преподавателей физкультурного вуза, проведенный С. О. Закоморным (2012), показал, что педагоги считают агрессию допустимым явлением в спорте, а в ряде случаев даже желательным и необходимым для достижения победы.

По данным С. В. Афиногеновой (2007), конфликтность и агрессивность несколько выше у спортсменов и спортсменок, чем у лиц, не занимающихся спортом (табл. 6.1). Особенно заметны различия по такому проявлению агрессивности, как напористость.

З. Н. Платонова измерила уровень агрессивности у двух групп подростков 12–17 лет: занимающихся спортом в ДЮСШ и не занимающихся

Таблица 6.1. Выраженность конфликтности и агрессивности у спортсменов и неспортсменов, баллов

Группы	Конфликтность	Агрессивность
Спортсмены	14,6	22,3
Неспортсмены	13,2	20,9
Спортсменки	15,4	18,1
Неспортсменки	14,9	17,6

спортом, используя методику А. Басса и А. Дарки (модифицированный вариант из 40 вопросов), — табл. 6.2.

Таблица 6.2. Выраженность конфликтности и агрессивности у мальчиков и девочек, баллов

Виды агрессии	Мальчики		Девочки	
	спортсмены	неспортсмены	спортсменки	неспортсменки
Физическая	3,9	3,4	3,8	2,7
Косвенная	2,6	1,4	2,2	2,3
Вербальная	3,5	2,9	3,1	2,7
Раздражительность	2,9	2,1	2,8	2,6
Негативизм	3,6	3,0	2,8	2,9
Обидчивость	2,6	2,5	1,9	2,0
Подозрительность	2,7	2,7	1,6	2,2
Чувство вины	2,6	3,7	2,9	3,4

З. Н. Платонова пишет, что результаты ее исследования не подтвердили предположения о том, что агрессия больше выражена у спортсменов, чем у тех подростков, которые не занимаются спортом. Однако данные, приведенные ею, показывают другое. Склонность к физической и вербальной агрессии как у мальчиков, так и у девочек выражена больше у тех, кто занимается спортом. У мальчиков-спортсменов выше также склонность к косвенной агрессии, больше раздражительность и негативизм. Обращает на себя внимание меньшая выраженность у занимающихся спортом чувства вины (т. е. аутоагрессии), что косвенно подтверждает бóльшую склонность к гетероагрессии подростков-спортсменов.

6.3. Отношение спортсменов к проявлению агрессии в спорте

Многие спортсмены рассматривают определенные акты агрессии как недопустимые вообще, но приемлемые в спортивных условиях (Bredemeier, Shields, 1986).

Анализ мнений спортсменов, проделанный В. М. Бызовой, выявил три подхода к проблеме агрессии в спортивной деятельности. Самая большая группа спортсменов (58%) утверждала, что агрессия — это главное в спорте, спорт и агрессия неразрывны. По их мнению, «если быть неагрессивным, то тяжело победить соперника». Это касается прежде всего силовых видов спорта (единоборство, борьба, бокс), в которых высокие результаты обусловлены наличием агрессии, готовностью к борьбе, желанием победить любой ценой. В связи с этим указывается на роль тренера, который в необходимых случаях «внушает» агрессию спортсмену. Исключение составляют лишь некоторые виды спорта, в которых агрессивность может служить помехой.

Прямо противоположное мнение: «спорт и агрессия — это несовместные понятия» было у 23% спортсменов, считающих, что агрессия очень сильно мешает в спорте и должна быть наказуема. Эта группа спортсменов апеллирует прежде всего к собственному опыту: «Я видел, как агрессия приводила к поражению».

Третья группа спортсменов (19%) полагала, что необходимо лишь иногда вести себя агрессивно, причем и тренер должен в меру применять в отношении спортсменов агрессию — «иногда полезно дать взбучку». По мнению этой группы спортсменов, агрессия должна проявляться в форме нормальной «спортивной злости», направленной на получение максимального результата. Однако агрессия не должна приводить к травмам, неспортивному поведению.

В качестве главной причины агрессии и проявления негативных качеств (обиды, досады, отчаяния) спортсмены называли неумение достойно проигрывать.

Очевидно, что отношение спортсменов к агрессивности во многом определяется ее целесообразностью и соблюдением правил соревнований. В одних видах спорта непосредственное проявление агрессивности

может быть продуктивным, тогда как в других спортивных ситуациях или видах деятельности несвоевременная либо не туда направленная агрессивность не только непродуктивна, но может быть и нежелательной (разрушительной). Примером этого могут служить легендарные «мясники» из футбольного клуба «Уимблдон», расформированного в конце ушедшего столетия. Принципом той команды было просто сломать как можно больше игроков команды соперника и, может быть, между делом забить гол.

Когда спортивные психологи обсуждают проблему агрессии в целом, они имеют в виду враждебную агрессию, или то, что большинство людей называют «плохой» агрессией. Однако не все виды «плохой» агрессии являются действительно враждебными. Большинство агрессивных действий спортсменов относятся к инструментальной агрессии, хотя она, как и враждебная агрессия, включает намерение нанести ущерб.

Примером «хорошей» агрессивности в спорте является напористый вид поведения (Husman, Silva, 1984). Это игра в рамках правил с высокой интенсивностью, силовым давлением и желанием победить, но без намерения нанести повреждение сопернику.

Вследствие этого необходимо отличать приемлемое инструментальное агрессивное поведение от неприемлемого, враждебного. Например, если боксер прижал соперника к канатам и умышленно желает «наказать» соперника, нанося ему удары в голову и по корпусу, сознательно стараясь не заканчивать поединок, это классифицируется как враждебная агрессия. Также должны расцениваться и действия футболистов, хоккеистов и прочих игроков, стремящихся умышленно нанести травму сопернику.

В некоторых видах спорта, требующих проявления агрессивности, отдельные спортсмены нуждаются в помощи при овладении умением проявлять нужную агрессивность, контролировать ее и не испытывать угрызений совести после подобных действий. Это касается молодых спортсменов, которые в силу особенностей воспитания считают ее ненормальным явлением. Для них может быть характерно выраженное чувство вины, которое будет мешать их выступлениям. В данном случае целесообразно обсудить с молодым спортсменом причины его неумения проявить агрессивность во время игры, научить такого спортсмена проявлять агрессивность, но в соответствии с правилами соревнований и общепринятыми нормами поведения.

6.4. Ситуации и свойства личности, провоцирующие проявление агрессии игроками спортивных команд

Определенные ситуации способствуют проявлению агрессивного поведения. Вероятность проявления агрессивных действий высока в том случае, когда спортсмены находятся в состоянии фрустрации и, следовательно, возбуждены. Возникает же фрустрация, когда спортсмены проигрывают, воспринимают судейство как несправедливое, испытывают беспокойство, физическую боль, выступают ниже своих возможностей.

Фолькамер (Volkamer, 1971) изучил, в каких именно спортивных ситуациях можно ожидать агрессивного поведения игроков спортивных команд. К агрессивным действиям он отнес персональные (неэтические) нарушения правил (фолы)[1], вербальную (словесную) и физическую агрессию. Он выявил, что на нарушения правил игры влияют по крайней мере четыре фактора: 1) выигрывает или проигрывает команда; 2) играет ли команда на своем или чужом поле; 3) велика ли разница в счете; 4) какое место в турнирной таблице занимает команда соперников.

- Проигрывающие команды совершают больше нарушений, чем те, которые выигрывают.

  Очевидно, фрустрация, вызванная возможностью поражения, вызывает агрессивное поведение.

- Команды, играющие на своем поле, допускают меньше нарушений, чем те, которые играют на чужом. Фолькамер объясняет это незнакомой средой, а также тенденцией приезжих команд воспринимать себя во враждебной среде. Поэтому они совершают

[1] Силва считает, что агрессия в спорте — это «не только намеренное нанесение вреда, травмы, но и нарушение правил». Однако такое определение агрессии неточно. Нарушения правил могут не иметь ничего общего с агрессивными действиями спортсменов (например, неправильное введение мяча в игру в футболе, нарушение зоны в хоккее с шайбой, задержка мяча при его приеме в волейболе и т. п.). Поэтому уточнение Фолькамера, о каких нарушениях идет речь (неэтических, направленных на соперников), весьма важно. Кроме того, силовая борьба в футболе и хоккее носит агрессивный характер, но разрешена правилами и не имеет целью нанесения сопернику травмы (хотя и не исключает такие случаи, особенно в хоккее).

нарушения не только против соперников, но и косвенным образом против болельщиков, поддерживающих их соперников. Следовательно, многие нарушения представляют собой утонченную форму агрессивности, направленной спортсменами как против зрителей, так и против соперников.

- Нарушений обычно бывает меньше, когда команда имеет большое число очков или забитых голов по сравнению с менее результативными матчами. Фолькамер полагает, что при каждом забитом голе происходят снижение психического напряжения и перестройка отношений в команде, тогда как при небольшом количестве забитых голов напряжение сохраняется на довольно высоком уровне, что приводит к агрессивности и большему числу нарушений.
- Команды, занимающие более низкое место в турнирной таблице, обычно допускают больше нарушений, чем команды, занимающие более высокие места. Это обстоятельство автор объясняет более высоким уровнем фрустрации у проигрывающих команд, а также возможным отсутствием у них умения играть агрессивно, не нарушая правил. Оказалось также, что команды, занимающие более низкие места в турнирной таблице, действуют более агрессивно, даже когда они выигрывают.

  При встречах команд, занимающих различные места в турнирной таблице, команда, которая находится выше, допускает большее число нарушений. Это является подтверждением так называемого закона кто кого клюнет, наблюдаемого у животных. Там агрессивность особи более высокого статуса допускается, особенно если она направлена на других членов группы с более низким статусом.

В этом обстоятельном исследовании были выявлены и другие, косвенные, факторы, влияющие на число нарушений, совершаемых спортсменами. Например, когда встречались команды, занимающие верхние и нижние места в турнирной таблице, то наблюдалось больше нарушений, чем в случае, когда играли команды, занимающие места в середине таблицы. Автор предположил, что игроки лучших команд обычно напряжены и более агрессивны, поскольку боятся потерять возможность выиграть чемпионат или потерять призовое место, тогда как более слабые команды боятся лишь одного — оказаться на последнем месте в турнирной таблице и покинуть данную лигу.

С другой стороны, команды, находящиеся в середине турнирной таблицы, свободны от этих переживаний и потому допускают меньше нарушений. Кроме того, соотношение в счете в каждой конкретной игре тоже влияет на число допущенных нарушений. В играх с примерно равным счетом, как и в тех, где практически нет борьбы, обычно наблюдается меньше нарушений и грубости, чем тогда, когда разница в счете больше выражена. В первом случае спортсмены стремятся выиграть и поэтому следят за тем, чтобы не допускать излишней агрессивности (грубости). И наоборот, когда разница в счете настолько велика, что ни одна из команд не сомневается в окончательном исходе игры, то потребность в проявлении агрессии минимальна. Фолькамер указал на несколько проблем, связанных с уровнем агрессивности в спорте, выявленных им в ходе анализа количества нарушений. Например, он отмечает «цепную реакцию» в нарушениях правил — если игра началась с серьезного нарушения, то затем следует целая серия нарушений правил из-за ухудшения морального духа команды.

К сожалению, не всегда можно контролировать эти ситуации. Однако, следя за спортсменами, тренер может заменять спортсмена в процессе игры при появлении у него первых признаков агрессивности. Или, что намного лучше, его можно научить контролировать свои эмоции и реакции на фрустрацию. Например, Силва (Silva, 1982) описал случай, когда хоккеист в начале своей карьеры очень часто во время матчей впадал в состояние фрустрации и агрессивно реагировал на нее, вследствие чего проводил бо́льшую часть времени на скамье оштрафованных. Однако затем он научился снимать это состояние. В результате количество агрессивных реакций у него резко снизилось и он стал редко попадать на скамью оштрафованных.

С. О. Закаморным (2012) было установлено, что существенную роль в процессах возникновения и становления агрессивности спортсменов играет личность тренера, низкий уровень конфликтоустойчивости которого ($Po < 0{,}01$) наряду со склонностью к авторитарному ($Po < 0{,}01$) и либеральному ($Po < 0{,}01$) стилям руководства статистически достоверно способствует повышению агрессивности спортсменов.

Показано также, что агрессивность спортсменов связана со следующими свойствами личности: высоким уровнем фрустрированности, низкими нравственными качествами, высокой самооценкой, слабым волевым самоконтролем и самообладанием (Закаморный С. О., 2011а; Закаморный С. О., Блинов В. А., 2011).

6.5. Спортивные результаты и агрессивность

По мнению некоторых тренеров и спортсменов, агрессивность повышает спортивные результаты как в командных, так и в индивидуальных видах спорта. Например, американский баскетболист Кермит Вашингтон отмечал, что его агрессивность помогала ему вести борьбу на площадке. Однако несомненно, что связь между агрессивностью и физической активностью носит весьма сложный характер.

Одни спортивные психологи считают, что агрессивность способствует достижению необходимого результата (Widmeyer, 1984), и приходят к выводу, что уровень спортивной квалификации проявляется в сформированности навыков агрессивного поведения. У спортсменов высшей спортивной квалификации в большей степени развиты психологические механизмы использования агрессивности в достижении спортивных результатов.

Не случайно Басс (Buss, 1971), изучая молодых спортсменов, пришел к выводу, что игра, сопровождаемая физической агрессией, поощряется тренером и техника спора становится основной частью обучения. А Бандура отмечает, что причиной агрессивности спортсменов является получение награды и других материальных поощрений.

Другие спортивные психологи думают иначе (Gill, 1986). По мнению Силва (Silva, 1980), агрессивность не может повышать спортивный результат, поскольку вызывает повышение уровня возбуждения спортсмена и переключает его внимание на проблемы, не связанные со спортивной деятельностью (например, нанесение ущерба сопернику).

Поэтому педагогам в области спорта нужно определиться, что важнее — повышение спортивных результатов за счет повышения агрессивности или то, как спорт влияет на личность спортсменов.

6.6. Агрессивность и выбор вида спорта и игрового амплуа

Ученых интересует вопрос: выбирает ли индивид с агрессивными наклонностями вид спорта и игровое амплуа в команде, требующие проявления агрессивности, или же занятия определенным видом спорта каким-то образом способствуют формированию у него должной агрессивности. Ведь тренеры ожидают от участников, выбравших «агрессив-

ный» вид спорта или выполняющих в команде определенное амплуа, проявлений агрессивности.

Действительно, у спортсменов, занимающихся разными видами спорта, агрессивность выражена по-разному. С. В. Афиногенова (2007) сравнила выраженность различных характеристик агрессивности у девушек, занимающихся «мужскими» (бокс, тяжелая атлетика, футбол, борьба и др.) и «женскими» видами спорта (художественная гимнастика, синхронное плавание), и выявила, что у первых больше выражены наступательность, бескомпромиссность, нетерпимость к мнению других и суммарная агрессивность, а у вторых — вспыльчивость, обидчивость и подозрительность, а также суммарная конфликтность (табл. 6.3).

Таблица 6.3. Выраженность характеристик агрессивности у девушек, занимающихся «мужскими» и «женскими» видами спорта, баллов

Характеристики агрессивности	Занимающиеся «мужскими» видами	Занимающиеся «женскими» видами
Наступательность	4,5	4,0*
Неуступчивость	4,1	4,0
Бескомпромиссность	2,9	2,3*
Мстительность	3,7	3,7
Нетерпимось к мнению других	3,5	3,1
Суммарная агрессивность	18,7	17,1**
Вспыльчивость	6,0	6,4
Обидчивость	4,5	5,1**
Подозрительность	4,5	4,7
Суммарная конфликтность	15,0	16,2*

Примечание: * — различия, достоверные на уровне 0,05; ** — различия, достоверные на уровне 0,01.

Объяснение этим данным можно видеть в том, что «мужскими» видами спорта, по данным С. В. Афиногеновой, чаще занимаются девушки маскулинного типа, у которых все характеристики агрессивности выражены больше, чем у феминных, а «женскими» видами спорта занимаются в основном феминные девушки, у которых выражены больше все характеристики конфликтности.

Т. Н. Нечепуренко выявлено, что занимающиеся ножевым боем по сравнению с лицами контрольной группы склонны к большей физической агрессии и в меньшей степени — испытывать вину за агрессивное поведение.

При этом занимающиеся ножевым боем более склонны оценивать нейтральные стимулы как враждебные, чем испытуемые, ножевым боем не занимающиеся.

По данным Е. В. Мясниковой, самый высокий уровень склонности к физической агрессии у подростков, занимающихся восточными единоборствами, борьбой (85 и 82% соответственно). Самый низкий показатель у подростков, занимающихся спортивными танцами и плаванием (45 и 51% соответственно), — табл. 6.4.

Таблица 6.4. Показатели индекса агрессивности у спортсменов-подростков

Виды спорта	Индекс агрессивности
Борьба	74,5
Фехтование	74,2
Биатлон	69,0
Плавание	52,3
Спортивные танцы	52,0

Более низкий уровень агрессивности у пловцов Е. В. Мясникова объясняет тем, что они по сравнению с представителями других видов спорта, изученных ею, занимаются спортом достаточно долго и успели уже выработать навыки контроля за агрессивными побуждениями. Это объяснение кажется мне надуманным. Дети, занимающиеся спортивными танцами, тоже имеют низкий уровень агрессивности, однако Е. В. Мясникова не ссылается на то, что у них большой спортивный стаж. Кроме того, плавание и спортивные танцы не те виды спорта, где требуется проявлять агрессивность. Следовательно, и учиться ее подавлять нет необходимости. Поэтому гораздо логичнее объяснить полученные Е. В. Мясниковой, как и другими авторами, данные о разной выраженности агрессивности у начинающих спортсменов тем, что виды спорта, связанные с единоборствами и требующие проявления агрессии, выбираются детьми по склонности к проявлению агрессии. И в дальнейшем склонность к агрессии у них может только возрастать, а не снижаться.

Это находит подтверждение и в данных, приводимых В. К. Сафоновым (2003): у занимающихся айкидо агрессивность равнялась 23,8 балла, у дзюдоистов и самбистов — 23,4, а у легкоатлетов и лыжников — 21,9 балла.

В исследовании, проведенном Уильямсом и Иозефом, была предпринята попытка выяснить, учитывается ли тренерами агрессивность у игроков, выполняющих различные амплуа.

Результаты психологического тестирования в известной мере подтвердили зависимость ранжирования игроков по степени агрессивности от выполняемой ими роли в команде. Авторы высказывают предположение, что на результаты исследования мог повлиять один из двух факторов: а) тренеры могли считать спортсмена агрессивным только потому, что он выполнял определенное амплуа в команде; б) сами игроки могли выполнять соответствующие роли, зная, каких действий от них ждут.

6.7. Агрессивность болельщиков

Зрительские страсти болельщиков имели место еще во времена поздней Римской империи. Для того чтобы успокоить разбушевавшихся зрителей, им раздавали фрукты и хлеб (Coakley, 1986, с. 47).

По мнению некоторых исследователей, зрелищные виды спорта способствуют возрождению архаического психологического типа с ярко выраженными чертами агрессивности и соперничества (Веблен, 1984; Хренов, 2005; Берковиц, 2001). Азарт и спортивный патриотизм болельщиков могут довольно легко перерастать в насилие по отношению ко всему чужому, а нередко и по отношению к своей команде и ее тренеру. Особенно типично такое поведение для южноамериканских футбольных фанатов. Главный тренер бразильского «Палмейраса» после проигранного с крупным счетом матча подвергся нападению болельщиков своего клуба. Результатом индицента стал перелом руки у тренера. «Стоит вам не выиграть чемпионат или даже отдельный матч, как вас уже поджидают в аэропорту люди с намерением избить», — заявил тренер. В одной из латиноамериканских стран болельщик застрелил футболиста, срезавшего мяч в свои ворота, из-за чего команда этой страны потерпела поражение и выбыла из чемпионата мира. Болельщики московского «Динамо» обстреляли из пневматических пистолетов футболистов, тренировавшихся у себя на базе, выразив таким образом недовольство турнирным положением команды. Во время матча «Динамо» (Москва) и «Зенита» (Санкт-Петербург) болельшик выстрелил из ракетницы во вратаря москвичей. Результатом стало кратковременное ослепление вратаря, прекращение матча и техническое поражение «Зенита».

К. Лоренц полагал, что участие человека в замещающих насилие действиях, не связанных напрямую с причинением ущерба, таких как спортивные состязания, тяжелая физическая работа и т. д., может существенно предотвратить накопление агрессивной энергии до опасного уровня и снизить вероятность вспышек насилия. Но здесь следует учитывать, что у К. Лоренца речь идет о непосредственном выполнении человеком физической деятельности. Другое дело — наблюдать за состязаниями спортсменов.

Изучение этого вопроса психологами показало, что просмотр спортивного соревнования не приводит к снижению уровня агрессивности зрителей. Более того, наблюдение за некоторыми контактными видами спорта повышает готовность зрителя стать агрессивным (Isoahola, Hatfield, 1986). Но агрессивность, как правило, не проявляется без наличия других связанных с поединком факторов. Например, исследование 1500 хоккейных болельщиков показало, что проявление агрессивности характерно для молодых поклонников в условиях большого скопления, а также под действием алкоголя (Cavanangh, Silva, 1980).

> Проведено исследование взаимосвязи особенностей гнева, половой принадлежности и удовольствия от телевизионного просмотра спортивного насилия в играх Национальной лиги американского футбола. В эксперименте испытуемые (мужчины и женщины) заполняли несколько опросников, включая опросник для оценки уровня удовольствия от просмотра видеозаписей игр, различающихся по степени грубости. В результате обнаружилось, что мужчины получали большее удовольствие как от игр в целом, так и от ситуаций грубой игры по сранению с женщинами. Оценка собственного футбольного фанатизма также позитивно связана с уровнем получаемого удовольствия от игр в целом. В отношении всей выборки было установлено, что уровень удовольствия возрастал в зависимости от уровня грубости игры.
>
> Сафонов В. К., 2003, с. 75–76

Гольдшейн и коллеги исследовали влияние просмотра спортивных соревнований на агрессивность зрителей. Вывод был такой — у зрителей, смотревших футбол, уровень агрессии в значительной степени возрос. У зрителей, смотревших гимнастику, значимых изменений на уровне агрессии не наблюдалось. Правда, значительный рост агрессивности наблюдается только у тех футбольных фанатов, которые идентифицируют себя с командой.

В одном исследовании (Wann et al., 1999b) у испытуемых определялись уровень агрессии и уровень фанатизма. Связи между этими параметрами не обнаружилось. Однако в другой работе (Wann et al., 1999a) у фанатов, имевших сильную идентификацию себя с командой, была выявлена инструментальная агрессия по отношению к официальным лицам команды соперника, вплоть до желания нанести им физическую травму (Wann et al., 1999c). При этом роста агрессивности по отношению к незнакомым людям у этих фанатов не наблюдалось.

Кроме того, было выявлено, что семейные болельщики реагируют на жесткие ситуации спортивного единоборства менее агрессивно, чем холостые и незамужние (Wann et al., 1998).

По данным В. К. Сафонова (2003), фанаты обладают рядом особенностей личности, способствующих их агрессии, а именно более низкой, чем у болельщиков и неболельщиков, удовлетворенностью учебой или работой, низким авторитетом в группе и отношениями в семье.

Футбольные состязания, как никакие другие виды спорта, накаляют страсти болельщиков до предела, вызывая у них рост агрессии, что нередко приводит к потасовкам и конфликтам, открытым столкновениям враждующих фанатских группировок, что приводит к человеческим жертвам. Для многих фанатов участие в таких драках является делом чести.

Это стало отчетливо проявляться начиная с 60-х гг. XX столетия. В 1964 г. во время футбольного матча в столице Перу Лиме после столкновения болельщиков погибло около трехсот человек. В 1985 г. в бельгийском городе Хейсел на матче итальянской команды «Ювентус» и английского «Ливерпуля» погибли 42 человека.

Сами фанаты объясняют свое агрессивное поведение следующими причинами:

- употреблением алкоголя и наркотиков;
- нежеланием контролировать свои сильные отрицательные эмоции;
- безнаказанностью поведения;
- стадным чувством;
- низкой культурой поведения;
- желанием подраться;

- преступными наклонностями;
- «необъективным» судейством, приведшим к поражению любимой команды;
- провоцирующим поведением полиции.

Правомерно предположение, что агрессивное поведение части зрителей, большинство из которых составляет малоквалифицированная рабочая молодежь, объясняется тем, что в этой социальной группе насилие стало нормальным способом разрешения конфликтов и рассматривается как проявление «мужественности». Можно согласиться и с мнением, что агрессивное поведение фанатов стало ритуальным. Это обстоятельство привлекает на стадионы не только любителей футбола, но и любителей насилия, и не только любителей, но и профессионалов. В обществе, где есть острые конфликты, обязательно появляются весьма влиятельные силы, заинтересованные в общей эскалации насилия и напряженности. Идеологическая основа этого экстремизма не имеет никакого отношения к спорту. Зачинщиками драк на стадионах могут быть боевики из националистических, расистских или фашистских организаций.

Миртов Ю. Н. Теория и практика физической культуры. 1989. № 2. С. 46–47

Спортивная агрессия все чаще переносится со стадионов на улицы и площади крупных мегаполисов. В результате агрессия принимает характер вандализма, когда бьются стекла в магазинах, трамваях, крушатся ларьки, телефонные будки и т. д. Нередко на волне спортивного ура-патриотизма могут стихийно возникать различные расистские и ксенофобские выступления ультраправых сил, среди которых встречается немало болельщиков. Некоторые футбольные клубы болельщиков в европейских странах становятся местом сборищ безработной и социально неустроенной молодежи и люмпенов и служат своего рода базой, где формируются ультраправые группировки с откровенно профашистскими лозунгами. В 1920–1930-х гг. именно спортивный национализм стал выражением национального духа в фашистской Италии и нацистской Германии.

Несмотря на это, некоторые ученые полагают, что социальные инстинкты агрессивности, проявляющиеся у болельщиков наряду с деструктивными, могут выполнять и созидательные функции. Как считает философ А. Секацкий (2005), под внешней деструкцией агрессии «идет неви-

димая работа созидания» человеческих коллективов «монад» (с. 215). Агрессивный инстинкт футбольных болельщиков — это демонстрация «твердой воли свободных людей» и «инициация энергии сохранения социума и пассионарности». Любые эмоциональные переживания, связанные с игрой, способны консолидировать и сплачивать человеческие коллективы в единый социально-культурный организм. По мнению американского психоаналитика П. Марша (Marsch, 1975), игровая форма агрессии является одним из основных факторов, укрепляющих культурную солидарность людей и оказывающих влияние на динамику развития самой культуры. В различные исторические периоды, по его утверждению, спортивная агрессия служила одним из способов выражения социальной идентичности отдельных аморфных образований, когда в процессе игровой коммуникации спонтанно возникали отдельные партии болельщиков. Спортивные состязания действительно приводят к сплочению зрителей, болеющих за свою команду.

Важно также отметить, что агрессивные эмоции, проявляемые зрителями спортивных соревнований, играют роль своеобразных клапанов, снижающих избытки энергии, не находящей функционального выхода в естественных условиях. Особенно это важно для людей, переживших глубокий психологический стресс, надломленных жестокой действительностью, отягощенных внутренним одиночеством, агрессивные виды спорта в наши дни часто становятся единственной отдушиной и средством аффективной разрядки, в которых они ощущают полноту жизни и гармонию с самими собой. Американский писатель Эрнест Хэмингуэй показал это в своих произведениях, описав природу спортивной агрессии у зрителей из числа представителей так называемого потерянного поколения — бывших молодых фронтовиков Первой мировой войны. Не сумев найти свое место в жизни, потеряв всякую веру в светлые идеалы, они находят единственную радость в жизни в корриде, конных скачках и боксерских турнирах.

Привлекая зрителей на спортивные состязания, необходимо проводить работу по профилактике и контролю агрессивности болельщиков. Это многоплановая и постоянная работа, затрагивающая различные аспекты проведения спортивных соревнований, включающая в себя:

- запрет на продажу и распитие алкогольных напитков на спортивных соревнованиях;
- решительное пресечение спортивными судьями проявления игроками грубой игры;

- осуждение спортивными комментаторами проявления враждебных агрессивных действий игроков и зрителей в своих репортажах;
- немедленное наказание зрителей (удаление с места проведения соревнований) за проявление агрессивных хулиганских действий, а в некоторых случаях лишение их права посещать эти соревнования на длительный срок.

ГЛАВА 7

Вандализм[1] как деструктивное агрессивное поведение[2]

Проблема вандализма для ученых (криминалистов, социологов, психологов, педагогов) встала относительно недавно. Так, изучение вандализма на Западе начато лишь в начале 80-х гг. прошлого столетия (С. Коэн, Д. Кантер, Дж. Деннермейер). В отечественной психологии первые исследования вандализма были проведены в 1990-х гг. (Пирожков В. Ф., 1994).

7.1. Что такое вандализм

Ванда́лизм — одна из форм деструктивного (разрушительного) целенаправленного (преднамеренного) агрессивного поведения человека, в ходе которого уничтожаются или оскверняются предметы искусства, культуры, иного имущества общественного значения. Вандализм имеет значение — «дикий, беспощадный грабеж, варварство». История возникновения этого термина восходит к восточно-германскому племени вандалов, разграбивших в июне 455 г. Рим. Хотя вандалы скорее грабили и вывозили ценности, чем уничтожали их, за ними закрепилась слава диких и бескультурных «варваров», что, возможно, связано с жестоким

[1] При написании данной главы я опирался в основном на статью А. С. Скороходовой.

[2] Некоторые психологи не считают вандализм агрессией (Л. Берковиц, Р. Бэрон), так как связывают агрессию только с вредом, наносимым живым существам. Однако многие случаи вандализма являются нанесением ущерба врагу, т. е. переносом агрессии на неодушевленные предметы, которые идентифицируются с их хозяином. Вандализм может быть и агрессивной акцией протеста против несправедливости общества, озлобленности на весь мир и т. п. Труднее отнести к агрессии вандализм, проявляемый ради самоутверждения или получения удовольствия. Однако в этом случае имеет место издевательство над неодушевленным объектом, что относится к агрессивному поведению.

преследованием католического духовенства и разрушением католических церквей в вандальском королевстве в Северной Африке.

Появление термина «вандализм» относится ко времени Великой французской революции — впервые термин в современном значении использован членом конвенции Генеральных Штатов аббатом Анри Грегуаром в 1794 г., когда он выступил с «Докладом о разрушениях, творимых вандализмом, и средствах их предотвращения», призывая самым суровым образом пресекать уничтожение памятников искусства, причем Грегуар имел в виду прежде всего действия армии молодой Французской республики (Reau, 1959). Для революционных восстаний был даже придуман термин «взрывная литература». Вот некоторые примеры призывов к революционному насилию и вандализму. В. Кириллов в декабре 1917 г. написал следующее:

Мы, несметные, грозные легионы
Труда —
Мы победили пространства морей,
океанов и суши,
...Пожаром восстаний горят наши
гордые души,
Мы во власти мятежного, страстного
хмеля,
Пусть кричат нам: «Вы — палачи
красоты...»
Во имя нашего Завтра — сожжем
Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства
цветы («Мы»).

Не отставал от него и В. Маяковский. В стихотворении «Радоваться рано» он писал:

Белогвардейца
найдете и к стенке.

А Рафаэля забыли?

Забыли Растрелли вы?

Время

пулей

по стенке музеев тенькать.

Стодюймовками глоток старьё

расстреливай!

Слово «вандализм» прочно вошло в употребление как обозначение бессмысленного разрушения или порчи произведений искусства, памятников архитектуры, культуры и т. д. в XIX в. Например, В. Даль (1955) подчеркивает несоответствие вандализма моральным нормам, определяя его как «поступок грубый, противный просвещению, образованности».

В Большой советской энциклопедии вандализм определяется как «бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей». Социальные психологии и социологи дают более широкое толкование этого феномена (Goldstein, 1996), включая в него разнообразные виды разрушительного поведения: от замусоривания парка и вытаптывания газонов до погромов магазинов во время массовых беспорядков. Определений много, и почти все они имеют расплывчатый характер. Например, Уайз дает такое определение: «Если кто-то изменяет часть физической среды без согласия на то ее собственника или управляющего, то это вандализм» (Wise, 1982, с. 31). Уайз различает «предумышленный» и «случайный» вандализм. К последнему относятся повреждения из-за использования не по назначению, любопытства, озорства и несовпадения планов проектировщика и желаний пользователя. Трудно согласиться с выделением «случайного» вандализма. Всякая агрессия является преднамеренной, внутренне мотивированной.

Несколько иное, но близкое к Уайзу дает разделение видов вандализма А. Налчаджян. По его мнению, следует говорить о неосознанном и осознанном вандализме. Примером первого вида является поведение маленького ребенка, разрушающего предметы ради собственного удовольствия. Второй же вид вандализма присущ взрослым, разрушающим объекты с умыслом. В таком разделении пропадает необходимый элемент вандализма — наличие враждебности.

Важной характеристикой вандализма является его направленность на неодушевленные объекты. Поэтому агрессию, направленную на живые существа, в том числе и убийство людей, вопреки мнению А. Налчаджяна (2007, с. 707) нельзя рассматривать как вандализм. Иначе пропадает смысл выделения его в особую категорию агрессии и все становится вандализмом.

Установить границы понятия «вандализм» довольно сложно. Являются ли вытаптывание газонов, замусоривание улиц и т. п. намеренными актами вандализма или же это следствие отсутствия заботы и аккуратности, обеспечения личного удобства (например, протаптывают на газонах тропинки не с намерением его уничтожить, а потому что так удобнее, ближе идти)? Некоторые виды разрушений в обществе «нормализованы», институционализированы. Поэтому С. Коэн справедливо пишет: «Мы приходим к неприятному признанию того, что вандализм не является ни точной характеристикой поведения, ни узнаваемой правовой категорией, это ярлык, применяемый к определенным типам поведения при определенных условиях» (Cohen, 1973, с. 23). И все-таки ученые выделяют основные сущностные элементы вандализма. Так, А. Голдштейн отмечает намеренность, деструктивность действий и право собственности на разрушенный объект: «Вандализм — это намеренный акт разрушения или порчи чужой собственности» (Goldstein, 1996, с. 36).

Наличие группы может как увеличить вероятность разрушений (в связи с процессами распространения девиантных стандартов поведения, диффузии ответственности), так и послужить сдерживающим фактором (если групповые нормы предусматривают осуждение подобного поведения).

За рубежом вместо слова «вандализм» часто используется словосочетание «разрушительное поведение» («depreciative behavior»), при этом часто не разделяются намеренные и ненамеренные разрушения (Stoep, Gramann, 1987). Именно так определяют вандализм В. Оллен и Д. Гринбергер (Allen, Greenberg, 1980): как разрушительное поведение, попытка личности восстановить нарушенное ощущение контроля над ситуацией и средой.

Вандализмом считается:

- осквернение зданий или иных сооружений, надругательство над местами захоронения, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах (нанесение разно-

образных непристойных надписей на частях зданий, сооружений, замазывание грязью, нанесение неприличных рисунков, издевательских лозунгов и т. п.;

- порча имущества на общественном транспорте или иных общественных местах (порча сидений в поездах, троллейбусах, трамваях, автобусах, поломка лифтов, телефонных автоматов, скамей в парках, оборудования детских площадок и т. п.).

Определение вандализма, по Уайзу (Wise, 1982), включает и экологические преступления.

Во французском энциклопедическом словаре «Ларусс» обращается внимание на то, что «вандализм — состояние духа, заставляющее разрушать красивые вещи, в частности произведения искусства» (Grand larousse... 1964, с. 664). Вандал — тот, кто намеренно или вследствие невежества разрушает собственность, принадлежащую другому лицу или обществу. Вандализм, как правило, совершается скрытно, в расчете на то, что окружающие не заметят или будут не в состоянии пресечь эти действия, причем чаще всего имеет целью нанесение порчи и вреда имуществу.

На бытовом уровне понятие вандализма стало распространяться на повседневные проявления хулиганства, связанные с порчей чужой или общественной собственности.

Хроника наиболее громких случаев вандализма

Самый известный из древних актов вандализма совершен из желания личной славы Геростратом, который сжег храм Артемиды Эфесской в 356 г. до н. э.

Арабский халиф Омар (VII в. н. э.) велел сжечь всю Александрийскую библиотеку, и в течение шести месяцев в тысячах бань Александрии грели воду, сжигая рукописные книги.

В середине XIII в. монголы, захватив Багдад, уничтожили его библиотеки. Книги бросили в реку Тигр, создав своеобразный мост, по которому люди могли перейти с одного берега на другой.

Епископ и инквизитор Диего де Ланда в 1562 г. уничтожил фактически все рукописи индейцев майя, где содержались многочисленные исторические и астрономические данные, мифы и легенды. Правда, затем он

всю свою оставшуюся жизнь пытался восстановить некоторые рукописи по памяти порабощенных индейцев.

Картине «Иван Грозный и сын его Иван» в 1913 г. были нанесены три удара ножом молодым иконописцем Абрамом Балашовым, лица изображенных пришлось полностью переписывать.

Картина Веласкеса «Венера с зеркалом» (Лондонская национальная галерея) в 1914 г. была повреждена суфражисткой Мэри Ричардсон, но полностью реставрирована и возвращена в галерею, где находится и по сей день.

Статуя Русалочки (Дания) многократно становилась объектом вандализма начиная с середины 1960-х гг. по разным причинам, но каждый раз была восстановлена.

В 1972 г. на статую Пьета, созданную Микеланджело, напал со скальным молотком австралийский геолог венгерского происхождения Ласло Тот, кричавший, что он Христос. После реставрации статуя была установлена за пуленепробиваемым стеклом справа от входа в собор.

В 1985 г. в Эрмитаже картину Рембрандта «Даная» облил кислотой житель Литвы Бронюс Майгис.

В 1988 г. алтарь Паумгартнеров был серьезно поврежден 51-летним бездомным, который облил его кислотой.

Норвежские фанаты блэк-металла приняли участие более чем в 50 поджогах христианских церквей в период с 1992 по 1996 г. В том числе была полностью уничтожена Ставкирка в Фантофте, постороенная в 1170 г.

В 2001 г. бамианские статуи Будды в Афганистане вопреки протестам мировой общественности и других исламских стран были варварски разрушены талибами, считавшими, что они являются языческими идолами и подлежат уничтожению.

7.2. Распространенность вандализма и финансовый ущерб

Многие исследователи констатируют, что за последние десятилетия в Европе и Америке происходит рост числа различных проявлений

вандализма (Hauber, 1991; Goldstein, 1996; Selosse, 1983; Cordess, Turcan, 1993). Э. Роос (Roos, 1988) связывает это с глобальными изменениями в сфере трудовой этики. На смену протестантской этике, предполагающей, что человек обретает свою сущность в самоотверженном труде, пришла инструментальная этика, провозглашающая главной ценностью отдых и связанные с ним удовольствия и развлечения. Труд рассматривается только как средство, целью же является досуг.

В США за вандализм ежегодно арестовывается около 200 тыс. человек (и 15 тыс. за поджоги (U. S. Bureau... 1997)). По данным обследования 899 домохозяйств в сельской местности штата Огайо, за год 15,5% хозяйств испытали хотя бы один случай вандализма, более 40% пострадали 2 раза и более. Наиболее частые виды вандализма: разрушения или порча почтовых ящиков молотком или битой; наезд на газоны и посевы; битье стекол домов, гаражей, сараев; пачканье машин краской; порча заборов и фонарей (Donnermeyer, Phillips, 1983). В Канаде 37% жителей Торонто и 56% жителей пригородов выделяют вандализм как значимую проблему в местах своего проживания. При этом 65 из 100 пострадавших от вандализма не сообщают в полицию об ущербе. По данным опросов канадских школьников, до 85–92% из них признают за собой совершение разрушений (учитывались и мелкие, такие как вырезание инициалов на партах) (Wiesenthal, 1990).

Вандализм причиняет большой финансовый ущерб. Хаубер сообщает, что ежедневные материальные потери от вандализма в Нидерландах составляют 4 млн долларов (Hauber, 1991). В 1991 г. убытки лондонского метро от вандализма составили 20 млн долларов, французских национальных железных дорог — 14 млн долларов. Согласно Голдштейну, общий ущерб от вандализма в США превышает 1 млрд долларов. Убытки от вандализма только в американских школах составили в 1969 г. 100 млн долларов, а в 1990 г. — 600 млн долларов (Goldstein, 1996).

Не лучше положение дел и в России. Например, на Московской железной дороге за один только 1992 г. было похищено 12 360 мягких сидений, повреждено 73 800 диванов, с сидений снято 251 тыс. кв. метров обшивки, разбито 49 800 кв. метров стекла[1]. По некоторым оценкам, в Санкт-Петербурге 30% затрат на ремонт в жилищно-коммунальной сфере приходится на ликвидацию последствий вандализма.

[1] Аргументы и факты. 1992. № 46–47.

Известны выходки футбольных фанатов, ежегодно ломающих и поджигающих пластиковые кресла на стадионах.

Учитывая масштабы вандализма, с недавнего времени он в соответствии со ст. 214 Уголовного кодекса Российской Федерации рассматривается как преступление. Ответственность за вандализм наступает с 14-летнего возраста.

7.3. Мотивы вандализма

В литературе наиболее часто упоминается типология мотивов вандализма С. Коэна (Cohen, 1973). В зависимости от доминирующего мотива разрушения он выделяет шесть типов вандализма.

1. *Вандализм как способ приобретения.* Мотивом разрушения является получение материальной выгоды. Например, ради добычи цветных металлов большой вред наносится различному оборудованию, снимаются дверные ручки, мемориальные доски, детали приборов и устройств. Крадутся провода, из-за чего разрушается система связи и электроснабжения и т. п.
2. *Тактический вандализм.* Разрушение используется как средство для достижения других целей. Например, чтобы не допустить снижения цен, уничтожаются целые партии товара.
3. *Идеологический вандализм.* Этот вид похож на предыдущий, и их иногда объединяют. Об идеологическом вандализме говорят, когда разрушитель преследует социальные или политические цели. Объект разрушения имеет ярко выраженный символический смысл. Он может обозначать тип власти, социальные институты, какую-либо социальную или национальную группу. Разрушения памятников архитектуры во время Великой французской революции носило антимонархический, антифеодальный и антикатолический характер (Reau, 1959). Так была разрушена Бастилия, бывшая символом королевского суда. На королевском кладбище Сен-Дени за 3 дня был уничтожен 51 памятник. Всего же за 1789–1800 гг. во Франции было разрушено 168 памятников искусства и архитектуры. Интенсивно уничтожались символы предшествующего строя и в революционной России. Например, за период с 1917 г. разрушено 25–30 тыс. церквей и соборов, около 500 монастырей, уничтожено не менее 20 млн икон, около 400 тыс. колоколов (Платонов О.,

1989). Актом вандализма следует считать и публичное сожжение нацистами начиная с 10 мая 1933 г. 25 тыс. «негерманских» книг на площади Оперы в Берлине. Произведения примерно 130 авторов, в том числе Карла Маркса, Генриха Манна, Эриха Марии Ремарка, Зигмунда Фрейда, были объявлены противоречащими идеологии национал-социалистов. Гитлерюгенд и Немецкий студенческий союз публично жгли книги несколько месяцев.

4. *Вандализм как мщение*. Разрушение имущества происходит в ответ на обиду или оскорбление и совершается анонимно. Обида может быть воображаемой, а объект разрушения может быть лишь косвенно или символически связан с первичным источником враждебности. Такая форма мщения позволяет избежать личного столкновения, она «часто безопасна, обычно надежна и всегда сладка» (Cohen, 1973, с. 45).

   Социально-психологическая концепция вандализма Дж. Фишера и Р. Бэрона (Baron, Fisher, 1983; Fisher, Baron, 1982), в сущности, тоже трактует вандализм как месть за реальное или воображаемое нарушение правил. Она охватывает несколько уровней объяснения данного явления, учитывает социальные, личностные, групповые и средовые факторы, вызывающие различные типы разрушительного поведения. Авторы полагают, что глубинным мотивом вандализма является восстановление справедливости[1].

5. *Вандализм как игра*. Это распространенная разновидность детского и подросткового вандализма. Разрушение рассматривается как возможность поднять статус в группе сверстников

---

[1] Бэрон и Фишер экспериментально показали на выборке студентов университета, что проявление вандализма обусловлено сочетанием субъективной несправедливости и низкого или умеренного субъективного контроля. Студенты, которые воспринимали обращение с ними как нечестное, но считали себя неспособными изменить ситуацию, показали более высокий уровень вандализма, чем студенты, имевшие другие комбинации этих характеристик. Уровень контроля предсказывал вандализм при наличии мотива несправедливости, однако при отсутствии такого мотива он не влиял на показатели вандализма.

С положениями Бэрона и Фишера не согласен Д. Уизинтал (Wiesenthal, 1990). По его мнению, как переживание несправедливости, так и разрушение предметов может быть вызвано недостатком контроля. Он полагает, что субъективный контроль личности является конструктом, обладающим большей объяснительной силой. Кроме того, Бэрон и Фишер не представили каких-либо эмпирических данных, подтверждающих, что вандализм действительно восстанавливает ощущение справедливости для индивидов, испытывающих недостаток контроля. Их исследование не дает ответа на ряд вопросов: влияет ли интенсивность переживания несправедливости на количество и серьезность разрушений; справедлива ли данная модель для особых видов вандализма, например нанесения рисунков и надписей; как влияют факторы, описываемые данной моделью, на другие формы агрессивного поведения, в том числе противоправного.

за счет проявления силы, ловкости, смелости. Такое времяпрепровождение часто имеет характер соревнования.

6. *Злобный вандализм.* Злобный вандализм представляет собой акты, вызванные чувствами враждебности, зависти, неприязни к другим людям и удовольствия от причинения вреда. При этом объект не столь специфичен, как в случае мстительного вандализма. Например, в 1977 г. некий мужчина облил кислотой 23 художественных полотна, среди которых были произведения классической живописи. Свой поступок он объяснил так: «Мне нужно было уничтожить то, что дорого другим» (Cordess, Turcan, 1993, с. 96). В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» получение удовольствия путем причинения зла другим людям является для героев произведения составляющей их повседневной жизни. В одном из эпизодов романа описывается, как они выплескивают остатки кофе на обои, а потом начинают колотить ногами по стенам комнаты, стараясь их запачкать. Тем самым они надеются навредить квартирной хозяйке, которая ничего плохого им не сделала. «Мы всегда, когда едим, пакостим стены, — говорит герой Сологуба, — пусть помнит»[1].

Другие мотивы вандализма обозначены Д. Кантером (Canter, 1983). К мотивам мести и приобретения Кантер добавляет эмоциональные состояния, исследование и попытку обратить на себя внимание.

Гнев. Разрушительные действия объясняются чувством досады, переживанием неспособности достигнуть чего-либо и могут быть попыткой справиться со стрессом.

Скука. Причиной подросткового вандализма часто является желание развлечься, устранить состояние скуки, возникающее от бесцельного времяпрепровождения. Мотивом выступает поиск новых впечатлений, острых ощущений, связанных с запретностью и опасностью.

Эстетическое переживание. Наблюдение физического процесса разрушения создает новые визуальные структуры, сопровождается звуками, которые кажутся приятными.

Исследование. В этом случае целью разрушения является познание. В частности, причиной разрушений, совершаемых детьми, бывает любопытство, желание понять, как работает система. Это касается не только физических объектов, но и социальных. Разрушение является способом

[1] *Сологуб Ф.* Свет и тени: Избр. проза. Минск: Мастацкая літаратура, 1988. С. 27.

проверить границы допустимого, установить, насколько сильны общественные нормы и авторитет взрослых.

Выделение Кантором этого мотива у меня вызывает сомнение. Любопытство ребенка, а подчас и взрослого, разбирающего какую-нибудь вещь, отнести к вандализму трудно. Здесь отсутствует преднамеренность нанесения вреда.

Вандализм может выступать как средство самоутверждения, исследования возможности своего влияния на общество, привлечения внимания к себе (вспомним Герострата и ему подобных). Как отмечают исследователи вандализма в искусстве, «причудливое» стремление к привлечению внимания часто является мотивом порчи крупных произведений живописи (Cordess, Turcan, 1993). Как правило, разрушители такого типа не пытаются избежать ареста и стараются сделать из своего поступка публичное событие. Так недавно поступил российский художник А. Бренер, который вывел баллончиком с зеленой краской знак доллара на всемирно известной картине Казимира Малевича «Супрематизм. 1921–1927», находившейся в Музее современного искусства Амстердама. «Я террорист в искусстве, хотел обратить внимание на положение художников в мире и лично на себя», — так объяснил он свой поступок (Меликьянц Г., 1997).

7.4. Возрастно-половые особенности вандализма

Большинство актов вандализма совершается молодыми людьми, не достигшими 25 лет (Mawby, 1983). Пик вандализма, по зарубежным данным, приходится на 11–13 лет (Elliott et al., 1988). Однако, согласно годовым сводкам МВД, в России пик вандализма приходится на 16–17-летний возраст. Количество преступлений, связанных с вандализмом подростков, растет (например, в 1998 г по сравнению с 1997 г. их количество увеличилось на 12%). Это связано в первую очередь с особенностями подросткового возраста: действием механизмов подражания, заражения, самоутверждения, а также с проявлением реакций оппозиции, эмансипации, группирования в подростковой среде, которые наиболее часто бывают при алкогольном и наркотическом опьянении. На Западе это может быть связано и с кризисом пуританской этики, вследствие чего большое распространение среди подростков получили гедонистические ценности. Все предметы, символизирующие мир взрос-

лых, — здания, сооружения и т. п. — воспринимаются как препятствия при получении удовольствий от жизни. Поэтому акты вандализма рассматриваются как разрушение источников запретов.

Подростковый вандализм на современном этапе имеет свои отличительные особенности, затрудняющие борьбу с ним: групповой характер, высокую латентностъ, внезапность, непредсказуемость, быстроту и оперативность действий, выбор бесконтрольных объектов, бездумность (Ватова В. С., 2000).

По данным Ле Блана (Le Blanc M., Freshette, 1988), разрушения имущества чаще всего совершаются импульсивно, под влиянием ситуации. В 66% случаев акт вандализма не подготавливался, при этом в 65% случаев подростки применяли какие-либо орудия разрушения. Хотя 18–20% сообщили, что нервничали во время и после акта вандализма, в котором они участвовали, в целом разрушение признается развлекательным времяпрепровождением. Важная характеристика подросткового вандализма — присутствие сообщников (Wiesenthal, 1990). Их обычно 3–4, они того же возраста или отличаются по возрасту не более чем на 1–2 года (Le Blanc M., Freshette, 1988).

Наиболее распространенными мотивами вандализма подростков являются самоутверждение (77%), месть (27%), подражание (15%), а облегчающими обстоятельствами — растормаживающее влияние алкогольных и наркотических средств (43%). В старшем подростковом возрасте (14–17 лет) появляется мотив протеста. Мотив самоутверждения чаще всего наблюдается у подростков из семей рабочих (Ватова В. С., 2000).

В. С. Ватова установила, что обусловливает подростковый вандализм: 1) депривация их основных потребностей, включая и первичные потребности (в любви, защите, безопасности, авторитете); 2) наличие у них комплекса личностно-психологических особенностей: эмоционально-волевая неустойчивость, проявление реакций возбудимого или тормозимого типа, повышенная конфликтность, пренебрежение морально-этическими нормами; самооправдание, связанное с аффектом неадекватности, — «это не Я»; неадекватная самооценка; деформация ценностных ориентаций; фрустрация, регидность, агрессивность; 3) неблагополучие социальной среды: бесконтрольность, безнаказанность, безразличие окружающих, незанятость свободного времени, отчуждение от трудовой и других видов деятельности, отрицательное влияние агрессивных фильмов и компьютерных игр, отсутствие саморегуляции поведения.

Следует отметить, что вандализм не исключительно подростковое явление. Занимаются им и лица зрелого возраста. Так, например, в США в 1995 г. 32% лиц, арестованных за вандализм, были старше 25 лет, среди арестованных за поджог доля лиц старше 25 лет также составляет около 32% (U. S. Bureau... 1997). Немецкие криминологи отмечают, что доля лиц старше 21 года среди задержанных за нанесение материального ущерба весьма значительна и составляет 48,4% (Kube, Shuster, 1985).

Акты вандализма чаще совершаются лицами мужского пола. Это выявлено практически во всех исследованиях (Goldstein, 1996; Howard, 1978; Francis, 1979). А. Голдштейн (Goldstein, 1996), исследуя вандализм, выявил, что в 1965 г. на 12 арестованных поджигателей-мужчин приходилась 1 женщина. Правда, в 1993 г. это соотношение было уже 6 к 1, но тенденция превалирования лиц мужского пола сохранилась. В 1995 г. В США за разрушение собственности были арестованы более 30 тыс. женщин (U. S. Bureau... 1997). В исследовании вандализма среди школьников, проведенном П. Ричардс (Richards, 1979), связь между полом и крупными формами вандализма (битье стекол, порча школьной мебели и т. д.) была подтверждена, однако оказалась не очень сильной. К. Тайгарт (Tygart, 1988) вообще не обнаружил зависимости вандализма от пола. Мелкие же формы вандализма распространены среди девочек не меньше, чем среди мальчиков. По некоторым данным, девочки даже чаще мальчиков сообщают о том, что совершали мелкие разрушения и порчу школьного оборудования (Скороходова, 1998; Richards, 1979; Tygart, 1988).

7.5. Личностные характеристики вандалов

В общественном сознании существует определенный стереотип подростка-вандала как примитивного существа с отклонениями в умственном и психическом развитии, живущего в семье с низким социальным статусом. Однако исследования не подтверждают это. Так, не выявлено корреляции между склонностью к вандализму у подростков и их принадлежностью к определенному социальному классу, расе, национальности (Goldstein, 1996; Francis, 1983; Mawby, 1983; Elliott D. et al., 1988). По результатам лонгитюдного выборочного обследования подростков-правонарушителей, наличие эмоциональных проблем в целом не влияет на уровень вандализма (Elliott et al., 1988). Подростки-

вандалы не отличаются по характеристикам личностной дезадаптации от остальных, в частности по степени оптимизма — пессимизма, уровню самоуважения (Richards, 1979); их самоощущение было не хуже, чем у остальных школьников (Tygart, 1988).

Выявлено, однако, что субъекты, имеющие пониженный уровень субъективного контроля, чаще прибегают к разрушению объектов физической среды для повышения ощущения своего контроля над ситуацией и средой. В серии лабораторных экспериментов Оллен и Гринбергер (Allen, Greenberger, 1980) показали, что разрушение предметов действительно повышает у субъекта внутренний локус контроля. Косвенные подтверждения этому имеются в ряде других исследований. Рассматривая оставление надписей и рисунков в качестве одного из видов разрушения среды, Р. Рубек и Р. Патнаик (Rubak, Patnaik, 1989) установили на выборке студенческих общежитий одного из университетов Индии, что в общежитиях, на стенах которых обнаружено меньше граффити, знаков и объявлений, проживают индивиды, в большей степени убежденные в своей способности контролировать среду. М. Шварц и Дж. Довидио (Schwartz, Dovidio, 1984), изучая связь личностных характеристик с нанесением надписей и рисунков на стены, использовали сходную характеристику локуса контроля, т. е. степень, в какой люди воспринимают свою жизнь как контролируемую изнутри посредством собственных усилий (интерналы) или управляемую внешними силами (экстерналы). Они обнаружили, что те, кому свойственно оставлять надписи, чаще имеют экстернальный локус контроля, нежели те, кто не рисовал на стенах и партах. Наконец, П. Ричардс (Richards, 1979) установил, что школьники с ощущением меньшей самоэффективности несколько чаще других сообщают о разрушении школьной и внешкольной собственности.

Подростки-вандалы обладают примерно таким же уровнем интеллекта, как их сверстники, однако успевают в школе гораздо хуже. Именно успеваемость в отличие от социального класса является тем фактором, который предсказывает деликвентность подростка, в том числе и вандализм (Howard, 1978). Не случайно выявлено, что успехи в школе являются фактором, снижающим вероятность вандализма среди подростков, имеющих другие неблагоприятные факторы (Howard, 1978; Richards, 1979).

Во многих американских школах существует система, при которой учащиеся распределяются по учебным группам соответственно успе-

ваемости. Тайгарт обнаружил, что помещение ученика в худший класс является сильным фактором стимуляции вандализма. Другим важным фактором вандализма является конфликт с родителями или школьными учителями, а также наличие друзей, которые часто разрушают и ломают что-нибудь (Richards, 1979).

А. Хаубер (Hauber, 1991) опросил 500 подростков 12–18 лет, задержанных полицией за вандализм, и выявил, что большинство «злостных» вандалов находятся в кризисной жизненной ситуации. 58% из них имели следующие характеристики: ими не интересовались родители, они плохо успевали в школе и их друзьями были «трудные подростки». Только 4% «злостных» вандалов не имели ни одной из упомянутых характеристик. Подростки-вандалы более негативно относились к школе, чаще прогуливали занятия, больше предпочитали находиться вне дома, обычно вместе с друзьями. Их родители чаще не знали, где их дети проводят вечера. 96% подростков-вандалов регулярно употребляли алкоголь или различные наркотики, 48% употребляли и алкоголь, и наркотики (Le Blanc M., Freshette M., 1988).

7.6. Граффити как вид вандализма

В современном мире граффити часто являются одной из распространенных форм вандализма и наносят значительный финансовый и социальный ущерб городской среде во многих странах. По данным американских исследователей, в 1970 г. ущерб, связанный с устранением рисунков и надписей на станциях и в вагонах метро Нью-Йорка, оценивался в 250 тыс. долларов, в 1974 г. — уже в 2 млн долларов (Abel E. L., Buckley, 1977). В 1989 г. округ Лос-Анджелес, города Нью-Йорк и Сан-Франциско потратили на борьбу с этим явлением соответственно 50, 55 и 2 млн долларов (Brewer, Miller, 1990).

В прежние времена эта форма вандализма тоже не была редкостью. Например, в 1731 г. англичанин Трумбо опубликовал антологию надписей, собранных на зданиях и в общественных местах Лондона. Содержанием этих надписей были высказывания о любви, браке, пьянстве, трезвости, скандалах, политике, играх, проповеди.

Термин «граффити», который происходит от итальянского «graffito», означает «проводить линии», «писать каракулями», «выцарапывать» и в настоящее время относится не только к нарисованным на стенах

картинам[1], но и к *любым неразрешенным надписям*, знакам, сделанным на объектах общественной и частной собственности, Надписи могут быть выполнены с использованием разных средств — мелом, ручками и карандашами, маркерами, краской, иногда выцарапаны или выбиты. Граффити содержат разнообразные сообщения, ругательства, изречения, рисунки и символы.

Опрос, проведенный Моуби (Mawby, 1983) среди 11–15-летних жителей Шеффилда, показал, что делать надписи на стенах свойственно почти каждому второму подростку; 48,1% мальчиков и 45,5% девочек сообщили, что за последний год делали хотя бы надписи на стенах. Следует отметить, что, несмотря на то что другие акты вандализма (разрушение, поджоги) девочки совершают гораздо реже, чем мальчики, граффити являются разновидностью вандализма, характерной в одинаковой степени для обоих полов. Другая оценка вовлеченности касается надписей в общественных туалетах. По данным Райн и Ульман, каждый 15-й студент колледжа оставляет граффити в туалетах.

Отношение общества к граффити в большинстве случаев отрицательное (один из редких случаев положительного отношения — Берлинская стена, фрагменты которой сохранены как исторический памятник). Граффити, как и любые признаки неухоженности (разбитые стекла, мусор и другие), воспринимаются как симптом деградации, вызванной ослаблением механизмов социального контроля, что порождает у людей беспокойство, чувство страха и уязвимости. Исписанные стены и другие объекты городского пространства создают впечатление «ничейности», создавая тем самым дополнительный стимул для их разрушения и облегчая нарушение социальных запретов. Уизинтал и его коллеги провели экспериментальное исследование среди 15–18-летних старшеклассников Онтарио. Им были представлены смоделированные с помощью компьютера изображения зданий, различавшихся особенностями пространственного дизайна, знаками принадлежности, ухоженностью. Испытуемые должны были оценить, насколько сильно им хочется нанести какие-либо разрушения каждому строению. Наиболее привлекательным оказалось здание с граффити. Его избрали для повреждения 25% старшеклассников.

---

[1] Этот вид граффити стал преобладающим в последние годы и относится к стилю хип-хоп. Этот стиль отражает одноименную субкультуру, появившуюся в Нью-Йорке и распространившуюся в большинстве европейских стран. Это надписи и рисунки, выполненные чаще всего пульверизатором с краской. Наиболее распространенный вид — автографы, украшенные различным символами (крестами, коронами, звездами, стрелами и т. п.), и многоцветные картины большого размера, снабженные текстами.

Некоторые виды граффити, например порча информационных стендов и знаков, особенно предупреждающих, препятствуют функциональному воздействию дизайна.

Эйбл и Бакли (Abel, Buckley, 1977) различают публичные и личные граффити. К первым относятся городские надписи и рисунки, сделанные, как правило, на внешних сторонах зданий, заборах, деревьях, в метро и представляющие собой чаще всего сообщение о групповой идентичности. Вторые размещаются внутри зданий. К ним относят граффити в туалетах, на стенах общественных мест, партах и т. п. Эти надписи чаще являются выражением личностных установок, эмоциональных состояний или внутриличностных конфликтов. Кроме того, в личных граффити в большей степени обнаруживается воздействие обстановки.

Психологический портрет рисовальщиков

Большинство рисовальщиков — лица мужского пола. Если это девушки, то для них характерен разрыв с половой идентичностью, подчинение мужским правилам поведения (одежда, реакции). Однако специально вопрос о гендерных различиях изучался только в отношении надписей и рисунков в общественных туалетах. Рассмотрим эти различия подробнее по количеству граффити, по их содержанию и стилю.

Данные различия в количестве противоречивы. Некоторые исследователи обнаружили большее число надписей и рисунков в мужских туалетах, другие — в женских.

Выявлены половые различия различий в содержании граффити. Мужские граффити чаще сексуальны, тогда как в женских преобладает романтическая тематика. С ростом социально-экономического статуса вышеупомянутые различия в граффити уменьшаются. По данным Уэлс и Брюер, в школе, где обучались дети из низших слоев, женские надписи носили преимущественно романтическую направленность. В школе, где учились представители среднего класса, число эротических граффити увеличилось, а в элитарной школе эти две категории практически сравнялись по величине. Отта и сотрудники обнаружили уменьшение различий в тематике мужских и женских граффити с ростом образования. Это касается не только сокращения разницы в количестве эротических и романтических надписей, но и граффити другой тематики. Если в старшей школе значимые различия наблюдались в семи категориях, то в университете только в двух.

Другое гендерное различие связано со стилем граффити: мужские граффити носят более изобразительный характер. По данным Лукки и Пачеко, рисунки составили 13% в туалетах для мальчиков и лишь 6% в туалетах для девочек. Причем мальчиками присущ более усложненный стиль. Их рисунки гораздо чаще содержат детали, особенно сексуальные. Отта (Otta, 1993; Otta et al., 1996) также обнаружили большее число рисунков среди мужских граффити, нежели среди женских.

Возраст рисовальщиков чаще всего находится в диапазоне 12–20 лет, хотя встречаются рисовальщики и младше 12 лет, а некоторые продолжают свою деятельность и после 20 лет. Большинство авторов граффити — выходцы из семей с низким социальным статусом и представители национальных меньшинств. Правда, среди рисовальщиков встречаются выходцы и из среднего, и из высшего классов.

Соломон и Яджер (Solomon, Jadger, 1975) выявили, что те, кто пишет или рисует на стенах часто или когда есть возможность, имеют значимо более высокие баллы по шкале авторитарности, чем студенты, не занимающиеся этим. Эти результаты согласуются с данными, полученными Шульцем и Стоуном (Schultz, Stoune, 1984), которые выявили отрицательную корреляцию между авторитаризмом и расположенностью к защите окружающей среды.

Шварц и Довидио (Schwartz, Dovidio, 1984) изучали связь данного вида поведения с локусом контроля и креативностью личности. Студенты колледжа, сообщавшие, что за последний год писали на стенах и партах, оказались более креативными и более экстернальными, чем те, кто сообщал, что ни разу не делал рисунков и надписей.

Мотивы рисовальщиков

Поскольку многие граффити содержат оскорбления и непристойности, это дало основание представителям психоаналитического направления рассматривать надписи и рисунки как средство символического удовлетворения базовых импульсов сексуальности и агрессивности, свободное выражение которых не позволяется обществом.

Социобиологический подход Седнева феномен граффити объясняет как аналог архаических, филогенетически ранних поведенческих реакций, свойственных животным (например, пометка территории). Высвобождение подобных импульсов особенно легко происходит в под-

ростковом возрасте. На архаичность этого вида поведения указывает также Кокорев.

Что касается конкретных мотивов, то выделяют следующие.

- *Утверждение личностной или групповой идентичности.* Граффити порождены желанием оставить след, сообщить о своем существовании, выразить привязанность. По данным Седнева, на них приходится 50,3% от общего количества.
- *Написание имен популярных исполнителей, спортивных команд и т. п. передает чувство причастности и симпатии*, обозначает принадлежность к той или иной группе, приверженность определенному стилю жизни.
- *Протест против социальных и культурных норм.* Многие надписи содержат агрессивные сообщения с употреблением слов и символов, которые в большинстве культур являются социальным табу. Как отмечает Эйбл, надписи и рисунки дают возможность человеку выразить его асоциальность одновременно на трех уровнях — поведения, высказывания и языка.
- *Злобные реакции.* Многие надписи представляют собой обидное или грубое высказывание в адрес конкретных людей, политических, этнических и других социальных групп, субкультур, социальных институтов.
- *Мотивы творчества.* Некоторые граффити весьма изощрены по стилю. Встречаются целые картины. Многие рисовальщики считают себя художниками, придающими унылой и безликой городской среде красивый вид.
- *Сексуальные мотивы.* Надписи и рисунки часто содержат сексуальные желания.
- *Развлекательные мотивы.* Настенное рисование может являться частью игры и само по себе доставляет удовольствие.

7.7. Внешние ситуации, способствующие вандализму

К. Ношис (Noschis, 1983) полагает, что уровень вандализма зависит от культуры и характера ценностей, формирующих идентичность пред-

ставителей данной культуры на протяжении многих веков. Поэтому объяснение распространенности феномена вандализма в той или иной стране может быть найдено в ее культурно-исторических особенностях. В этом смысле, пишет Ношис, интересны страны, в которых уровень вандализма традиционно низок, например Швейцария. Ученый утверждает, что чистота и порядок стали главными ценностями, определяющими идентичность швейцарцев, поскольку для развития важных отраслей хозяйства — туризма и здравоохранения — было важно связать эти черты с образом страны. Укрепление этих ценностей было связано и с протестантским самосознанием швейцарцев, утверждавшим ценность каждодневного труда по поддержанию чистоты. Эта культурная идентичность, полагает Ношис, остается ненарушенной, и поэтому вандализм как поведение, не совместимое с традиционными ценностями, оказывается неприемлемым.

Вандализм в мирное время чаще проявляется на тех территориях, которые не имеют четко обозначенных границ и символов принадлежности к определенному собственнику (Newman, 1972). Вандалистические акты чаще совершаются возле покинутых домов, на не занятых никем землях, в публичных местах.

Большинство разрушений происходят в тех местах, которые воспринимаются как недоступные для постороннего наблюдения. Уэбб (Webb, 1983) 50 мальчикам 12–16 лет предложил оценить вероятность разрушений в 12 местах, словесное описание которых включало различные комбинации следующих характеристик: открытость места для наблюдения со стороны жилых домов и с дороги, различные пути для возможного бегства — аллея, перегороженная высокой стеной, открытая дорога, боковые извилистые дорожки. Требовалось указать, могут ли в таком месте быть надписи на стенах, а также разбитые телефонные будки, фонари, заборы. Выявилось, что места, закрытые от постороннего наблюдения как со стороны жилых домов, так и с дороги, а также с боковыми дорожками оценивались в целом как наиболее уязвимые. Открытые для постороннего наблюдения места, где путь бегства блокирован стеной, расценивались как наименее уязвимые.

Вандализм чаще имеет групповой характер, чем индивидуальный. В группе ослабляется индивидуальная ответственность, люди подражают друг другу, получают большее удовольствие от совершаемого.

Важно учитывать, что появление первых, даже мелких и случайных, разрушений или надписей и рисунков резко увеличивает вероятность

последующих поломок и увеличения ущерба. Происходит это потому, что эти объекты кажутся «ничейными», создавая тем самым дополнительный стимул для их поломки и облегчая нарушение социальных запретов.

7.8. Профилактика и борьба с вандализмом

Существует две стратегии борьбы с этим социальным явлением. Первая делает акцент на устранении возможности разрушения. Вторая же связана с воздействием на установки и мотивы потенциальных вандалов.

Стратегия устранения возможностей проявляется в следующих способах (тактиках).

- *«Укрепление мишени»*. Способ заключается в создании физических барьеров для разрушения за счет использования более прочных материалов и конструкций, уменьшении количества деталей, которые можно оторвать, отбить и т. п. Нужно стараться изменить конструкцию таким образом, чтобы ее разрушение доставляло наименьшее удовольствие. Так, например, для борьбы с рисунками и надписями рекомендуют делать поверхности стальными, ребристыми, шероховатыми. Однако этот способ имеет существенные ограничения. Во-первых, его реализация может оказаться слишком дорогостоящей, так как потребует использования не серийного, а специально созданного оборудования. Во-вторых, изменение дизайна в соответствии с этим способом трудно совместить с эстетическими требованиями. Так, например, школа, оформленная в стиле «укрепления», будет больше походить на тюрьму с минимумом необходимой мебели, стальными решетками и бетонными полами. В-третьих, укрепление конструкций и деталей может восприниматься как вызов и не снизит, а увеличит вероятность намеренных разрушений и поломок.
- *Оперативный ремонт*. Появление первых разрушений резко увеличивает вероятность дальнейшей порчи объекта. Поэтому следует быстро устранять дефекты, как естественного происхождения, так и появившиеся по вине человека.
- *Ограничение доступа*. Предлагается ограждать уязвимый объект от потенциальных разрушителей. Используются замки, ограды,

заборы, решетки на окнах. Устраняются деревья, по которым можно забраться в окна здания. Уменьшается количество растительности, затрудняющей обзор и наблюдение за объектами, улучшается освещенность улиц и помещений.

- *Охрана и наблюдение.* Данный способ предусматривает наличие сторожа, охранных патрулей, сторожевых собак, дежурство, а также контроль прохожими, служащими учреждений. Например, замечено, что использование помещения школы во внеурочное время снижает вероятность вандализма. Наиболее простое средство защиты — предупреждающие или запрещающие знаки, хотя их эффективность существенно зависит от содержания сообщения, которое они несут. В исследовании Коллинз и Батлз было показано, что надпись «Не пишите на стенах» практически не повлияла на количество граффити.

О другом эксперименте по предотвращению граффити в туалетах сообщает Уотсон. В течение двух недель в трех только что отремонтированных туалетах появлялись граффити. Затем стены были выкрашены и установлена надпись, сообщавшая, что некое лицо будет перечислять определенное количество денег учреждению за каждый день, в течение которого стены останутся чистыми. После этого ни в одном из трех туалетов в течение 35 дней не появилось ни одного знака. Они продолжали оставаться чистыми и в течение 3 месяцев после того, как надпись убрали. Объяснение этого удивительного результата Уотсон видит в том, что знак устанавливал возможность для проявления альтруизма, формулируя конкретную цель.

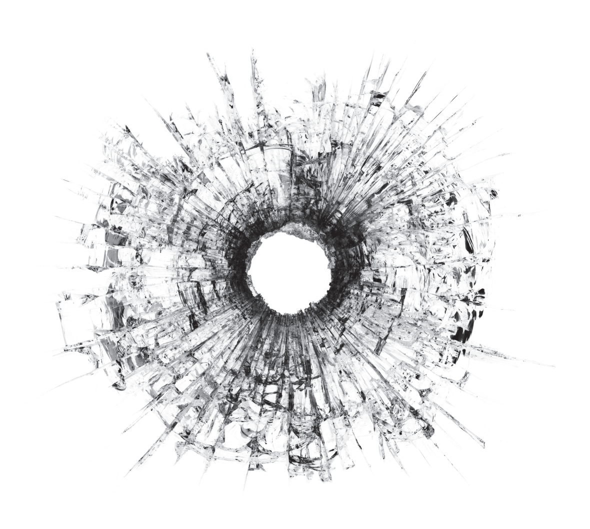
Стратегия воздействия на мотивы и установки потенциального разрушителя проявляется в следующих способах.

- *Задержание, наказание, возмещение ущерба.* В качестве наказания могут применяться штрафы, уголовное преследование. Однако многие исследования показывают, что санкции зачастую рассматриваются как вызов и приводят к ответному увеличению вандализма и агрессии, активизируя стремление к протесту. Одновременное ограничение карательных мер и одобрение желаемых моделей поведения снижают вандализм.
- *Отвлечение.* Этот способ связан с перенесением возможных деструктивных действий в просоциальное русло, например с размещением специальных досок для надписей, привлечением рисовальщиков для оформления города и мест отдыха молодежи.

- *Воспитание*. Привитие просоциальных норм поведения, чувства социальной ответственности или изменение уже сложившихся деструктивных мотивов и установок является еще одним способом борьбы с вандализмом. Первое подразумевает информирование потенциального вандала относительно стоимости и последствий разрушительных действий. Г. Стоэп и Д. Граманн установили, что предварительная беседа с группой школьников, в которой разъяснялись правила поведения в парке, уменьшила число нежелательных действий на 88% по сравнению с контрольной группой. М. Гоук и М. Мерфин сообщают, что размещение в библиотеке объявлений, предупреждающих о невозможности замены вырванных страниц, сократило порчу журналов на 23%. Другое направление подобных программ связано с воспитанием чувства причастности к потенциальным объектам вандализма. Это участие в принятии решений, сотрудничество с администрацией, самостоятельный ремонт зданий и игровых площадок и т. п.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПСИХОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

ГЛАВА 8

Общетеоретические вопросы проблемы насилия

В настоящее время проблема насилия является одной из наиболее актуальных. С одной стороны, это связано с социокультурными, экономическими, политическими изменениями, происходящими в обществе, а с другой — с неоднозначностью трактовки сущности и содержания феномена насилия, с трудностями выявления причин, признаков и последствий влияния насилия на развитие личности и ее поведение. Она находится на стыке юридических, медицинских, психологических, социальных, педагогических дисциплин. Отсюда огромное количество публикаций по различным аспектам проблемы насилия. При этом насилие в большинстве случаев рассматривается как негативное явление. Но справедливо ли это? Остается неясным и вопрос о сущности насилия, его признаков, без чего невозможно рассматривать те или иные действия и поступки людей как насилие. Поэтому рассмотрение проблемы насилия я начну именно с этого вопроса.

8.1. Что такое насилие

Слово «насилие» в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля имеет много толкований: «насилие» и «насильство» характеризуются как принуждение, неволя, нужа, силование, действие обидное, незаконное и своевольное. «Насиловать» — насилить кого-либо, силовать, принуждать, неволить. «Насильник» — притеснитель, обидчик, своевольник, самоуправщик, достигающий волю свою насилием (с. 469).

В Словаре русского языка С. И. Ожегова насилие определяется как принудительное воздействие на кого-/что-нибудь. Это четкое понимание

насилия попытались расширить ученые, но, поскольку лучшее — враг хорошего, появилась неопределенность понятия «насилие», что отмечается рядом авторов, например Е. Н. Волковой (2007). Так, Г. Н. Киреев пишет, что «насилие — это особый тип отношений между людьми, сложившийся на базе противоположного отношения к природным, объективным условиям существования и, несмотря на то что субъективный фактор опосредован и определен материальными отношениями, насилие существует там, тогда и поскольку, где, когда и поскольку имеет место присвоение, подчинение воли субъекта, господство над ней» (1990, с. 103). Под это философское определение насилия можно отнести и влияние авторитета на личность (ведь человек тоже подчиняется авторитету, только добровольно).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предложила в 1999 г. следующее определение насилия применительно к детям: «Насилие — это все формы физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуальное насилие, пренебрежение или пренебрежительное отношение, коммерческая или иная эксплуатация, которая ведет к реальному или потенциальному урону здоровья ребенку, его жизни, развитию или достоинству в контексте отношений ответственности, доверия или силы». Отмечу два момента в этом определении. Первое: насилие рассматривается только как отрицательное явление, что вряд ли правомерно, иначе придется пересмотреть все педагогические принципы. Второе: многословие, требующее расшифровки многих утверждений, вызывающих сомнение (например, в отношении эксплуатации: «Эксплуатация — присвоение результатов чужого труда теми, кто владеет средствами производства» (словарь Ефремовой); какое это имеет отношение к детям в частности и вообще к насилию?

В. А. Ситаров дает более четкое определение насилия: «Это форма принуждения со стороны одной группы людей (одного человека) по отношению к другой группе (отдельному человеку) с целью приобретения или сохранения определенных выгод и привилегий, завоевания политического, экономического и любого другого господства» (с. 135). Выделю в этом определении ключевое слово, отсутствующее в определении насилия Г. Н. Киреевым и ВОЗ: *принуждение*.

Психологическое определение насилия отличается от бытового, даваемого в словарях. В первом указываются последствия применения насилия, а во втором о них не говорится, причем психологи рассматривают насилие как безусловно отрицательное явление, оказывающее на

личность деструктивное влияние. В определении С. И. Ожегова вопрос о последствиях насилия разумно не заостряется (почему разумно, будет видно из дальнейших моих рассуждений), но подчеркивается принудительный его характер. Однако оба определения не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Поэтому целесообразно объединить их и определить *насилие как преднамеренное и принудительное физическое или психологическое воздействие одного человека (группы, общества) на другого человека (группу, общество) или же на самого себя* с целью заставить человека что-то испытать (например, чувство унижения, страха) или совершить действие или поступок (или не дать это сделать) против его желания. Исходя из двух ключевых слов, характеризующих воздействие на кого-либо, — «преднамеренность» и «принудительность» — следует рассматривать, относится то или иное действие или поведенческий акт к насилию или нет.

Ведь принудить (вынудить) человека к чему-либо могут и внешние обстоятельства (например, внезапно начавшийся дождь, от которого пришлось укрыться), поэтому не каждый вынужденный акт человека должен рассматриваться как насилие над ним.

Кроме того, необходимо различать *акт внешнего воздействия субъекта с целью добиться своего* и *восприятие этого воздействия как насилия объектом*. Воздействие, рассматриваемое со стороны как насилие, может не восприниматься объектом воздействия как таковое. Все зависит от *субъективного* восприятия человеком физических или психологических воздействий на себя. Если они идут против желания объекта воздействия сохранять свою телесную и моральную целостность, и тем более имеют намерение *унизить* его, то он расценивает эти воздействия как насилие. Парадоксально, но даже проявление родителем ласки может восприниматься ребенком как насилие и вызывать у него протест.

Если же воздействия (даже жестокие, как, например, при мазохизме[1]) соответствуют желаниям человека или не противоречат принятым

---

[1]Мазохизм (от имени Леопольда фон Захер-Мазоха) — в широком смысле — склонность к насилию, получение удовольствия от унижения и мучения со стороны других людей. Термин был введен психиатром и неврологом Рихардом фон Крафт-Эбингом в изданной в 1886 г. монографии «Psychopathia sexualis» и связан с натурой и творчеством писателя Леопольда фон Захер-Мазоха, у которого эта девиация заочно была диагностирована по его романам.
Сексуальный мазохизм — форма сексуального поведения, при которой средством получения возбуждения и *наслаждения* являются страдания, причиняемые партнером.
Психологический мазохизм (моральный мазохизм, пси-мазохизм) — форма мазохизма, при котором жертва испытывает не физические, а психологические, морально-нравственные страдания (в виде унижения, оскорбления, угроз и т. п.), но опять-таки ей это нравится.

им нормам поведения (например, соблюдение дисциплины), то не расцениваются как насилие. Поэтому требования педагога при желании ребенка играть роль учащегося не воспринимаются им как насилие. Эти требования становятся насилием, когда ребенок не хочет, но вынужден их выполнять.

К сожалению, даже в научных публикациях насилие рассматривается слишком расширительно, *когда теряется главный его критерий — принудительность*. Это приводит к неадекватности понимания явления насилия, что не может не беспокоить, так как при этом не только размывается предмет научного обсуждения, но и делаются неверные выводы в исследованиях, посвященных поискам критериев психологической защищенности от насилия, даются неверные ориентиры для практической деятельности, в частности при обучении и воспитании детей. Одно дело относить к прямому[1] деструктивному физическому насилию побои, похищения, физическую изоляцию, депривацию сна, преднамеренное лишение возможности отправления жизненно важных функций (например, отказ в душе и туалете), привлечение к использованию алкоголя и наркотиков против желания жертвы, издевательства, и другое дело расценивать как акт насилия уклонение от оказания первой медицинской помощи или такие, например, суждения (оценки) родителей о действиях ребенка: «У тебя руки не из того места растут — лучше ничего не трогай! Все равно ничего хорошего не получится!» Это ведь скорее совет, предупреждение, а не запрет (сравните: «Не смей это трогать!»).

В настоящее время в понятие «насилие» включают все, что кому-то заблагорассудится, без всякого при этом обоснования. Феминистки, например, относят к насилию представление о том, что женщина должна готовить кофе для мужчин на работе, что домашнее хозяйство и уборка — сугубо женские дела и «настоящему мужчине» «неприлично» этим заниматься, общую недооценку «сугубо женских дел» вроде поддержания жилища в чистоте, ухода за детьми и домочадцами, готовки еды и прочего (это само собой разумеющиеся вещи, которых ждут от женщины априори, но не ждут от мужчины). К насилию отнесены также шутки про блондинок, образ тупой секси-красотки в рекламе и пр. Сюда же входят угрозы женщинам, которые не соответствуют гендерным ожиданиям общества, стать социальными изгоями. Возникает вопрос: где же здесь принуждение, без которого говорить о насилии некорректно?

---

[1] Приходилось встречаться с точкой зрения, что нанесение физического вреда другим членам семьи и животным с целью психологического воздействия на жертву рассматривается как косвенная форма физического насилия. Однако это скорее психологическое насилие.

Или вот С. В. Ардашева с соавт. (2003) считают, что над ребенком совершают эмоциональное насилие не только тогда, когда унижают его достоинство, используют обидные прозвища (против чего возражать трудно), но и тогда, когда ребенка стыдят, используют его в качестве доверенного лица, при общении с ребенком проявляют непоследовательность, используют ребенка в качестве передатчика информации другому родителю (взрослому). Что же тогда, исключить из обихода понятие стыда и запретить говорить: «Как тебе не стыдно!»? Или нельзя просить ребенка, чтобы он передал отцу просьбу матери?

Многие пункты из этого перечня вызывают у меня сомнение в том, можно ли относить их к насилию (*принуждению*). Не все, что приносит человеку вред, наносит душевную травму, можно рассматривать как насилие. Например, где просматривается принуждение в случаях принижения успехов, равнодушного или плохого отношения, лишения любви и ласки, открытого неприятия человека, невыполнения обещаний и лжи, критики, замечания, обвинения, упрека, выставления неудовлетворительной отметки и т. д.?

Или возьмем подчинение. Одно дело подчинение, которое бывает похоже на рабство, и другое дело подчинение, оправданное естественным распределением ролей (например, взрослый компетентнее ребенка, и это порождает естественное подчинение последнего). Да и случаи ограничения прав и свободы, принятые человеком как норма поведения в цивилизованном обществе или семье, вряд ли тоже можно рассматривать как насилие. Например, то, что родители беспокоятся, как ребенок проводит свободное время, спрашивают его, куда он намерен идти, вряд ли может расцениваться в большинстве случаев как акты насилия, да и сам ребенок, если он воспитан, должен понимать беспокойство родителей и сообщать им о своих намерениях, а не считать свой отчет актом принуждения со стороны родителей. В противном случае любую просьбу при желании можно будет расценить как акт насилия.

Отнесение к насилию всех случаев, которые вызывают обиду, тоже неправомерно. Во-первых, наши поступки или слова могли значить нечто другое, чем то, каким образом их интерпретировал другой человек. Во-вторых, отказ в просьбе может вызвать обиду, но при чем здесь насилие, принуждение?

Западные психологи, психотерапевты и педиатры наряду с понятием «насилие» используют английское слово abuse (абьюз), которое означает «злоупотребление, притеснение кого-то, использование против его

желания, плохое или жестокое обращение[1], причинение вреда». Абьюз включает в себя широкий спектр, начиная от неодобрения и бестактности, не говоря уже об оскорблении или издевательстве, и заканчивая крайним физическим и сексуальным насилием. Различают физический, сексуальный и психологический абьюз.

О насилии говорят лишь при крайней степени выраженности абьюза, причем сопряженного с физическим воздействием. Поэтому, согласно британским и американским исследованиям, только 8–9% женщин и 4% мужчин утверждают, что подвергались жестоким формам психологического абьюза в детстве. Сравним теперь эти данные с отечественными. Утверждается, что 40% детей подвергаются насилию в семьях и 30% — насилию в школе. Разница колоссальная, и обусловлена она, вероятно, тем, что в России учитываются и те акты воздействия на детей, которые настоящим насилием не являются. А это создает иллюзию, что мы живем в обстановке всеобщего насилия.

Наряду с понятием «насилие» используют и понятие «жестокое обращение». Жестокость — это безжалостный, бессердечный поступок. Бесспорно, насилие может быть жестоким, но опять-таки возникает вопрос, что считать жестоким. Например, С. В. Ардашева с соавт. (2003) пишут, что к ребенку взрослые относятся жестоко, если используют свои привилегии; обращаются с ребенком как со слугой, с подчиненным (вспомним Золушку); отказываются сообщать ребенку о решениях, которые относятся непосредственно к нему, его судьбе, о посещениях его родителями, опекунами; перебивают ребенка во время разговоров. Но значит ли это, что привилегия родителей распоряжаться своим временем и, например, поздно ложиться спать — это жестокость по отношению к ребенку? Или привилегия родителей в том, что они могут курить, пить, а ребенку не позволяют этого делать, — тоже жестокость? Да и перебивание кого-то в разговоре до сих пор считалость невежливостью, а не жестокостью. Как видим, опять-таки та же проблема, что и с понятиями «агрессия» и «насилие».

---

[1] Соонетс с соавт. (2007) говорят о *недостойном обращении* с детьми. Большинство же пишет о жестоком обращении (maltretment в английском языке) как о плохом, недостаточном уходе. При этом рядополагание насилия и жестокого обращения в заголовках публикаций свидетельствует, что эти два явления рассматриваются авторами не как тождественные. Научного определения термина «жестокое обращение» нет. С точки зрения юрисдикции под ним понимают такие насильственные действия, которые нарушают права ребенка, но еще не являются уголовно наказуемыми.

Кроме того, мы часто говорим о грубом обращении, и именно к нему, а не к жестокости, как полагают С. В. Ардашева с соавт., относятся случаи, когда на человека кричат.

При рассмотрении проблемы насилия приходится встречаться не только со спорными положениями, но и с откровенными несуразностями. Например, ничего, кроме недоумения, не вызывает один из пунктов опросника ICAST-R, одобренный в одной из инстанций ЮНЕСКО, в котором говорится: «Когда люди оскорбляли меня или угрожали мне... это было разумно и справедливо». После этого возникает вопрос: разумно ли и справедливо бороться с хамством начальников, учителей и прочих власть имущих?

8.2. Соотношение насилия и агрессии

Нельзя не отметить то странное обстоятельство, что, говоря о насилии, психологи нередко обходят понятие «агрессия» стороной. Между тем возникает ряд вопросов: изучая насилие, с одной стороны, и агрессию — с другой, не рассматривают ли психологи одно и то же явление? Может ли насилие быть без агрессии? Является ли любой акт агрессии насилием?

Л. Берковиц (2001) рассматривает насилие как одно из проявлений агрессии, однако не заостряет внимание на вопросе — тождественны они или нет.

С. В. Ардашева с соавт. (2003) тоже полагают, что понятие «насилие» — более узкое и входит в понятие «агрессия». Однако в чем состоит бóльшая широта понятия «агрессия», авторы не разъясняют, давая лишь определения того и другого из словарей.

А. Налчаджян (2007) пишет, например, что «каждый акт насилия, без сомнения, есть агрессивное действие. Но всякую ли агрессию как направленное на объект действие можно считать насилием?» (с. 157). Этот автор полагает, что «насилием следует считать ту разновидность агрессии, которая имеет социальный характер, т. е. направлена на других человеческих индивидов и их группы вплоть до больших групп — этносов, наций, обществ. Агрессивные действия человека, направленные на животных, по-видимому, нельзя отнести к категории насилия в собственном смысле слова, хотя это, конечно, спорная точка зрения. Что касается неодушевленных предметов, то иногда некоторые действия людей по отношению к природе называют насильственными. Иногда же образно говорят, что, например, исследователь «насилует» проблему и т. п.» (с. 157).

Второй и основной чертой насилия как агрессивного акта является его нежелательность для объекта (жертвы), «считается им незаконным не только в юридическом, но и в психологическом и в нравственном смысле. Насилие — это нелегитимное и несправедливое требование, предъявляемое к человеку или группе. Это такое требование, которое, с точки зрения человека, к которому оно предъявляется, считается для него вредным» (там же).

Третьей особенностью насилия А. Налчаджян считает прибегание агрессора к дополнительным физическим или психологическим мерам оказания давления. Он заставляет другого выполнить свое требование вопреки отсутствию у жертвы положительного отношения к требованию.

Ряд моментов в таком понимании насилия вызывают сомнения. Положение А. Налчаджяна о том, что агрессивные действия, направленные на животных, нельзя считать насилием, не только спорно, как пишет автор, но и неверно. Разве издевательства над животным не насилие? Если насилием считать только несправедливые с точки зрения жертвы требования, приносящие вред (к сожалению, автор не уточняет, что конкретно он имеет в виду под словом «вред»), то как быть с обучением и воспитанием, при которых принуждение к выполнению требований объективно приносит не вред, а пользу? Ориентироваться, чтобы не быть обвиненными в насилии над личностью, на то, желательно это требование для учащегося или нет, считает он его вредным или полезным?

Более адекватное понимание насилия как агрессивного действия имеется у А. Налчаджяна в том случае, когда он пишет: «Во всех тех случаях, когда людей заставляют делать что-то против их воли, мы имеем дело с насилием» (с. 158). Если к людям добавить и животных, то такое понимание насилия сомнений и возражений вызывать не будет.

Рассмотрим сходства и различия характеристик агрессии и насилия. Как прямая физическая или прямая вербальная агрессия, так и физическое и психологическое насилие в большинстве случаев характеризуются исследователями одинаковыми признаками: нанесением физического или морального вреда, физической или душевной боли, неподобающим обращением с человеком, оскорблением и т. д. То есть и то и другое рассматриваются чаще всего как отрицательные социальные явления.

Еще одно сходство агрессии и насилия состоит в том, что они могут быть конструктивными, т. е. направленными на благо человека, или

по крайней мере недеструктивными, непричиняющими вред другому человеку. Эрих Фромм, например, выделял игровую агрессию, которая используется в целях демонстрации своей ловкости, умения, а не в целях разрушения. В ряде работ агрессия рассматривается как инструмент успешной эволюции, самоутверждения, адаптации. В агрессии видят специфически ориентированное поведение, направленное на устранение или преодоление всего того, что угрожает физической и/или психической целостности организма. И такое рассмотрение агрессии как конструктивного явления аналогично выделению конструктивного насилия.

И все же между агрессией и насилием имеется очевидное различие[1].

8.3. Виды насилия

Выделяют, как и в случае рассмотрения агрессии, физическое, сексуальное, психологическое и экономическое насилие.

Физическое насилие

Физическое насилие связанно с побоями, физической изоляцией, похищением[2]. Физическое насилие — ситуация, когда человека удерживают, пинают, не дают выйти из дома, отнимают какую-то вещь и т. д.

Чаще всего под физическим насилием имеют в виду любое неслучайное нанесение повреждения. Эти повреждения могут привести к смерти, вызвать серьезные (требующие медицинской помощи) нарушения физического, психического здоровья или отставание в развитии.

Ежегодно в США совершается свыше миллиона преступлений с применением насилия, среди которых более 20 тысяч убийств (Bureau of Census, 1988).

[1] Имеется ведь еще косвенная физическая и косвенная вербальная агрессия, которая к насилию над человеком (принуждению) не имеет отношения. Вследствие этого можно сказать, что любое совершаемое насилие — это агрессия, но не любая агрессия является насилием. Насилие — это один из видов агрессии.

[2] Хотя похищение кажется экзотическим видом насилия, однако до сих пор это существует. Например, в Киргизии ежегодно похищают 15 тыс. невест, причем 5 тыс. — без их согласия. Не так редки случаи похищения людей ради получения выкупа.

Убийство занимает одиннадцатое место среди основных причин смерти в Соединенных Штатах (Baker, 1986).

Главной причиной смерти чернокожих американцев в возрасте от 15 до 34 лет является насильственная смерть (Butterfield, 1992).

Чаще всего физическому насилию подвергаются более слабые, т. е. дети и женщины. Это нашло отражение и в пословицах: «воспитывать надо, пока поперек лавки помещается», «бьет — значит любит», «бей бабу молотом, будет баба золотом».

Сексуальное насилие

Это может быть давление и принуждение к сексу, в том числе в странных для женщины формах, приставания на улице, залезания под юбку, угрозы насилия.

Сексуальное насилие над детьми может быть непрямым: обнимание со значением и/или прижимание в нужных местах, демонстрация нужных мест, постоянный тактильный контакт против воли ребенка (под прямой или скрытой угрозой физического насилия) и т. д.

Психологическое насилие

Психологическое (*эмоциональное*) *насилие* — периодическое длительное или постоянное психическое воздействие на человека, вызывающее психическую травму, или приводящее к формированию у него патологических свойств характера, или же тормозящее развитие личности. Однако спектр способов такого воздействия настолько широк, что многие из них с трудом укладываются в узкие рамки определения насилия и скорее являются видами абьюза, о котором говорилось выше: громкий крик на ребенка, грубое обращение, невнимание, резкая критика.

Когда человеку хамят, затыкают рот, высмеивают, унижают, оскорбляют, срывают на нем зло, угрожают и запугивают, с помощью манипуляций и шантажа используют его, когда его постоянно контролируют звонками, преследуют, ограничивают в общении, на глазах у ребенка уничтожают его личные вещи, к которым он привязан, пытают или совершают убийство любимого домашнего животного, — это психологическое насилие. Угрозы, шантаж, принуждение к унижающим или бесполезным

действиям — это тоже психологическое насилие. Например, в немецких концлагерях заключенных заставляли выполнять бесполезную работу (одни копали яму, а другие ее закапывали).

Оскорбление — действие, заключающееся в унижении чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме (ст. 130 УК). Оскорбление бывает словесным, письменным, физическим действием (пощечина, непристойный жест и т. д.), публичным либо в отсутствие потерпевшего. В отличие от клеветы при оскорблении не сообщается каких-либо позорящих потерпевшего сведений, а дается отрицательная оценка его личности, качествам, поведению, причем в неприличной форме, т. е. противоречащей установленным правилам поведения, нормам морали. Оскорбление будет квалифицироваться в качестве такового, только когда оно направлено непосредственно против конкретного лица или лиц. Субъективная сторона данного преступления может быть выражена в прямом умысле. Виновный осознает, что унижает честь и достоинство другого лица, и желает совершить эти действия.

Иногда из психологического насилия выделяют психическое насилие — воздействие на психику человека путем запугивания, угроз, с тем чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению, к отстаиванию своих прав и интересов.

Однако с точки зрения объекта насилия такое разделение, очевидно, не совсем адекватное, так как при физическом и сексуальном насилии человек испытывает и психологическое насилие. Поэтому нужно признать, что с психологической точки зрения чисто физического и сексуального насилия не бывает. Рассмотрим, например, пощечину. Безусловно, звонкая пощечина — акт физического воздействия, но когда в прежние времена ее давали перчаткой или платком для вызова на дуэль, то скорее это было проявлением морального насилия, так как символизировало оскорбление личности. Следовательно, по внешнему признаку пощечина — физическое насилие, а по внутреннему смыслу — психологическое (оскорбление чести и достоинства).

Видами насилия являются также издевательства и глумление.

Издевательство определяется в словарях как злая насмешка, т. е. относится к психологическому (вербальному) насилию.

Глумление — злобное и оскорбительное издевательство (Толковый словарь Ожегова). Однако понимание издевательства и глумления только

как психологического насилия слишком узкое. Ведь издеваться и глумиться можно и используя физические действия.

Нередко пишут и о четвертом виде насилия — *пренебрежение нуждами* тех, кто не может самостоятельно обеспечить свое нормальное существование (в основном говорят о детях, но следует иметь в виду и больных, и немощных стариков). Под пренебрежением понимают неисполнение родителями или опекунами обязанностей по надзору, защите и обеспечению элементарных нужд ребенка, таких как еда, одежда, образование и забота о здоровье, наносящее значительный вред нормальному развитию ребенка. Говорят о психологическом пренебрежении, т. е. постоянном невыполнении родителем или опекуном минимальной потребности ребенка в поддержке, внимании и любви. В таких формулировках нет ничего, что указывало бы на насилие. Здесь нет непременных признаков насилия — *преднамеренного принуждения*. Не случайно зарубежные авторы пишут о насилии и пренебрежении как рядоположных явлениях. Например, Ана Мунтян и Мария Рот (Munteanu, Roth, 2001) пишут: «Эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, *а также пренебрежение* довольно часто встречается в румынских семьях» (с. 185; *выделено мной. — Е. И.*).

Пренебрежение — это «отсутствие внимания к кому-либо, чему-либо, надлежащей заботливости о ком-либо, чем-либо» (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова). Пренебрежение может иметь различные причины: например, из-за халатного отношения к своим обязанностям, из-за отсутствия интереса, непонимания опасности, отсутствия материальных средств, времени на общение и надлежащего ухода за ребенком, наконец, из-за элементарной лени. Поэтому заносить в разряд насилия любое деструктивное поведение — весьма опасная тенденция. Неужели пренебрежительное выполнение профессионалом (педагогом, врачом, военным и т. п.) своих обязанностей следует расценивать как насилие? Но где же здесь принуждение? Скорее, наоборот, имеет место его отсутствие, и между прочим, именно там, где оно часто должно быть.

Пренебрежение служебными обязанностями может привести и к возбуждению уголовного дела. Только человек будет привлекаться к ответственности не за применение насилия, а за халатность, приведшую к трагедии.

Можно ли назвать насильником отца, пропадающего на работе, чтобы обеспечить материальное благополучие семьи, в том числе и ребенка, и поэтому не имеющего времени для нормального общения с ребенком и его духовного и интеллектуального развития? Можно ли назвать насильницей мать, кото-

рая в силу своего недостаточно высокого образовательного и культурного развития не считает необходимым читать ребенку книжки, учить его написанию букв и цифр и т. д.? Можно ли считать насильником родителя, не испытывающего любви к ребенку, не проявляющего ласку?

А прочитав такое определение: «Пренебрежение — это хроническая неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить основные потребности ребенка, не достигшего 18-летнего возраста, в пище, одежде, жилье, медицинском уходе, образовании, защите и присмотре» (Ардашева С. В. с соавт., 2003), придется считать насильниками родителей из бедных семей, хронически не имеющих возможности (не способных) в силу своего материального положения должным образом удовлетворять «основные» потребности ребенка.

В лучшем случае, как это делается на Западе, пренебрежение можно относить наряду с насилием к *жестокому обращению* (но опять-таки если оно преднамеренное).

Очевидно, следует говорить и о таком виде насилия, как *подчинение*, когда в качестве принуждения используется власть.

Прямое и косвенное насилие. Целесообразно, на мой взгляд, выделять прямое и косвенное насилие. Первое, о котором по существу до сих пор шла речь, связано с непосредственным воздействием на человека (принуждением) с помощью физической силы или власти (императив, приказание, распряжение), второе — это *вынудить* человека поступить определенным способом путем создания, как говорят, безвыходной ситуации, когда для человека остается только один выход — сделать то, что необходимо или хотят другие вопреки своему нежеланию.

Распространенность различных видов жестокого обращения (абьюза) в разных странах разная, что зависит, очевидно, от культурных традиций. В Австралии в 31% случаев зарегистрировано эмоциональное насилие, в 28 — физическое насилие, в 16 — сексуальное насилие и в 24% — отсутствие заботы (Hatty, Hatty, 2001). В Ирландии на первом месте — сексуальное насилие (34%), в 8% случаев отмечено эмоциональное насилие, в 11 — физическое насилие, а в 47% — пренебрежение (Fergusson, 2001). В Соединенных Штатах, по данным Службы защиты детей (CPS), пренебрежение тоже является наиболее распространенным типом жестокого обращения (45% случаев), затем идет физическое насилие (25% случаев), сексуальное насилие (16% случаев), и наконец, психологическое насилие (6% случаев) (Briere et al., 1996).

8.4. Отношение общества к насилию

В разные времена отношение общества к различным видам насилия было разным. Больше всего это касалость физического насилия (наказания). В XIX в. В России его использование в быту, армии, учебных заведениях было обыденным явлением. Вспомним прогоны «сквозь строй» в армии[1], наказание крепостных плетьми, розгами (в чем особенно «преуспевала» описанная Н. А. Радищевым помещица Салтычиха[2]).

В наше время насилие в массовом сознании расценивается как отрицательное явление, поэтому все помыслы психологов и работников правоохранительных органов, социальных служб и педагогов направлены на предупреждение и искоренение этого социально опасного явления. Например, в Лондоне заместитель комиссара местной полиции Пол Браун был рад, что в какую-то среду не было зафиксировано ни одного преступления с применением физического насилия: никого не убили, не изнасиловали, не ограбили, никто не подрался. И действительно, есть

---

[1] Появившись в шведской армии в XVII в., шпицрутены были вскоре распространены в большинстве европейских армий. В российской армии телесное наказание шпицрутенами было введено Петром I в 1701 г. и применялось в сухопутных войсках.

Удары шпицрутенами назначались за ошибки и нерадивость на строевых учениях, за неопрятность и неаккуратность форменной одежды (от 100 ударов и более), за пьянство (300–500 ударов), за воровство у товарищей (500 ударов), за побеги (первый побег — 1500 ударов, второй — 2500–3000, третий — 4000–5000 ударов). В начале XIX в. число ударов доходило до 6 тыс. В этом случае «прогон сквозь строй» был равносилен смертной казни.

После того как приговор прочитывался, перед собравшимся на плацу или казарменном дворе полком, палач привязывал руки преступника к стволу своего ружья; другой солдат шел впереди наказываемого и держал перед ним также ружье, но штык последнего был обращен на подсудимого, приблизительно на высоте его живота. Барабанный бой возвещал начало экзекуции. Провинившийся, голова которого была выбрита наголо, начинал шествие среди двух рядов солдат, образующих собой длинную шеренгу с каждой стороны. Каждый из этих солдат был вооружен длинным орешниковым прутом и должен был нанести им удар своему провинившемуся товарищу, когда последний поравняется с ним. Если наказываемый имел намерение ускорить шаги, чтобы таким образом сократить время экзекуции, он натыкался на обращенный к его телу штык; чтобы воспрепятствовать ему уклоняться в стороны, назначались два солдата. Крайне редко кому-либо удавалось пройти вдоль всей линии выстроенных с розгами солдат; когда же несчастный впадал в обморочное состояние, его отправляли в лазарет с тем, чтобы после поправки снова подвергнуть полному количеству определенных судом ударов.

В России шпицрутены применялись также для наказания гражданских лиц (прежде всего из податных сословий) по приговору военного суда и по уставу о ссыльных.

В России шпицрутены отменены 17 апреля 1864 г.

[2] Салтыкова Дарья Николаевна, столбовая московская помещица, забила до смерти плетьми и батогами 138 своих крестьян.

чему радоваться. Однако полицейский ни одним словом не обмолвился о случаях психологического насилия. Очевидно, не стал бы он говорить и о случаях насилия со стороны полицейских, когда ими использовалась физическая сила при задержании преступников.

Как видим, подчас подход к насилию лишь как к преступлению (а оно, безусловно, заслуживает осуждения и наказания — кстати, с использованием все того же насилия!) слишком узок и не охватывает все стороны проявления насилия. Отсюда и односторонняя оценка роли насилия только как негативного явления. Именно так смотрит на насилие герой одной из миниатюр Аркадия Райкина, заявляющий, что воспитание — это насилие над личностью ребенка. В какой-то степени он прав[1]. Ведь когда родители заставляют своего ребенка делать домашние задания, это акт насилия. И когда малышу насильно раскрывают рот, чтобы он принял лекарство, это тоже акт насилия. Так что же, из-за того, что это насилие, не учить и не лечить? Что должны делать родители, чей ребенок в 10 лет собрался участвовать в антарктической экспедиции? Собрать ему в дальний пути вещички или проявить насилие (запрет), ибо ребенок еще не понимает, что творит? А сколько музыкантов благодарны своим родителям, которые принудили их в детском возрасте продолжить обучение в музыкальной школе!

Говоря о роли насилия в общественной и личной жизни, следует учитывать не только само агрессивное действие, а кем, с какой целью, насколько регулярно и в каких обстоятельствах оно используется. Тогда вопрос может быть поставлен в иной плоскости: не всякий акт насилия является негативным явлением, часто он является просто необходимым для блага личности и общества. Взгляды же, что пережитое в детстве любое насилие затормаживает развитие личности, далеки от истины. Может, в определенных условиях и затормаживает (когда постоянное насилие приводит к развитию у ребенка апатии, депрессии, невроза, отставание в психическом развитии), но почему-то не у всех. Вот Алешу Пешкова дед нещадно порол, но вопреки взглядам современных психологов он почему-то стал Максимом Горьким. Я не призываю пороть всех детей ради того, чтобы они стали талантами и знаменитостями, упаси бог! Но и делать огульные выводы и превращать каждый шлепок родителя по мягкому месту своего чада во вселенскую катастрофу, очевидно, не стоит. Разумно и оправданно и этически, и юридически насилие педа-

[1] А не прав в том, что воспитание — это не только принуждение (насилие). Воспитывать можно и путем собственного примера проявления нравственности, доброты, трудолюбия.

гога над учащимся, когда он заставляет его учиться[1], насилие тренера над спортсменом, когда он заставляет его терпеть наступившую усталость, насилие родителя над своим ребенком, когда он требует от него выполнения определенных правил поведения, и т. д. Поэтому *насилие по своему воздействию на личность может иметь и конструктивный характер, а не только деструктивный*.

Не следует ориентироваться на примеры с Запада, когда после упоминания ребенка в разговоре с учителем, что мама или папа ударили его как-то раз по попке, родителей лишают родительских прав. Эти псевдозащитники прав ребенка не понимают, что они совершают тем самым еще большее насилие, лишая ребенка родительской любви и заботы. Что же теперь, ради искоренения насилия в обществе дойдем до абсурда и будем пропагандировать вседозволенность и безнаказанность делинквентного поведения? Ведь любое наказание тоже является насилием!

Итак, подведем итог. Насилие — это преднамеренное и принудительное физическое или психологическое воздействие одного человека (группы, общества) на другого человека (группу, общество).

Основным критерием насилия следует считать наличие при воздействии на кого-то принуждения. Ни плохое отношение, ни причинение вреда не являются безусловными признаками насилия, так как, во-первых, не всегда сопровождают принуждение и, во-вторых, не всегда расцениваются объектом воздействия как насилие (например, случаи проявления мазохизма). Также и взаимный обмен оскорблениями во время ссоры может рассматриваться в рамках абьюза (плохого отношения друг к другу) или вербальной агрессии. Ведь этот обмен легко прекратить, удалившись от партнера по общению. Здесь никто не заставляет общающихся выслушивать эти оскорбления. А вот то, что человек *вынужден* против своего желания выслушивать оскорбления, не имея возможности ответить на них или прекратить их, следует рассматривать как психологическое насилие.

---

[1] Хотя Платон говорил, что «свободнорожденному человеку ни одну науку не следует изучать рабски. Насильственно внедренное в душу знание непрочно. Поэтому, друг мой, питай своих детей науками не насильно, но играючи, чтобы ты лучше мог наблюдать природные наклонности каждого», однако К. Д. Ушинский тоже был прав, когда писал: «Приучите же ребенка делать не только то, что его занимает, но и то, что не занимает, — делать ради удовольствия исполнить свою обязанность» (Собрание соч. М., 1952. Т. 6. С. 252).

Не бывает чисто физического или сексуального насилия, и то и другое сопровождается психологическим насилием. Поэтому любое насилие всегда психологическое, но может сопровождаться и физическим насилием. Психологический характер любого насилия подчеркивается и тем, что человек сам решает, является ли воздействие на него насилием или нет.

Следует выделять деструктивное и конструктивное насилие (принуждение). Первое приводит к негативным последствиям для человека, второе совершается во благо человека (в тех случаях, когда у него недостаточна мотивация или отсутствует понимание необходимости совершения чего-то).

Насилие — частный случай проявления прямой физической или вербальной агрессии, воспринимаемый человеком как принуждение.

ГЛАВА 9

Буллинг как форма насилия

В обыденном сознании буллинг означает «травить», «гнобить» человека. В настоящее время буллингу как форме насилия во всем мире уделяется большое внимание. Буллингу целиком посвящено несколько больших национальных и международных серверов, таких как Bullying.org, Bullying Online, Stop bullying, Bullying.net и т. д. Существуют национальные общественные организации по борьбе буллингом, деятельность которых обращена к детям, учителям и родителям. Проблемы, связанные с буллингом, активно обсуждаются. Например, английский сервер www.bullying.com.uk — bullying online посетили свыше 1 млн 300 тыс. человек. «Канадская инициатива по предотвращению буллинга» — www.bullying.org не только дает систематические консультации по профилактике буллинга и оказывает помощь его жертвам, но и ежегодно проводит Неделю информации о буллинге (Bullying awareness week). Это обусловлено широким распространением буллинга в различных его видах.

По словам 1200 детей, ответивших на вопросы интернет-сайта KidsPoll, буллингу подвергались 48% опрошенных, в том числе 15% — неоднократно, а сами занимались им 42%, причем 20% — многократно. По данным всемирно известного психолога Дана Олвейса, в Норвегии 11% мальчиков и 2,5% девочек признались, что в средних классах школы они «буллировали» кого-то из своих товарищей. В английском Шеффилде соответствующие цифры составляют 8 и 4%. Среди опрошенных в 1995 г. учащихся 558 американских средних школ не сталкивались с буллингом только 20% опрошенных. По подсчетам американского психолога Энтони Пеллигрини (1998), буллеры составляют приблизительно от 7 до 15%, а их жертвы — от 2 до 10% всех детей школьного возраста. Согласно американскому исследованию (2001 г.), объектами которого были свыше 15 тыс. школьников с 6-го по 10-й класс, 17% из них признались, что в течение прошлого учебного года они «иногда» или чаще

подвергались буллированию, 19% сами кого-то буллировали, а 6% были одновременно и субъектами, и жертвами буллинга…

В Португалии при обследовании свыше 4 тыс. 10–12-летних детей из 10 средних школ выяснилось, что в ситуации повышенного риска в отношении буллинга находятся мальчики и выходцы из низших социальных слоев (Перейра и соавт., 2004).

Кон И. С., 2006, с. 15

Буллинг нередко связывают с виктимизацией. Виктимиза́ция (лат. victima — «жертва») — процесс или конечный результат превращения в жертву[1], которая начинает негативно относиться к себе и изменяет свое поведение и общение с другими[2]. Буллеры и их жертвы как бы дополняют друг друга, между ними складываются специфические парные отношения, которые развертываются в системе внутригрупповых взаимоотношений. Психологическая взаимосвязь буллинга и виктимизации достоверно прослежена не только в США, Канаде и европейских странах, но и в Индии и Южной Корее. Это не локальный, а кросскультурный феномен, но связь буллинга и виктимизации не имеет однозначного объяснения.

Изучаются эти явления и психологами, социологами, педагогами, криминалистами. В одних только публикациях издательства «Сейдж» (см. «Sage journals online»), публикующего научные книги и журналы по общественным и гуманитарным наукам, буллинг упоминается 1084 раза (Кон И. С., 2006). Результаты многих из этих исследований будут изложены в этой главе.

9.1. Буллинг и его виды

Впервые для обозначения явлений травли как формы насилия слово «буллинг» использовал английский журналист Эндрю Адамс в 1990 г. Однако в некоторых языках нет термина, который точно отражал бы смысл термина «буллинг» (Smith, 2005; Smith et al., 1999). Например,

[1] По мнению Леймана (Leyman, 1993), следует отказаться от употребления термина «жертва» и заменить его термином «объект моббинга». Объясняет он это тем, что термин «жертва» можно использовать исключительно по отношению к физическому или сексуальному насилию, поскольку он предполагает неспособность человека к действиям, а формулировка «объект» подразумевает, что потенциально человек вполне дееспособен.

[2] Виктимность — способность или устойчивое предрасположение человека быть жертвой.

японское слово «ijime» означает то же самое, что и «буллинг», но «ijime» всегда происходит в рамках группы или социальной общности, где все друг друга хорошо знают. Именно устойчивая связь между преследователями, жертвой и остальными членами социальной общности (например, в классе) наделяет «ijime» особым смыслом (Morita et al., 1999).

«Ijime», в принципе, является коллективным действием, направленным на жертву со стороны общности в целом. При этом одни проявляют большую активность, другие — меньшую. Но независимо от этого подвергаться ijime — значит быть социально отверженным не только конкретными преследователями, а группой в целом.

В англоязычных работах, посвященных травле, термин «моббинг» обычно не используется. А поскольку международным языком чаще всего является английский язык, в международных кругах чаще употребляется английское слово «bulling» («буллинг»). Это связано еще и с тем, что большая часть исследований моббинга проводится в англоязычных странах или в странах, где люди легко переходят на английский (например, в Северной Европе).

Во многих европейских странах вместо слова «буллинг» обычно используют слово «моббинг». Со временем появились эксперты, которые стали говорить о различии этих понятий. Например, о том, что моббинг — это вид запугивания одной группы другой или группы по отношению к одному лицу. В определениях моббинга, пишет Роланд, отмечается, что он осуществляется группой лиц (Pikas, 1989; Heinemann, 1973). Моббинг по определению является групповым процессом, на что, собственно, и указывает слово «mobb» (толпа). Буллинг же, с точки зрения этих авторов, — это регулярное негативное поведение одного работника по отношению к другому работнику или к целой группе работников. Когда в качестве такого лица выступает руководитель, говорят о *боссинге*. В связи с этим психологи выделяют два основных вида травли: вертикальный (*боссинг*) — от начальства или соответственно от подчиненных и горизонтальный — от коллег. Выделяют также *сэндвич-мобинг* — это когда нападки идут со всех сторон. С таким явлением обычно сталкиваются руководители среднего звена. У каждого руководителя есть свой заместитель, который может стремиться занять его место, но и у заместителя есть подчиненные, которые метят на его место.

Для ряда других авторов (например, Т. Филда) принципиальной разницы между понятиями «буллинг» и «моббинг» нет. В международных кругах принято исходить из того, что моббинг может быть осуществлен

как одним, так и несколькими лицами (Smith, 2005). Обосновывается это тем, что у группы всегда есть лидер, который порой просто невидим. Позиция не очень убедительная, но во многом эти авторы правы, так как средства насилия и группой, и отдельным лицом избираются одни и те же. Да и последствия травли в том и другом случае одни и те же.

Неопределенность понятий, относящихся к травле, приводит к необоснованному, с моей точки зрения, выделению так называемого институционального моббинга, под которым понимается «моральное преследование работников с использованием таких институтов, как аттестация персонала, квалификационные экзамены, рассмотрение служебных споров, конкурсный отбор» (Соловьев А. В., 2009). Во всех этих ситуациях отсутствуют признаки, характеризующие буллинг или мобинг.

Чтобы не продолжать путаться в терминологии, целесообразно, на мой взгляд, как это делает Пикас (Pikas, 1989), термин «буллинг» использовать как более общее, родовое понятие, а «моббинг»[1] и «боссинг» — как видовые разновидности буллинга. Ведь английское слово «буллинг» (bullying, от bully — хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) обозначает травлю, третирование, запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе. А кем он осуществляется (группой или одним субъектом) — это уже вторичная характеристика. В соответствии с этим Хелд (Heald, 1994), Бесаг (Besag, 1984), Роланд (Roland, 1989) и ряд других авторов определяют буллинг как длительное систематическое физическое или психологическое насилие, осуществляемое одним человеком или группой и направленное против человека, который не в состоянии защититься в фактической ситуации, с осознанным желанием причинить боль, напугать или подвергнуть человека длительному напряжению.

[1] Хотя термин «моббинг» был введен в обиход этологом Конрадом Лоренцем значительно раньше, чем термин «буллинг» (в 1963 г.). Так он называл нападения нескольких мелких животных на более сильного противника, например гусей на лису. Спустя шесть лет шведский врач Питер-Пауль Хайнеманн использовал его по отношению к человеку, назвав так феномен нападения группы людей на лицо, нарушающее социальные нормы и правила. А его соотечественник психолог Хайнц Лейман применил это слово в более узком значении, по отношению к конфликтным ситуациям в трудовом коллективе.
В современной России первые публикации о моббинге появились на границе XX и XXI вв. (Кряжев Е. В., 1997; Алтухова Г. А., 1998; Рекош К. Х., 2002; Скавитин А., 2004). В 2002 г. моббинг как социальный феномен был введен в качестве учебной темы во второе издание учебника для вузов «Управление персоналом», 2002.

С точки зрения разработки путей и средств профилактики и искоренения травли выделение в буллинге боссинга, моббинга, а в последнее время — дедовщины (хейзинга) целесообразно, так как указывает на то, с кем имеет дело жертва травли и в какой ситуации проявляется травля.

Как отмечает Н. П. Романова (2007), «отечественный» буллинг отличается от западного. Если в зарубежных компаниях самый частый вариант — когда коллектив находит козла отпущения и начинает дружно «клевать» коллегу (т. е. имеет место моббинг), то в России гораздо чаще встречается вертикальный буллинг, основной причиной которого является желание руководителя уволить сотрудника, когда юридических оснований для этого нет.

Буллинг, осуществляемый в информационном пространстве через информационно-коммуникационные каналы и средства, называется *кибербуллингом* (*моббингом*). Он может осуществляться в Интернете посредством электронной почты, программ для мгновенного обмена сообщениями в социальных сетях, а также через размещение на видеопорталах непристойных видеоматериалов. Насмешки и издевательства в виде писем, видео и фотографий нередко могут стать достоянием не только узкого круга людей, но и огромной «аудитории», использующей различные ссылки на всевозможные сайты.

Буллинг может осуществляться посредством мобильного телефона (например, с помощью SMS-сообщений или постоянных звонков). Свыше половины опрошенных канадских подростков сказали, что им известны такие случаи, причем почти половина «кибербуллеров» развлекались таким образом неоднократно, большинство жертв и очевидцев взрослым не жалуются. Среди кибербуллеров преобладают мальчики. Девочки, ставшие жертвами кибербуллинга, чаще мальчиков сообщают об этом взрослым.

Классификация видов буллинга представлена на рис. 9.1.

Х. Хорнштайн, профессор педагогического колледжа Колумбийского университета, в своей книге «Жестокие начальники и их жертвы» привел данные своих подсчетов, согласно которым с плохим обращением на работе каждый день сталкиваются 20 млн американцев.

По данным зарубежных исследований, в подавляющем большинстве случаев (71%) притеснения исходят со стороны лиц, имеющих более высокое положение в организационной иерархии (т. е. боссинг), в 17% случаев — со стороны коллег (моббинг), со стороны подчиненных на шефа — 12%.

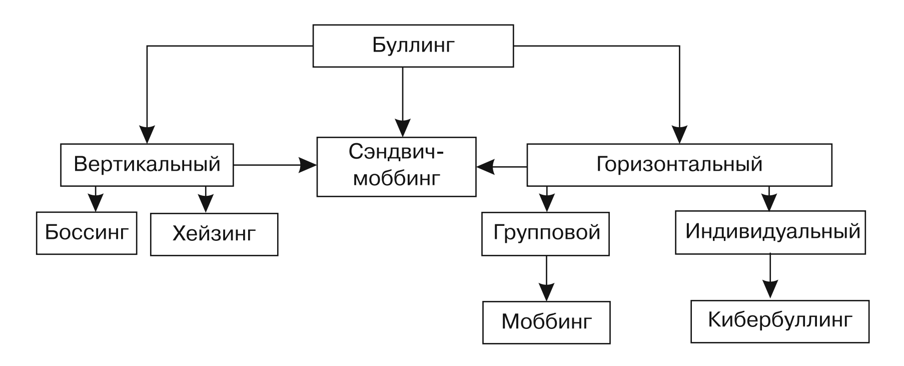

Рис. 9.1. Виды буллинга

9.2. Средства, используемые при буллинге

Средства, используемые при буллинге, могут быть разнообразными: физическими, психологическими и экономическими (рис. 9.2).

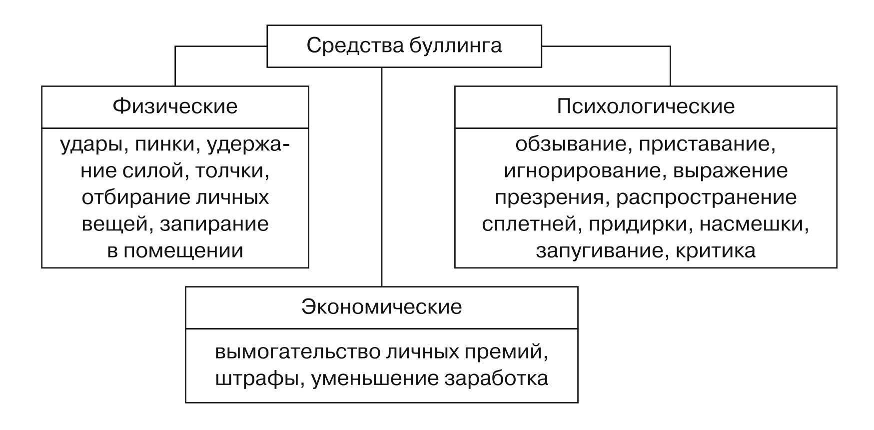

Рис. 9.2. Классификация средств, используемых при буллинге

Чаще всего встречаются такие средства: клевета, сплетни, игнорирование, насмешки, разговоры о ком-либо за его спиной, презрительные взгляды или жесты, уход от контакта посредством невербальных намеков, несправедливая или обидная оценка продуктивности, игнорирование человека, как будто бы его нет, сваливание на сотрудника самой неприятной работы. Существуют и отраслевые методы буллинга.

Например, компьютерщики часто используют вирусы или хакерство, изменяя результат работы или выводя компьютер из строя.

9.3. Кого выбирают в качестве жертвы травли

Большинство людей убеждены в том, что внешность, одежда, не соответствующая моде, диалект, не вписывающиеся в привычные рамки, являются основной причиной травли. Об этом же говорят и сами жертвы (Olweus, 1993). Сложившийся стереотип основан на совершенно определенной предпосылке: тебя будут травить, если ты выделяешься из группы. То есть отклонения, бросающиеся в глаза или режущие слух, опасны сами по себе. Однако в действительности, как показал Олвейс (Olweus, 1974, 1993), внешность и одежда для взрослых, в отличие от детей, не имеют решающего значения. Этот вывод во многом подтвердился (Lagerspetz et al., 1982). Диалект или специфический говор тоже не являются факторами, существенно повышающими риск подвергнуться моббингу (Olweus, 1993; Roland, 1980).

Жертвы буллинга имеют средние показатели враждебности и агрессивности, но низкие показатели по многим другим параметрам. Жертвы часто являются экстерналами, т. е. зависят от мнения других, и принимают позицию подчинения, обладают слаборазвитыми коммуникативными способностями (Петросянц В. Р., 2011).

Самооценка. Уровень самооценки жертв буллинга значительно ниже среднего, об этом свидетельствуют многие исследования (Bjorkqvist, Ekman, Lagerspetz, 1982; Olweus, 1974; O'Moore, Kirkham, 2001; Петросянц В. Р., 2011). И это неудивительно. Ведь в значительной степени самооценка формируется под влиянием отношения окружающих. При классическом моббинге жертве постоянно, на протяжении длительного времени, приходится слышать обвинения. При более тонком моббинге, например при изоляции, с жертвой перестают общаться, ее игнорируют. Постепенно она уверяется в том, что все эти негативные суждения и оценки правомерны. Если жертве не с кем нормально общаться или же таких людей мало, то справиться с оказываемым давлением очень сложно. Неудивительно, что, например, у старшеклассников — жертв буллинга, по данным В. Р. Петросянц, отмечаются низкие показатели самоуважения, повышенная склонность к самообвинениям, неадекватность самооценки. У них наблюдаются эмоциональный дискомфорт, эмоциональная неустойчивость, тревожность и напряженность.

С другой стороны, можно предполагать, что низкая самооценка может провоцировать моббинг (Salmivalli, 2005). Ведь низкая самооценка не остается без внимания окружающих, а преследователи знают, как ее использовать (Roland, 1999).

Популярность. По данным многих исследований, уровень популярности жертв буллинга ниже среднестатистического (Lagerspetz et al., 1982; Olweus, 1974; Smith et al., 1999). Вероятно, люди, окружающие жертву, не хотят общаться с ней, поскольку тогда они поставят под угрозу свой собственный социальный статус. Низкая популярность означает слабую защищенность, поэтому риск подвергнуться травле возрастает.

Страх и тревожность. Эти состояния свойственны жертвам буллинга в значительно большей степени, чем остальным людям (Olweus, 1974, 1993; Salmivalli, 2005). Жертвы неуверенны в общении с другими людьми и не выдерживают социального прессинга. Они, как правило, боязливы, их просто вывести из равновесия, они могут легко расплакаться или начать беспомощно горячиться (Olweus, 1993; Olweus, Roland, 1983; Roland, 1999). Такие реакции существенно повышают риск подвергнуться травле (Olweus, 1993; Roland, Idsoe, 2001; Salmivalli, 2005). Однако то, что депрессия повышает риск подверженности буллингу, не является очевидным (Parada, 2006; Roland, 2002a; Salmivalli, 2005).

Выделяют два типа жертв — покорных и агрессивных (Olweus, 1995).

Покорные жертвы. Они более тревожны и неуверенны, чем обычные субъекты, склонны к осторожности, уходу в себя, к одиночеству, не имеют близкого друга. Покорные жертвы страдают от низкого чувства собственного достоинства, часто считают себя неудачниками, непривлекательными. Вместо сопротивления мучителям они стремятся избегать их.

Агрессивные жертвы. Они легко раздражаются и впадают в состояние гнева, легко поддаются на провокации. Они становятся агрессивными в результате потери самообладания, мстя за провокацию, но не используют агрессию для достижения цели как результат продуманного расчета. Агрессивные жертвы не только сопротивляются буллингу, но и вовлекают других в эту ситуацию.

Агрессивные жертвы более склонны к низкой самооценке, низкой степени социальной поддержки. Они имеют низкий социальный статус.

Очевидно, можно говорить и о еще одном типе жертв буллинга. Ведь часто объектом буллинга становится *задира*, который своим поведением

«вызывает огонь на себя». Это человек, который не уверен в себе и под маской скрывает свои слабость и несостоятельность. С задирами поддерживают дружеские отношения, только чтобы самим не стать жертвой, и таким способом пытаются оградить себя от насмешек и любого проявления издевательства. Задирой становится человек, который в детстве был конфликтным ребенком и драчуном, не отличался умственными и физическими способностями и привлекал к себе всеобщее внимание и «уважение» только за счет издевательств над другими, более слабыми детьми.

По одним данным, прямой связи между возрастом и подверженностью моббингу не существует. По другим — травле больше подвергаются люди от 21 года до 40 лет, а также возрастная группа старше 61 года (Niedl, 1995). Это объясняется сильной конкуренцией в связи с ограниченным количеством рабочих мест, а моббинг используется как орудие для увольнения «по собственному желанию».

9.4. Психологическая характеристика преследователей (буллеров)

«Классические» буллеры отличаются повышенной агрессивностью, слабым самоконтролем за своими побуждениями и высокой терпимостью к агрессивному поведению как таковому. У них слабо выражена эмпатия, но высоко стремление к доминированию (Гребенкин Е. В., 2006; Dodge, 1991; Olweus, 1994). Они, как правило, обладают более высоким социометрическим статусом. Иногда за этим стоят врожденные генетические или гормональные особенности, например повышенный уровень «мужского» гормона тестостерона.

Самооценка преследователей положительная (Kwak, Lee, 1999; Staub, 1999) и соответствует среднестатистическим показателям или немного ниже их (Olweus, 1974; Bjorkqvist, Ekman, Lagerspetz, 1982; O'Moore, Kirkham, 2001). Обидчики самоуверенные и ощущают себя успешными (Olweus, 1994). Исходя из этого сложно представить, что травля других — это форма компенсаторного поведения, являющаяся следствием комплекса неполноценности преследователя. Однако заслуживает внимания тот факт, что разрыв между актуальной самооценкой и «желаемым Я» у преследователей больше, чем у других. Это несоответствие проявляется прежде всего в сфере доминантности: преследователи счи-

тают себя влиятельными и властными, но стремятся занять еще более высокое положение (Bjorkqvist, Ekman, Lagerspetz, 1982).

Уровень популярности преследователей — чуть ниже среднего, и с возрастом он понижается (Olweus, 1974; Lagerspetz et al., 1982; Olweus, Roland, 1983; Smith et al., 1999).

У преследователей показатели страха и тревожности соответствуют среднестатистическим (Olweus, 1993). Как правило, типичные буллеры не страдают пониженным самоуважением и достаточно уверены в себе. У них имеются интернальный локус контроля, средние коммуникативные способности. Отмечаются позитивное глобальное самоотношение, самоуважение и самопринятие, адекватная самооценка. Они являются более жизнестойкими, чем жертвы (Петросянц В. Р., 2011).

Часто буллерами становятся люди, стремящиеся казаться выше, значимее за счет обесценивания другого.

Основной характеристикой буллера является патологическое нежелание считать свое поведение деструктивным. Он думает, что проблема не в его поведении, а в поведении его жертв. Главное, что характеризует буллера, — это то, что после того, как он заканчивает преследование одной жертвы (она, например, вынуждена покинуть место работы), начинается преследование другой, и так до бесконечности.

Вот некоторые характеристики серийного буллера на рабочем месте: искусный лгун, способный к экспромту; хорошо себя ведет в присутствии руководства и отвратительно — при подчиненных; пытается всех убедить в том, что он очень активный, талантливый менеджер, способный достичь высоких результатов в работе. Естественно, начальство и подчиненных он убеждает по-разному. Страдает высокомерием, самовлюбленностью. Хочет показаться всезнайкой. Может притворяться глубоко религиозным человеком. Вольно обращается со словами, легко может извратить значение сказанного. Может иронизировать. Старается избегать ответственности.

Буллером может быть любой человек, в том числе и начальник. Поведение начальника обусловлено следующими факторами:

- чувством неполноценности и желанием утвердить свой авторитет за чужой счет;
- желанием свести личные счеты с работником;
- желанием освободить рабочее место для кого-то из «своих».

Рассмотрим сравнительную характеристику жертв и преследователей по данным В. Р. Петросянц (2011). Выраженность агрессии представлена на рис. 9.3.

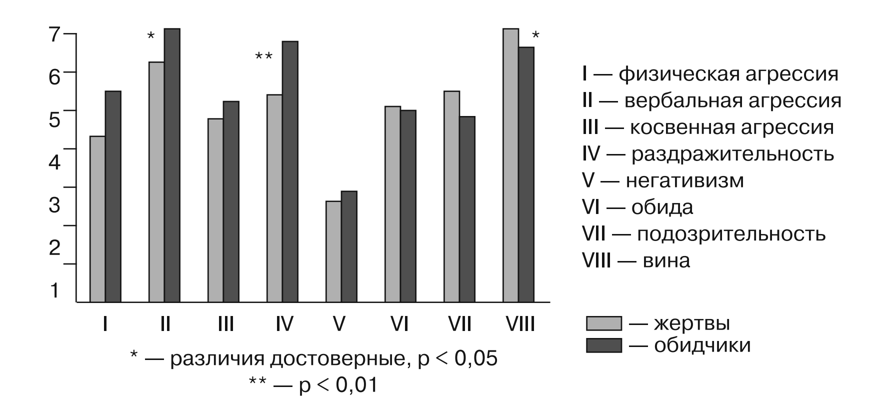

Рис. 9.3. Выраженность показателей агрессии у жертв и обидчиков

Из представленных на рисунке данных видно, что все виды агрессивности (физическая, вербальная, косвенная) и раздражительность выражены больше у обидчиков, а подозрительность и вина — у жертв.

Та же тенденция наблюдается и в отношении показателей самоотношения (табл. 9.1).

Таблица 9.1. Выраженность показателей самоотношения у участников буллинга, баллов

Показатели	Жертвы	Обидчики	p
Самоотношение глобальное	17,0	18,9	0,009
Самоуважение	8,0	9,5	0,001
Аутосимпатия	8,0	9,8	0,001
Ожидаемое отношение от других	9,5	10,2	0,03
Самоинтерес	6,3	6,5	—
Самоуверенность	4,9	5,5	—
Отношение других	5,9	6,5	0,01
Самопринятие	4,7	5,3	0,005
Самопоследовательность	4,0	4,2	—
Самообвинение	5,1	4,2	0,001
Самопонимание	2,4	3,0	0,006

Эти данные иллюстрируют вывод, что у жертв по сравнению с обидчиками самоотношение снижено.

Как следствие у жертв отмечается сниженная социально-психологическая адаптированность (табл. 9.2).

Таблица 9.2. Выраженность показателей социально-психологической адаптированности у участников буллинга, баллов

Показатели		Жертвы	Обидчики	p
А	Адаптивность	136,5	137,9	–
	Дезадаптивность	98,1	82,2	0,05
СВ	Принятие себя	44,9	46,0	–
	Непринятие себя	16,5	13,3	0,03
ПД	Принятие других	25,6	26,9	–
	Непринятие других	18,1	15,6	0,04
ЭК	Эмоциональный комфорт	23,4	25,5	–
	Эмоциональный дискомфорт	21,1	16,4	0,004
И	Интернальность	55,5	53,1	–
	Экстернальность	25,3	20,8	0,01
СД	Доминирование	8,9	10,1	–
	Ведомость	20,9	20,0	–
	Уход в себя	16,5	13,6	0,003

У жертв больше, чем у обидчиков, выражены эмоциональный дискомфорт, непринятие себя и других, экстернальность и уход в себя.

9.5. Типы буллеров

Существует четыре основных типа буллеров (Т. Филд).

Тип «Ищу внимания» («Attention-Seeker») – это обычно женщина. Главная цель – создать впечатление доброго, заботливого и сострадающего человека. На самом деле за красивой маской скрывается обманчивая и высокомерная натура, при этом некомпетентная в области профессиональной деятельности. Может показать открытую злобу, если назначается за что-либо ответственной.

Тип «Хочу быть» («Wannabe») – обычно мужчина. Буллеры этого типа мечтают о почете и уважении, но для этого им не хватает профессио-

нализма в своей области. Они, собственно, к этому и не стремятся, поскольку это требует усилий, которые они не хотят прилагать. К тому же они обделены интеллектом. Вместо того чтобы как-то исправлять эту ситуацию, все свои скудные знания они направляют на совершенствование в обмане, мошенничестве, лести.

Тип «Гуру» («The Guru») — отличается от остальных тем, что, как правило, компетентен в профессиональной области, правда зачастую в довольно узкой. Его слабое место — социальные навыки. Они не способны к проявлению эмпатии и, по мнению Т. Филда, страдают умеренной формой аутизма, нарциссизмом, психопатией.

Тип «Социопат» («Sociopath»). Обычно это мужчина. Интеллектуально высокоразвит, но не способен на сочувствие. Не испытывает чувства вины и не способен к раскаянию. Получает большое удовлетворение, когда натравливает людей друг на друга, а сам выступает в качестве наблюдателя. Любит управлять потоками информации, контролировать принятие решений, особенно кадровых.

9.6. Последствия травли

Буллинг является большой проблемой, в частности для профессиональной сферы. По данным британского Institute of Personnel and Development (IPD), в 1996 г. каждый восьмой британский служащий, а это около 3 млн человек, становился жертвой издевательств на рабочем месте. Более половины из опрошенных заявили о том, что буллинг является повседневной практикой в их компании.

В 1997 г. британский Trade Union Congress TUC организовал «горячую линию» Bad Boss Hotline («горячая линия» плохого босса), по которой можно было пожаловаться на руководителя. 38% позвонивших жаловались на издевательства со стороны руководства. В 1998 г. уже каждый шестой британский работник считал себя жертвой буллинга.

Исследование, проведенное сотрудниками Стаффордширского университета, показало, что 53% британских служащих (приблизительно 14 млн человек) пострадали на работе от буллинга в течение срока трудовой деятельности.

Жертвы травли подвержены депрессиям (Bjorkqvist, Ekman, Lagerspetz, 1982; Roland, 2002a), и не случайно, по результатам проведенного

в Норвегии общенационального опроса среди старшеклассников, 16% жертв травли ответили, что часто задумываются о самоубийстве. Те же мысли одолевали 3–4% остальных учащихся (Roland, 2002a). Это же исследование показало, что и преследователи в большей степени, чем нейтральные ученики, подвержены симптомам депрессии. Различие было небольшим, но статистически значимым как для мальчиков, так и для девочек (Roland, 2002a). Кроме того, выяснилось, что и преследователи чаще, чем нейтральные ученики, серьезно задумываются о самоубийстве.

За буллингом нередко стоят социально-экономические факторы, например имущественное, социальное и этническое неравенство. Например, мальчики из бедных и неблагополучных семей вымещают свои фрустрации на более благополучных сверстниках, заставляя их испытывать страх и одновременно чувство своей неполноценности по сравнению с более сильными, неуправляемыми и «крутыми» выходцами из низов. Если дети из социально благополучной среды ассоциируют свой «культурный капитал» преимущественно с учебными достижениями, то для других мальчиков этот путь недостижим (их начальная материально-образовательная база слишком слаба) или неприемлем, потому что в их семьях господствуют другие ценности, далекие от задач школьного образования. Свою «мужественность» такие мальчики доказывают не хорошими отметками, а победным счетом в драках, агрессивным поведением с девочками и т. п. Самоутверждение достигается ими путем насилия (Клейн, 2006).

Практически во всех странах буллинг больше распространен среди мальчиков, чем среди девочек, и его жертвами также чаще становятся мальчики. Это не просто озорство или грубость, а особая форма взаимоотношений. По данным канадских ученых, на игровых площадках буллинг встречается вдвое чаще, чем в школьном классе. Буллинг во многом зависит от структуры и степени оформленности детского коллектива. По наблюдениям американских психологов (Пеллегрини и Бартини, 2001), у 10–12-летних мальчиков буллинг сильнее всего выражен в начале учебного года, когда мальчики энергично борются за место в групповой иерархии. Позже, когда этот процесс завершен и иерархия оформлена, буллинг ослабевает.

Проблемой буллинга занимаются психологи, существуют клиники, специализирующиеся на лечении жертв буллинга, консультационные центры, в которых людям помогают выходить из кризисных состояний.

Жертвам буллинга предлагают искать защиту у профсоюзов, советов трудового коллектива, адвокатов и т. д.

В 1994–1995 гг. В Германии при поддержке нескольких крупных федеральных больничных касс, объединенных профсоюзов, банков и страховых компаний были открыты четыре консультационных центра, к работе в которых были привлечены врачи-психиатры, невропатологи и терапевты.

> Я попытался идентифицировать и систематизировать все явления, которые начали происходить, и вот что у меня получилось. Регулярные придирки по всяким мелочам. Неопределенная и неоправданная критика. Те успехи, которые прежде были достигнуты нашей секцией, стали полностью игнорироваться. Все новые предложения начали блокироваться. Новый руководитель если и приглашал меня на совещания, то не давал мне на них слова. Через некоторое время он вообще перестал меня приглашать. Для решения даже мелких вопросов теперь требовалось большое количество согласований. Если я пытался возразить — это сразу вызывало агрессию со стороны нового руководителя. Мне, например, приходилось слышать следующее: «Прежнее руководство сделало ошибку, назначив вас руководителем секции» или «Возможно, ваша работа была бы более эффективна в другом отделе, но на более низкой должности». Наша секция стала получать меньше ресурсов для выполнения работы, при этом на нас повесили абсолютно ненужную работу, в результате чего многие работники оказались перегружены. Мне приходилось работать за троих.
>
> Филд Т. Буллинг. http://psyfactor.org/lib/bulling.htm

Буллинг обходится дорого не только работнику, но и работодателю, поскольку сильно снижается продуктивность работника по причине постоянных болезней, отсутствия на работе. По данным Т. Филда, буллинг обходится Великобритании ежегодно в 30 млрд евро.

Несколько европейских стран приняли законы, упреждающие появление этого явления, защищающие и обеспечивающие безопасность сотрудников на рабочем месте, включая эмоциональную составляющую здоровья на работе. Например, в 1993 г. Национальное управление по охране труда Швеции приняло положение о преследованиях по месту работы за моббинг. Суть его в том, что работодатель обязан планировать и организовывать работу так, чтобы предотвращать появление буллинга. Если признаки все-таки обнаружатся, то предлагается список контрмер, которые должен предпринять руководитель.

В ст. 26 части I Европейской социальной хартии, пересмотренной в Страсбурге в 1996 г. и вступившей в силу с 1 июля 1999 г., говорится, что «все работники имеют право на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности». Совет Европы (СЕ) подчеркивает обязанность государств — участников СЕ содействовать предотвращению издевательских по своему характеру, явно враждебных и оскорбительных действий, направленных против отдельных работников на их рабочем месте или в связи с их работой, а также принимать необходимые меры защиты работников от такого поведения.

9.7. Что делать жертве буллинга

Как отмечает Шарп с соавт. (Sharp et al., 2000), главной защитной стратегией борьбы с буллингом является активная, а не пассивная позиция жертвы. Для этого целесообразно использовать следующее:

1. Вести личный дневник. Такой способ, по мнению немецких психологов, поможет жертве буллинга проанализировать ситуацию и увидеть собственные просчеты и ошибки. Эта работа требует большой внутренней дисциплины. Надо детально описывать ежедневные события, когда и что произошло, назвать участников травли и по возможности свидетелей, отмечать возникшие в связи с психологическим давлением проблемы со здоровьем и т. д. Если постоянные обидчики находятся в отпуске (командировке, отгуле), необходимо отметить этот факт.

   Немецкие специалисты считают, что дневник не только помогает проанализировать и понять взаимосвязь событий, взглянуть на них со стороны, но и впоследствии может выполнить другие очень важные функции, послужив для судей, адвокатов, врачей доказательством вины обидчиков[1].

2. Попробовать поговорить с обидчиком, выяснить причины его поведения и попытаться наладить отношения.

3. Постараться обеспечить себе дружескую поддержку. Не стоит переживать эту проблему в одиночестве. Важно найти человека, который будет поддерживать жертву морально, будет давать нужные советы, а может, даже и защитит в создавшейся ситуации.

[1] К сожалению, российским жертвам моббинга не у кого попросить помощи, так как отсутствует законодательство, защищающее их.

ГЛАВА 10

Моббинг как вид буллинга

10.1. Особенности моббинга как вида буллинга

Термин «моббинг» введен в научный обиход Хайнеманом в 1973 г., а первые исследования этого явления провел в начале 1980-х гг. шведский психолог и ученый-медик X. Лейман (хотя его публикации относятся к 1990-м гг.). Он охарактеризовал моббинг как «психологический террор», который включает «систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одного или нескольких людей, направленное против другого человека, в основном одного». Однако явление моббинга существует давно. Оно отражено еще Н. В. Гоголем в повести «Шинель», где описано издевательство молодых чиновников над Акакием Акакиевичем. В наше время проблема моббинга нашла отражение в ряде фильмов, в частности в отечественном фильме «Чучело».

В настоящее время моббинг на рабочем месте получил широкое распространение. В 2002 г. В Германии, по подсчетам исследователей, жертвами групповой травли стали 800 тыс. работников. По оценкам, жертвами такой формы насилия в Испании стали 22% работников органов государственного управления.

Британские ученые утверждают, что в их стране жертвами моббинга является около 30% работающего населения. Примерно такую же цифру называют немецкие социологи. В Японии обвинения в моббинге составляют почти 10% рассматриваемых в суде дел, широкое распространение этого явления в Стране восходящего солнца связывают с традицией пожизненного найма.

Согласно исследованиям, проведенным на Западе, в странах с высоким уровнем безработицы моббингу на рабочем месте подвергается до 17% населения. При этом установлено, что чем престижнее занимаемое сотрудником место, тем больше вероятность, что он подвергнется моббингу.

Моббинг может проявляться и в пренебрежительном отношения коренного населения к эмигрантам, проявляющееся в психологической травле людей, насмешках, издевательствах, надменном отношении к некоренному населению. Это, по сути, проактивная агрессия, но реактивная агрессия также вносит в этот процесс определенный вклад, особенно у младших учеников (Roland, Idsoe, 2001).

Лейман определил 45 вариаций поведения, типичных для моббинга: бойкот, придирки, насмешки, дезинформация, доносительство, причинение вреда здоровью, мелкие кражи или порча личных вещей, утаивание необходимой информации, социальная изоляция, клевета, непрекращающаяся критика, распространение необоснованных слухов, высмеивание.

В определениях моббинга подчеркивается систематичность действий, т. е. их регулярная повторяемость на протяжении времени (Olweus, 1993; Roland, 1989a; Smith, 2005). И хотя отдельный эпизод может соответствовать той же схеме, что и повторяющиеся действия (Roland, Vaaland, 1995), однако для жертвы травли важна разница между одиночным происшествием и частыми инцидентами. Отдельное посягательство, конечно, может напугать, вызвать напряжение и расстроить. Но непрекращающиеся проявления травли воздействуют глубже, заставляя жертву чувствовать, что так будет всегда. О моббинге стоит говорить только тогда, когда речь идет о систематических измывательствах.

По мнению психологов, говорить о моббинге можно в том случае, если психологический прессинг и неэтичное поведение в отношении работника проявляются не менее одного раза в неделю и на протяжении шести месяцев и более.

Еще один важный аспект, пишет Руланн, — это существенное различие в соотношении сил (Farrington, 1993; Smith, 2005; Olweus, 1993; Roland, 1999). Жертва моббинга не в состоянии защитить себя ни физически, ни морально. Значимость этого аспекта была отмечена еще в 1983 г., когда в Норвегии была проведена первая в мире общенациональная кампания, направленная против моббинга.

Следует добавить, что человеку, подвергающемуся моббингу, обычно нелегко себя защитить. Он, как правило, относительно беспомощен. Ссора между примерно равными по соотношению сил индивидами не является моббингом.

10.2. Генетическая и социальная основа моббинга

Групповая травля не является приобретением человечества. Она свойственна стадным и стайным животным. Моббинг имеет генетическую основу и широко распространен в животном мире. В биологии под моббингом понимается демонстративное действие животных или птиц против возможного врага преимущественно другого вида. В качестве примера можно привести поведение стаи обезьян, находящейся на деревьях, по отношению к находящемуся на земле льву. Сидя на деревьях, обезьяны активно проявляют свою враждебность, скачут по ветвям, кричат и кидают в хищника всем, что попадется под руку: плодами, обломками сучьев. Если обезьяны укрылись на скале, то они бросают во врага более серьезные предметы — камни. Вороны, поднимающие галдеж на прохожего, осмелившегося пройти слишком близко к их гнездам, — это тоже пример моббинга. Битву на птичьем дворе хорошо описал Кен Кизи в романе «Пролетая над гнездом кукушки».

Первые значительные исследования явления моббинга провел ученый-этолог Конрад Лоренц. На основе анализа результатов обширных исследований он определил, что цель моббинга в животном мире двоякая.

Во-первых, враг получает упреждающий удар и у него убавляется желание нападать. В дальнейшем хищник, подвергшийся моббингу, будет чаще охотиться на другие виды.

Второй и не менее важной целью моббинга является обучение молодого потомства тому, как можно противостоять врагу совместными коллективными действиями.

В отличие от животных у человека моббинг — элемент не межвидовой, а внутривидовой борьбы. Проявление моббинга в человеческом обществе во многом основано на противопоставлении «своих» и «чужих» в борьбе за разного рода ресурсы.

Сейчас многими исследователями признается тот факт, что моббинг присущ человечеству как виду и на протяжении веков является одним из важных этнопсихологических механизмов, обеспечивающих агрессию одних народов по отношению к другим с целью повышения своего места в общей иерархии народов. Этот феномен можно наблюдать как на государственном уровне, так и в трудовых коллективах.

О том, какое влияние на уровень распространенности моббинга оказывает общество, известно не так много. Несмотря на отсутствие точных статистических данных, есть основания полагать, что в разных странах проблема моббинга выражена по-разному (Smith et al., 1999). Однако нельзя с уверенностью сказать, с чем именно это связано. В Норвегии было проведено несколько масштабных исследований связи степени урбанизированности и уровня распространенности моббинга, но воздействие этого фактора оказалось незначимым. Очевидно, степень урбанизированности как таковая не является причиной разницы в уровне распространенности моббинга в различных локальных обществах.

Выяснилось, что в новых районах уровень моббинга значительно выше, чем в обжитых (Roland, 1989), и это свидетельствует о том, что социальная система имеет значение.

10.3. Психологический механизм моббинга

Роланд описывает психологический механизм проявления моббинга, базирующийся на закономерностях жизни малой группы. Проявлению моббинга способствует общность взглядов как способ ощутить единство с группой. Чтобы людям было хорошо вместе, они все время должны обеспечивать себе внешнего противника. В результате возникает чувство сопричастности, повышается сплоченность между преследователями (Roland, Idsoe, 2001). Именно эта «подпитка» отношений в процессе совместной травли является центральным элементом системы в теории моббинга.

Однако появление чувства сопричастности и повышение уровня сплоченности в группе — это не все, что стимулирует моббинг; существует и другая причина: желание демонстрировать свою власть. Ведь заниматься моббингом — это значит демонстрировать силу, иметь власть над тем, кто хотел бы от нее избавиться. Моббинг — это, в сущности, использование власти при тесном контакте, когда реакцию жертвы мож-

но увидеть или узнать о ней. Жертва протестует, теряется, плачет, чувствует себя несчастной. Подчинение и бессилие другого тоже являются стимуляторами моббинга.

Результатом совместной травли является ослабление ответственности за свои действия, когда преследователи действуют сообща. «Там был не только я», — говорят в свое оправдание и взрослые, и дети. Когда осознание личной ответственности ослабевает, ослабевают и сдерживающие механизмы, противостоящие осуществлению поступков, которые в социуме считаются дурными. На жертву начинают смотреть как на вещь, поэтому преследователей перестает что-либо сдерживать. А если жертва насилия и сама начинает верить в наговоры, то нередко это становится заметным со стороны и еще больше оправдывает отношение к ней как к предмету. Этот процесс, сопутствующий моббингу, описан многими исследователями (Heinemann, 1973; Olweus, 1993, 1994; Pikas, 1976).

Измывательства узакониваются путем обвинения жертвы. Это облегчает реализацию посягательств.

Как правило, моббинг происходит на глазах у многих наблюдателей (Cowie, 2000; Salmivalli et al., 1996), однако свидетели пассивны (Aronson, 1995; Hauge, 1980). Это объяснимо: если насильственные действия ужасны, наблюдатели предпочитают не ввязываться, опасаясь за собственную жизнь или здоровье; если события не столь драматичные, весьма вероятны социальные санкции по отношению к ним. Постепенно свидетели привыкают к этому явлению, начиная воспринимать его как норму (Christie, 1952; Javanovic, 1988).

Существует еще одно обстоятельство, которое называют «фиктивной нормой». Она начинает работать, когда человек не один наблюдает за измывательствами. Отдельный наблюдатель начинает думать, что остальные воспринимают происходящее нормально или поддерживают его, хотя ему самому это не по душе. И поскольку так думает каждый из наблюдателей, это и делает такое восприятие «нормой». В результате вопреки личным убеждениям каждый из наблюдателей воздерживается от вмешательства, поскольку ошибочно полагает, что остальные считают происходящее приемлемым (Aronson, 1995; Hauge, 1980; Roland, 1999).

Свидетели моббинга порой даже вовлекаются в моббинг (Cowie, 2000; Salmivalli et al., 1996). Это происходит потому, что преследователи иногда кажутся им достойными подражания (Bandura, 1973, 1983).

Преследователи редко атакуют без предварительной подготовки (Roland, 1983). Сперва им надо найти повод для обвинения. Обычный прием — припомнить что-нибудь из прошлого. Например, несколько дней назад жертва моббинга сказала (или сделала) нечто одному из преследователей или кому-то еще, и это можно использовать. Смысл высказывания, как правило, передергивается и истолковывается негативно, чтобы оно стало заслуживающим критики. С этого момента преследователи начинают травлю. Еще один вариант — тем или иным образом спровоцировать жертву. Издевки или угрожающее поведение — обычные инструменты провокации. В конце концов жертва моббинга допускает промах, который можно истолковать негативно. Это тут же используется для усиления давления и уничижения жертвы. Часто один из преследователей руководит игрой.

Прелюдия плавно переходит в собственно моббинг, внешне это может выражаться в количестве преследователей — их становится больше. В наиболее активной фазе преследователи придумывают все новые обвинения. Они используют какие-либо факты из прошлого, но зачастую просто цепляются к тому, что жертва делает или говорит здесь и сейчас. Если жертва отвечает, ее ответы будут истолкованы не в ее пользу; если не отвечает — это служит поводом для обвинения в невежливости. Если жертва пытается оказать сопротивление физически, преследователи изобразят страдание и с чистой совестью ответят физической агрессией. Нередко эпизоды моббинга заканчиваются обещанием продолжения со стороны преследователей: жертва еще не рассчиталась за все плохое, что она «сделала» им или кому-то еще. С помощью такого обещания преследователи фактически обязывают друг друга вернуться, особенно если их слышал кто-то из наблюдателей.

После этого преследователи продолжают обсуждать произошедшее, таким образом «легитимизируя» свое поведение. В их разговорах факты искажаются еще сильнее, и преследователи приходят к согласию: жертва получила по заслугам, мало того — есть еще масса вещей, за которые с ней нужно расквитаться. В ходе таких разговоров преследователи строят дальнейшие планы. Подобные беседы особенно характерны для девочек.

Во многих случаях сами эпизоды моббинга не занимают много времени. Так происходит, например, когда какая-нибудь девочка подвергается изоляции: в этом случае речь может идти просто об определенных знаках, понятных всем сторонам. Беседы же преследователей могут ежедневно продолжаться часами, вращаясь вокруг дурного поведения или характера жертвы; они оправдывают изоляцию и сближают девочек-преследователей: теперь они вместе.

Руланн Э., 2012

По оценкам экспертов, моббинг обходится экономике Германии в 50 млн евро в год, Великобритании — в 30 млрд евро. Согласно ис-

следованиям, 20% от общего числа всех самоубийств совершаются в результате психологического террора на работе.

Немецкая исследовательница моббинга Б. Мешкустат отмечает, что в тех организациях, где процветает моббинг, треть работников меняют работу в границах своего предприятия, 35% увольняются, а 5% — понижают в должности.

ГЛАВА 11

Травля в школе

О насилии в школе и даже в детских садах известно уже давно. Это явление описано еще в Итонском колледже XVI–XVIII вв., где власть более старших соучеников была еще более жестокой и капризной, чем учительская. Такая ситуация была обусловлена тем, что школьный коллектив был разновозрастным. Возраст, когда мальчиков отправляли в школу, колебался от 8–9 до 16–17 лет. Неравенство в силе, возрасте и стаже пребывания в школе создавало жесткую «вертикаль власти»[1].

Можно вспомнить и «Очерки бурсы» Помяловского, в которых описаны существовавшие нравы, связанные с травлей. Начиная с 1905 г. в печати стали появляться первые работы, посвященные этой проблеме, пик которых пришелся на конец 40-х гг. прошлого века.

В настоящее время, по данным Д. Олвейса, около 17% школьников во всех развитых странах мира 2–3 раза в месяц становятся жертвами травли, а еще 7% девочек и 12% мальчиков становятся буллерами. По российским данным (Петросянц В. Р., 2011), почти 40% учащихся старших классов подвергались буллингу в той или иной степени. При этом жертвы буллинга не осознавали причины травли.

[1] Память детства: западноевропейские воспоминания о детстве эпохи рационализма и Просвещения (XVII–XVIII вв.): Учебное пособие по педагогической антропологии / Сост. и отв. ред. В. Г. Безрогов. М.: Изд-во УРАО, 2001. С. 105, 109.

11.1. Формы травли, используемые учащимися

Травля часто встречается в школе, и психологи уделяют ее исследованию большое внимание[1]. Школьники издеваются, высмеивают своих же одноклассников, которые не так, как принято в их среде, одеваются, слишком хорошо учатся и т. п.

Петер-Пауль Хайнеманн описывает физические проявления травли в школе. Преследователи используют средства физического воздействия: удары, пинки, тычки, захват и другие виды физического принуждения. Однако эта форма школьного моббинга не является самой распространенной и в основном используется мальчиками (Smith et al., 1999), которыми движет жажда демонстрации собственной власти через подчинение другого.

По данным А. В. Гришиной и Е. Н. Волковой (2013), 34% детей в возрасте от 11 до 18 лет указали на то, что в школе в течение последнего года подвергались физическому насилию со стороны сверстников. Самыми распространенными формами физического насилия были: удары по голове (лицу) — 8%, по рукам — 17, скручивание уха — 9, таскание за волосы — 5, броски какими-то предметами — 21, пинки — 13%.

Психологическим формам насилия подвергались 41% детей. Проклятиям и обзываниям подверглись 36% детей, преднамеренным унижениям — 19% детей, ломали вещи у 29% детей.

Чаще всего как мальчики, так и девочки используют вторую форму моббинга — вербальное воздействие (чаще всего — издевки). Речь идет о таких словах, которые ранят, обычно это негативные высказывания о жертве. Наибольший эффект производит высмеивающий комментарий. Жертва моббинга чувствует, что значит стать всеобщим посмешищем, а в такой ситуации нелегко себя защитить.

Третья из основных форм моббинга — изоляция, она более популярна среди девочек, чем среди мальчиков (Roland, 1999; Parada, 2006). Это

[1] Можно указать на исследования как отечественных авторов (Вишневская В. И., Бутовская Л. М., 2010; Кон И. С., 2006; Кутузова Д. А., 2007; Маланцева О., 2007; Петросянц В. Р., 2011; Стрельбицкая А. А., 2010; Файнштейн Е. И., 2010), так и зарубежных (Arora, 1994; Batshe, Knoff, 1994; Besag, 1989; Hazler, 1996; Kwak, Lee, 1999; Olweus, 1978, 1984, 1987, 1991, 1993, 1995, 1999; Parada et al., 1999; Rigby, 1994, 1996, 11997, 2000; Roffey, 2000; Roland, 1989; Slee, 1995, Smith, Sharp, 1994; The nature..., 1999; Whitney, Smith, 1993 и др.).

можно объяснить тем, что девочек больше стимулирует общность с группой. В классическом варианте человека против его воли вытесняют из группы. Изоляция, следовательно, предполагает, что жертва хочет быть с тем или с теми, кто ее травит. Жертва входит в компанию или же ей дают повод думать, что она своя, а затем выбивают почву из-под ног. Методы для этого порой выбираются довольно тонкие и неявные — взгляд, усмешка и т. п. Таким образом, не одиночество как таковое, а обречение на одиночество имеет прямое отношение к моббингу.

Мы провели анкетирование учащихся 5–7-х классов... Более 89% опрошенных учеников ответили, что не считают школу безопасной в отношении насилия со стороны одноклассников и старших учеников, 72% знают свою школу как место регулярного проявления буллинга. Из ответов детей следует, что вербальное насилие (насмешки, высмеивание, присвоение кличек, обзывания) — наиболее частая форма (54%), около 30% испытывали физическое насилие (шлепки, подзатыльники, нанесение ударов, избиение, порча и отнимание вещей и денег), около 30% испытывали изоляцию и прнебрежение (отказ от общения, отказ играть и заниматься, сидеть за одной партой, приглашать на дни рождения, объявление бойкота); примерно столько же испытывали унижение и оскорбления перед лицом всего класса. Подтвердилась латентность изучаемого явления: более половины детей (55%) признаются, что они редко делятся такими проблемами со взрослыми. Около 20% пятиклассников отметили, что сообщают взрослым о фактах насилия в классе. Подростки 6–7-х классов оказались самыми скрытными; до 40% отметили, что они не сообщают взрослым о фактах травли, и 55% делятся информацией со взрослыми лишь иногда.

Распределение ролей сложилось следующим образом: 76% пятиклассников утверждают, что когда одноклассники обижают кого-либо в их присутствии, они защищают жертву, 12% стоят в стороне и столько же (12%) встают на сторону обидчиков. Среди шестиклассников количество защитников жертвы уменьшается вдвое (28%) и до 40% увеличивается количество наблюдателей и помощников инициаторов ситуации. От 30 до 46% ответивших на анкету считают, что в ситуации буллинга виновата сама жертва, от 60 до 70% признают, что виноваты в сложившейся ситуации обе стороны. Наименьшая доля ответов во всех возрастных группах приходится на те, где вина за факты насилия возлагается на обидчиков (от 6 до 30% у пятиклассников и шестиклассников соответственно).

Останина Н. В., 2012, с. 134–135

11.2. Кто из учеников становится буллерами

В своей книге «Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать?» (1993) норвежский психолог Дан Олвейс выделяет типичные черты учащихся, склонных становиться буллерами:

- дети, уверенные в том, что, «господствуя» и подчиняя себе других одноклассников, им гораздо легче будет добиваться своих целей;
- легковозбудимые и очень импульсивные дети со слабым самоконтролем;
- дети, не умеющие сочувствовать своим жертвам; не признающие компромиссов;
- физически сильные и агрессивные мальчики, «нуждающиеся» для своего самоутверждения в жертве;
- дети, желающие быть в центре внимания; уверенные в своем превосходстве над жертвой; с высоким уровнем притязания; мечтающие быть лидерами в классе;
- дети часто вызывающе и агрессивно ведущие себя по отношению к взрослым, включая родителей и учителей.

Характерно, что буллеры применяют физическую силу не спонтанно, в связи с обычными детскими конфликтами, а сознательно, оставаясь эмоционально спокойными и равнодушными. При этом они часто не встречают сопротивления, поскольку дети, которые чаще других подвергаются буллингу, отличаются социальной отрешенностью, склонностью уклоняться от конфликтов либо, напротив, повышенной агрессивностью.

По сравнению с другими школьниками буллеры имеют больше друзей, более высокий социометрический ранг (Mutappa et al., 2004). А поскольку буллеры выбирают себе таких же агрессивных друзей, буллинг нередко становится моббингом. Это еще больше затрудняет сопротивление ему со стороны отдельно взятого индивида, способствуя криминализации общей атмосферы в классе, школе и т. д.

Как правило, буллеры или зачинщики травли — это один или два ребенка. Однако если дети являются лидерами группировок, то остальные члены таких группировок становятся их последователями травли ровесников.

Чаще всего «союзниками» зачинщиков школьного буллинга бывают дети:

- «дорожащие» своим отношением с лидером насилия;
- боящиеся быть на месте жертвы;
- поддающиеся влиянию «сильных мира сего» в своем классе;
- не желающие выделяться из «толпы» одноклассников;
- не умеющие сочувствовать и сопереживать другим детям;
- принимающие травлю за развлечение;
- без собственной инициативы;
- из неблагополучных семей, испытавшие страх наказания;
- дети жестоких родителей;
- озлобленные ровесники, мечтающие взять хоть какой-то реванш за свои «унижения».

11.3. Кто из учеников становится жертвой буллинга

По мнению Дана Олвейса, жертвами буллинга чаще всего становятся дети:

- пугливые, чувствительные, замкнутые и застенчивые;
- тревожные, не уверенные в себе, с низким самоуважением, несчастные;
- склонные к депрессии и чаще своих сверстников думающие о самоубийстве;
- не имеющие близких друзей, предпочитающие общение со взрослыми людьми общению со сверстниками;
- страдающие от одиночества, не имеющие ни одного близкого друга;
- имеющие негативный опыт жизни;
- из социально неблагополучных семей; подвергающиеся физическому насилию дома;

- имеющие комплекс неполноценности;
- предпочитающие умалчивать о насилии и издевательствах; не верящие в то, что педагог может защитить;
- не считающие себя значимой частью своего детского коллектива;
- верящие, что заслуживают быть жертвой, и пассивно ожидающие насилия преследователей; смирившиеся с этим насилием как со своей долей.

Необычная внешность ребенка, например огненно-рыжие волосы, а также дефекты внешности могут превратить его в изгоя и жертву школьного буллинга. Ребенок может войти в группу риска по буллингу, если у него наблюдаются заикание, косоглазие, тики, заячья губа, необычная форма ушей, необычные родинки, если он носит очки и т. д.

В группу риска по школьному буллингу могут попасть:

- часто болеющие дети и пропускающие из-за этого уроки в школе;
- дети, не умеющие за себя постоять из-за своей деликатности или психологических особенностей;
- интроверты с затрудненной коммуникацией;
- дети другой национальности, не популярной в данное время в стране.

Одноклассники недолюбливают также детей:

- неопрятно одетых или одетых слишком хорошо;
- не имеющих различных гаджетов или же имеющих самые дорогие из них, не доступные другим детям;
- кичащихся достижениями своих родителей;
- одаренных детей (вундеркиндов).

Среди мальчиков жертвы моббинга физически слабее своих сверстников (Lagerspetz et al., 1982; Olweus, 1974, 1993; Roland, 1980). Как правило, физическое развитие мальчиков-преследователей чуть превышает среднестатистический уровень (Lagerspetz et al., 1982; Olweus, 1974; Roland, 1980). Однако эти различия к девочкам (жертвам и преследователям) не относятся (Roland, 1980).

Существует и другая, численно меньшая, категория жертв буллинга, так называемые провокативные жертвы, провоцирующие буллинг

в отношении себя. Как правило, это дети — любимчики учителей, ябеды, воображалы. Это дети, поведение которых вызывает раздражение у одноклассников и учителей из-за их гиперактивности и повышенной возбудимости, дефицита внимания.

Считается, что причиной буллинга является плохая успеваемость ребенка (часто это дети, которые испытывают трудности в учебе, письме и чтении). Действительно, уровень знаний у жертв моббинга (как мальчиков, так и девочек) чуть ниже среднего (Olweus, 1974; Roland, 1980), и это расхождение больше выражено у старших учеников (Olweus, 1974; Olweus, Roland, 1983). Однако, полученные данные не обязательно говорят о том, что жертвы не так умны, как остальные, а скорее о том, что они безразличны к учебе в школе или же настроены по отношению к ней негативно. С большой долей вероятности это можно объяснить и тем, что травля со стороны других учеников мешает успешной учебе (Salmivalli, 2005).

В целом исследователи полагают, что отметки не являются причиной травли учащегося, так как она была и в тех классах, где отметки еще не ставились.

Не было выявлено четкой зависимости между риском подвергнуться моббингу и обстановкой в семье. Однако есть вероятность, что гиперопека способствует подверженности моббингу (Roland, 1999), поскольку чрезмерная забота может привести к социальной уязвимости, что является фактором риска. Следует также учесть, что родители могут чрезмерно опекать ребенка вследствие того, что его травят, т. е. нельзя исключать и обратную причинно-следственную связь.

Как правило, дети не любят и виктимизируют (делают жертвами) тех сверстников, которые стоят в стороне от коллектива и не способствуют достижению общих групповых целей. Характерно, что и агрессивные, и отчужденные дети часто оказываются одинаково уязвимыми, становясь жертвами.

Интенсивность буллинга коррелирует с общим плохим поведением детей, и многое зависит от степени нетерпимости к буллингу со стороны учителей (DeSousa, Ribeira, 2005).

Опрос 2923 японских школьников 7–9-х классов о психосоциальных факторах буллинга показал, что главными факторами являются влияние на подростков девиантных сверстников и слабый самоконтроль в отношении собственной агрессивности и импульсивности, а у жертв — недостаток напористости и неумение сопротивляться нажиму (Ando et al., 2005).

Вообще, как показано В. Р. Петросянц (2011), жертвы буллинга в большинстве случаев (82%) делают вид, что ничего не произошло, почти в половине случаев (53%) игнорируют обидчиков, в 28% пропускают занятия в школе, в 24% избегают мест совершения буллинга, в 19% ощущают свою беспомощность и только в 4% случаев пытаются объясниться с обидчиком. Только 10% жертв рассказали о своем положении учителю и 6% — своим родителям.

Шестилетнее лонгитюдное исследование 156 мальчиков и 126 девочек, выполненное в Англии (Schafer et al., 2006), показало, что роль буллера относительно стабильна, ее выполняют одни и те же мальчики, тогда как роль и положение жертвы больше зависят от ситуативных условий. В тех школьных классах, где существует жесткая иерархическая структура, ребенок вынужден играть отведенную ему роль жертвы и после перехода из младших классов в средние. Если же класс слабо структурирован, ребенок может от этой роли освободиться.

Дети могут быть одновременно как жертвами насилия, так и преследователями. Гиперактивный или агрессивный ребенок, предчувствуя ситуацию, в которой он способен оказаться жертвой школьной дедовщины, сам становится ее инициатором. Или же подобные дети, уже ставшие жертвами, берут «реванш», нападая на своих преследователей и выбирая для этого подходящие ситуации.

Исследователи обращают внимание и на невольных свидетелей происходящего, не подвергающихся непосредственной агрессии (Kelly, 1990). Доказано, что в результате ощущения собственного бессилия их самооценка заметно снижается. Эти данные согласуются с наблюдениями другого автора (Taylor, 1991) за так называемыми периферическими жертвами (peripheral victims), занимающими позицию типа «хорошо, что я не пострадал»; сторонние наблюдатели часто сообщают о чувстве собственного бессилия.

11.4. Половые особенности буллинга в школе

Мальчики занимаются буллингом чаще девочек (DeSousa, Ribeira, 2005; Rigby, 2005). Его распространению способствует мнение, что друзья воспринимают такое поведение буллеров положительно. Половые различия буллинга связаны не столько с повышенной агрессивностью мальчиков как таковых, сколько с особенностями мальчишеской нормативной

культуры, которая заметно меняется с возрастом. В среде маленьких мальчиков физическая агрессия, как правило, влечет за собой непопулярность и социальное отторжение со стороны сверстников. У младших подростков положение меняется: «крутизна» и агрессивность способствуют повышению статуса мальчика у сверстников собственного пола, а затем и у девочек.

Такая установка у старшеклассников чревата негативными последствиями.

Во-первых, она способствует тому, что девочки все чаще становятся объектами буллирования (Roland, Vaaland, 1995; Smith et al., 1999).

Во-вторых, буллеры становятся образцом «настоящего мужчины», на которого нужно равняться. Воспитанные в этом духе мальчики не умеют общаться с девочками на равных, да и все прочие конфликты пытаются решать с помощью силы, что делает их опасными как для окружающих, так и для самих себя. В свою очередь, мальчики, ставшие жертвами буллинга, стесняются обращаться за помощью к взрослым и пытаются защититься, прибегая к ответной агрессии, что нередко усугубляет их социальные и психологические трудности.

Существуют различия между мальчиками и девочками в выборе жертвы буллинга. Мальчики травят как одноклассников, так и учащихся других классов — и мальчиков, и девочек, но в основном — мальчиков из своего класса. Девочки в подавляющем большинстве случаев травят одноклассниц. Эти различия в выборе жертвы, возможно, обусловлены тем, что изоляция предполагает близкое знакомство и желание жертвы общаться с преследователями. Демонстрация власти возможна и без соблюдения этих условий. То есть гендерные различия в выборе жертвы также можно объяснить различиями, связанными с преобладанием определенного вида проактивной агрессивности.

Одни авторы считают, что мальчики и девочки одинаково часто участвуют в травле, но пользуются разными формами буллинга. Если мальчики чаще прибегают к физическому буллингу (пинки, толчки и т. п.), то девочки охотнее пользуются косвенными формами давления, такими как распространение слухов, исключение из круга общения (Batsche, Knoff, 1994; Smith et al., 1994; Berthold, Hoover, 2000; Olweus, 1997). Эта разница может быть связана с тем, что критерии популярности у мальчиков и девочек неодинаковые. Например, исследование, проведенное среди 400 греческих школьников 4–6-х классов (Andreu, 2006), показало, что

агрессия, как явная, так и условная, уменьшает популярность девочек, тогда как мальчиков явная агрессия делает более популярными. Драчун, который нарушает школьные правила и никого не боится, сплошь и рядом становится героем и предметом восхищения, тогда как «хороший мальчик» и отличник — всеми презираемый маменькин сынок. Чтобы отвести от себя это подозрение, мальчик старается максимально дистанцироваться от девочек, вырабатывая и культивируя отношение к ним как к людям третьего сорта.

Другие авторы доказывают, что девочки меньше вовлечены в буллинг в качестве преследователей (Kalliotis, 1994). По данным Шварца (Schwarz, 1993), они же меньше подвергаются риску стать жертвами буллинга, чем мальчики.

Девочки чаще обращаются за помощью к другим людям (учителю, родителям), чем мальчики. Характерно, что отрицательное отношение родителей к буллингу влияет именно на девочек, мальчики в этих вопросах ориентируются только на мнение сверстников (Rigby, 2005).

11.5. Буллинг и обстановка в классе и школе

Показано, что просоциальные нормы, эффективность учебной деятельности и позитивные отношения тесно связаны между собой и оказывают значимое влияние на наличие буллинга (Roland, 1999; Roland, Galloway, 2002).

Нормы, согласно которым буллинг неприемлем, активизируют сдерживающие механизмы проактивно агрессивных учащихся. В классах с такими нормами будет меньше преследователей. Это подтверждено масштабным исследованием, проведенным в 1–7-х классах (Roland, 1999; Roland, Galloway, 2002); его результаты свидетельствуют о достоверности анализа моббинга как социального процесса, направляемого проактивной агрессивностью.

Буллинг может редуцировать и эффективность учебной деятельности одноклассников (Roland, 1999; Roland, Galloway, 2002). Зачастую эпизоды моббинга происходят и на уроках, однако, когда на уроке класс сосредоточен на учебной деятельности, ученики меньше отвлекаются и мешают другим, нарушений дисциплины становится меньше. Это само по себе должно редуцировать моббинг, поскольку беспорядок, хулиганство и моббинг связаны между собой и, видимо, усиливают друг друга

(Olweus, 1993; Roland, 1999). Кроме того, продуктивность обучения становится частью системы норм высшего порядка, которые не только запрещают, к примеру, беспорядок и хулиганство, но фактически дают четкие ориентиры желаемого и нормального (Roland, 1999).

Хорошие отношения между учениками в классе тоже снижают риск моббинга (Roland, 1999; Roland, Galloway, 2002).

Жертвы моббинга часто одиноки. Если в целом в классе все относятся друг к другу хорошо, то, возможно, у потенциальных жертв моббинга появятся друзья, а это — защита от проактивной агрессии. К тому же повышается вероятность того, что потенциальные преследователи и потенциальные жертвы включатся в одни и те же позитивные связи, что тоже редуцирует моббинг.

Хорошие отношения между учениками имеют и другое воздействие на проактивную агрессию. Если класс дружный, то в отношениях между его членами меньше напряженности. Напряженность возникает, если есть некий дисбаланс или несовпадение симпатий.

Если же класс недружный, то в этом случае у отдельных учеников может актуализироваться мотив власти просто-напросто потому, что приятно подчинить себе того, кто тебе не нравится, что приведет к усилению проактивной агрессивности.

11.6. Позиция учителей при травле

Учителя, как правило, недооценивают частоту и величину буллинга, прежде всего из-за того, что плохо представляют себе все многообразие его проявлений (Sharp et al., 2000). В основном они обращают внимание на физические формы буллинга, считая их наиболее опасными (Kraig et al., 2000). В действительности же вербальные и косвенные формы буллинга травмируют психику детей гораздо чаще.

Две трети учителей, по данным В. Р. Петросянц (2011), наблюдали ситуации буллинга в школе. При этом 53% предпочитали не вмешиваться, 41% вмешивались время от времени и только 6% сообщили, что часто вмешивались в ситуацию. Автор отмечает, что среди причин буллинга учителя называют особенности внешности, социальный статус, конфликтность ученика, в то время как ученики ссылаются на «доносы» учителю и игнорирование других.

85% учителей, по данным Олвейса (Olweus, 1978), вмешиваются «почти всегда» или «часто», чтобы прекратить буллинг. В то же время только 40% учеников начальной школы и 60% учащихся средней школы ответили, что учителя пытаются прекратить буллинг, но лишь «время от времени» или же никогда не делают этого. Возможно, такое расхождение связано с тем, что многие ученики не сообщают учителю о буллинге (Wiebe, 1991), так как либо не доверяют учителю, либо запуганы буллерами.

Многие учителя знают, кто является обидчиком, но не предпринимают по отношению к нему никаких мер (Kalliotis, 1994).

* * *

Буллинг существует не только среди детей, но и в отношениях между учителями и учащимися. Некоторые учителя, злоупотребляя властью, оскорбляют, унижают и даже бьют своих учеников, а другие подвергаются буллингу со стороны учащихся. Психологически эти процессы взаимосвязаны. По данным опроса, 114 учителей английских начальных школ, учителя, которые в начале своей профессиональной карьеры пережили ученический буллинг, больше других склонны подвергать ему своих учеников и, в свою очередь, подвергаются травле с их стороны как в классе, так и вне школы. Среди учителей различают полярные типы: с одной стороны, это буллер-садист, получающий удовольствие от злоупотребления властью над детьми, и с другой стороны, беспомощная жертва моббинга (Twenlou et al., 2006).

11.7. Как родители могут узнать о травле своего ребенка

Дети-изгои и жертвы школьного буллинга чаще всего скрывают свои проблемы от собственных родителей, которые узнают о них лишь во время экстремальных и кризисных ситуаций, завершающихся даже суицидальными попытками ребенка. Поэтому родителям необходимо знать, какие особенности поведения детей могут свидетельствовать о том, что их ребенок является жертвой школьного буллинга.

Американский психолог Т. Фейнберг считает, что на мысли о буллинге родителей ребенка должны навести приблизительно такие особенности его поведения:

- ребенок неохотно идет в школу и очень рад любой возможности не ходить туда;
- возвращается из школы подавленным;
- часто плачет без очевидных причин;
- никогда не вспоминает никого из одноклассников;
- очень мало говорит о своей школьной жизни;
- одинок;
- его никто не приглашает в гости, на дни рождения и он никого не хочет позвать к себе.

Помимо этого, родители должны обратить внимание также и на изменения в поведении своего ребенка, ставшего вдруг агрессивным, обидчивым, раздражительным и даже нелюдимым, не желающим поддерживать разговоры о дедовщине в школе. Нежелание поддерживать подобные разговоры объясняется нежеланием воскрешения воспоминаний о насилии, которому подвергается ребенок.

11.8. Методы предотвращения буллинга в школе

Американские психологи установили, что буллинг и виктимизация порождают такие серьезные личностные проблемы, как тревожность и депрессия, расстройства питания, низкое самоуважение и неудовлетворенность школой. Виктимизация ребенка в школьные годы часто сопровождается повышенной застенчивостью и пониженным доверием к людям в студенческом возрасте (Janzer et al., 2006). Поэтому школьный буллинг рассматривается в современном мире как серьезная социально-педагогическая проблема. В странах Евросоюза не раз проводились совещания на уровне министров образования и вырабатывались законодательные меры по его профилактике (Anjandu, Smith, 2002). Антибуллинговые акции проводятся как на местном, так и на национальном и даже международном уровне. Конечно, речь не идет о полном преодолении буллинга — это невозможно, а лишь о профилактике его наиболее опасных последствий. Многие программы и мероприятия по предотвращению моббинга в основном сводятся к формированию определенных установок у каждого отдельного ученика, а также введению правил

и норм, направленных против моббинга (Smith, Pepler, Rigby, 2004). Однако успешному осуществлению этих действий может помешать отсутствие необходимых предпосылок, в частности когда учитель не пользуется доверием у учащихся.

Авторитетный классный руководитель также является фактором, препятствующим буллингу (Roland, 1999; Roland, Galloway, 2004b). Такой учитель действительно руководит классом, устанавливает основные стандарты, проявляет внимание и заботу о каждом ученике, контролирует соблюдение стандартов и делегирует определенные полномочия, если ученик и класс к этому готовы.

Контроль за наличием и соблюдением норм, эффективностью деятельности и отношениями между учениками оказывает позитивное влияние на обстановку в классе, создает среду, мешающую потенциальным преследователям заниматься буллингом (Roland, 1999; Roland, Galloway, 2002). Учитель, таким образом, воздействует на потенциальных преследователей опосредованно, создавая в классе открытую и доброжелательную обстановку. Возможно и непосредственное воздействие. Если учитель устанавливает четкие стандарты, то потенциальные преследователи знают, что он не одобряет моббинг, ожидает позитивного социального поведения и эффективной работы в школе. Также они заметят, что учитель беспокоится о них и контролирует их поведение. Именно сочетание требовательности и поддержки редуцирует проактивную агрессию (Dodge, 1991; Roland, 1999). У авторитетного учителя больше возможностей остановить буллинг, в частности потому, что потенциальные преследователи получают поддержку и внимание с его стороны. А это способствует лояльности преследователей к учителю.

Грамотное руководство школой, эффективное сотрудничество и согласие в учительском коллективе также способствуют уменьшению уровня распространенности буллинга среди учащихся (Roland, 1999; Roland, Galloway, 2004a). Учащиеся видят, что взрослые как группа обладают полномочиями и силой, а в школе существует легитимная иерархия. Если эта сила не действует, то в школе начинаются серьезные проблемы, не в последнюю очередь потому, что проактивно агрессивные учащиеся частично берут управление в свои руки, в том числе и посредством буллинга одноклассников и других учеников школы (Roland et al., 2004).

Роланд (Roland, 1989) рекомендует профилактическую программу, состоящую из двух этапов. Первый этап — организация эффективного

классного руководства, которое само по себе предотвращает моббинг, для чего учитель должен быть авторитетом для учащихся.

Второй этап — осуществление мероприятий, направленных непосредственно против моббинга.

Антимоббинговые профилактические программы включают в себя чтение литературы, просмотр фильмов, спектаклей, ролевые игры, сочинения и беседы о моббинге. Такие формы работы можно использовать как по отдельности, так и в сочетании друг с другом.

Работа с литературой. Для профилактики моббинга можно использовать литературные произведения, в которых затрагиваются проблемы травли. В процессе чтения у учеников возникают сопереживание и понимание.

Для каждой возрастной группы школьников можно подобрать подходящую литературу, читая которую, они смогут идентифицировать себя с героями, испытывающими страдания. Учитель может прочесть вслух книгу, в которой речь идет о моббинге, о тех страхах, которые преследуют жертву моббинга.

В литературе, посвященной этой проблеме, часто присутствуют персонажи, которые, несмотря на грозящую им опасность, препятствуют травле. Такой персонаж вдохновляет нерешительных школьников, не преемлющих издевательства и насилие. По сути, такое использование литературы является частью когнитивного тренинга. Текст настраивает, будит сопереживание и эмпатию, помогает формировать нравственные ориентиры и ценности. Тексты могут предлагать модели действий, и этим они походят на социальный тренинг.

Просмотр специальных или художественных фильмов, отражающих моббинг. Например, в Норвегии был выпущен фильм «Моббинг. Эпизоды из детских будней». Большинство учащихся проникаются чувствами жертвы моббинга, когда видят происходящее на экране. Тогда учитель имеет возможность дать ученикам высказаться и сам дает необходимые пояснения. Главное, чтобы учитель выбрал фильм на основании своей профессиональной оценки и посмотрел его вместе с учениками. Такой видеоматериал также подходит для просмотра в учительском коллективе и на встречах с родителями.

Постановки. Спектакль на тему моббинга производит сильный эффект благодаря тому, что актеры находятся в той же комнате, что и зрители.

По окончании спектакля актеры обращаются непосредственно к ученикам. Это оказывает сильное воздействие. Ирландские школы успешно сотрудничают с актерскими труппами.

Школа или класс может самостоятельно поставить спектакль о моббинге. Школьники-актеры и сами могут многому научиться, а в дальнейшем стать хорошими ролевыми моделями для остальных.

Сценарий спектакля можно написать самостоятельно. Если это делается в классе, то учитель вместе с учениками должен разобраться в материале, найти подходящие примеры, повышая тем самым уровень осознанности. Учитель также способствует выбору определенных учащихся на ту или иную роль.

Ролевые игры. Основная цель заключается в том, чтобы ученики на себе почувствовали, что такое моббинг. Для этого школьники должны вживаться в роль. Особенность ролевых игр состоит в том, что преследователи могут испытать большую агрессию, чем ту, которую они могли бы испытать, придерживаясь заранее написанного сценария, участвуя в спектакле. У них также есть возможность лучше осознать те стратегии, которые спонтанно выбираются во время игры. Во время ролевой игры жертва тоже будет сильнее угнетена давлением преследователей, чем при сценарной постановке. Ученик, играющий жертву, сможет многое почерпнуть из такого опыта. Учитель может повторять игру, меняя роли учеников. Затем проводится обсуждение со всеми учениками, как принимавшими участие в игре, так и наблюдавшими за ней.

Сочинение. Ученикам дается задание (в классе или дома) написать небольшое сочинение о моббинге. При этом можно дополнительно пояснить, какие вопросы должны быть в нем отражены. С психологической точки зрения важно, что процесс написания сочинения дает более глубокое понимание темы о моббинге. Часто в сочинениях всплывает важная для учителя информация, о которой ученик не может говорить прямо. Кроме того, сочинение может отразить склонности автора. Читая сочинения, учитель может оставлять свои комментарии на полях.

Можно выбрать два-три сочинения, в которых говорится о важных вещах, и с согласия авторов зачитать их классу (впрочем, это может сделать и сам ученик). Наибольший эффект достигается, когда вслух зачитываются сочинения нескольких учеников. А учитель получает возможность выразить свою позицию через комментарии.

Беседы во время классного часа. Воздействие бесед о моббинге будет максимальным, если обсуждение темы станет естественным продолжением школьных будней. Однако необходима и регулярность обсуждения темы, что гарантирует, что тема не останется без внимания.

Короткие, но частые беседы эффективнее, чем редкие и продолжительные. Раз в неделю в ходе обсуждения различных насущных вопросов можно поговорить с классом о моббинге. При необходимости следует более подробно остановиться на этом вопросе. Обычно беседу проводит классный руководитель. Начать можно с вопросов: «Кто-нибудь из вас на этой неделе подвергался издевательствам?», «Кто-нибудь из вас на этой неделе издевался над другими?» Вопрос нужно сформулировать четко, посмотреть на учеников и немного выждать. Учитель может взять инициативу в свои руки и сказать о том, что ему известно о фактах травли, или же отметить учеников, которые помогли школьнику, над которым издевались.

Еженедельное краткое обсуждение темы моббинга очень эффективно. Ученики постоянно ощущают, что учитель и школа не потерпят травли, а хорошие поступки не останутся без внимания и будут оценены по достоинству. Однако важно, чтобы эти беседы не превратились в формальный ритуал, проводимый ради галочки. Тогда они приведут к обратному результату.

Эффективная антибуллинговая программа разработана Д. Олвейсом в Норвегии, где с 2001 г. она имеет статус приоритетной общенациональной программы. Эта программа основана на четырех базовых принципах, предполагающих создание школьной (а в идеале — и домашней) среды, характеризующейся:

- теплом, положительным интересом и вовлеченностью взрослых;
- твердыми рамками и ограничениями неприемлемого поведения;
- последовательным применением некарательных, нефизических санкций за неприемлемое поведение и нарушение правил;
- наличием взрослых, выступающих в качестве авторитетов и ролевых моделей.

Эти принципы конкретизируются в тщательно разработанной системе психодиагностики, методов социально-педагогического вмешательства и подготовки педагогических кадров.

Программа действует как на школьном и классном, так и на индивидуальном уровне, ее главная цель — изменить «структуру возможностей и наград» буллингового поведения, результатом чего является уменьшение возможностей и наград за буллинг (Olweus, 2005).

Многолетние систематические контрольные исследования показали, что применение программы Олвейса на 30–50% снижает число учащихся, подвергавшихся или подвергавших кого-то буллингу, причем самооценки подтверждаются оценками соучеников. Улучшается «социальный климат» школьного класса, отраженный в отчетах учеников о порядке и дисциплине, складываются более положительные социальные взаимоотношения школьников, в лучшую сторону меняется их отношение к школьным занятиям и к школьной жизни в целом. Частичное применение программы Олвейса в Англии и США дало тоже положительные, хотя и меньшие, результаты. Много полезного есть и в опыте других стран. Например, в Канаде успешно применяется методика ранней психодиагностики детской агрессивности, которая позволяет предвидеть и отчасти корректировать будущее поведение потенциально проблемного ребенка.

В профилактике и искоренении буллинга должны участвовать не только педагоги, но и родители. Для того чтобы как-то предотвратить попадание ребенка в группу риска по школьному буллингу, они могут посоветовать ребенку:

- не пытаться выделяться среди других, если нет для этого повода;
- не хвастаться — ни своими успехами, ни своими родителями, ни своими гаджетами;
- не зазнаваться и не задираться, не показывать свое превосходство над другими;
- не ябедничать и не подлизываться к учителям;
- не игнорировать «решения» класса, если они не противоречат нравственным нормам человека, не плыть против течения своего «коллектива»;
- не давать повода для унижения чувства собственного достоинства;
- не демонстрировать свою физическую силу;
- не взывать к жалости окружающих в связи со своими хроническими заболеваниями или какими-то физическими дефектами, не показывать свою слабость.

Можно посоветовать своему ребенку также:

- найти общий язык с каждым учеником в классе;
- отыскать себе друга среди ровесников, а лучше не одного;
- приглашать одноклассников в гости;
- не пытаться всегда побеждать в своих спорах с ровесниками;
- научиться проигрывать и уступать, если ребенок в самом деле не прав;
- научиться уважать мнение своих одноклассников.

Для того чтобы ребенок не попал в группу риска по школьному буллингу, родителям необходимо:

- не настраивать его против школьных мероприятий даже в тех случаях, когда они кажутся неинтересными и ненужными;
- не пытаться выделять своего ребенка среди одноклассников «элитностью» одежды и особой гламурностью;
- учить своего ребенка выполнять требования, общие для всех детей в классе;
- научить ребенка не бояться своих одноклассников, объяснив ему, что у них не меньше проблем, чем у него;
- помогать ребенку стать членом коллектива класса, а не просто ходить в школу «за знаниями» или же по принуждению родителей;
- попытаться наладить контакты с учителями и одноклассниками ребенка.

Если профилактические меры не помогли и ребенок оказался жертвой буллинга, родители должны:

- обратить внимание на случившееся с ребенком и не пускать все на самотек;
- понять истинную причину произошедшего с ребенком;
- убедиться, что ребенок действительно стал жертвой школьного буллинга;
- сообщить об этом учителю и школьному психологу;

- сообща найти пути выхода из сложившейся ситуации;
- если ребенок был сильно напуган и потрясен случившимся, не отправлять его на следующий день в школу;
- при трудно пережитом стрессе попытаться перевести ребенка в другой класс или даже в другую школу;
- при посттравматическом стрессовом синдроме немедленно обратиться к специалистам.

Еще одна сторона борьбы с буллингом — *воспитательная работа с ребенком, ставшим буллером*. Перед родителями такого ребенка встает задача понять причину, почему он стал преследователем.

Если ребенок стал зачинщиком буллинга из-за повышенной агрессивности, нужно помочь ему осознать, что агрессия и жестокость — это не показатели мужественности и что настоящий мужчина доказывает свою мужественность не драками и кулаками, а достойным мужским поведением.

Если ребенок стал буллером из-за зависти к школьным успехам своего одноклассника, постараться помочь ему в усвоении тех предметов, которые он усваивает с трудом.

Если ребенок стал преследователем в школьном буллинге из-за зависти к наличию у жертвы какой-либо вещи, родителям стоит подумать, не подарить ли своему ребенку на день рождения или на Новый год модную современную «игрушку», которая уже есть у большинства детей в классе. Кроме того, ребенку следует разъяснить, что достоинство человека измеряется не его материальным достатком, а его делами.

ГЛАВА 12

Травля в трудовых коллективах[1]

Нападки и притеснения со стороны коллег по работе и руководителей как отдельная психологическая проблема были выделены только в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Впервые исследование данного явления было проведено в 1980 г. немецко-шведским ученым Хайнцем Лейманом (Leyman, 1990, 1996, 1997). В Польше на моббинг жалуются 25% сотрудников, в Германии и Англии — 50%. Чаще всего подвергаются травле новички и сотрудники предпенсионного и пенсионного возраста (Leymann, 1990).

Основными причинами, способствующими возникновению моббинга на рабочем месте, являются:

- страх потерять расположение начальства или рабочее место;
- приход нового работника;
- конкуренция на одну должность;
- внезапное повышение по службе одного из сотрудников;
- отрицание иногородних, иностранцев, представителей иной национальности;
- предвзятость к инвалидам, сексуальным меньшинствам;
- отвергнутые сексуальные притязания;
- зависть.

---

[1] Этот вопрос освещен в следующих публикациях: Алтухова Г. А., 1998; Дружилов С. А., 2011; Соловьев А. В., 2009; Терещенко Г. Ф., 2012; Юрик И. В., 2009; Davenport et al., 1999; Knorz, Zarf, 1996; Leymann, 1990, 1993, 1994, 1996; Leyman, Niedl, 1994; Zuschlag, 1994 и др.

Обобщая шведские исследования, Лейман отметил, что в здравоохранении, производстве, сельском хозяйстве и торговле процент возникновения моббинга на несколько порядков меньше, чем в сфере образования. Особенно распространен моббинг в среде «белых воротничков», т. е. служащих. Чем престижнее занимаемое сотрудником место, тем больше вероятность, что он подвергнется психотеррору. В рабочей среде моббинг случается значительно реже.

12.1. Предпосылки травли на рабочем месте

Имеется много предпосылок для возникновения буллинга в его различных видах, которые можно объединить в две группы: личностные факторы и организационные факторы.

По данным Е. В. Козловой (2011), субъекты, инициирующие моббинг, обладают агрессивностью, жестокостью, недобросовестностью, тревожностью, лживостью.

Жертвы травли на работе тоже имеют личностные особенности, провоцирующие ее (Уварова Е., 2009).

Внешний вид. Бывает, что сложившийся стиль одежды человека может быть настолько индивидуальным, что окружающим очень сложно воспринимать его «своим». Человека считают пижоном, стремящимся с помощью одежды подчеркнуть свою незаурядность.

Демонстрация своих способностей. Демонстрировать свои интеллектуальные способности — значит вызывать на себя гнев остальных.

Поведенческие особенности. Самоуверенное поведение, излишнее хвастовство, обилие жалоб, отказ от совместных обедов, вызывающая манера поведения или, наоборот, стиль поведения, как у жертвы (слабость, хлипкость, привычка жаловаться); излишняя эмоциональность или чрезмерная сдержанность, педантичность или подчеркнутая свобода от корпоративных правил, заискивание перед руководством или демонстративная верность только лишь профессии/идее/клиентам — все это является поводом для моббинга.

Особое положение сотрудника. В эту категорию могут попасть так называемые любимчики, которые за что-то получили расположение руководства. Если окружающим непонятно, за что шеф повышает зарплату, за что дает самые привлекательные задания, начнется

моббинг — незаметный для начальника, но ощутимый для сотрудника. Кроме того, в эту категорию попадают также «друзья». Сюда же можно отнести «блатных», а также людей, сильно отличающихся по финансовому положению от основного состава сотрудников.

Если сотрудник сильно отличается от коллег социально, по уровню образования или по национальности, возникает глубинное первобытное чувство страха перед опасностью, исходящей от «чужого», оно требует мер защиты, причем лучше превентивных.

Новаторство и энтузиазм: новаторство часто воспринимается как неуважение к старому опыту, поэтому именно новаторы нередко становятся мишенью для моббинга. В энтузиасте же сотрудники могут заподозрить выскочку, ставящего себя выше коллег. В некоторых коллективах начинают бояться (и зачастую небезосновательно), что руководство, глядя на высокую продуктивность какого-либо сотрудника или оценив выгоды от его рационализации, повысит требования и нормы выработки ко всему коллективу. И как только коллеги приходят к такому выводу, можно быть уверенным: жизнь этому сотруднику попытаются испортить.

Таким образом, чтобы не стать жертвой моббинга, необходимо соблюдать нехитрые правила: не вызывать зависть коллег, сильно не отличаться от них уровнем достатка или экзотическими интересами, не быть очень умным или выскочкой, не вести себя вызывающе, не игнорировать писаные и неписаные правила, установленные в коллективе, не быть слишком инициативным. В общем, лучше сидеть и не высовываться. Или, как шутил один известный актер, лучше соблюдать правило трех «Б»: быть бедным, больным и бездарным, — и тогда всеобщая любовь вам гарантирована (Уварова Е., 2009).

Пол. Относительно половых различий в подверженности моббингу все проведенные исследования однозначно показывают, что женщина подвергается моббингу вдвое чаще. Это объясняется неравным распределением внутриорганизационных руководящих позиций. Также по итогам исследований известно о том, что мужчин-буллеров значительно больше, чем женщин. Существует большой процент однополого моббинга, когда мужчины подвергаются моббингу со стороны мужчин, женщины — со стороны женщин (Leymann, 1990).

Существуют определенные половые различия в выборе тактик моббинга. Женщина использует методику социальной манипуляции, например

распространение сплетен. Мужчина же выбирает тактику, руководствуясь рациональными аргументами, такими как критика, угрозы или же предвзятость в оценивании работы. Такое разделение скорее связано с половой социализацией, которая направляет действия мужчин в производственную сферу, а женщин в социальную. Данная социализация и определяет выбор моббинг-действий: женщина направлена на уничтожение социальной составляющей авторитета, а мужчина — профессиональной.

Личная неприязнь — зависть, злоба, «непогашенный» ранее конфликт, переросший в длительный спор «кто прав, кто виноват».

Статус новичка. Травля новичков — это своеобразное боевое крещение. Она может прекратиться, когда нового сотрудника признают «своим», поэтому первое время ему не следует выставлять напоказ свои исключительные способности, а лучше больше наблюдать.

Хотя метод привлечения новых сотрудников в качестве «катализатора» процессов внутри компании часто не дает результатов, руководители маленьких и больших компаний не исключают его из арсенала. Наверное, потому, что иногда такой манипулятивный подход дает хороший эффект. Вместе с тем, желая получить результат, руководителю нужно тщательно продумывать все действия, чтобы не начался моббинг сотрудника, который ни в чем не виноват...

Поэтому, чтобы процедура «вливания свежей крови» не перешла в бойню, нужно принимать специальные меры. Но как определить рамки степени вмешательства? Чтобы не оказаться телохранителем собственного сотрудника и не пустить все дела на самотек.

Основное правило в такой ситуации — нельзя ждать, пока травля сама остановится. Нет смысла надеяться, что новый сотрудник «сам справится» или что «нужно время» и человека примут в коллектив. Времени нет. На кону оказывается авторитет руководителя и здоровье сотрудника — психологическое и физическое. Каждый из прецедентов только укрепляет мнение сотрудников о слабости руководителя и о значимости собственной персоны. Иллюзия правоты и чувство безнаказанности со временем приведут к тому, что каждый новичок, принятый в компанию, может оказаться под прицелом провокационных действий и неодобрительных взглядов. А кто из работодателей готов снова и снова искать новых сотрудников, тратить деньги и время на поиск и подбор? Тем более если необходимость замены возникает по причине немотивированной мышиной возни.

При этом нет смысла обращать внимание на достоинства объекта моббинга, повышать его рейтинг личными поручениями. Наоборот, эти по-

пытки будут считаться заискиванием руководителя перед «вершителями справедливости». Бесполезны также попытки призвать к сочувствию, которые только укрепят инициаторов травли в роли «сильного».

Интернет-портал: Моббинг, или Травля новичков на рабочем месте

В некоторых японских корпорациях существует традиция «не замечать» новичка, пока директор или начальник отдела сам не обратит на него внимание. Однако эта ситуация не относится к моббингу, так как она обусловлена древнейшей традицией в отношениях между представителями различных ступенек иерархических структур общества, которые до сих пор почитаются в Стране восходящего солнца. Так что новички зачастую готовы к подобному отношению и не воспринимают его негативно, хотя иностранцев оно пугает.

Профессиональная компетентность. Среди факторов, предопределяющих положение жертвы, И. В. Гулис (2008) выделяет низкую профессиональную компетентность, низкий уровень ассертивности, молчаливость, высокий уровень ответственности и добросовестности, чрезмерное усердие и старание в работе. Поведение агрессора предопределяет уязвимость самооценки, отсутствие социальной компетентности, превалирование личных интересов в процессе выполнения служебных обязанностей.

Организационные факторы

Исследования западных ученых показали, что случаи мобинга чаще возникают на предприятиях, дела которых обстоят не слишком благополучно. Как правило, в таких фирмах есть скрытые организационные проблемы (Юрик И. В., 2009):

- нездоровый психологический климат в коллективе — склоки, сплетни и попустительство начальства; внутреннее напряжение в коллективе, требующее выхода;
- неясные цели организации и стратегии ее развития;
- отсутствие навыков управления у высшего руководства;
- отсутствие обратной связи;
- расплывчатые границы ответственности и служебных обязанностей;

- непрописанный механизм принятия решений;
- нечеткое разделение труда между отделами или сотрудниками, возможность дублированных или пересекающихся заданий;
- плохая организация информационных потоков на предприятии, вследствие чего некоторые сотрудники рассматривают обладание информацией как особую власть;
- отсутствие плана работы;
- нездоровая конкуренция (плохой руководитель может ее даже поощрять);
- отсутствие в организации системы кадрового продвижения и возможности карьерного роста;
- родственные связи между подчиненными и руководством[1];
- попустительское отношение руководства к любителям интриг и игр за кулисами на работе;
- текучка кадров, частая смена топ-менеджеров;
- резко отличающаяся мотивация у сотрудников;
- неправильная организация труда и как следствие — большая перегрузка отдельных специалистов;
- плохая самоорганизация некоторых работников.

Иногда можно наблюдать моббинг подчиненными своего руководителя. Это обычно происходит в тех случаях, когда руководитель менее компетентен в профессиональных вопросах и не является лидером для своих сотрудников.

12.2. Как становятся жертвой буллинга

Втягивание человека в роль жертвы, пишет Роланд (Roland, 1999), происходит путем провокации. Сценарий провокации таков: совершить некое действие в отношении другого с целью вызвать его реакцию, которую затем можно использовать в своих интересах. Началом, как правило, служит обвинение в чем-либо, совершенном ранее или совершаемом в настоящий

[1] В США в отдельных компаниях существует запрет на работу внутри одного коллектива членов семьи, например мужа и жены. Это специально оговорено в корпоративном уставе. Заключение брака между сотрудниками может послужить поводом для увольнения.

момент. Другой способ — негативные высказывания, указывающие на недостатки жертвы, — к примеру, в суждениях, внешности или одежде. В обоих случаях провокатор ищет что-то негативное и цепляется за это. Еще один прием — вызвать у человека недовольство — скажем, оказывая на него физическое воздействие или препятствуя его деятельности, а затем использовать его реакцию. Суть в том, чтобы найти повод для обвинения. В любом случае человек ставится в ситуацию, когда он вынужден реагировать. Умелый провокатор постарается интерпретировать негативно любую реакцию. Если жертва останется пассивной, то будет обвинена в нежелании отвечать. Если жертва ответит, то смысл ответа будет передернут и объявлен хамством или ложью. Таким образом, создается повод для нового обвинения. В следующий раз, встретившись с жертвой, провокатор пускает этот повод в ход, и жертва оказывается в ловушке. Итак, механизм втягивания — провокация, в особенности если речь идет о физической форме травли и вербальных издевках. Этот прием может быть использован и для обоснования изоляции.

Еще один элемент всех основных форм моббинга — угрозы. Нередко очередной эпизод травли заканчивается тем, что преследователи обещают жертве и друг другу, что «обязательно вернутся». Преследователи могут просто угрожать жертве или передавать свои угрозы через других. Все это усиливает давление на жертву.

12.3. Фазы развития моббинга на рабочем месте

Типичные *фазы развития* моббинга в трудовом коллективе следующие (Евтихов О. В., 2010).

1. *Формирование предпосылок.* В качестве предпосылок моббинга может выступать оставшийся неразрешенным конфликт на рабочем месте или высокая эмоциональная напряженность в связи с неблагоприятным психологическим климатом.
2. *Начальная фаза моббинга.* Как средство разрядки и снятия эмоционального напряжения происходит поиск «виновника», и в отношении этого сотрудника начинают проявляться агрессивные выпады коллег или руководства в виде недовольства или насмешек. Как следствие на этой фазе у жертвы начинают появляться первые нарушения в эмоциональной сфере (эмоцио-

нальные срывы), что лишь подливает масла в огонь и усиливает психотеррор.

3. *Активная фаза моббинга.* В этой фазе агрессивные выпады и насмешки становятся систематическими, привязаны к объекту моббинга и уже не зависят от его реальных поступков и результатов деятельности. Во всем находятся только негативные моменты. В результате у жертвы возникает устойчивое ощущение затравленности, проявляются признаки нарушения здоровья, усиливаются хронические заболевания.

4. *Социальная изоляция жертвы моббинга.* В этой фазе происходит полная или частичная изоляция работника от участия в коллективных и общих корпоративных мероприятиях, а также в совместном рабочем процессе. Его не приглашают на корпоративные праздники, отмечание дней рождения коллег, совместные чаепития и т. п. Оказавшись в социальной изоляции и информационном вакууме, работник не получает положительных оценок своим действиям, теряет ориентиры и становится все более беспомощным и неуверенным в профессиональной деятельности. К тому же у него начинают проявляться серьезные физические и психические заболевания, что приводит к большому количеству пропусков по болезни.

5. *Потеря рабочего места.* Чаще для сохранения психического и физического здоровья подвергшийся моббингу сотрудник сам находит другое место работы, или ему настоятельно предлагают уйти по собственному желанию, или серьезно проблематизируется его профессиональная состоятельность.

12.4. Позиции руководства в моббинге

А. В. Скавитина (2006) отмечает, что «если трудовой коллектив сталкивается с моббингом, — это определенный диагноз в отношении управления персоналом» (с. 126). А если моббинг спровоцирован и подогревается руководителем подразделения, решающим свои личные проблемы, то работодателю стоит задуматься об эффективности проводимой в организации кадровой политики.

Н. Дэвенпорт подчеркивает, что моббинг может продолжать свое существование ровно столько, сколько ему позволяет руководитель. Это означает, что производственные конфликты, приобретшие форму моб-

бинга, должны решаться при непосредственном участии руководителя организации. Специалисты по управленческому консультированию выделяют три возможных варианта развития управленческой ситуации (Управление персоналом, 2002):

1) руководство игнорирует существование моббинга в подразделениях учреждения. Такое игнорирование, скорее всего, приведет к последней стадии развития трудового коллектива, обозначаемой Л. И. Уманским (1975) как «пауки в банке», когда каждый хочет добиться своей цели за счет всех остальных. Это уже угрожающая стадия распада коллектива; кроме «надоевшей» работы, членов такого коллектива ничто не объединяет;

2) руководство, сохраняя «честь мундира», оказывает поддержку деструктивному поведению начальника подразделения, что способствует дальнейшему развитию моббинга. Неадекватные управленческие действия неизбежно приведут к ухудшению климата, что не способствует успешной работе учреждения. К тому же босс почувствует себя «на коне», в центре внимания. Моббинг может стать его второй, если не основной, профессией. Ретроспективный анализ деятельности данного босса — когда он возглавлял иные подразделения, обычно показывает, что он занимается боссингом уже много лет;

3) руководство организации принимает все меры, чтобы избавить и защитить сотрудников от боссинга и возникновения моббинга. Специалисты признают, что это достаточно сложная задача, так как «зачинщик» находит множество доводов «за». Тем не менее существует ряд рекомендаций, следование которым позволяет руководителю предупредить ситуацию, оздоровить морально-психологический климат и достичь положительного результата (см., например, Базаров, 2006).

Некоторые руководители ошибочно полагают, что моббинг — это та же конкурентная борьба, которая только закаляет коллектив. Последствия моббинга предсказуемы, причем не только для объекта травли.

12.5. Боссинг

Значительное число случаев травли на рабочем месте — это боссинг (травля подчиненного руководителем), нацеленный на изоляцию и в ко-

нечном итоге выживание сотрудника.[1] Чтобы осуществить задуманное, руководителю нужно «организовать между подчиненными собачьи бега», по образному выражению Н. П. Романовой (2007, с. 14–15). По сути, это продуцирование в коллективе состояния внутренней конкуренции с борьбой на «выживание» путем вытеснения намеченной начальником «жертвы» как потенциально опасного конкурента.

Организатор боссинга руководствуется принципом: «Тот, кто нам не нравится, должен исчезнуть» (Колодей, 2007, с. 23). Помимо устранения потенциальных конкурентов руководителем могут применяться изощренные методы устрашения подчиненных для повышения своего авторитета. Для сотрудника искусственно изменяются условия профессиональной деятельности, за ним осуществляется тотальная слежка с целью «поймать», его вынуждают совершать адаптивные действия защитного типа.

Часто руководитель, прибегающий к боссингу, — это личность с деструктивными изменениями, профессиональными деформациями.

Выделяют три основные личностные причины боссинга (Кириленко М., 2008):

1. Боссинг как жизненный стиль. Руководитель в угоду своим амбициям жертвует не только ценными работниками, но и интересами организации. Для такого босса властвовать, вносить раздор, сталкивать интересы сотрудников — дело жизни.
2. Боссинг как компенсация собственной закомплексованности. Неуверенность в себе, патологическая подозрительность, заставляющая руководителя видеть во всех врагов, привычка самоутверждаться за счет подчиненных. В этом случае давление с его стороны становится поводом для горизонтального моббинга.
3. Некомпетентность в управленческой сфере, в частности неотлаженный механизм коммуникации с сотрудниками, отсутствие отработанного механизма разрешения конфликтов, навыков постановки профессиональных задач и корректной оценки их выполнения.

И. В. Юрик (2009) отмечает, что при боссинге используются стереотипные «стратегии» преследования сотрудника:

---

[1] Один из крупных профсоюзов Германии *IG Metall* установил, что в 33% случаев моббинга на предприятиях металлургической отрасли нападающей стороной является шеф. По другим данным, боссинг встречается на рабочем месте в два с лишним раза чаще.

1. Руководитель самостоятельно и/или при помощи своих пособников формирует в коллективе негативный образ жертвы, для чего использует следующие средства: распространение о работнике заведомо ложных слухов, создание вокруг жертвы атмосферы домыслов, запуск целого механизма передачи дискредитирующей информации от одного сотрудника к другому; игнорирование успехов объекта травли; акцентирование внимания на неудачах.
2. Руководитель рассогласовывает рабочие процессы, выполняемые жертвой, с целью обвинить ее в некомпетентности и/или показать неэффективность ее работы. В арсенал его средств входят: регулярные придирки по мелочам; неопределенная и неоправданная критика; блокирование новых предложений; необходимость излишней согласованности для решения даже мелких вопросов; сокрытие важных вопросов, манипулирование информацией; вывод из состава ключевых рабочих и проектных групп; частые изменения производственных заданий, поручение бессмысленных заданий. Бывают случаи, когда руководитель использует эти средства против целого «непокорного» подразделения, если его сотрудники поддерживают жертву, постепенно пытаясь «обезвредить» каждого сотрудника, оставляя жертву без поддержки.
3. Руководитель сверх меры контролирует исполнение трудовой дисциплины.
4. Руководитель использует внутреннюю социальную коммуникацию, манипулирует профессиональной жизнью коллектива: настраивает сотрудников друг против друга, сеет недоверие, подстрекательство к конкурентной борьбе в ее ложном понимании; предъявляет к одним работникам завышенные требования, а другим предоставляет привилегированное положение. Особенно «хорошо» эта стратегия работает в период внедрения нововведений и проведения реорганизаций.

Как «работают» описанные стратегии?

- Жертву перестают отправлять на мероприятия по повышению квалификации (конференции, семинары и т. д.).
- «Забывают» звать на совещания, ссылаясь потом на свою забывчивость или занятость жертвы. В этом случае моббер действует

как бы во благо жертвы: «Вы так заняты другой работой, что мы решили вас не отвлекать всякими мелочами».

- Используются намеки на плохое здоровье: «Вы так часто бываете на больничном, мы решили освободить вас от этой работы».
- В кабинет жертвы начинает часто заходить ее непосредственный начальник, якобы случайно или по делу, в начале, конце рабочего дня, перед началом обеденного перерыва с целью сбора фактов о нарушении сотрудником трудовой дисциплины.
- Работу жертвы либо перепоручают другому сотруднику, либо она делает ее параллельно с другими сотрудниками. В этом случае явно просматривается подстрекательство к конкурентной борьбе в ее ложном понимании и откровенное желание руководителя самоутверждаться за счет своих подчиненных.

А. В. Соловьев (2009) тоже приводит обширный перечень известных форм боссинга, из которых основными являются следующие:

- вербальная агрессия (провокационные вопросы; лживые утверждения; высказываемые сомнения в уровне профессионализма и компетентности сотрудника; эмоциональные нападки и угрозы; недоверие к приводимым им аргументам; безосновательные обвинения в чем-либо и др.);
- постоянная дискуссия с работником с целью демонстрации своего превосходства (грубое и надменное прерывание подчиненного; выражение несогласия прежде, чем работник успеет высказать собственную мысль, изложить точку зрения, привести аргумент; восприятие только того, что можно каким-либо образом использовать против работника; игнорирование объективных и обоснованных доводов и т. д.);
- вспышки гнева, сопровождающиеся грубыми высказываниями, унижающими личность работника, провоцирующими его на совершение ошибок либо на ответное некорректное поведение;
- демонстративный отказ от продолжения обсуждения проблемы совместно с работником или в его присутствии;
- сокращение сроков выполнения поручений либо нарочитая медлительность в принятии решений, относящихся к выполненным заданиям;

- умышленное непредставление работнику полной и достоверной информации, необходимой для выполнения порученного задания;
- безосновательное изменение размера заработной платы работника;
- перемещение рабочего места с целью морального угнетения сотрудника;
- нелегитимное коллегиальное рассмотрение поведения работника;
- рассмотрение сфабрикованных жалоб и докладных, которые по объективным причинам не могут привести к наложению на работника дисциплинарного взыскания и т. п.

При использовании боссинга руководитель осуществляет поиск социальной поддержки, поэтому происходит расслоение коллектива на группировки. При этом сотрудники подвергаются психологическому давлению, шантажу, им дается искаженная либо ложная информация о возникших проблемах и противоречиях. Наряду с этим ряд сотрудников имеют свои субъективные причины считать подвергаемого давлению сотрудника «чужаком» (даже если он проработал с ними не один десяток лет). Кроме того, как правило, они «подкармливаются» шефом из внебюджетных фондов, находящихся в его распоряжении, получают иные преференции и т. д. Как следствие сотрудники, поддерживающие давление на жертву, объединяются. В результате они начинают заниматься горизонтальным моббингом — психологической травлей своего коллеги.

Для руководителя смысл сталкивания сотрудников в интригах — разъединить их, не дать им стать коллективом единомышленников, поскольку это может грозить уже ему самому. Борясь друг с другом, сотрудники не замечают многих проблем, имеющихся в организации. Рано или поздно в травлю, начатую боссом, втягиваются даже лояльно настроенные по отношению к жертве сотрудники, которые, боясь потерять свои рабочие места, становятся орудиями в руках начальника, поскольку всякий, вставший на сторону жертвы (или просто старающийся ей помочь преодолеть ситуацию), ставит себя под удар (Базаров, 2006). Неудивительно, что защищать жертв боссинга никто не спешит.

Наиболее часто боссинг проявляется в отношении работников-женщин, причем со стороны начальников своего же пола (50%). К мужчинам высокопоставленные женщины более благосклонны — от боссинга страда-

ют около 30% представителей сильного пола. Наименее распространена ситуация притеснения со стороны боссов-мужчин. Они терроризируют 12% мужчин и лишь 8% женщин (Романова Л., 2007).

12.6. Буллинг в научно-педагогических коллективах

Как отмечает С. А Дружилов (2011), перемены в вузе, связанные с реформированием высшего профессионального образования, вызывают обострение социально-психологической ситуации на кафедрах. Постоянные сокращения преподавательского состава, введение рейтингов и связанных с ними критериев оплаты труда создают благоприятную почву для проявления деструктивных форм поведения, в том числе и буллинга в различных формах. Агрессивные серость и бесталанность начинают «съедать» более талантливых соперников в целях самосохранения, выживания. Происходит объединение серой толпы против белых ворон — коллег, более успешных в профессиональном плане, как правило, имеющих высокую по сравнению с большинством научную продуктивность (больше публикаций, научное признание).

Этому способствует и сложившаяся в силу объективных обстоятельств ситуация, когда на большинстве кафедр есть старшее возрастное поколение, как правило, «остепененных» преподавателей, и есть младшее поколение, в котором процент «остепененности» значительно ниже, а среднее поколение практически отсутствует. Так, согласно статистическим данным, приводимым Д. Р. Юсиповой (2008), на кафедрах российских вузов каждый второй доцент (53,3%) старше 50 лет, а каждый второй профессор (56,8%) старше 60 лет. По данным С. А. Дружилова (2011), имеются кафедры, на которых средний возраст преподавателей с ученой степенью составляет 66 лет; «неостепененных», имеющих стаж более 20 лет, — 64 года; младшее поколение преподавателей без ученой степени (таковых порядка 30%) имеет средний возраст 28 лет.

Одной из причин, запускающей механизм моббинга, отмечает С. А. Дружилов, является скрываемое до поры внутреннее напряжение коллектива. Оно возникает в связи с плохой организацией труда. Это и неясность стратегий и целей, и неодинаковые требования заведующего кафедрой к разным преподавателям, и постоянная «перетасовка» учебной нагрузки между ними, и отсутствие перспектив сохранения за преподавателем

разработанной им учебной дисциплины, и уравниловка при оплате независимо от научно-педагогической результативности и т. п. Как только кто-то из сотрудников чем-то спровоцирует некую агрессию в свой адрес — эта разовая агрессия, подогреваемая накопившимся всеобщим напряжением, перерастает в эмоциональную травлю.

Еще одна причина моббинга — это безделье преподавателей и сотрудников кафедры и лабораторий при «застойной» атмосфере, когда минимизирована научная и методическая активность сотрудников. Если люди заняты выполнением поставленных перед ними учебных, научных, методических и др. задач, то у них не остается времени и сил на травлю своего коллеги. А когда работники недогружены и, главное, не ориентированы в своей работе на позитивный результат, то свои ресурсы они направляют на моббинг.

По данным исследований шведского психолога Х. Леймана (Leymann, 1996), в сфере образования моббинг встречаются чаще, чем в других сферах профессиональной деятельности. На основе анализа публикаций, относящихся к исследованию моббинга за рубежом, К. Х. Рекош (2002) отмечает ряд его значимых характеристик:

а) продолжительность моббинга — от одного года до пяти лет;

б) жертвами моббинга становятся 30–50% сотрудников;

в) процент распространенности моббинга в сфере образования в два раза выше, чем в других сферах деятельности;

г) в 90% случаев моральное преследование начинает начальник.

По данным О. Ю. Поликановой и М. Н. Вражновой (2011), самыми распространенными моббинг-действиями в одном из подразделений университета были: уход от контакта посредством невербальных намеков (74%), насмешки, прекращение разговоров (63%), игнорирование человека, как будто бы его нет (37%).

К формам боссинга, используемым в высших учебных заведениях, относятся скрупулезная, с мелочными придирками проверка заполнения форм текущей отчетной документации (журнала преподавателя, его индивидуального плана и др.), постоянный контроль занятий с попыткой «поймать» преподавателя, если он чуть раньше отпустит студентов с лекции, и т. д.

С. А. Дружилов (2011) отмечает, что как следствие наблюдаются негативные проявления: снижение эффективности работы преподавателей;

смена направлений деятельности и ценностей; уклонение от выполнения служебных обязанностей или формальное их выполнение; желание уволиться; возрастающие пропуски и прогулы (уклонения) работы без уважительной причины; снижение приверженности организации.

С. А. Дружилов замечает также, что существует важная особенность боссинга на учебной кафедре вуза, делающая этот вид боссинга гораздо более опасным, чем в других организациях или офисах. Это особенность состоит в том, что в ситуацию так или иначе оказываются включены студенты, обучаемые на кафедре. Тогда к вертикальному буллингу присоединяется дискредитация подвергаемого гонениям преподавателя среди студентов, распространение в их академических группах ложной информации и слухов.

С подачи руководителя кафедры происходит искусственное разделение преподавателей на «злых» (требовательных), к которым относят жертву моббинга, и «добрых» (менее требовательных) из числа преследователей, участвующих в моббинге. Подсказывается, что последним с меньшими усилиями можно сдать зачеты, курсовые работы, экзамены по учебной дисциплине преподавателя, подвергаемого боссингу. Более того, студенты подталкиваются, а то и принуждаются (с привлечением административного ресурса) к написанию жалоб, докладных записок и т. д. на данного преподавателя. В результате студентов толкают к безнравственным поступкам во имя сиюминутных выгод шефа. Трудно обвинить студентов — они люди подневольные, полностью зависимые от заведующего кафедрой и деканата, и прекрасно понимают, что их отказ от навязываемых деструктивных «игр» чреват тем, что они могут остаться без диплома. Но необходимо понимать, что безнравственность такого вовлечения студентов будет иметь очень длительные и тяжелые последствия как для молодых людей, так и для авторитета кафедры и вуза.

Последствия моббинга для коллектива кафедры. Моббингующий коллектив потихоньку «подгнивает». У сотрудников «отказывает совесть», на фоне ухудшения трудовых показателей критически поднимается самооценка. Моббинг сплачивает не трудовой коллектив, а толпу, помогает людям создавать себе иллюзию чувства безопасности. В коллективе, в котором не поощряются успехи подчиненных, создаются невыносимые условия для их работы, он не развивается. Коллектив застывает на месте, что обусловливает уход талантливых и перспективных сотрудников, закрывает путь для возможных инноваций.

Моббинг — признак больного организма, деструктивного отношения к работе и к квалифицированным кадрам. Реализовывать свой потенциал преподаватель вуза может только на благоприятной почве, когда он «с удовольствием идет утром на работу», а вернувшись домой, с удовольствием разрабатывает методические и программные материалы, пишет научные статьи. «Игнорирование проблем моббинга опасно для кафедры (и для вуза в целом) тем, что формируется дурная репутация», — пишет С. А. Дружилов.

12.7. Последствия травли на рабочем месте

Как отмечает Е. В. Юрик (2009), опасность этого явления для организации заключается в его разрушительных последствиях:

- значительная часть временны́х и интеллектуальных ресурсов сотрудников используется неэффективно, не по назначению, так как энергия одних работников уходит на интриги, других — на переживания по поводу этих интриг, следовательно, работать им некогда;
- у всех сотрудников, даже у тех, кто избежал втягивания в конфликт, теряется внутреннее ощущение безопасности и резко снижается лояльность к организации;
- страдает репутация учреждения на рынке труда;
- через персонал у пользователей формируется негативный имидж организации как не соблюдающей этические и моральные нормы.

Моббинг препятствует профессиональному развитию личности как на этапе адаптации, так и в процессе профессионального развития: формирует негативный образ профессии, приводит к выполнению трудовых обязанностей по профессионально искаженным нормам, равнодушию к работе, профессиональному выгоранию, деформирует личность, препятствует самореализации, ухудшает качество жизни человека в целом.

Немецкая исследовательница моббинга Б. Мешкустат отмечает, что у двух третей терроризируемых работников снижается мотивация труда, у половины появляется блокада креативного мышления, больше 50% пропускают работу по причине различных заболеваний. В результате треть работников меняют работу в границах своего предприятия, 20% увольняются сами, 5% понижают в должности, 15% увольняют.

Таким образом, моббинг становится тормозом для предприятия. Снижение работоспособности, нездоровый климат в коллективе, текучка кадров, большая вероятность неправильно принятых решений негативно сказываются на экономическом балансе предприятия.

Медицинские исследования показали, что моббинг на работе приводит к сильным физическим и психическим травмам, неврозам, психосоматическим заболеваниям, инфарктам и даже самоубийству. Сотрудника начинают терзать сомнения, усиливается страх. В результате он очень скоро становится психологически нестабильным, тратит всю энергию на то, чтобы постоянно доказывать трудовому коллективу свою профессиональную и социальную состоятельность. Если мобинг усиливается, то у человека появляются сопутствующие стрессу психосоматические симптомы — мигрени, простуды, бессонница, нарушения кровообращения и т. п. Жертва моббинга начинает часто болеть.

Неудивительно, что в Европе первыми забили тревогу так называемые больничные кассы, которые ощутили серьезные финансовые издержки в связи с выплатами, связанными с последствиями моббинга.

В Европе проблеме моббинга в служебных коллективах уделяют очень много внимания. Так, в Скандинавских странах моббинг оговаривается в трудовых договорах. В Германии многие фирмы при приеме на работу нового сотрудника подписывают с ним антимоббинговое соглашение, в котором дается ясное определение моббингу и рекомендации по поводу того, к кому обращаться в таких случаях. В случае если моббинг действительно имел место, работодатель выплачивает объекту психологического террора немалую материальную компенсацию. В ряде стран (Аргентина, Канада, США, Австралия, Колумбия, Германия, Бельгия, Франция, Финляндия, Польша и Швеция) борьба с моббингом активно ведется на законодательном уровне. В этих странах либо приняты законы о моральном преследовании на рабочем месте, либо изменены уже существующие в рамках борьбы с неправомерным поведением на рабочем месте.

В отечественном законодательстве такой феномен, как «моббинг», пока еще не нашел отражения. По этой причине достаточно сложно юридически доказать психологическое преследование на производстве. Тем не менее такие нарушения рассматриваются как ущемляющие трудовые и/или гражданские права. Поэтому противодействие буллингу в различных его проявлениях необходимо рассматривать в рамках, установленных для обжалования тех или иных неправомерных действий. Например, при нарушении трудовых прав — обратиться в Комиссию по

трудовым спорам (КТС) или суд, при оскорблении и/или необходимости защиты чести, достоинства и деловой репутации — обратиться в суд или как вариант в вышестоящую организацию.

12.8. Рекомендации по профилактике и борьбе с моббингом на работе

Меры со стороны руководства

Профилактика моббинга во многом зависит от деятельности руководителя. Именно руководители обязаны понимать важность здорового морально-психологического климата для эффективной работы сотрудников. Потому их участие в решении производственных конфликтов необходимо — грамотный руководитель сделает все возможное, чтобы восстановить мир и пресечь нездоровые отношения между работниками. В ситуации моббинга руководителю нужно быть директивным. Игнорирование усиливает моббинг. Причем преодолению подобных проблем способствует их открытое обсуждение со всеми участниками моббинга. Лучше всего — привлечь специалиста со стороны, психолога-конфликтолога (третейскую сторону, которая не замешана в конфликте и сможет соблюдать нейтралитет).

В качестве организационно-управленческих средств профилактики моббинга в служебных коллективах выделяются следующие (Евтихов О. В., 2010):

- формирование здоровой организационной культуры;
- поддержание здорового социально-психологического климата в служебных коллективах; периодическое проведение исследований социально-психологического климата и при тревожных сигналах принятие мер;
- развитие навыков управления у высшего руководства;
- создание условий, обеспечивающих получение обратной связи от сотрудников;
- рациональное и четкое разделение труда между отделами, исключение возможности дублированных или пересекающихся заданий различных подразделений;

- четкое формулирование служебных обязанностей каждого работника с обозначением границ их персональной ответственности;
- формирование прозрачного механизма принятия управленческих решений;
- рационализация и открытость информационных потоков в организации; создание возможности доступа к информационным ресурсам;
- формирование системы кадрового продвижения и возможностей карьерного роста.

Для минимизации моббинговой ситуации руководителям любого уровня предлагаются также следующие рекомендации (Юрик И. В., 2009):

- не отдавать открытого предпочтения никому из своих сотрудников — это может стать провокацией и поводом для моббинга;
- не поддерживать сотрудников, которые очерняют кого-то из коллег в глазах руководства, иметь свое мнение о каждом из подчиненных и отстаивать его перед вышестоящим руководством;
- демонстрировать персоналу, что руководство против моббинга; сильный руководитель, узнав, что в его коллективе происходит моббинг, должен собрать сотрудников и сказать: «Я знаю, что происходит, и не стану закрывать на это глаза»; часто этого предупреждения достаточно;
- поддерживать жертву моббинга; демонстрировать эту поддержку не вовлеченным в конфликт сотрудникам;
- строить корпоративную культуру в соответствии с ориентирами работников не только на достижение результата любой ценой, но и на доброжелательные отношения, командную работу и наставничество;
- организовывать корпоративные мероприятия, сплачивающие коллектив;
- формировать нетерпимое отношение к разносчикам сплетен и любителям интриг на работе;
- исключить интимные или родственные связи между подчиненными и руководством.

Если моббинг продолжается, то необходимо принимать жесткие решения, вплоть до увольнений, тем более что инициаторами травли обычно оказываются не самые лучшие работники: ведь с помощью травли они скрывают свои просчеты и недостатки и стараются перенаправить внимание руководителя на другого сотрудника.

Опираясь на результаты проведенного исследования моббинг-процессов среди работников одного учреждения, наиболее оптимальными организационными мероприятиями по профилактике моббинга, как считают О. Ю. Поликанова и М. Н. Вражнова (2011), являются назначение консультантов по проблеме моббинга и организация специальных мест для бесед с ними. Консультантами могут быть как штатные работники подразделений организации (например, работники отдела кадров), так и внештатные работники, выполняющие роль доверенных лиц. Организация специальных мест для бесед по проблеме моббинга может функционировать как система раннего оповещения. Это имеет большое значение, так как объекты моббинг-атак часто не имеют возможности кому-либо сообщить о своей проблеме.

Меры индивидуальной защиты (Юрик И. В., 2009)

Проанализировать ситуацию в коллективе. Трезвый анализ отношений с коллегами поможет выявить расстановку сил — кто лидер травли, кто его поддерживает, кто равнодушен, сочувствует, а может, даже симпатизирует жертве. Обычно инициатором агрессии становятся либо те, кому выгодно увольнение жертвы, либо те, кто боится конкуренции с ней.

Проанализировать, почему объектом травли стали именно вы? Конечно, винить себя не стоит — часто жертва моббинга на работе ни в чем не виновата, но выяснить причины не помешает. А дальше в зависимости от причин можно выбрать способ борьбы с моббингом.

Проявлять подчеркнутую доброжелательность. При нападках не нервничать, спокойно поговорить с буллером, выяснить, чего он добивается. Стараться не реагировать на обидные слова, ведь обижают тех, кто обижается. А когда преследователи, ожидая от жертвы в ответ на гадость негативную реакцию — раздражение, агрессию, вместо этого видят улыбку жертвы, то такой человек перестает быть им интересен.

Не давать повода к придиркам по поводу своей работы. Выполнять плановые задания профессионально, своевременно и качественно, свести

до минимума промахи и ошибки, стремиться не давать ни малейшей возможности упрекнуть себя в некомпетентности и непрофессионализме. Ставить перед собой новые профессиональные цели и поэтапно реализовывать их, укреплять свои профессиональные позиции.

Ответная агрессия. Нужно в открытую бороться со сплетнями и клеветой, не боясь огласки неприятных для жертвы тем. Открытый разговор, причем при свидетелях, обезоруживает обвинителя, особенно если попросить его прилюдно повторить то, что он говорит за спиной, и спросить, какие у него есть основания для таких подозрений и моральное право обсуждать вас. Правда, не у всех хватит характера противостоять буллерам. Но в небольшом коллективе, при уверенности в том, что ответного удара не последует, этот способ может подействовать.

Формировать контрсилы. Жертве следует завязывать отношения с теми, кто не питает к ней враждебных чувств. Как показывает практика, именно такая тактика срабатывает чаще всего. Буллер должен увидеть, что у жертвы есть опора, что она не одинока и не совсем беззащитна.

Попытаться солидаризироваться с агрессором. Это эффективная, но сложная тактика — и решиться трудно, и успех не гарантирован. К сожалению, опыт показывает, что мобберы редко идут на примирение со своей жертвой. Больше того, попытка жертвы минимизировать агрессию может иметь противоположный эффект. Тем не менее стоит попытаться выяснить у буллера, с какой целью он так себя ведет. Подобное поведение выставит жертву в глазах агрессора как человека независимого, способного высказывать и отстаивать свою точку зрения, сохранять чувство собственного достоинства в любой ситуации. Однако высказывать и отстаивать свою точку зрения нужно без агрессии, наглости, упрямства и высокомерия.

Если ничего не помогает, то следует прибегнуть к крайнему способу — *увольнению*. Дело в том, что моббинг — это признак того, что в коллективе не все в порядке. Отстав от одного сотрудника, агрессоры найдут новую жертву. В большинстве случаев необходима полная перестройка всего коллектива, но если жертва видит, что в ближайшее время этого не случится, — лучше уйти и сберечь нервы и здоровье.

Как себя вести, чтобы избежать моббинга на работе:

- Стараться, чтобы сведения о личной жизни не попадали к ненадежным людям.
- Не сплетничать, а услышав сплетню, не пересказывать ее другим.

- Никого не унижать. Напротив, нужно стараться хвалить человека, возвышать его в собственных глазах и в глазах других.
- Постараться найти золотую середину между тем, чтобы, с одной стороны, сохранить свое лицо, а с другой — не выделяться из коллектива.
- Не позволять унижать себя. Иногда нужно «показать зубы».
- Соблюдать традиции коллектива, участвовать в корпоративных мероприятиях.
- Не фамильярничать с начальником, даже при наличии дружеских с ним отношений. Не афишировать их, а дружить за пределами организации.
- Добросовестно выполнять свои обязанности. В случае конфликта начальник будет на стороне жертвы, так как он не захочет терять ценного работника.

В то же время, пытаясь оградить себя от моббинга, сотруднику не стоит бояться проявлять инициативу и творчество, профессиональную активность, стремиться к самореализации. Ведь ответственность за возникновение моббинга чаще всего лежит на мобберах, притесняемое лицо может ничего специально не делать для запуска механизма моббинговой ситуации. Для возникновения моббинга достаточно одной стороны — преследователя, а объект преследований может даже и не подозревать о начале его травли.

ГЛАВА 13

Дедовщина (хейзинг)

13.1. Сущность дедовщины как явления

Дедовщина (аналог в ВМФ — годковщина) — сложившаяся в вооруженных силах (какого-либо государства) неофициальная иерархическая система взаимоотношений военнослужащих низшего армейского звена (солдат, ефрейторов, сержантов), основанная на их ранжировании по признаку величины фактически выслуженного срока службы каждого конкретного индивида и связанной с этим дискриминации; одна из разновидностей неуставных взаимоотношений[1], проявляемых в виде эксплуатации, психологического и физического насилия. Вопреки распространенному мнению явление это не исключительно российское. В армии США и других стран провинившихся новобранцев заставляют отжиматься, чистить ботинки до блеска, мыть пол зубной щеткой (см. х/ф «Форест Гамп»), устраивают «темную» (см. х/ф «Цельнометаллическая оболочка») и т. п. (см. х/ф «Несколько хороших парней»). В армии США распространено изнасилование. Согласно данным «Newsweek Magazin» (3 April, 2011), с 2003 по 2008 г. число изнасилованных составило 20 тыс. лиц мужского пола.

Дедовщина является вспомогательным инструментом в руках начальствующего состава, который может большую часть своих обязанностей по поддержанию порядка переложить на лидеров неформальной иерархии, взамен предлагая им некие блага (внеочередные увольнения, снисходительное отношение к проступкам, уменьшение физической нагрузки и другие), — А. В. Проноза (2005).

[1] Неуставные взаимоотношения включают в себя весь спектр отношений между военнослужащими, которые не описаны в общевойсковых уставах.

С точки зрения уголовного и административного права различают правонарушения, совершенные в рамках так называемых дедовщины и казарменного хулиганства. Отличительным признаком является субъективная сторона правонарушения. В первом случае умысел правонарушителя направлен на утверждение своего статуса как старослужащего, принуждение молодого солдата к выполнению хозяйственных работ, совершению определенных ритуалов, связанных с «традициями дедовщины», и т. п. Во втором случае противоправные действия правонарушителя мотивированы личными неприязненными отношениями, межнациональной, межэтнической, религиозной неприязнью, имущественными взаимоотношениями, внезапно возникшими неприязненными отношениями и т. п.

13.2. Распространение дедовщины в зависимости от условий службы

В большей или меньшей степени дедовщина свойственна всем солдатским коллективам. При этом обычно полагают, что наиболее злостные формы дедовщины характерны для «второсортных» частей и родов войск, в особенности для стройбата, но факты дедовщины нередко вскрываются в частях и соединениях, считающихся элитными. Значительно меньше дедовщина распространена в войсках или подразделениях, солдаты которых имеют постоянный доступ к боевому личному оружию (например, внутренние войска)[1]. Кроме того, дедовщина мало распространена в авиачастях. Следует отметить, что меньше всего проявлений дедовщины наблюдается в тех частях, где командиры частей не используют труд солдат для получения личной выгоды. Это явление никак напрямую не связано ни с родом войск, ни с видом войсковых частей.

Особое место хейзинг занимает в военных учебных заведениях. Этому благоприятствуют их закрытость и культ агрессивной маскулинности, а также определенные макросоциальные процессы.

Между прочим, явления дедовщины в военных учебных заведениях — не изобретение нашего времени. Оно существовало давно. Еще П. А. Кро-

[1] Материалы семинара «Истоки дедовщины в российской (советской) армии». Семинар проводился на базе интернет-форума «Обсуждение работ С. Г. Кара-Мурзы с его участием (о ситуации в России)» http://web.referent.ru/nvz/forum.

поткин описал нравы, которые царили в середине XIX в. в самом привилегированном военно-учебном заведении Российской империи — Пажеском корпусе. Старшие воспитанники, камер-пажи, «собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в круге, другие — вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков» (1966, с. 104–106).

А. Л. Марков (1961) пишет, что в начале XX в. в Николаевском кавалерийском училище младшие именовались «зверями», старшие — «корнетами», а второгодники — «майорами».

Суровые «майоры» первого класса заставляли новичков в наказание и просто так «жрать мух», делали на коротко остриженных головенках «виргуля» и «смазку» и просто заушали по всякому случаю и даже без оного. От младших требовали не полагающегося юнкерам старших классов отдания чести; заставляли делать приседания, выть на луну; им давались оскорбительные прозвища; их многократно будили ночью и т. д. Офицеры-воспитатели военно-учебных заведений не только знали об издевательствах, многие из них были уверены, что подтяжка дает младшему классу дисциплину и муштровку, а старшему — практику пользования властью.

Вот как описывает бытовавшие в училище нравы В. С. Трубецкой: «...В Николаевском училище, куда в стародавние времена любил наезжать строгий государь Николай I, юнкера подразделялись на эскадрон и сотню. Из эскадрона выходили офицерами в регулярную кавалерию. Из сотни — в казачью конницу. Между сотней и эскадроном существовал известный антагонизм. Самый свирепый “цук” (издевательство старших над младшими) царил именно в эскадроне, где юнкера старшего курса обязаны были в силу традиции цукать юнкеров младшего курса. Каждый юнкер старшего курса имел своего так называемого “зверя”, т. е. юнкера-первокурсника, над которым он куражился и измывался как хотел. Младший не только должен был тянуться перед старшим, оказывая ему чинопочитание, — он обязан был исполнять самые нелепые прихоти и приказания старшего. Спали юнкера в общих дортуарах вместе — и старшие, и младшие. Бывало, если ночью старшему хотелось в уборную, он будил своего “зверя” и верхом на нем отправлялся за своей естественной нуждой. Это никого не удивляло и считалось вполне нормальным. Если старшему не спалось, он нередко будил младшего и развлекался, заставляя последнего рассказать по-

хабный анекдот или же говорил ему: “Молодой, пулей назовите имя моей любимой женщины”, или “Молодой, пулей назовите полчок, в который я выйду корнетом”. Разбуженный “зверь” обыкновенно отвечал на эти вопросы безошибочно, так как обязан был знать назубок как имена женщин, любимых старшими, так и полки, в которые старшие намеревались поступить. В случае неправильного ответа старший тут же наказывал “зверя”, заставляя его приседать на корточках подряд раз тридцать или сорок, приговаривая: “ать-два, ать-два, ать-два”. Особенно любили заставлять приседать в сортире у печки. “Молодой, пулей расскажите мне про бессмертие души рябчика”, — командовал старший, и молодой, вытянувшись стрункой, рапортовал: “Душа рябчика становится бессмертной, когда попадает в желудок благородного корнета”. Старшие, хотя были всего-навсего только юнкерами, однако требовали, чтобы младшие называли их “Господин корнет”. Иной раз старшему приходила в голову и такая фантазия: “Молодой! — приказывал он, — ходите за мной и вопите белугой!” И молодой “вопил белугой”, неотступно следуя за старшим, куда бы он ни пошел, пока старший не командовал: “Отс-ста-вить!” Бывало, что старшие задавали младшим писать сочинения на самые невероятные темы, например “Влияние луны на бараний хвост”, и молодые беспрекословно исполняли всю эту чепуху, так как ослушаться приказания старшего юнкера не позволяла традиция...»

Однако, как писал В. С. Трубецкой, участие в подобных обычаях было относительно добровольным: когда вчерашний кадет, гимназист или студент попадал в стены училища, старшие прежде всего спрашивали его, как он желает жить — «по славной ли училищной традиции или по законному уставу?» Изъявивший желание жить «по уставу» избавлялся от «цука», зато «своим» его не считали, называли «красным» и относились к нему с презрением. К «красному» с особой дотошностью придирались командиры низшего звена — взводные юнкера и вахмистры, а главное — по окончании училища его не принимал в свою офицерскую среду ни один гвардейский полк. Поэтому подавляющее большинство юнкеров предпочитало жить по «традиции», издержки которой списывались на товарищескую спайку (1991, с. 81–82).

Разделение военнослужащих по национальному, расовому, этническому и религиозному признаку — это проявление не дедовщины, а так называемого землячества.

13.3. Причины возникновения и устойчивости дедовщины

Относительно причин возникновения такого явления, как дедовщина, единого мнения не существует. В качестве ведущих факторов выдвигаются как социально-экономические, так и биологические, исторические, культурные.

Первый случай, связанный с неуставными отношениями в Красной армии, был зафиксирован в 1919 г. Трое старослужащих 1-го полка 30-й дивизии забили до смерти своего сослуживца — красноармейца Куприянова, уроженца Балаковского уезда Саратовской области 1901 г. рождения по причине того, что молодой боец отказался за «дедов» выполнить их работу. По законам военного времени виновные в смерти солдата были расстреляны. После этого официально зафиксированные случаи дедовщины в армии Советской России и СССР исчезли почти на полвека. Однако некоторые ее элементы периодически проявлялись. Так, в 1945 г. военнослужащие, прошедшие фронт, не сразу увольнялись из армии. В то же время в армию пришли молодые, не нюхавшие пороха парни. Это привело к расслоению воинского состава и по возрасту, и по имевшимся заслугам. Стало неудобно отправлять в наряд «старика», когда «молодой» сидит и курит. В дальнейшем такое разделение, уже не связанное с войной, стали претворять в жизнь повидавшие такую практику отдельные старослужащие.

По одной из версий, дедовщина действительно не была характерна для Советской армии до сокращения срока службы по призыву в 1967 г. с трех лет до двух в сухопутных войсках и с четырех до трех — во флоте[1]. Сокращение совпало с волной дефицита призывников, вызванной демографическими последствиями Великой Отечественной войны, из-за чего пятимиллионная Советская армия должна была недобрать по численности целую треть. Решением Политбюро ЦК КПСС в армию стали призывать людей с уголовным прошлым, что ранее было совершенно исключено. Идеологически это было подано как исправление оступившихся сограждан, но в действительности привело к тому, что в армию были перенесены уголовные порядки, в солдатскую речь проник воровской жаргон, бывшие уголовники ввели ритуальные унижения

[1] Однако А. Ю. Солнышков (2004) обращает внимание на то, что уже в середине XX в. появились первые работы советских ученых (Глоточкин А. Д., 1964), занимавшихся вопросами дедовщины, что свидетельствует о том, что это явление существовало и раньше.

и издевательства. Сокращение срока службы касалось только вновь призванных, те же, кто уже служил, дослуживали свой срок полностью. В течение известного времени в одном и том же войсковом подразделении одновременно находились и те, кто дослуживал третий год, и вновь поступившие, которые должны были служить на один год меньше. Последнее обстоятельство злило тех, кто уже отслужил два года, и они нередко вымещали свою злобу на новобранцах.

По другой версии, с конца 1960-х гг. некоторые командиры частей начали широко использовать солдатский труд для извлечения личной материальной выгоды (Вахнина Л. В., 2006). Неуставная хозяйственная деятельность воинских частей потребовала организации системы неуставных взаимоотношений, при которой старослужащие выполняли роль надсмотрщиков над выполнявшими работы солдатами первого года службы. Подобные отношения требовали беспрекословного подчинения молодых солдат любым указаниям старослужащего; чтобы сломать и превратить в рабов, на призывников давили и подвергали насилию. Таким образом, по версии Л. В. Вахниной, дедовщина возникла как метод управления неуставной хозяйственной деятельностью воинских частей. Со временем в ряде воинских частей офицеры стали использовать дедовщину как метод управления, поскольку сами заниматься обучением молодых, а также воспитательной работой не хотели.

Еще одной причиной появления дедовщины считается полное отсутствие профессионального сержантского и унтер-офицерского состава в российской армии. В противоположность этому сержант американской армии — это профессионал, наделенный немалой властью. Именно на нем лежит львиная доля обязанностей по поддержанию дисциплины. В нашей армии сержант — такой же солдат-срочник, только с лишней лычкой. И вовсе не факт, что эта лычка придает ему авторитет в среде таких же 20-летних военнослужащих. В Советской армии первых послевоенных лет это частично компенсировалось наличием «старорежимного старшины» — такого, например, как в фильме «А зори здесь тихие». Теперь таких старшин нет. В 1968 г. были ликвидированы полковые школы младших командиров и сержантов начали готовить в учебных дивизиях. Полковые школы имели ряд существенных преимуществ, они отвечали требованиям индивидуального подбора. Кандидатов в сержанты отбирали через некоторое время после прибытия молодого пополнения и его адаптации в новых условиях. Не прерывалась связь будущего командира со своим подразделением. В казарму сержант приходил уже

признанным лидером. После ликвидации полковых школ сержантский состав потерял всякое влияние в казарме.

Планировалось, что эту роль возьмут на себя прапорщики, но на практике они чуть ли не поголовно стали хозяйственниками в воинских частях, а место профессиональных сержантов и старшин заняли «деды». Однако дедовская власть имеет одну существенную особенность — она неофициальна и посему в большей степени подвержена злоупотреблениям.

Все перечисленные факторы могли влиять на появление и сохранение дедовшины.

Дедовские отношения возникают в армии вследствие того, что уставная статусная система при существующих условиях прохождения срочной службы не располагает адекватной системой стимулов и вследствие этого не может быть воплощена в жизнь. Снижение влияния офицеров на обстановку в казармах связано с падением их статуса в обществе, а также с резким изменением уровня образования призывного контингента, произошедшим в 1970-х гг. Это привело к тому, что предусмотренные Уставом моральные стимулы перестали действовать на солдат. Поэтому дедовщина — это следствие невозможности реализовать уставной порядок в подавляющем большинстве воинских частей (Белановский С. А., Марзеева С. Н., 1991). Отсюда негласная ее поддержка офицерским составом, так как деды могут применять такие методы поддержания дисциплины, которые офицерам недоступны.

Между офицерами и «дедами» сложился негласный договор, согласно которому «деды» присвоили себе право не выполнять уставных требований, но взамен взяли на себя обязанность принуждать к их выполнению в двойном размере молодых военнослужащих (как говорят в армии, «за себя и за того парня»).

Таким образом, дедовщина приносит в армию определенную форму поддержания порядка. При кажущейся вседозволенности здесь существуют определенные рамки. В своем классическом варианте дедовщина полностью подконтрольна командованию. Лишь по мере ослабления контроля в нижних уровнях приоритета неуставные отношения приобретают оттенок жестокости и садизма, которые могут сделаться самоцелью. Но и в этом случае в части хотя бы внешне соблюдаются некоторые основные требования командования, к числу которых относятся: поддерживание техники в рабочем состоянии, выполнение требований на учениях, отсутствие случаев хулиганства за пределами части, под-

держание приемлемого санитарного состояния части, минимизация всевозможных ЧП и т. д.

13.4. Иерархические ступени в дедовщине

В типичной воинской части с доминирующим дедовским порядком существует шесть иерархических ступеней (страт), принадлежность к которым определяется сроком призыва на военную службу. Внутри этих страт существуют свои статусные системы, или ролевые позиции, которые подробно описаны С. А. Белановским и С. Н. Марзеевой (1991). Приведу их описание дословно.

Первая страта

К первой страте относятся только что призванные солдаты, еще не принявшие присягу. На солдатском жаргоне их именуют: «чайники», «черепа», «духи», «мамонты». Наименования не унифицированы и зависят от традиций части. Их положение находится на самом нижнем ранге шкалы престижа. Их полностью игнорируют. Ни прав, ни обязанностей в этом статусе еще нет. В этом положении они пребывают от двух недель до полутора месяцев. Дифференциация на ролевые позиции в этой страте отсутствует.

Вторая страта

Солдат после присяги называют «молодые», «сынки», «зеленые», «бичи», «салабоны», «самцы». На этом этапе происходит автоматическое определение их обязанностей (права по-прежнему отсутствуют). Это очень важный период, когда от поведения «молодых» во многом зависит их положение в своей страте и перспективы перехода в последующие.

Помимо своих уставных обязанностей «молодые» выполняют и повседневные обязанности старослужащих. Кроме того, они обязаны исполнять их поручения и требования, не имеющие отношения к службе. Если «молодой» «шарит», т. е. соглашается с обязанностями, вытекающими из его положения, это создает ему определенное признание среди военнослужащих следующих страт (разные виды неформального одобрения). Если он «возбухает», т. е. пытается сопротивляться, его наказывают.

«Молодые» разбиваются на несколько ролевых типов в зависимости от их поведения.

«Исполнители» — наиболее адаптированный тип. Это люди, уважающие дедовские традиции, принимающие (хотя бы внешне) дедовской порядок, способные гнуться, но не ломаться. По своим психологическим качествам это хорошо социализированные люди. Они осознают положительные стороны системы, в которой продвижение по статусам происходит аскриптивным путем, т. е. определяется временем прохождения службы. Они дожидаются дня, когда можно будет принять власть, которую им дадут. В солдатском просторечии это формулируется так: «Полгода пропашешь, полтора протащишься, а потом гуляй».

«Летуны», т. е. те, кто «летает», — плохо адаптированный тип. В эту категорию попадают те, кто переусердствовал в подчинении, либо те, кто сначала сопротивлялся, но потом не выдержал избиений и «сломался». Кроме того, в «летуны» попадают те, кто как-то выделяется из общей массы (например, хиппи, панки и т. п.). Иногда в данную категорию попадают неожиданно взбунтовавшиеся «исполнители». Такой бунт, как правило, заканчивается для них крайне плачевно.

По своим психологическим характеристикам в «летуны» обычно попадают мягкотелые новобранцы, которые не могут определить правильную линию поведения и кидаются из крайности в крайность: то беспрекословно выполняют все требования «дедов», то вдруг начинают сопротивляться, но быстро «сламываются».

Два описанных выше типа — «исполнители» и «летуны» — наиболее многочисленны и являются ядром страты «молодых». На полюсах страты находятся крайние типы: «борзые» и «стукачи».

«Борзые» — это те, кто, невзирая на избиения, отказываются подчиниться дедовским порядкам. «Борзым» приходится очень тяжело в первом периоде, потому что их наказывают за сопротивление. Там, где дедовщина ужесточается, их «сламывают». Если же у них хватает сил выдержать моральный и физический прессинг со стороны старослужащих, их порой оставляют в покое и они приобретают определенную свободу действий и даже уважение.

Тип «стукачей» близок к «летунам» по своим психологическим качествам: их характеризуют слабый характер, отсутствие силы воли. Это те, кто, испугавшись побоев или проявив необоснованную веру в силу уставного порядка, хотя бы один раз имел неосторожность пожаловаться

командирам. Эти люди немедленно становятся «стукачами» и остаются ими до конца службы. «Стукачей» в подразделении обычно немного, и находятся они на положении отверженных. В лучшем случае с ними не разговаривают и сваливают на них самую грязную работу (уборка казармы и туалета). Ударить и избить «стукача» считается в порядке вещей для солдат не только старшего, но и младшего призыва. Там, где на армейские традиции наложились уголовные (стройбаты), происходит «опускание» «стукачей». Символом «опущения» обычно является изнасилование. «Опущенные» все два года службы выполняют роль пассивных гомосексуалистов. Срок службы не имеет для них значения: их обязанности остаются прежними при отсутствии всяких прав.

Третья страта

Переход в третью страту происходит спустя первые полгода службы, когда в воинскую часть прибывают новобранцы следующего призыва. Имена для представителей третьей страты: «черпаки», «подгодки», «караси», «бобры», «гуси», «пингвины», «соловьи». Здесь сохраняются ролевые типы предыдущего периода, но представители этой страты (кроме «стукачей») получают право заставлять работать вместо себя солдат первого полугодия службы. Часто это право вменяется им в обязанность, потому что наказание «молодых» не везде считается престижным занятием, и «деды» им, как правило, не занимаются. Согласие избивать «молодых» вознаграждается уважением со стороны «дедов». Отказ бить (есть люди, для которых это неприемлемо) рассматривается как тяжелое нарушение — посягательство на установленный порядок. Если человек отказывается вести себя в соответствии с требованиями данного статуса, его не переводят в следующий. Если некоторые «исполнители» не могут выполнить эту обязанность, они могут стать «летунами».

Четвертая страта

Следующая перемена в жизни солдата наступает через год после начала службы и несет в себе серьезные изменения. Став «дедками», «годками», «фазанами», солдаты получают все права, которых они были лишены на первом году службы. Одновременно с них снимаются все обязанности. Это второе после призыва серьезное испытание для психики проходящих службу молодых людей.

На данном этапе службы происходит переструктурирование системы социальных ролей. Неизменной остается только одна роль — «стукача». Роли «исполнителей», «летунов» и «борзых» исчезают, зато появляются новые. Условно назовем их «умеренными», «садистами», «независимыми» и «отверженными».

Названные четыре типа характеризуются следующими чертами.

«Умеренные» — это классический и наиболее функциональный тип старослужащего. Именно на нем держатся функциональные стороны дедовского порядка в армии. На нем, по сути дела, держится дисциплина в армии. Применяя насилие, старослужащий этого типа часто бывает жестоким, но все же жестокость и издевательства не являются для него ни самоцелью, ни источником сладострастия. По нашему мнению, тип «умеренных» формируется главным образом из «исполнителей», которых мы охарактеризовали как наиболее адаптированный тип в первом полугодии службы. Однако строгой закономерности здесь нет.

«Садисты» — это наиболее активные старослужащие, которые отличаются от «умеренных» особой жестокостью в организации физических и моральных издевательств и получением от этого своего рода сладострастного удовлетворения. В частях, где дедовские отношения характеризуются наибольшей жесткостью, садистские действия могут приобретать сексуальную окраску в форме гомосексуализма и других извращений.

«Садисты» — это относительно немногочисленная группа, однако именно они определяют степень жестокости дедовских отношений в части.

В первый год службы практически невозможно предсказать, кто из «молодых» станет «садистом». Ими могут стать как некоторые из «исполнителей», так и некоторые из «летунов». Последние стремятся путем применения насилия компенсировать свое прежнее непрестижное положение. Бывает, что «садистами» становятся некоторые «борзые», которые не признавали никакого насилия над собой, но в новом положении применяют его к другим.

«Независимые» — это те солдаты, которым претит вся система дедовских отношений и кто отказывается принимать в ней участие. Для реализации такой линии поведения требуется известное мужество, поскольку насилие над «молодыми» — это не только право, но и обязанность старослужащего, проявление им лояльности по отношению к своей страте. «Независимыми» часто становятся «борзые», т. е. те, кто проявил

стойкость на первом этапе своей службы и принципиально не желает пользоваться привилегиями старослужащих на последующих ее этапах. «Независимые» как бы выпадают из дедовской иерархии: «деды» с ними не дружат, но и не трогают их.

«Отверженные» — это упоминавшиеся выше «стукачи», «опущенные» и некоторые «летуны», которые прежде либо чрезмерно подличали, либо не сумели сориентироваться в изменившейся обстановке. «Отверженные» — это те солдаты, которым отказано в праве перейти в новый статус. Они остаются по своему статусу наравне с «молодыми» или даже ниже их до конца службы.

Пятая страта

За шесть месяцев до увольнения в запас солдаты становятся в собственном смысле «стариками», или «дедами». Главное отличие от предшествующей страты заключается в том, что «деды» максимально устраняются от всех армейских дел, включая зачастую также и неуставные отношения. Они продолжают ходить в караул, но никакими другими делами не занимаются. Это своеобразные рантье, пожинающие плоды чужого труда, которым они даже не руководят. «Пашут» за них «молодые» и «черпаки», руководят «фазаны». Поскольку лично избивать «молодых» «дедам» становится непрестижно, эта обязанность в значительной мере перекладывается на третью и четвертую страты.

В связи с отстранением от дел (по крайней мере частичным) у дедов отчасти стирается разница между «умеренными», «садистами» и «независимыми», и только «отверженные» остаются теми, кем они были, — «отверженными».

Шестая страта

После официального опубликования приказа министра обороны о демобилизации отслужившие свой срок солдаты становятся «гражданами», или «дембелями». В таком состоянии перед отъездом из части они пребывают несколько недель. По выражению одного из интервьюируемых, они выглядят людьми, как бы случайно надевшими военную форму. Они не занимаются боевой подготовкой, не ходят в наряды, не несут караулов, часто не подчиняются офицерам. Не меняется лишь положе-

ние «отверженных». Даже в день увольнения их могут отправить мыть туалет солдаты из низших статусов.

Основные определения на армейском сленге для военнослужащих по сроку службы

«Запахи», «дрищи», «духи бесплотные», «карантины», «быки» («бычье») — военнослужащие, которые проходят карантин до присяги.

«Салаги» («салабоны»), «зелень» («зеленые»), «бобры», «гуси» (ЖДВ), «васьки» (стройбат), «отцы», «малыши», «ежи», «воробьи» (ВВ), «чеки» (ВВ), «чекисты» (ВВ), «щеглы», «ЧИЖи» (бэкроним от «человек, исполняющий желания») — военнослужащие, прослужившие до полугода.

«Слоны», «вороны» (ВДВ и ВВ), «помоза», «шнурки», «гуси», «вороны» (ВВ), «молодые», «салабоны», «моржи», «щеглы», «мамонты» — военнослужащие, прослужившие полгода.

«Фазаны», «котлы», «помазки» — военнослужащие, прослужившие один год.

«Деды», «дедушки», «старики» — военнослужащие, прослужившие полтора года. От устойчивого термина «дед» и происходит название явления.

«Дембеля», «квартиранты», «граждане» (ВВ) (считаются уже почти гражданскими) — военнослужащие срочной службы после выхода приказа об увольнении в запас.

На флоте (по крайней мере до 1990 года) иерархических ступеней было ровно 7:

до полугода — «дух» (по мнению «старших», существо бесплотное, бесполое, ничего не понимающее, ничего не умеющее, ничего не знающее, годен только для грязной работы, зачастую беспомощен);

полгода — «карась» (пообтесавшийся в условиях реальной службы боец, твердо знает обычаи, традиции и свои обязанности, но из-за нерасторопности «духов» часто бывает бит);

1 год — «борзый карась» (службу знает крепко; ответствен за исполнение работ «карасями» и «духами»; физическому воздействию подвергается в исключительных случаях);

1 год 6 мес. — «полтора́шник» (первая ступень «неприкасаемых»; подвергается только моральному давлению со стороны старослужащих за недосмотр за нижестоящими; «полторашник» считается самым злым и беспощадным существом; на этой ступени очень отчетливо проявляются люди с низкими моральными устоями);

2 года — «подгодо́к» (наиболее либеральная ступень; уставшие от морального напряжения «полтора́шничества», особо не «заморачиваясь» служебными проблемами, просто отдыхают);

2 года 6 мес. — «годóк», или, как вариант, имевший хождение на Тихоокеанском флоте: «саракот» (видимо, поэтому на флоте «дедовщина» называется «годковщúной»; реально руководящая верховная каста старослужащих; к физическому насилию лично прибегают в исключительных случаях, в основном действуя через «полторашников»; в свою очередь, неформальное воздействие на коллектив офицерским составом осуществляется исключительно через «годкóв»);

3 года — «профсоюз», «гражданский» (это «звание» присваивалось после опубликования приказа министра обороны об увольнении в запас; «годок» сразу после приказа министра обороны неформально признавался уволенным в запас и снятым с довольствия, но, поскольку «волею судеб» вынужден находиться в части, содержался якобы на средства флотского профсоюза; живет в части или на корабле как гражданское лицо, носящее военную форму).

Материалы семинара «Истоки дедовщины в Российской (Советской) армии», 1993 /03 html (nado/ znate.ru. Дедовщина. Армия)

13.5. Законы и проявления дедовщины

Законы дедовщины. В зависимости от рода войск, боеспособности части, ее местоположения, условий комплектования законы дедовщины различаются очень сильно. По сути, законы дедовщины есть гипертрофированые трактовки положений Устава или официальных догм, например: «Приказы не обсуждаются, а выполняются». Несмотря на это, существует ряд положений (некоторые из них выполняют даже офицеры), характерных для большинства частей.

- Авторитет «деда» не оспаривается. («Дед» всегда прав.)
- Распоряжение «деда» не обсуждается. (Если «дед» не прав, то см. п. 1.)
- «Дед» не может прикасаться к предметам, используемым для уборки помещений (ведра, тряпки, швабры, веники) (Глоточкин А. Д., 1964).
- Сержант младшего призыва не может ставить «деду» (рядовому) задачи по хозяйственным работам.
- Бойцам первого года службы (младшего призыва) запрещено посещать солдатскую чайную (Банников К. Л., 2002).
- Бойцам первого года службы (младшего призыва) запрещено держать руки в карманах в любую погоду.

- Если солдат первого года службы получил посылку (передачу, денежный перевод), то он сперва должен отнести ее «дедам», которые берут себе оттуда все, что сочтут необходимым (Глоточкин А. Д., 1964).
- Бойцам первого года службы (младшего призыва) запрещено модифицировать форму одежды (ушивать брюки, шапки, делать вставки в сапоги, погоны, шевроны и т. п.), так как эти элементы отличают «деда» от молодого внешне. Они обязаны носить не подогнанную по фигуре (неушитую) форму, которая состоит из кителя (гимнастерки) и брюк, подпоясываться «духовским» ремнем, сделанным из кожзаменителя. Пряжка ремня разгибается так, чтобы она была совершенно плоской или лишь слегка согнутой. Ремень должен быть затянут так сильно, чтобы между ним и телом нельзя было просунуть палец. На голове полагается носить «духовскую» шапку — это шапка обычно слишком большого размера или бесформенная, серого цвета. «Деды» же, напротив, подгоняют свою форму точно по фигуре. «Дедовский» ремень сделан из натуральной кожи, его пряжка выгибается под углом примерно в 120–90 °. Ремень носится очень свободно, на бедрах. «Дедовская» шапка — маленького или даже очень маленького размера, она подстрижена и окрашена сапожным кремом в фиолетовый цвет. Старослужащие носят отбитые сапоги на высоких каблуках и с металлической подковкой. Нормы, регулирующие форму одежды военнослужащих разных периодов службы, разительно напоминают стандарты, принятые в лагере (на зоне), где, например, внешним признаком высшей «касты» — воров — также является ушитая и отутюженная униформа, сапоги с увеличенным каблуком и другие сходные признаки.

Проявления дедовщины могут быть очень разными. В мягких формах она не связана с угрозой жизни и здоровью или серьезным унижением достоинства: новобранцы выполняют хозработы за старослужащих и время от времени их бытовые поручения.

Выделяют уровни (степень глубины дедовщины):

1. Работы, которые по Уставу должны выполнять все военнослужащие в равной степени независимо от срока службы, непропорционально перераспределяются на молодых солдат. Типичный пример: молодой и старослужащий назначаются в наряд: молодой усиленно драит шваброй пол, а старослужащий изредка подмахнет веником.

2. Работы вообще перекладываются на лиц, никакого отношения к ним не имеющих. Пример: в наряд назначили только двух старослужащих, которые вместо выполнения своих обязанностей заставляют за них работать молодых, не имеющих никакого отношения к этому наряду.
3. Старослужащие заставляют молодых выполнять за них некоторые сугубо личные работы: заправлять постель, стирать портянки и т. п.
4. Старослужащие заставляют молодых определенным образом развлекать их: например, считать дни до дембеля или даже разыгрывать перед ними некое театрализованное представление.
5. Старослужащие отбирают у молодых вещи и продукты питания. В последнее время стало распространным вымогательство денег для зачисления их на счет сотового телефона. Новобранцев заставляют звонить домой и просить у родителей пополнить счет «деда» или купить ему карточку пополнения счета, которая потом пойдет все на тот же счет.
6. «Старослужащие» могут подвергать «молодых» систематическим издевательствам и даже пыткам, жестоко их избивают, нередко нанося тяжкие телесные повреждения.

Таким образом, часто срочная служба в Российской армии несильно отличается от пребывания «на зоне»[1].

Ритуалы дедовщины

«Молитва», или колыбельная для «деда», — исполняется «духом», «салабоном» который, стоя на тумбочке или пирамиде из табуретов («баночек»), в ночной час, после отбоя, когда офицеры покидают расположение роты, читает определенный рифмованный текст о приближающемся увольнении. В зависимости от части его содержание разнится, поэтому у «колыбельной» существует большое количество вариантов.

«Дембельский поезд» — театрализованное представление, в котором после отбоя участвуют молодые бойцы в качестве массовки и «деды», играющие пассажиров поезда. В процессе постановки активно раскачивается кровать, имитируются звуки вокзала и движения поезда. Также может присутствовать «проводник» в белом халате, приносящий чай и еду «пассажирам»; «начальник поезда», наказывающий нерасторопного «проводника», и др. действующие лица. Молодых бойцов также могут заставить бегать в одном направлении мимо раскачиваемых

[1] *Аксенов П.* Армия преступников // Lenta.ru. 2012. 5 июня.

кроватей с зелеными веточками в руках (для имитации мелькающих деревьев в окне вагона).

«Экзамен на право управления транспортным средством» — ритуал, распространенный в автомобильных частях и подразделениях, в ходе которого молодой солдат обязан в установленное «дедами» время бегом подняться на определенный этаж, держа в руках покрышку от легкового автомобиля, которая символизирует рулевое колесо. Используется в виде наказания за нарушения, связанные с управлением автомобиля, либо содержание закрепленного автомобиля в грязном, технически неисправном состоянии.

«Ночное вождение» — в зависимости от рода войск (вождение БТРа, танка, тягача и т. д.) ритуал, в ходе которого молодой солдат с закрытыми глазами на четвереньках ползал под кроватями в спальной части казармы. При команде «Поворот направо» или «Поворот налево» — молодой солдат открывал соответствующий глаз и совершал поворот. При команде «Задний ход» — открывал оба глаза и пятился назад.

«Пробивание лося» — при этом старослужащий заставляет солдата нового призыва скрестить руки на некотором расстоянии ото лба, после чего в перекрестие следует удар кулаком с силой, зависящей от степени плохого настроения старослужащего (или от величины вины молодого солдата).

«Крокодил» (*«Сушка крокодила»*) — ритуал, распространенный в Воздушно-десантных войсках и в разведывательных частях Сухопутных войск, в ходе которого все молодое пополнение роты после отбоя обязано было провести от 5 до 20 минут упершись ногами и руками в спинки кровати, поддерживая таким образом свое туловище в горизонтальном положении на весу. Данный ритуал старослужащими назначался в виде коллективного наказания всего молодого пополнения по вине кого-либо одного из них, не выполнившего распоряжение старослужащего в срок и надлежащим образом. Выполнение указанного ритуала всегда считалось физически очень тяжелым и назначалось старослужащими за особо серьезные, на их взгляд, проступки. В некоторых же воинских частях старослужащие вообще не считали данный ритуал наказанием, а подразумевали под ним дополнительное полезное упражнение по физической подготовке для молодого пополнения, укрепляющее общую мускулатуру. В таких случаях «Крокодил» являлся практически обыденным неписаным элементом распорядка каждого дня.

«Калабаха», или «Калабашка», — ритуал физического наказания, в ходе которого молодой солдат, несвоевременно или не полностью выполнивший распоряжение старослужащего, обязан был принять от старослужащего физический удар определенным символическим образом. При команде старослужащего «Заводи калабашку» молодой солдат принимал следующее положение тела — ноги широко расставляются, туловище сгибается параллельно земле и руки распрямляются в стороны, голова при этом крутится из стороны в сторону с высунутым языком. Старослужащий ребром ладони бьет по шее. Ритуал подразумевал под собой

имитацию смертной казни с отрубанием головы. После совершения удара молодой солдат под устный счет старослужащего «Раз-два-три» — обязан был принять строевую стойку «смирно» и сделать «доклад». Форма «доклада» различалась в зависимости от места службы, рода войск и срока службы старослужащего. К примеру, в ОКСВА форма «доклада» молодого солдата была следующей: «Спасибо доброму “дедушке” за обучение чмошного “ЧИЖа”, служащего в ДРА» или «Спасибо борзому “черпаку” за обучение чмошного “молодого”, служащего в ДРА». В случае несвоевременного «доклада» на счет «Три» наказание повторялось. Данный ритуал был особенно распространен в ВДВ и в ОКСВА.

«Дембельские вопросы» — ритуал, в ходе которого «дедушка» неожиданно задавал молодому солдату курьезные вопросы, не имеющие, на первый взгляд ничего общего с логикой. К примеру: «Какой размер ноги у “дедушки”?», «Какой номер дембельского поезда?», «Сколько масла?», «Сколько будет дважды два?» Ритуал сводился к тому, что молодой солдат каждый день обязан был помнить количество дней, оставшихся до приказа об увольнении.

«Задержание преступника на верхнем этаже здания» — в милицейских частях ВВ вид наказания за нарушение молодым военнослужащим порядка несения патрульно-постовой службы. Молодой боец обязан по лестнице подняться на верхний этаж многоэтажного дома раньше деда, который в это время поднимается на лифте.

«Пожар» в помещении. Ритуал возник в частях, где предусмотрено подразделение пожарных ГО/МЧС. Впоследствии распространился на другие части. Нередко выполняется по приказу старшин рот, а в отсутствие оных — сержантов. По команде личный состав за определенный промежуток времени должен вынести из казармы на улицу все имущество роты — кровати, тумбочки и т. д. Казарма должна остаться полностью пустой. Если рота в норматив не укладывается, имущество заносится обратно и все начинается заново. Причиной «пожара» может служить неубранное помещение, наличие тайников в казарме.

Сигарета под подушкой. Когда начинается «стодневка», дембель каждое утро должен находить у себя под подушкой сигарету, на которой написано «столько-то дней до приказа». Сигарету клал ночью либо «закрепленный» за дембелем дух, либо кто-нибудь из духов отделения. Особым мастерством считалось положить сигарету, не разбудив при этом дембеля, однако даже если разбудить, проступком это не считалось. За эту любезность дембель отдает духу в столовой свою порцию масла. Отсутствие сигареты считалось серьезным проступком, и виновный мог быть жестоко наказан.

«Накормить голодана». Только старослужащий имеет право принимать пищу вне солдатской столовой и вне положенного времени для принятия пищи. Процесс принятия еды в таких случаях назывался словом «парашничать», «почмориться», «заточить», «похоботиться» и т. д. Молодого бойца, замеченного старослужащими в «парашничании», ждут наказания нескольких видов (от степени вины): а) он должен за определенное время съесть буханку черного хлеба (может быть выдана кружка воды

«для запивки»), б) то же самое, но провинившийся ест хлеб, выполняя отжимания от пола: по счету «раз» — провинившийся, сгибая руки, откусывает хлеб, лежащий на полу, по счету «два» — выпрямляет руки и жует и т. д., в) провинившийся должен есть из бачка находящиеся там отходы, г) краюха черного хлеба намазывается гуталином и «скармливается» провинившемуся.

Команда «Один!». Аналог уставного приказа «рядовой, ко мне». Только в случае с традициями дедовщины дембель громко дает команду «Один!», и любой из «духов», который услышал или мог услышать эту команду, должен немедленно предстать по стойке смирно перед дембелем и представиться. (Опять же представление может быть в зависимости от традиций либо уставным: «рядовой такой-то по вашему приказанию прибыл», либо неуставным, например «фанера 1975 года производства к осмотру готова!».) Смысл ритуала заключается в скорости, если дух не появился достаточно быстро (не больше 1–3 с) или не приложил все необходимые усилия, дембель отвечает командой «отставить, не резко», дух возвращается на исходную, и это повторяется заново. Серьезным проступком считается, если в казарме несколько «духов» и никто из них не решился прибежать или прибежало слишком мало.

Интернет-портал: Дедовщина. Википедия

Дедовщину делает живучей своего рода преемственность: молодой солдат на первом году хоть и многое вынужден терпеть, но при этом видит, как живется «дедам», и такая жизнь ему нравится. Поэтому многие думают: «ладно, первый год потерплю, но уж зато как сам “дедушкой” стану — “оторвусь” по полной»[1].

Кроме этого, они вынуждены терпеть в связи с тем, что любые жалобы по официальным каналам получают трактовку стукачества — с соответствующими последствиями для молодого солдата. Даже если по его жалобе «деда» упекут в дисбат, звание «стукача» приклеится к нему намертво.

13.6. Перевод на следующую ступень иерархии

Перевод с более низкого иерархического уровня на более высокий осуществляется в ходе ритуала «перебивания», «перевода». Переход на следующий уровень сопровождается причинением физической боли

[1] Форум ВИФ-2 http://web.referent.ru:2003/nvk/forum/

особым ритуальным способом: солдату, отслужившему год (ранее, когда срок службы составлял 2 года), наносятся удары ремнем (бляхой), табуретом или металлическим половником (черпаком) по ягодицам. Количество ударов обычно равняется количеству отслуженных месяцев. Перевод из «дедов» в «дембеля» носит символический характер и проходит без применения физического воздействия: будущего дембеля «бьют» по заду ниткой сквозь слой матрасов и подушек, а за него «кричит от боли» специально выделенный «дух». За заслуженные к моменту «перевода» лычки (звание ефрейтора или сержанта) в некоторых частях полагаются дополнительные удары.

Солдат, не пользовавшийся уважением своих сослуживцев или нарушавший принципы дедовщины, а равно и отказавшийся от «жизни по дедовщине» в течение трех «золотых дней» после прибытия в воинскую часть (так называемый уставной, затянутый), может остаться «неперебитым» — в этом случае он не имеет права на привилегии более высоких уровней неофициальной иерархии, а приравнивается к «духам» или «запахам». Это случается нечасто, в виде исключения (Банников К. Л., 2002).

На флоте также существует немалое количество обычаев и традиций, но основными являются следующие.

«Смывание чешуи». Имеет место при переводе из «карасей» в «полторашники». В зависимости от погодных условий и места действия «карася» выбрасывают за борт, окунают в прорубь, обливают из пожарного шланга и т. д., стараясь провести обряд перевода неожиданно для «посвящаемого».

«Разрыв годка». На «годке» разрывается в мелкие клочки вся находящаяся на нем в данный момент военная форма, включая носки и нижнее белье. Ритуал также проводится неожиданно для «годка». После «разрыва» «годок» становится «профсоюзом», т. е. гражданским. В «разрыве» имеет право принять участие любой военнослужащий вплоть до «духа».

Как правило, «перевод» происходит в первую же ночь после выхода приказа министра обороны «Об увольнении в запас...», но может и откладываться на несколько дней, так как командование любой части прекрасно осведомлено о процедурах «перевода» и зачастую в первые дни и ночи после выхода «Приказа...» особенно сурово следит за соблюдением Устава (Банников К. Л., 2002).

13.7. Мифы о дедовщине

Миф 1. Дедовщина основана исключительно на физическом превосходстве «дедов» и рукоприкладстве. Если в подразделении существуют стойкие традиции дедовщины, то их поддержание практически не требует рукоприкладства (Глоточкин А. Д., 1964), так как авторитет «дедов» поддерживается сержантами и офицерами.

Миф 2. Молодой боец достаточной физической силы может противостоять «деду». Даже если молодой боец физически крепче «деда», но в подразделении поддерживаются стойкие неуставные традиции, в случае его неповиновения он попадает в разряд «черных людей» со всеми вытекающими отсюда последствиями: его могут посадить на гауптвахту или устроить «темную». В крайнем случае его могут даже изнасиловать, в чем участвует не один «дед», а группа из нескольких «дедов». В «воспитательный процесс» включаются сержанты и офицеры (Глоточкин А. Д., 1964), которые в соответствии с Уставом создают ему невыносимые условия (Банников К. Л., 2002). В случае особой морально-волевой устойчивости новобранца применяется весь комплекс мер, имеющихся в запасе у командного состава: требования строжайшего исполнения Устава со стороны офицерского и сержантского состава, психологическое давление со стороны старослужащих по принципу «Один за всех и всех за одного» с подчеркиванием, что все страдают из-за строптивости данного бойца. Это выглядит следующим образом: пока боец с характером жестко отказывается, допустим, отжиматься, весь его призыв заставляют отжиматься до изнеможения. Каждый раз, увеличивая давление на молодой призыв, старослужащие внушают новобранцам мысль, что их страдания проистекают от упорства сослуживца. Тем самым упорствующий военнослужащий лишается поддержки и молчаливого одобрения солдат собственного призыва. Наоборот, очень скоро агрессия и ненависть солдат младшего призыва, подчиняясь манипуляции сознания со стороны старослужащих, трансформируются, начинают изливаться на сопротивляющегося, и тот оказывается изолированным. Один из примеров применения такого психологического метода воздействия на солдата показан в первой половине фильма Стенли Кубрика «Цельнометаллическая оболочка».

Миф 3. «Деды» отбирают у молодых новые элементы формы одежды, заменяя на свои старые (ремни, сапоги, головные уборы и т. д.). Новая форма — признак новобранца, а «деда» как раз отличает старая, вы-

горевшая на солнце форма, стоптанная обувь. Если же старая форма приходит в негодность и «дед» получает новую форму, то последняя им искусственно состаривается (вываривается в хлорном растворе, чтобы придать ей выцветший цвет). Однако это не относится к парадной форме, в которой «дембель» возвращается со службы. Ее «дед» готовит заранее, и если нужно, то отнимет у новобранца все, что ему требуется.

Миф 4. «Деды» забирают у молодых масло и яйца за обедом. Много есть — удел молодых, так как «деду» скоро домой и он там будет есть домашнюю пищу. Кроме этого, перед обедом «деды» имеют возможность перекусить в чайной, после чего им не хочется есть общую пищу в солдатской столовой (Банников К. Л., 2002). Бывает, что «дед» вообще не ест в столовой, так как ему достаточно посещений чайной и поставок домашней еды из посылок новобранцев. В большинстве частей после выхода приказа об увольнении в запас «деды» отказываются есть масло в столовой, отдавая его молодым, так как последним служить еще долго и им нужно набираться сил. Данный акт преподносится как исключительный акт великодушия.

Миф 5. Дедовщины нет в воинских частях в горячих точках. Мнение, что в воинских частях, участвующих в боевых действиях, дедовщина невозможна по причине облегченного доступа молодых солдат к боевому оружию и как следствие — больших возможностей для безнаказанной расправы над старослужащими, оказалось ошибочным, что показала война в Афганистане. Независимо от того, чем занималось конкретное воинское подразделение в Афганистане — постоянные боевые рейды, автотранспортное снабжение войск, медицинское и тыловое обеспечение, боевое охранение в порядках сторожевых застав, — во всех подразделениях процветала дедовщина. Несмотря на частые факты неуставных взаимоотношений с тяжкими последствиями, офицерский состав считал нерациональной борьбу с дедовщиной и практически не вмешивался во взаимоотношения военнослужащих срочной службы. В большинстве случаев офицеры открыто поддерживали старослужащих. К примеру, командиры взводов и рот лично объясняли сержантам, прибывшим с молодым пополнением из учебных подразделений на должности командиров отделений и экипажей боевых машин, что в первые полгода службы в Афганистане они будут числиться командирами только в штатно-должностной Книге роты/батареи, — а фактическими командирами будут указанные офицерами старослужащие в звании рядового, числящиеся в их подчинении. Это объяснялось полным отсутствием боевого опыта и адаптации к местным условиям у вновь прибывших

сержантов. Да и сами молодые солдаты относились к факту дедовщины с пониманием и считали его тяжелой, но необходимой формой наставничества со стороны старослужащих в жестких условиях войны. Дедовщина во время войны в Афганистане показана в кинофильме «Афганский излом».

Миф 6. Мнение о том, что дедовщина не получила широкого распространения в небольших удаленных частях (для примера — части радиолокационной разведки ПВО), тоже является ошибочным[1].

13.8. Последствия дедовщины и борьба с ней

Негативная сторона существования дедовщины помимо принижения достоинства личности состоит в том, что данная армейская субкультура серьезно подрывает авторитет армии среди молодежи призывного возраста и является одной из основных причин уклонения от военной службы.

Дедовщина является основной причиной регулярных побегов солдат срочной службы из частей и самоубийств. Кроме того, с дедовщиной связана значительная часть насильственных преступлений в армии: в одних случаях это выявленные и доведенные до суда преступления «дедов», в других — ответные действия новобранцев. Известны случаи, когда новобранцы, заступившие в караул с боевым оружием, расстреливали своих сослуживцев, которые перед этим над ними издевались, в частности случай, который лег в основу фильма «Караул».

Предлагаются разные варианты борьбы с дедовщиной:

1. Занять солдат делом, чтобы не оставалось времени «резвиться» старослужащим и молодым. В отсутствие войны для армии сложно подобрать такое дело (чтобы избежать покраски травы, надо перевоспитать офицерский корпус, который не должен быть заинтересован в дедовщине).
2. Выделить каждому молодому солдату персонального наставника из старослужащих, который отвечает за любые его действия/состояние. Подобная практика существует в США и называется «бадди-систем» (можно перевести как «система боевого товарищества»).

[1] *Мартынов В. Л.* Новая земля — военная земля // География. 2009. № 9–11.

Однако возникает вопрос: будут ли офицеры заинтересованы в осуществлении такого наставничества, или будут попустительствовать наличию личных рабов у старослужащих? Очевидно, что потребуется контроль за тем, какими средствами старослужащий будет осуществлять свое наставничество.

Кроме того, «дедов» в части всегда меньше, чем молодых солдат разных сроков службы (четверть личного состава «дедов» против трех четвертей «черпаков», «шнурков», «духов» и т. д.).

3. Ввести институт сержантов-сверхсрочников для повышения контроля за солдатами. Однако это требует больших финансовых затрат. Кроме того, нет гарантии, что эти сержанты не будут поощрять дедовщину.

4. Ввести независимые от командиров частей органы надзора, чтобы туда могли жаловаться (прокуроры, комиссары и т. д.).

   Такой путь требует больших финансовых затрат и приведет к формированию еще одной бюрократической структуры со своими следователями, штатом и т. д.

   Кроме того, есть опасность, что независимые от армии структуры будут искусственно раздувать случаи дедовщины, игнорируя требования боевой подготовки (когда принуждение солдата к выполнению долга «дедом» (тренировать мускулы после отбоя) будет расцениваться как проявление дедовщины — с клеветой, оговором и т. д.).

5. Формирование подразделений из военнослужащих одного срока службы. (Что было сделано, например, в ФРГ в ситуации с неуставными отношениями: стали формировать войсковые подразделения (взвод, роту) из солдат одного призыва, а руководили ими сержанты-сверхсрочники. Неуставные отношения почти сошли на нет, хотя какие-то незначительные элементы дедовщины все же остались.)

6. Замена дедовщины другими аналогами, например землячеством. Этот эксперимент проводился в 1970–1980-х гг. В армии в некоторых частях, однако себя не оправдал, так как наряду с минусами дедовщины он обнажил еще и отрицательные стороны землячества.

7. Переход на полностью профессиональную наемную армию, однако это связано с большими финансовыми затратами.

ГЛАВА 14

Насилие в семье[1]

Насилие в семье стало привлекать внимание общества в 1970–1980-х гг., так как было обнаружено, что оно имеет довольно большое распространение во всех странах и слоях общества. Россия тоже не является исключением. Как отмечает Н. С. Сыроед[2], 30–40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье, более 50% преступлений в быту совершаются в присутствии детей. Количество погибших и лиц, получивших телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, стабильно превышает количество потерпевших различных категорий от насильственных преступлений и количество жертв от новых видов насильственных преступлений. Женщины и дети составляют 70% всех жертв тяжких насильственных посягательств, совершенных в семье. У избиваемых женщин в 4–5 раз больше потребность психиатрического вмешательства и в 5 раз больше попыток самоубийства, чем у женщин, не подвергавшихся избиению. Около 1/3 избиваемых женщин страдают сильными депрессиями, а некоторые начинают принимать алкоголь и наркотики. Дети, престарелые, инвалиды, женщины, не способные защищать себя вследствие зависимого положения в семье, составляют ежегодно более трети (38%) всех убитых на почве нездоровых семейно-

---

[1] Как отмечают И. Д. Горшкова и И. И. Шурыгина (2003), в зарубежной англоязычной социологической и психологической литературе используется несколько терминов, характеризующих насилие в семье. «Domestic violence» подразумевает насилие, совершенное членами семьи по отношению к другим членам семьи — детям, супруге/супругу, родителям, другим родственникам. Используются также отдельные специальные термины, относящиеся только к супружеским отношениям, — «spouse abuse» («злоупотребления в отношении супруга/супруги»), «wife battering» («избиение жены»), «marital rape» («изнасилование в браке»). Самый распространенный термин в российской специальной литературе — «супружеское насилие» — в равной степени может подразумевать как насилие мужа над женой, так и насилие жены над мужем.

[2] *Сыроед Н. С.* Насилие в семье. Курс лекций // Интернет-портал. Психология онлайн. www. psychological.ru

бытовых отношений. Ежегодно 4% пожилых американцев становятся жертвами насилия со стороны членов своих семей (Pagelow, 1980). Выросли до масштабов социально значимого явления убийства с целью избавления от больных и немощных членов семей, а также с целью овладения их правами на имущество.

В Европе жертвами сексуальных посягательств со стороны ближайших родственников считают себя от 6 до 62% женщин и от 3 до 31% мужчин[1].

По данным научных исследований, в нашей стране около 3% от общего числа всех умышленных убийств происходит в семьях. Половине всех преступлений, связанных с бытовыми мотивами, предшествовали длительные семейные конфликты. По статистике МВД, на профилактическом учете в органах внутренних дел в 2001 г. состояло 296 тыс. семейных дебоширов (Кобута М. А., 2006, с. 4).

При этом насилие имеет место не только в социально неблагополучных семьях, как это бытует в общественном сознании. Насилие в семье происходит в любых слоях и у разных категорий населения независимо от классовых, расовых, культурных, религиозных, социально-экономических аспектов.

Физическое, сексуальное насилие чаще совершают мужчины, однако психологическое насилие, пренебрежение и жестокое обращение в семье чаще проявляются женщиной или поддерживаются ею.

В последние годы за рубежом и в нашей стране появилось большое количество исследований и публикаций, посвященных различным аспектам насилия в семье (Алексеева Л. С., 2003, 2006; Брушлинская Л. В., 2002; Забелина Т. Ю., 2008; Ильина С. В., 1997, 1998; Кошелева А. Д., Алексеева Л. С., 2000; Мельниченко С. А., 1995; Меньшикова Е. С., 1995; Миллер Э., 2003; Миньковский Г. М., 1992; Михайлова Н. Ф., Зиновьев Н. А., 2003; Насилие и жестокость... 2013; Никитина О. А., 2000; Орлов А. Б., 2000; Писклакова М. П., Синельников А. С., 2004; Потапова Е. А., 2002; Проблемы насилия... 2008; Римашевская Н. с соавт., 1999; Рокицкий М. Р., 2001; Руководство по предупреждению... 1997; Сафонова Т. Я., Цымбал. Е. И., 1993; Силласте. Г. Э., 1998; Стар Б., 1994; Стратегия борьбы... 1998; Технологии социальной работы... 2001; Фурманов И. А., 2005; Ходырева Н., 2002; Anderson, Saunders, 2003; Arias, 1999; Baldry, 2002; Beach et al., 2004; Bowen, 1997; Bradle et al., 2002; Brandl, Cook-

[1] Handbook of effective psychotherapy / Th. R. Giles (ed.). N. Y.: Plenium Press, 1993.

Daniels, 2002; Casey, 1989; Chesney-Lind, 2004; Dobash, Dobash, 1992; Dobash et al., 1992, 1998, 2000, 2004; Donaghy, 2005; Ellison et al., 1999; Fay, 1999; Fiebert, 1997; Ferguson, 1997; Follingstad et al., 1990; Freel, Robinson, 2005; Gadd et al., 2002; Gelles, 1974; Hartley, 2002; Hegarty et al., 1999; Heiskanen, Piispa, 1998; Holt, 2003; Jackman, 2002; Kavanagh et al, 2001; Kelleher, O'Connor, 1995; Kelly, 2003; Kennedy, 1999; Kimmel, 2002; Kurz, 1993; Leonard, 1999; Lundgren et al., 2001; Macpherson, 2002; Margolin, 1987; McKeown, Kidd, 2003; Melton, Belknap, 2003; Mezey et al., 2002; Michalski, 2004; Miller, 2001; Mirrlees-Black, 1999; Nazroo, 1995; Pillemer, Finkelhor, 1989; Ridley, Feldman, 2003; Ruddle, O'Connor, 1992; Schwartz, 1987; Smith, 1994, Strauss, 1999a, b; Strube, Barbour, 1983; Szincovacz, 1982; Testa et al., 2003; Tjaden, Thoennes, 2000; Walby, Myhill, 2001; Websdale, Johnson, 1994; Walker, 1979; Weitzman, 2000 и др.). В них рассматриваются в основном два аспекта семейного насилия: насилие над супругом и над детьми, но практически отсутствуют работы, посвященные насилию над пожилыми членами семьи.

14.1. Насилие над супругом

От насилия в семье никто не застрахован, даже знаменитости. Светские хроники свидетельствуют, что каждая третья «звезда» эстрады женского пола избивалась своими супругами. Из недавних примеров — Валерия, Роза Сабитова, Жасмин. Около трети состоящих в браке американцев обоего пола подвергаются насилию со стороны своих супругов (Straus Gelles & Steinmetz, 1980). При этом Киммель (Kimmel, 2000) отмечает различия в использовании насилия мужчинами и женщинами: в то время как мужчины применяют насилие для воздействия на жен, стремясь добиться послушания, для женщин, прибегающих к насилию — это в основном акт выражения фрустрации или острого моментального гнева.

В основном проблема касается жен, и эта тенденция идет с давних времен. В прошлом муж имел закрепленное не только традицией и религией («Да убоится жена мужа своего»), но и законом право наказывать и дисциплинировать жену. Так, Гондольф и Фишер (Gondolf, Fisher, 1991) ссылаются на законодательство XIX в., в соответствии с которым муж мог «дисциплинировать» жену, но палка, которой наносился удар, не должна была быть толще большого пальца. В США по закону 1824 г. мужья официально освобождались от ответственности за умеренное

физическое наказание жены в случаях «крайней необходимости». Российские исследователи проблемы часто упоминают «Домострой», свод законов, регулировавший семейные отношения в Древней Руси. В «Домострое» целый раздел посвящен способам, какими нужно «правильно» наказывать провинившуюся жену. А в народе утвердилось мнение, что не бьет — значит не любит.

Данные нашего исследования подтвердили уже известную закономерность: супружеское насилие более вероятно в тех семьях, где супруги придерживаются патриархатных представлений о мужских и женских ролях. Причем относится это главным образом к мужчинам. Во всех группах насилия намного больше мужчин, настаивающих на главенстве мужчины в семье, чем среди мужчин, не практикующих насилия вообще. Если, например, среди мужей из семей без насилия 50% считают, что «муж — глава семьи», то в группах насилия доля разделяющих эту точку зрения колеблется от 76 (группа психологического насилия) до 64% (группа физического насилия). На праве мужа запретить жене работать настаивает 29% мужчин — не насильников и от 57 до 47% мужчин из разных групп насилия.

У женщин те же тенденции выражены намного слабее. Доля женщин, считающих, что мужчина должен быть главой семьи, колеблется от 27% среди группы без насилия до 33% в группе экономического насилия. В несколько более широких рамках происходят изменения в относительной численности женщин, согласных с правом мужа запрещать жене работать, — от 22% в чистой от насилия группе до 35% в группе физического насилия, но и в этом случае связь выражена слабее, чем у мужчин…

Согласно данным женской выборки, семьи, «чистые» от всех видов насилия, — это в первую очередь семьи эгалитарные — в них властные полномочия в равной степени распределяются между супругами… Если среди женщин, не подвергающихся ни одному из видов супружеского насилия, те, кому никогда не приходится делать что-то или, наоборот, отказываться от чего-то из-за требований супруга, составляют 51%, то среди женщин, подвергающихся психологическому насилию, таких уже только 7%; экономическому насилию — 8%; сексуальному насилию — 12%…

Те же тенденции наблюдаются и при ответах на вопрос о том, кому — мужу или жене — приходится чаще уступать требованиям супруга. Среди женщин, не подвергающихся насилию, жен, которые уступают мужу чаще, чем он им, 6%, а в семьях, где муж практикует какой-либо из видов насилия над женой, — больше 40%. Единственное исключение — снова группа женщин, подвергающихся физическому насилию. Среди них тех, кто подчиняется мужу, значительно меньше, чем среди жертв других видов насилия, — 24%…

Мужчины, практикующие другие виды насилия, кроме физического, с очень большой степенью вероятности допускают, что могут ударить

жену. Если среди мужчин из группы «ненасилия» такую возможность допускает 22%, то среди мужчин из группы психологического насилия — 64%; из группы экономического насилия — 78%, а из группы насилия сексуального — 89%.

Горшкова И. Д., Шурыгина И. И., 2003

Исследования, проведенные в разных странах мира, показывают, что и в наши дни жертвами домашнего насилия в 90–96% случаев являются женщины (Dobash and Dobash, 1992; Schwartz, 1987). Ежегодно около 15 тыс. женщин погибает от рук супруга. Шотландские ученые показали, что в их стране пострадавшими женщины были в 94% случаев, а обидчиками — лишь в 3% (Dobash and Dobash, 1979). Большая часть этих 3% приходится на самозащиту от насильника вплоть до его убийства.

По официальным данным России (интервью и. о. начальника Департамента охраны правопорядка МВД России, 2008 г.), насилие в той или иной форме наблюдается почти в каждой четвертой семье; ежегодно около 14 тыс. женщин погибают от рук мужей или других близких. Официальная статистика Министерства по делам семьи, молодежи и спорта Украины сообщает, что от домашнего насилия в Украине погибает около 1 тыс. женщин. А третья часть пациенток травматологических отделений — это жертвы побоев в семье, следствие того, что муж бьет жену. И это только официальные цифры о самых страшных случаях — с летальным исходом.

Согласно исследованиям, от 30 до 40% российских женщин подвергались физической агрессии со стороны близких им мужчин — нынешнего или бывшего мужа, жениха или любовника (Римашевская Н., 2000). По другим данным (Горшкова И. Д., Шурыгина И. И., 2003), женщин, которым мужья угрожали физической расправой или к которым применяли силу (ударили или толкали, трясли, не били, но причиняли сильную боль другими способами, например выкручивали руки), еще больше (56%), а количество женщин, которых мужья избивают часто и/или особенно жестоко, — 19%. В целом по России 36 тыс. женщин в день подвергаются избиениям в семье (Женщина в переходный период, 1999). Около половины избиваемых женщин подвергались нападению в то время, когда они были беременны, кормили грудью, имели маленького ребенка или испытывали физические или моральные страдания, находились в состоянии беспомощности (Горшкова И. Д., Шурыгина И. И.,

2003). По статистике, в мире от 40 до 70% убитых женщин погибли от руки партнеров в результате домашнего насилия. При этом количество мужчин, убитых партнершами, гораздо меньшее, и, кроме того, в таких случаях женщины вынуждены были это сделать для своей защиты.

Чем же объясняют такую склонность мужей к насилию?

Виктимологический подход к проблеме, в частности немецкой исследовательницы Шнайдер (Schneider, 1987), исходит из того, что женщина своим поведением «жертвы» сама провоцирует насилие, т. е. не противодействует ему, смиряется с ним.

М. Киммель (Kimmel, 2000) считает насилие мужчин в отношении женщин результатом социализации — с детства мужчины понимают, что насилие — это приемлемая форма коммуникации. Оно может быть частным, личным и интимным языком коммуникации. Проявление насилия в семье как мужчинами, так и женщинами Киммель также связывает с дисбалансом власти: семьи, в которых большинство решений принимаются одним из супругов, наиболее часто сталкиваются с проблемой насилия.

Мне представляется, что причина лежит на поверхности: отсутствие у мужчин элементарной воспитанности, уважения к женщине (если, конечно, мужчина не обладает садистскими наклонностями или не алкоголик, не контролирующий свое поведение в состоянии алкогольного опьянения).

Как распознать в мужчине домашнего тирана

Если вы не хотите стать жертвой домашнего насилия, вам нужно научиться распознавать потенциальных домашних тиранов еще до брака. Вот те черты, которые показывают, что мужчина способен на домашнее насилие.

Неуважительное поведение по отношению к вам.

Помните: если мужчина относится к вам неуважительно, унижает, высмеивает при посторонних, то это знак того, что он вас просто ни во что не ставит. Это является благоприятной почвой для насилия. Если вы начинаете жаловаться и говорить, что вам такое отношение не нравится, следующим шагом мужчины, возможно, станет усиление контроля над вами и непосредственно само насилие.

Может быть, для кого-то из читателей это прозвучит удивительно, но есть другая сторона неуважения — когда партнер обращается с вами как с дорогой покупкой и считает вас полностью идеальной. Многие женщи-

ны хотели бы, чтоб мужчина им поклонялся, но не стоит забывать, что в таком случае он видит не вас, а свою фантазию. И если вы перестанете соответствовать его представлениям, то он, скорее всего, обозлится и начнет грубить, распускать руки. Честно говоря, если сравнить того мужчину, который оскорбляет и унижает свою спутницу жизни, и того, который идеализирует ее, то разница будет не такая уж и большая. Ведь в обеих этих ситуациях они не видят в женщине личности и не уважают ее.

Мужчина неустанно контролирует вас.

Постоянный контроль — самый верный признак того, что мужчина может быть деспотом. Но чрезмерность контроля не всегда удается сразу осознать. Ведь, как правило, на первом этапе отношений такое поведение мужчины воспринимается как доказательство его чувств к вам. Сначала он просто советует, как вам стоит одеваться и краситься, какой стиль одежды выбирать, затем начинает плохо отзываться о ваших друзьях и родственниках. Потом его комментарии превращаются в требования, неисполнение которых может спровоцировать жестокость и грубость.

Мужчина постоянно ревнует.

Некоторым женщинам нравится, когда мужчины их ревнуют, но ревность ревности рознь. Если женщина на глазах своего партнера начинает заигрывать с другим, то в этом случае ревность вполне обоснованна. Но если он ревнует безо всякого на то повода и доходит даже до ревности к подругам и друзьям, то стоит насторожиться. Ведь такая ревность говорит о том, что мужчина не уверен ни в вас, ни в себе.

Ревность является одним из признаков того, что мужчина может стать домашним тираном. Конечно, если мужчина ревнует, но не показывает этого, опасаться нечего, но если он частенько устраивает скандалы по любому поводу, а то и без него, стоит призадуматься. К сожалению, очень часто за любовь принимается не что иное, как чувство собственности.

Если кавалер постоянно докучает вам звонками с вопросом, где вы находитесь и чем занимаетесь, или хочет, чтобы все свободное время вы проводили с ним, — это совсем не значит, что ему не хватает общения с вами. Скорее всего, он просто хочет заявить свои права на вас. Кстати, то же самое касается и женщин, ведь прекрасные дамы тоже порой оказываются самыми настоящими семейными диктаторами. Ни женщина, ни мужчина не обязаны кардинально менять свою жизнь (если, конечно, они сами этого не хотят) только затем, чтобы потешить самолюбие партнера и пойти у него на поводу.

Мужчина никогда не признает свою вину.

Если вы замечаете, что в любых проблемах мужчина всегда винит кого-то другого, но не себя, то это верный признак того, что в скором времени во всех проблемах он будет винить только вас. И еще, мужчины такого типа очень часто дают ложные обещания, а когда не выполняют их, то всегда находят тысячи причин, чтобы оправдаться.

Вот еще несколько признаков, по которым можно определить «домашнего насильника»:

– он злоупотребляет алкоголем;

– он употребляет наркотики;

– он иногда силой принуждает вас к сексу;

– он негативно относится к женщинам вообще.

Никандрова Е. Насилие в семье // Интернет-портал: Мир Советов

В нашей стране работа по предотвращению насилия в семье осуществляется специализированными службами: кризисными центрами для женщин, для женщин с детьми, убежищами как стационарного, так и дневного пребывания (Технологии социальной работы... 2001).

14.2. Экономическое насилие в семье

Под ним понимают отстранение других членов семьи от принятия финансовых решений, принудительная отчетность другого члена семьи (проверка чеков) и т. д. Также жертве могут угрожать, что выгонят из дома, оставят без копейки, ничего не дадут на содержание детей[1]. К экономическому насилию относят также принуждение к работе или запрещение работать.

«...Каждая пятая российская женщина или упрекается мужем в иждивенчестве, или значение ее работы обидно преуменьшается; каждая четвертая женщина столкнулась с открытыми формами экономического давления, в том числе с "экономическими" запретами и угрозами. 13% российских женщин находятся в условиях жесткого экономического насилия, при которых их уязвимое и зависимое материальное положение сочетается с интенсивными угрозами и унижением со стороны мужей» (Горшкова, Шурыгина, 2003).

Даже зарабатывающие больше мужа женщины становятся жертвами экономического насилия. Очень часто встречаются случаи, когда муж распоряжается всеми деньгами, выделяя жене мизерную сумму на продукты. Часто муж полностью забирает и зарплату жены (следует отметить, что имеются и обратные случаи, когда жены забирают всю

[1] К экономическому насилию также относят разбазаривание семейных доходов без учета потребностей семьи (например, из-за алкоголизма), упреки, что от работы нет никакого толка, и т. п., с чем вряд ли можно согласиться.

получку у мужа). При этом женщины испытывают чувство вины (поскольку для женщины получать больше мужа нетрадиционно) или чувство жалости, так как муж «не реализовал» себя как добытчик. Экономическое насилие сказывается на здоровье и на самоощущении жертв.

14.3. Насилие в семье над детьми

Яркое описание физического насилия над детьми в семье, бытовавшее в дореволюционной России, дал М. Горький в своей трилогии «Детство. Отрочество. В людях».

Однажды дед спросил:

— Ну, Олешка, чего сегодня делал? Играл! Вижу по желваку на лбу. Это не велика мудрость желвак нажить! А «Отче наш» заучил?

Тетка тихонько сказала:

— У него память плохая.

Дед усмехнулся, весело приподняв рыжие брови.

— А коли так, — высечь надо!

И снова спросил меня:

— Тебя отец сек?

Не понимая, о чем он говорит, я промолчал, а мать сказала:

— Нет, Максим не бил его, да и мне запретил.

— Это почему же?

— Говорил, битьем не выучишь.

— Дурак он был во всем, Максим этот, покойник, прости господи! — сердито и четко проговорил дед.

До субботы я тоже успел провиниться. Дед засек меня до потери сознания, и несколько дней я хворал…

Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой.

Как-то вдруг, точно с потолка спрыгнув, явился дедушка, сел на кровать, пощупал мне голову холодной, как лед, рукою:

— Здравствуй, сударь… Да ты ответь, не сердись!.. Ну, что ли?..

> Вынув из кармана пряничного козла, два сахарных рожка, яблоко и ветку синего изюма, он положил все это на подушку, к носу моему.
>
> — Вот, видишь, я тебе гостинца принес!
>
> Нагнувшись, поцеловал меня в лоб; потом заговорил, тихо поглаживая голову мою маленькой жесткой рукою, окрашенной в желтый цвет, особенно заметный на кривых, птичьих ногтях.
>
> Я тебя тогда перетово, брат. Разгорячился очень; укусил ты меня, царапал, ну, и я тоже рассердился! Однако не беда, что ты лишнее перетерпел, — в зачет пойдет! Ты знай: когда свой, родной бьет, — это не обида, а наука! Чужому не давайся, а свой ничего! Ты думаешь, меня не били? Меня, Олеша, так били, что ты этого и в страшном сне не увидишь. Меня так обижали, что, поди-ка, сам Господь Бог глядел — плакал! А что вышло? Сирота, нищей матери сын, я вот дошел до своего места, — старшиной цеховым сделан, начальник людям.

Насилие над детьми в семье представляет серьезную проблему для общества во всех странах. Например, в Румынии 96% населения рассматривают побои ребенка как форму дисциплинирования и считают, что это не будет иметь никакого негативного влияния на развитие ребенка (Мунтян и Рот, 2001). В Индии 57,9% родителей заявили, что они использовали «нормальные» телесные наказания, а в 41% — оскорбления (Ума Сегал, 1995)[1]. В Кении физическое наказание тоже является приемлемым способом воспитания детей.

Е. Т. Соколова (1981) пишет, что любой вид насилия над ребенком в семье создает ситуацию, непригодную для его жизни. Желание родителей «переломить», «усовершенствовать» ребенка с помощью эмоциональной депривации, психологического манипулирования, унижения и угроз, физических наказаний заставляют его жертвовать своими насущными потребностями, чувствами, мировоззрением в угоду ожиданиям или воспитательным принципам родителей. Если же ситуация давления становится хронической и ребенок терпит такие формы насилия, как инцест, избиения, то формируется особая личность, характеризующаяся диффузной самоидентичностью, полизависимым когнитивным стилем, привязанностью самооценок к оценкам других людей; приостанавливается психическое развитие ребенка (Ильина С. В., 1998).

По данным российской статистики, в каждой четвертой российской семье имеют место факты насилия, около двух с половиной миллионов несовершеннолетних в возрасте до 14 лет избивают родители. Ежегодно

[1] Child Abuse. International Encyclopedia of Marriage and Family, 2003.

около 150 тыс. детей убегают из дома, спасаясь от жестокого обращения родителей и невыносимой обстановки дома.

Участились случаи умерщвления грудных детей: например, с 1993 по 1996 г. количество таких преступлений возросло в 1,5 раза (Силласте Г. Э., 1998).

Как правило, насилию подвергаются дети в дезадаптированных семьях, где обострены социальные проблемы. Это семьи, где родители — алкоголики, наркоманы, религиозные фанатики, несовершеннолетние, беженцы или безработные, с физическими недостатками (глухие, слепые), умственно отсталые или с психическими заболеваниями, а также неполные семьи.

Жестокое обращение родителей с детьми и пренебрежение их интересами могут иметь различные виды и формы. Например, в Индии одной из форм насилия, с которой сталкиваются многие молодые женщины, является брак в детском возрасте. Из-за крайней нищеты многие девочки воспринимаются как финансовое бремя для их семей и вынуждены выходить замуж в обмен на деньги. В некоторых случаях девушки продаются в публичные дома. На Западе как насилие рассматриваются эксплуатация в ряде стран, таких как, например, Индия (Segal, 2001), детского труда и призыв на военную службу детей в Шри-Ланке (de Silva, 2001).

Физическое насилие — нанесение ребенку родителями или лицами, их заменяющими, физических травм, различных телесных повреждений. В некоторых семьях в качестве дисциплинарных мер используются различные виды физических наказаний — от подзатыльников и шлепков до порки ремнем. Признаками физического насилия являются синяки, царапины, рубцы, ожоги, ссадины, раны, переломы, а также грубое обращение, которое может привести к увечьям.

По данным ВОЗ[1], 25–50% всех детей сообщают о том, что подвергались физическому насилию. От произвола родителей ежегодно страдают около 2 млн детей в возрасте до 14 лет. Каждый десятый из них умирает, а 2 тыс. кончают жизнь самоубийством[2]. Это касается и высокоразвитых стран, причем на протяжении многих лет ситуация не изменяется. Например, в 1980-х гг. В США 16% детей сообщали, что их избивают братья или сестры (Straus et al., 1980); от 3 до 5 тыс. детей умирали еже-

[1] Всемирная организация здравоохранения. Жестокое обращение с детьми // Информационный бюллетень. № 150. Август 2010 г.

[2] Стратегия борьбы с насилием в семье: справочное руководство ООН. N. Y., 1998.

годно в результате жестокого обращения с ними их родителей (Pagelow, 1984). В 2011 г. В США от жестокого обращения с детьми до 18 лет от физического насилия пострадало 118 825 детей.

Та же тенденция наблюдается и в России. По данным на 1997 г., ежегодно около 2 млн детей в возрасте до 14 лет избивались родителями, 10% этих детей умирли от побоев, а 2 тыс. детей закончили жизнь самоубийством. МВД ежегодно фиксирует более 600 тыс. правонарушений в отношении несовершеннолетних, из них 400 тыс. составляют правонарушения, совершенные родителями в отношении собственных детей.

Число детей, пострадавших от преступлений в 2006 г., составляло 194 тыс., из которых погибли 2,9 тыс., получили тяжкий вред здоровью — 3,0 тыс. В 2010 г. В России от преступных посягательств пострадали 100 тыс. несовершеннолетних, из которых погибли 1,7 тыс., получили тяжкий вред здоровью — 2,4 тыс.

Исследование, проведенное в 2006 г. в трех городах России (Ижевск, Самара, Саратов), в котором участвовали 1783 человека, в том числе 842 родителя несовершеннолетних детей, свидетельствует о толерантности взрослых в отношении к телесным наказаниям. Оказалось, что каждый третий из опрошенных знает о случаях жестокого обращения с детьми, причем половина считает телесные наказания недопустимыми, треть респондентов полагает, что применять такие меры следует в зависимости от ситуации, а примерно один из десяти опрошенных считает, что бить детей можно.

По данным опроса, свыше 30% применяет телесные наказания, причем большинство использует достаточно жесткие меры: порку ремнем, избиение. А тех, кто воздействует на ребенка только словом, беседой, оказалось лишь 14%. С одной стороны, россияне в большинстве своем нетерпимы к жестокому обращению с детьми и неравнодушны к страданиям ребенка: из трех человек двое сообщили, что вмешаются, увидев, как родитель бьет свое дитя, а третий пройдет мимо. С другой стороны, эти представления достаточно противоречивы: телесные наказания в качестве воспитательной меры применяют в каждой второй семье, и лишь половина опрошенных считает их недопустимыми.

На вопрос, что они предпримут, если окажутся свидетелями жестокого обращения с ребенком, треть опрошенных сказали, что не будут вмешиваться в происходящее, считая это внутренним делом семьи: по их мнению, родители лучше знают, как поступать со своими детьми. Почти

70% постараются остановить насилие, вмешаются и постараются как-то помочь ребенку. Правда, только чуть более 14% конкретно представляют себе свои действия.

Выявлены «сензитивные к насилию» периоды развития ребенка, когда анатомо-физиологические, гормональные, эмоционально-личностные и психосоциальные изменения делают его легкотравмируемым. Такими считаются прежде всего дошкольный и подростковый периоды. Данные общенационального исследования проблем семейного насилия над детьми в США подтверждают это. Так, чаще всего жертвами физического насилия со стороны родителей становятся дети именно от 12 до 17 лет, достигая пика для 15–17-летних (14,2 случая на 1 тыс. исследуемых). Для дошкольников тот же показатель гораздо ниже (6,3 на 1 тыс.).

Взрослым в это время необходимо проявлять максимум понимания и отзывчивости. Однако именно незрелость родительских чувств, неумение или нежелание контролировать собственные эмоции и невротические состояния не позволяют выработать терпимость и чуткость к тем изменениям, которые происходят с детьми в эти возрастные периоды (Кошелева А. Д., Алексеева Л. С., 2000). Это способствует увеличению у подростков и без того имеющейся склонности к агрессии, грубости, неподчинению. Физические наказания снова приводят к вспышкам агрессии, грубости, что провоцирует новые наказания и т. д. по нарастающей.

Хотя чаще дети виновными признают обоих родителей (94,2% всех случаев), в целом насильственные методы воспитания чаще допускают женщины (60,8%), а не мужчины (39,2%). Родные матери виновны в 66% случаев физического насилия и в 75% фактов плохого ухода и пренебрежения детьми, родные отцы — в 45 и 41% соответственно. Семейное воспитание и уход за ребенком — в большей степени материнская, а не отцовская сфера (Кинард Э. М., 1993).

Отвечая на вопрос: «За что бьют детей в знакомых вам семьях?», респонденты назвали следующие причины: за провинности — 26%; срывая раздражение — 29; когда в доме беда — 20; когда не могут справиться с ними другим способом — 19; потому что их не любят — 5; это делают психически неуравновешенные — 14; это делают пьяницы, алкоголики — 29% (Периодический доклад... 1997).

Эмоциональное насилие — постоянное или периодическое словесное оскорбление ребенка, унижение его человеческого достоинства, обви-

нение его в том, в чем он не виноват, демонстрация нелюбви, неприязни к ребенку, враждебное или безразличное отношение к нему. К этому насилию относятся предъявляемые к ребенку требования, не соответствующие его возрастным возможностям.

Н. А. Окольничникова (2005) выявила, что родители наказывают 7-летних детей разными способами, используя их примерно в одинаковой пропорции: 30% подвергались физическому наказанию, 40 — вербальному и 30% —запрету на удовольствие. Кроме того, оказалось, что вид наказания каким-то образом связан с креативностью детей: она наименьшая у тех, кого наказывали физически, наибольшая — у тех, кого наказывали вербально, и средняя — у тех, кого наказывали запретом на удовольствие.

Сексуальное насилие. Под сексуальным насилием подразумевается вовлечение ребенка в сексуальные действия, направленные на физическое удовлетворение человека, осуществляющего насилие, или на извлечение им прибыли. К формам сексуального насилия над ребенком относятся предложение или принуждение ребенка к сексуальным действиям (вне зависимости от результата), демонстрация ребенку гениталий, демонстрация ребенку порнографии, сексуальный контакт с ребенком, физический контакт с гениталиями ребенка, рассматривание гениталий ребенка без физического контакта, использование ребенка для производства детской порнографии.

Статистические данные о распространенности сексуального насилия в отношении детей в разных странах весьма противоречивы. По данным ВОЗ, примерно 20% женщин и 5–10% мужчин сообщают о том, что в детстве подвергались сексуальному насилию. Скрытое анкетирование студенток Гарвардского университета (Herman, Hirschman, 1981) показало, что каждая четвертая из них в детстве подвергалась абьюзу. В США ежегодно сообщается властям о 150–200 тыс. случаях сексуальных злоупотреблений в семье. При этом контактному насилию в возрасте до 14 лет подвергаются 20–30% девочек и 10% мальчиков. В 45% случаев насильником является родственник, в 30% — знакомый семьи. В 90% случаев агрессоры — мужчины. Реальные цифры могут быть гораздо выше, так как в статистику вошли только те факты, о которых жертвы или их близкие решились рассказать.

От 10 до 30% взрослых женщин в Великобритании были жертвами сексуального насилия в детстве, причем только в 25% случаев посягатель был неизвестен ребенку (Ashurst P., Hall Z., 1991).

Официальная отечественная статистика сексуального насилия над детьми отсутствует, однако, по данным выборочных исследований, самая распространенная форма сексуального насилия — это развратные действия против малолетних (ответственность за них предусмотрена ст. 135 УК РФ). В нашей стране официально акты сексуального насилия зарегистрированы у 5–7% семей, но анонимные опросы выявляют более высокие показатели — 15–17%[1]. В 1994 г. МВД РФ упоминало о 3110 случаях сексуальных посягательств по отношению к несовершеннолетним. По подсчетам же благотворительного фонда «Защита детей от насилия», подобным посягательствам ежегодно подвергаются более 60 тыс. детей (учитываются все сексуальные злоупотребления, не только внутри семьи). По разным источникам, в 75–90% случаев насильники хорошо знакомы жертвам; в 35–45% насильником является близкий родственник, а в 30–45% — дальний.

Около 70% детей испытывали развратные действия со стороны родственников и знакомых. 28% детей испытывают сексуальное насилие со стороны родителей или опекунов. Весьма приблизительными являются данные о правонарушении в отношении детей по ст. 131 УК РФ (изнасилование), однако около 50% данных случаев приходится на насилие, совершенное в отношении близких родственников (дочерей, сестер, внучек). Приведенные данные указывают на то, что в 2/3 случаев насилие носит семейный характер и только 1/3 детей страдает от насилия вне семьи (Асанова Н. К., 1997). Девочки подвергаются сексуальному насилию в 3 раза чаще мальчиков.

14.4. Факторы риска насилия над детьми

В зарубежных исследованиях выделяются факторы риска для ребенка подвергнуться физическому насилию. Это прежде всего психологические особенности родителей. Такие родители характеризовались как импульсивные (Elmer E., 1965), незрелые (Cohen M. et al., 1966), ригидные, родители-тираны или хронически агрессивные (Merrill E., 1962), зависимые и нарциссические (Pollock C., Steele B., 1972), отгороженные от семьи и друзей (Steele B., Pollock C., 1968) и испытывающие супружеские трудности (Kempe C. H. et al., 1962).

[1] Дети России: насилие и защита: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: РИПКРО, 1997.

В. Стил (Steele B., 1968) отмечал, что большинство родителей, жестоко обращающихся с детьми, сами в детстве часто подвергались физическому жестокому обращению, отвержению, депривации и пренебрежению со стороны родителей.

Д. Рапопорт и А. Руберкуэ (Rapoport D., Roubergue A., 1988) пришли к выводу, что 60% родителей «забитых детей» имели различные психические расстройства (депрессии, тяжелые тревожные расстройства, острые бредовые реакции, алкоголизм и др.), социально-экономические и связанные с ними проблемы, а также тяжелую депривацию в собственной истории жизни в детском возрасте. 15% родителей, не имевших явных психических расстройств, тем не менее нуждались в медико-психологической помощи.

Во многих исследованиях показана сильная связь между физическим насилием и алкоголизмом, наркоманией. В частности, инцест наблюдался в семьях, среди которых было 35% алкоголиков (Garbarino J., Sherman D., 1980; Leventhal J. M., 1982; Kasim M. S. et. al., 1994). Такие родители имеют низкую самооценку, теряют уверенность в своих родительских способностях, чувствуют себя неудачниками, часто у них наблюдается депрессия (Cigno K., 1995; Wind T. W., Silvern L., 1994). Матери боятся быть покинутыми. Отец с отрицательным чувством самооценки может проявлять насилие в ярости, чувствуя себя отвергнутым.

А. Г. Грин (Green A. H., 1976) проводил углубленный опрос 60 матерей, физически жестоко обращавшихся со своими детьми, которые сравнивались с двумя контрольными группами, состоявшими из 30 матерей, пренебрегавших детьми, и 30 нормальных матерей. 20% матерей, физически злоупотреблявших детьми, участвовали в последующих интервью или психотерапии. Матери, подвергавшие физическому насилию своих детей, отличались от контрольных групп тем, что чаще воспринимали своих детей как трудных и нуждающихся, своих родителей и супругов — как эмоционально бесполезных, чаще испытывали полное отсутствие помощи в воспитании ребенка, а также переживали отвержение, критику и наказания со стороны собственных родителей в детстве. У матерей, физически жестоко обращавшихся с детьми, преобладали такие личностные характеристики, как недостаточный контроль импульсивности, низкое самоуважение, высокий нарциссизм, изменчивость и нестабильность идентификации; доминировали враждебные принятия «плохой» само- и объектной идентификации раннего детства.

Несовершеннолетние родители и родители до 21 года составляют особую группу риска в отношении насилия над ребенком в связи с тяжелой финансовой ситуацией в молодой семье, неадекватными знаниями о ребенке, его развитии, более низким уровнем образования, плохой социальной поддержкой (Cigno K., Burke P., 1995; Wind T. W., Silvern L., 1994). В эту же группу высокого риска входят и матери-одиночки, чему часто сопутствуют финансовая необеспеченность, отсутствие необходимой социальной поддержки (Wind T. W., Silvern L., 1994).

Национальное исследование США, проведенное в 1988 г., показало, что среди родителей, жестоко обращающихся с детьми, более высокий уровень стрессов в жизни и они обладают меньшим количеством информации о программах социальной поддержки, чем нормальные родители.

Е. Ф. Ярская-Смирнова (2004) систематизировала факторы риска, увеличивающие вероятность насильственного поведения со стороны родителей.

Опыт насилия в детстве. Наличие в детстве непосредственного опыта насильственного отношения со стороны собственных родителей.

Особенности личности взрослого. Эмоциональная неустойчивость, привычная раздражительность (особенно в адрес ребенка), импульсивность, низкий самоконтроль, склонность к доминированию, агрессивность и др.

Особенности отношения к ребенку. Характер общения с ребенком строится с позиции власти, отличается требовательностью и контролем. Доминируют культ силового метода решения проблем и убеждение в эффективности физических наказаний.

Низкий уровень развития социальных навыков. Слабо развиты умения решать конфликты и проблемы, справляться со стрессом, просить помощи у других.

Неразвитость родительских навыков и чувств. Особенно это относится к молодым матерям (до 18 лет). Внешне это проявляется в сосредоточенности на собственных интересах, отсутствии подлинного внимания, заботы и чувствительности к потребностям ребенка.

Психическое заболевание. Нервозность, депрессивность, низкий контроль поведения, возбудимость, эмоциональная холодность, склонность к суицидам, алкоголизм, наркомания, изменения личности.

Ситуационные факторы. Длительные материальные проблемы, внезапная потеря работы, перенаселенность («скученность»), переживание острого или хронического стресса, изоляция родителей от привычного социального окружения.

Среди мотивов жестокого отношения [родителей к детям] могут быть:

бессознательная потребность перенести на другого унижение, которому подвергались когда-то сами;

потребность найти выход для подавленных чувств;

потребность обладать и иметь в своем собственном распоряжении живой объект для манипулирования;

самозащита, в том числе потребность идеализировать собственное детство и собственных родителей посредством догматического приложения родительских педагогических принципов на своего собственного ребенка;

страх появления того, что было подавлено, того, на что наталкиваются в своих собственных детях, того, что должно быть уничтожено в самом зародыше;

реванш за боль, которую родитель когда-то пережил.

Ардашева В. С. с соавт., 2003

Еще одним фактором риска в отношении насилия над детьми являются сами дети. Обычно в семье избирается только один ребенок, который расценивается как наиболее трудный и обременительный.

Большинство случаев физического жестокого обращения с детьми случается в первые два года жизни. Это может быть связано с непрекращающимся криком и раздражительностью младенца, что оказывает негативный эффект на привязанность родителей к ребенку (Moss H. A., Robson K. S., 1970). С. М. Белл, М. Д. Эйнсуорт (Bell S. M., Ainsworth M. D., 1970) отметили, что если матери не могли переносить крик своих младенцев, они уходили от ребенка, оставив его одного. Но и младенцы, которые пассивны, сонливы и отстают в развитии, могут тоже фрустрировать матерей и провоцировать их жестокое физическое обращение с детьми.

Дети с физическими и психическими отклонениями также уязвимы для злоупотребления. Дети-инвалиды с видимыми физическими дефектами, врожденными аномалиями, умственной отсталостью или хро-

ническими психическими заболеваниями не только обременительны для родителей, но рассматриваются как постоянное уязвление самолюбия. В некоторых исследованиях отмечается, что в обычной популяции детей распространенность умственной отсталости составляет 2–3%, а в популяции детей, подвергающихся жестокому обращению, эти цифры доходят до 20– 40% (Cigno K., Burke P., 1995; Wind T. W., Silvern L., 1994).

Младенцы, родившиеся преждевременно и имеющие низкий вес при рождении, также занимают большое место в статистике физического жестокого обращения (Elmer E., Gregg G. S., 1967; Klein M., Stern L., 1971; Simons B. et al., 1966). У них чаще отмечаются различные медицинские проблемы и задержки развития. Они, как правило, более раздражительны, чем их нормальные сверстники, часто требуют специальной техники кормления в связи с нарушениями питания. Их социальная неотзывчивость может быть особенно фрустрирующей для «склонных к злоупотреблению» родителей с большими надеждами в отношении своих детей. Поэтому такие младенцы обычно рассматриваются как «непривлекательные».

Вынужденная длительная разлука матери с ребенком в ранний послеродовой период также препятствует нормальному развитию привязанности матери к ребенку (Klans M. H., Kennell J. H., 1970). Отмечено, что недоношенные дети, взятые из интенсивной терапии, на первом году жизни в восемь раз чаще подвергаются физическому насилию, чем родившиеся в срок (Cigno K., Burke P., 1995).

В более старшем возрасте ребенок может способствовать физическому насилию своей агрессивностью, гиперактивностью и импульсивным поведением. Такие дети менее охотно выполняют правила, что раздражает родителей и склоняет их к насилию. В свою очередь, ребенок начинает подражать насильственному поведению своих родителей, чтобы предотвратить жестокое обращение по отношению к себе. В результате создается порочный круг плохого поведения и насилия.

Правда, возникают сложности определения того, является ли плохое поведение результатом насилия или способствующим ему фактором. По данным национального исследования США, проведенного в 1988 г., оказалось, что почти у 25% детей были трудности, связанные с поведением, в течение года до насилия. Но это же является и симптомом плохого родительского обращения.

14.5. Последствия насилия над детьми

Любой вид жестокого обращения с детьми ведет к самым разнообразным последствиям: снижению самооценки, утрате веры в себя, формированию патологических черт характера, вызывающему нарушение социализации, физическим травмам, повреждениям, острым психическим нарушениям. Дети переживают страх, тревогу. Малыши, подвергающиеся жестокому обращению, часто отстают в росте, массе, они позже начинают ходить, говорить, реже смеются. У таких детей часто наблюдаются «дурные привычки»: сосание пальцев, кусание ногтей, раскачивание. У детей старшего возраста возможно развитие тяжкой депрессии с чувством собственной ущербности, неполноценности.

Реакция детей на эмоциональное насилие может выражаться в дистанцировании от насильника, интериоризации оскорбительных оценок или сопротивлении путем оскорбления насильника. Эмоциональное насилие может приводить к формированию болезненной привязанности, склонности жертв винить себя в совершенном в отношении них насилии, выученной беспомощности и чрезмерно пассивному поведению.

Дети, подвергшиеся различного рода насилию, испытывают гнев, который чаще всего изливают на более слабых: младших по возрасту детей, на животных. Часто их агрессивность проявляется в игре, порой вспышки их гнева ни имеют видимой причины. Некоторые из них, напротив, чрезмерно пассивны, не могут себя защитить.

Насилие любого вида является тяжелой психологической травмой для ребенка, поэтому дети испытывают следующие эмоциональные переживания (по Virdginia child protection newsletter, spring, 1986):

Чувство ответственности за насилие. Реакция ребенка: «Если бы я был хорошим, мои родители не делали бы друг другу и мне больно…».

Чувство вины за постоянное насилие или жестокость могут испытывать дети при частом или непрекращающемся насилии.

Постоянное возбуждение. Даже в спокойной обстановке от ребенка можно ожидать вспышки агрессивности.

Переживания потери. Дети, отделенные от родителя, применяющего насилие, постоянно переживают потерю. Они могут сожалеть и об утрате жизненного уклада, и о потере положительного образа родителей, применявших насилие.

Страх быть покинутым. Дети, отделенные от одного из родителей в результате акта насилия, могут испытывать глубокий страх, что второй родитель также может их покинуть или умереть. Поэтому часто ребенок отказывается даже на короткое время расставаться со вторым родителем.

Чрезмерная потребность во внимании взрослых. Эта потребность может быть особенно проблематичной для родителей, которые пытаются справиться с собственной болью или уже принятыми решениями. На детей может обращаться негативное внимание, когда они воспроизводят насилие, свидетелями которого были.

Боязнь телесных повреждений. Значительный процент детей, являющихся свидетелями насилия или испытывающих его на себе, могут беспокоиться о том, что родитель, применяющий насилие, откажется от ребенка, либо причинит ему вред, либо будет вымещать зло на нем в различных ситуациях.

Стыд. Чувствительность к позору насилия может выражаться в форме стыда, в особенности для более старших детей.

Беспокойство о будущем. Неуверенность в повседневной жизни заставляет детей думать, что жизнь будет непредсказуемой и в дальнейшем.

Перечисленные переживания в разных возрастах могут иметь различные проявления:

Возраст 0–6 мес: малоподвижность, безразличие к окружающему миру, отсутствие или слабая реакция на внешние стимулы, в 3–6 мес. — редкая улыбка.

Возраст 6 мес.–1,5 года: боязнь взрослых, боязнь физического контакта со взрослыми, испуг при попытке взрослых взять на руки, постоянная беспричинная настороженность, плаксивость, хныканье, замкнутость, печаль.

Возраст 1,5–3 года: боязнь взрослых, редкие проявления радости, плаксивость, реакция испуга на плач других детей, крайности в поведении — от агрессивности до безучастности.

Возраст 3–6 лет: пассивная реакция на боль, отсутствие сопротивления, примирение со случившимся, заискивающее поведение, чрезмерная уступчивость, ночные кошмары, страхи, регрессивное поведение (проявление действий или поступков, характерных для более младшего возраста); болезненное отношение к замечаниям, критике; агрессивность, лживость, жестокость по отношению к животным, младшим; воровство, склонность к поджогам; не свойственные возрасту знания о сексуальном поведении, сексуальные игры с собой, сверстниками или игрушками, открытая мастурбация, нервно-психические расстройства и т. п.

Младший школьный возраст: стремление скрыть причину повреждений и травм, одиночество, замкнутость, стремление к уединению, отсутствие друзей или ухудшение взаимоотношений со сверстниками, боязнь идти домой после школы, низкая успеваемость, не свойственное возрасту

сексуально окрашенное поведение, стремление полностью закрыть тело одеждой, даже если в этом нет необходимости, и т. п.

Подростковый возраст: депрессия, низкая самооценка, побеги из дома, криминальное или антиобщественное поведение, употребление алкоголя, наркотиков, угрозы или попытки самоубийства, сексуализированное поведение, жалобы на боли в животе и т. п.

Ардашева С. В. с соавт., 2003

По данным исследований, любые формы насилия в детстве увеличивают вероятность многих хронических заболеваний. К наиболее надежным исследованиям в этой сфере относят масштабное исследование «Опыт неблагополучного детства» (Adverse Childhood Experiences, ACE), проведенное правительственным Центром по профилактике и контролю заболеваемости США, в ходе которого были обнаружены корреляции между пережитым насилием или отсутствием заботы и повышенным уровнем заболеваемости хроническими болезнями, рискованного поведения и сокращенной продолжительности жизни.

Наиболее частой реакцией на насилие является низкая самооценка. Личность с низкой самооценкой переживает чувство вины, стыда. Вследствие этого ребенку трудно добиться уважения окружающих, успеха, его общение со сверстниками затруднено.

Решение своих проблем дети — жертвы насилия часто находят в криминальной, асоциальной среде, у них формируется пристрастие к алкоголю, наркотикам, они начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые действия. Девочки нередко начинают заниматься проституцией, у мальчиков может нарушаться половая ориентация. И те и другие впоследствии испытывают трудности при создании собственной семьи, они не могут дать своим детям достаточно тепла, поскольку не решены их собственные эмоциональные проблемы.

Последствиями сексуального насилия в детстве могут быть чувство вины, самообвинения, ночные кошмары, бессонница, страхи, связанные с воспоминаниями о насилии (в том числе страхи объектов, запахов, мест, посещений врача и др.), проблемы самооценки, сексуальные расстройства, хронические боли, химические зависимости, самоповреждения, суицидальные мысли, соматические расстройства, депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство, тревожность, другие психические расстройства (в том числе пограничное расстройство личности и диссоциативное расстройство личности, булимия).

14.6. Меры борьбы с насилием над детьми

Насилие над детьми запрещено рядом международных документов и национальных законов. Российское законодательство предусматривает различные виды ответственности за жестокое обращение с детьми: административную (за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних — ст. 5.35 КоАП) или уголовную (за все виды физического и сексуального насилия над детьми, например ст. 116 УК РФ (побои), ст. 117 (истязание), ст. 131 (изнасилование), ст. 135 (развратные действия)).

Борьба с насилием над детьми затруднена рядом обстоятельств. Одно из них — то, что большинство дел о насилии над детьми в семье по разным причинам не доходят до милиции и работников социальных служб. Родители отказываются от показаний, кроме того, социальная ответственность соседей, родственников — всех тех, кто может увидеть или услышать, как избивают ребенка, очень низка. Да и сами дети считают, что любая семья лучше приюта, а также боятся потерять любовь немилосердных родителей.

Другое обстоятельство состоит в том, что граница между телесными наказаниями и физическим насилием размыта. Культурные нормы, определяющие физическое насилие, сильно различаются: как среди специалистов, так и среди общественности нет единого мнения о том, какие именно действия считать физическим насилием.

Еще одно обстоятельство связано с организацией борьбы государственными структурами и выработкой определенной стратегии, которая пока четко не определена. Как отмечает Л. С. Алексеева (2003), решение проблемы домашнего насилия над детьми в России на общегосударственном уровне сводится к таким радикальным мерам, как лишение родителей юридических прав на ребенка и последующее его помещение в приют или в закрытое государственное воспитательное учреждение (интернат, детский дом). Такая стратегия вызывает множество протестов и дискуссий: ведь привычной домашней обстановки лишается ребенок (а не насильник!), и получается, что наказывается именно жертва. Кроме того, даже переживая жестокое обращение, многие, и особенно маленькие дети, искренне привязаны к «родным» мучителям. После разлучения они еще сильнее чувствуют себя никому ненужными, отрезанными от привычного круга, укрепляющего их веру в себя и предоставляющего

хоть какую-то опору. Что касается родителей, то наказание лишь развязывает им руки и полностью снимает ответственность (Рокицкий М. Р., 2001).

Американский социолог Л. М. Клоски считает, что к применению самых строгих санкций надо относиться как к хирургическим операциям, т. е. как к средству, которым следует пользоваться избирательно и осторожно и только в самых крайних случаях. Более эффективен и целесообразен тщательный анализ конкретного случая с учетом мнения всех специалистов, а не только опекунских организаций, реагирующих не столько на скрытые причины, сколько на явные следствия (American Psychiatric Association... 1987).

Во многих штатах США еще в конце 60-х годов прошлого столетия было принято законодательство, обязывающее граждан сообщать властям о каждом случае подозрения в плохом обращении с детьми. В 1974 г. был принят закон о предотвращении плохого обращения с детьми и ликвидации его последствий; открыт Национальный центр по проблемам жестокого обращения с детьми и детской запущенности (Даллер, 1993).

Социальная работа с несовершеннолетними жертвами насилия за рубежом опирается на практику оповещения. Любой человек по собственной инициативе может поставить в известность социальную службу, призванную заниматься защитой детей, или полицию о случае или подозрении на факт насилия над ребенком в семье. Такие сообщения считаются не столько благородным намерением, сколько элементарной необходимостью. Что касается врачей, педагогов, тренеров, воспитателей, то для них это — прямая обязанность. Сообщение можно передать по телефону, послать по почте, оформить непосредственно в соответствующем учреждении в течение 24 часов после происшествия. Законом предусмотрены неприкосновенность информирующих лиц, сохранение анонимности и конфиденциальности, а также наказания для тех, кто эти правила нарушает. Социальные работники расследуют дело, в течение 48 часов вступают вместе с полицейским и медработником в контакт с семьей (если случай очень тяжелый — немедленно). Заметим, что работают такие службы круглосуточно и без выходных.

Социальный работник в домашних условиях обсуждает с родителями полученную информацию, общается с ребенком, тщательно наблюдает за их поведением, оценивая реальные условия жизни семьи, контактирует со специалистами, учителями, соседями, друзьями и родственниками ребенка (Даллер, 1993).

Расследование предусматривает безотлагательное врачебное и психологическое освидетельствование ребенка в условиях социального или

медицинского учреждения, госпитализацию (в приюте или медицинском стационаре в качестве кратковременной защитной меры, даже если в этом и нет острой необходимости). Согласия или разрешения родителей не требуется. Социальный работник вправе обратиться в суд, если его расследованию оказывают сопротивление. Даже в случае неподтверждения обвинений социальный работник периодически навещает ребенка.

Вмешательство определяется уже как непосредственная социальная работа с ребенком и его семьей в ситуации сильного стресса, вызванного насилием, жестоким обращением. Она включает в себя оказание конкретных услуг, психологическую и социальную поддержку, социальную терапию и психотерапию. Завершение дела предполагает, что социальная служба решает семейные проблемы в течение определенного времени, а именно от 3 месяцев до 1 года, и за этот период ее работники должны приложить максимум усилий для того, чтобы ситуация кардинально улучшилась.

И только в том случае, когда доказано, что никаких улучшений не наблюдается и существует реальная угроза жизни ребенка, принимаются меры по его изоляции. В отдельных случаях по решению суда виновного родителя вынуждают покинуть дом, где он проживает и куда должен вернуться после реабилитации ребенок. Таким образом, хотя принятие жестких решений в отношении родителей вполне возможно, тем не менее эти меры не рассматриваются в качестве единственно приемлемых и рациональных.

В Семейном кодексе РФ также закреплена обязанность должностных лиц и иных граждан, которым станет известно об угрозе жизни и здоровью ребенка, принимать меры для защиты его прав и законных интересов. Но сообщать об этом надлежит не в органы социальной защиты по месту фактического местонахождения ребенка, а в органы опеки и попечительства. Именно последние принимают необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка. Они же могут отобрать ребенка у родителей (или у одного из них). При этом сначала требуется уведомить прокурора, затем в течение 7 дней после вынесения органом местного самоуправления акта об отобрании ребенка обратиться в суд с иском о лишении родительских прав (ст. 77 СК РФ). Как видно, вся эта процедура излишне бюрократизирована и растянута во времени. К тому же органы опеки начинают работать только со случаями, принимающими крайние, необратимые формы, и никак не влияют на возможности их предупреждения и устранения.

Алексеева Л. С., 2003

Богатый в этом отношении зарубежный опыт показывает, что наиболее эффективна временная изоляция пострадавшего ребенка (например, помещение ребенка в приют для проведения с ним реабилитационных

мероприятий, временное устройство в фостерную семью[1] и даже арест родителя от 15 до 30 суток). Жертва получает некоторую передышку для обретения чувства безопасности и уверенности в себе. Только в том случае, когда поведение родителей и после применения к ним санкций (со стороны ли милиции, органов опеки, врачей, педагогов, соседей и родственников) остается без изменений, необходимы другие, более кардинальные меры.

В России действуют различные телефоны доверия для детей, в частности всероссийский бесплатный телефон доверия: 8 800 2000 122.

[1] Фостерная семья — форма временного устройства в семью детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, с целью реабилитации, изменения ситуации в кровной семье, а при невозможности — передачи на усыновление. Целью данной формы является реализация приоритетного права ребенка жить и воспитываться в семье, провозглашенная в Конвенции ООН о правах ребенка. Фостерная семья — альтернативная форма устройства, применяемая в случаях, когда ввиду объективных причин невозможно применение таких приоритетных форм устройства детей, как усыновление или опека. В фостерную семью ребенок передается на основании гражданско-правового договора, в некоторых странах дополнительно заключается и трудовой договор между фостерным воспитателем и службой по устройству детей.
Возраст несовершеннолетних, направляемых в фостерные семьи по определению суда, от 13 до 18 лет, но в отдельных случаях — от 11 лет до 21 года. В среднем срок пребывания в такой семье — один год, минимальный срок — 48 часов, максимальный — 2,5 года. Такие семьи получают финансовую поддержку на содержание подростка — 26 евро в день в период нахождения несовершеннолетнего в семье. Однако заработной платой фостерные родители не обеспечиваются.

ГЛАВА 15

Запрет и наказание как формы насилия

15.1. Запрет как средство воспитания и способ профилактики несчастных случаев[1]

Запрет — социальное явление, связанное с ограничением свободы человека. Запреты необходимы, чтобы сделать возможным сосуществование множества людей с их разными, иногда противоречивыми желаниями, чтобы сохранить здоровье и жизнь отдельных индивидуумов. Запрещается то, что исходя из опыта (человечества или отдельных взрослых) причиняет вред (психологический или физический) человеку или его окружению. Запреты предохраняют общество от разложения, безнравственности. Поэтому запреты неизбежны и, согласно религиозному учению, возникли вместе с созданием Богом первых людей — Адама и Евы: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16, 17). Общеизвестны заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай [чужого], о субботе: «не делай в оный [день] никакого дела» (Исх. 20:10) и т. д. А в новозаветном Евангелии

[1] Часто вместо слова «запрет» используется слово «табу». Термин «табу» происходит от полинезийского слова «tabu», означающего «священный, неприкосновенный», т. е. связанный с объектами, предназначенными для религиозных церемоний и обычаев и запрещенными для повседневного использования. В настоящее время трактуется как любой запрещенный акт, объект или модель поведения (Оксфордский толковый словарь по психологии).

устами Христа говорится: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мар. 9:43–48). В данном случае запрет выступает уже в качестве метода избавления человека от греха и соблазна. Христос — не единственный учитель своего времени, который практиковал запреты. Книжники и фарисеи тоже накладывали на людей определенные ограничения. Практически духовная жизнь людей и в древние времена начиналась, и сейчас начинается именно с запрета.

Для детей столкновение с первыми запретами является шоком: ведь в начале жизни младенцу разрешали практически все. Некоторых родителей это пугает, и они стараются избегать ситуаций, связанных с запретом. Поэтому им важно решить, какую степень свободы и в чем именно давать своему ребенку. Если ребенок лишен запретов в семье, он все равно столкнется с запретами за пределами семьи, и это для него будет более болезненным, чем могло бы быть при запретах в семье. Кроме того, у таких детей формируется эгоцентрический тип личности, они считают, что все их желания будут обязательно исполнены. Родители, которые стремятся как можно меньше огорчать своими запретами своих детей и избегать конфликтов с ними, начинают идти на поводу у собственного ребенка.

> Почти всегда, обращаясь к ребенку, взрослый начинает свою речь со слова «нельзя». Нельзя того, нельзя этого, нельзя еще, нельзя уже, нельзя до, нельзя после, нельзя никогда. Если взрослому дать волю, он будет твердить «нельзя» с утра до вечера, без передышки, как попугай.
>
> Остер Г. Папамамалогия

С другой стороны, запреты родителей не должны мешать важнейшим потребностям ребенка, проявляемой им активности. Детская активность — это реализация очень важной для развития ребенка потребности в освоении пространства, познании, формировании представлений о себе самом через опробование своих сил.

Родителям часто досаждает «чрезмерная» активность детей: почему им надо так много бегать, прыгать, шумно играть, лазать по деревьям, бросать камни, рисовать на чем попало, все хватать, открывать, разбирать..?

Ответ прост: все это и многое другое — проявления естественных и очень важных для развития детей потребностей в движении, познании, упражнении. Им гораздо больше, чем нам, взрослым, нужно двигаться, исследовать предметы, пробовать свои силы. Запрещать подобные действия — все равно что пытаться перегородить полноводную реку. Лучше позаботиться о том, чтобы направить ее течение в удобное и безопасное русло.

Исследовать лужи можно, но только в высоких сапогах; разбирать часы тоже можно, но только если они старые и давно не ходят; играть в мяч можно, но только не в помещении и подальше от окон; даже бросать камни в цель можно, если позаботиться, чтобы никто при этом не пострадал. Для этого нужно поместить ребенка в подходящую обстановку и разрешить действовать свободно.

Например, за рубежом в некоторых детских учреждениях есть кафельная комната, специально для рисования на стенах. Каждый ребенок может рисовать фломастером или краской сколько ему угодно. После занятий рисунки смывают из брансбойта, и комната готова для следующей группы. Дети очень любят эти занятия, воспитатели тоже.

Гиппенрейтер Ю. Б., 20014, с. 159–160

Обилие запретов со стороны родителей мешают личностному росту ребенка и его индивидуации. Чрезмерная забота о безопасности, стремление «подстелить соломки, чтобы мягче было падать», в конечном счете вредит ребенку, лишает его ценности самостоятельных открытий, мешает формированию привычки опираться только на себя, умения разумно рисковать. Ограничение творческой активности ведет к вытеснению этих импульсов в бессознательную сферу — и тогда мы имеем удобного, послушного ребенка, который, однако, постоянно скучает, не знает, как себя занять без взрослых. Кроме того, у него могут быть и невротические проявления — ночные кошмары, энурез (ночное недержание мочи) или заикание.

Правил (ограничений, требований, запретов) не должно быть слишком много, и они должны быть гибкими.

Как вы понимаете, это правило предостерегает от другой крайности — воспитания в духе «закручивания гаек», т. е. авторитарного стиля общения…

Оба правила, взятые вместе, предполагают особое чувство меры, особую мудрость родителя в решении вопросов о «можно», «следует» и «нельзя».

Найти «золотую» середину между попустительским и авторитарным стилями нам помогает образ четырех цветовых зон поведения ребенка: зеленой, желтой, оранжевой и красной (идея зон принадлежит одному американскому психологу, мы ее видоизменяем и дополняем по-своему).

В зеленую зону поместим все то, что разрешается делать ребенку по его собственному усмотрению или желанию. Например, в какие игрушки играть, когда сесть за уроки, в какой кружок записаться, с кем дружить…

Ища примеры, я, признаться, натолкнулась на трудность: не так уж много оказалось действий по собственному выбору ребенка, на которые согласились бы все родители. Например, некоторые взрослые считают, что нужно контролировать время приготовления уроков, следить за тем, с кем их сын отправился гулять, и т. п. С одной стороны, их беспокойство справедливо, с другой, думаю, они и сами были бы рады снять с себя груз лишних забот.

Действия ребенка, в которых ему предоставляется относительная свобода, находятся в желтой зоне. Ему разрешается действовать по собственному выбору, но в пределах определенных границ. Иначе говоря, он может решать сам, но при условии соблюдения некоторых правил. Например, можно сесть за уроки, когда хочешь, но закончить работу к 8 часам вечера. Можно гулять в своем дворе, но дальше не уходить.

Эта зона очень важна, так как именно здесь ребенок приучается к внутренней дисциплине по известному нам механизму извне-внутрь. Родитель на первых порах помогает ребенку сдерживать непосредственные импульсы, быть осмотрительным и учиться контролировать себя как раз с помощью норм и правил, которые установлены в семье. Постепенно, привыкая к этим правилам, ребенок следует им без особого напряжения. Однако это происходит, только если вокруг правил не было постоянных конфликтов.

Поэтому бесконфликтное принятие ребенком требований и ограничений должно быть предметом особенной вашей заботы. Постарайтесь в каждом случае спокойно (но коротко!) объяснить, чем вызвано ваше требование. При этом обязательно подчеркните, что именно остается ребенку для его свободного выбора. Когда дети чувствуют уважение к их чувству свободы и самостоятельности, они легче принимают родительские ограничения…

Но бывают обстоятельства, когда нам приходится нарушать установленные правила. Такие случаи попадают в следующую, оранжевую, зону.

В оранжевой зоне находятся такие действия ребенка, которые в общем нами не приветствуются, но ввиду особых обстоятельств сейчас допускаются. Например, после долгого отсутствия папа приезжает в 10 часов

вечера, и ребенку разрешают не ложиться спать до его появления и даже завтра не пойти в сад. Или: малыш напуган страшным сном, и мать берет его в свою кровать, пока он не успокоится.

Мы знаем, что исключения только подтверждают правила; не стоит бояться подобных исключений, если они действительно редки и оправданы. Зато дети бывают очень благодарны родителям за готовность пойти навстречу их особенной просьбе. Тогда они даже больше готовы соблюдать правила в обычных ситуациях.

Наконец, в последней, красной, зоне находятся действия ребенка, неприемлемые ни при каких обстоятельствах. Это наши категорические «нельзя», из которых нами не делается исключений.

Гиппенрейтер Ю. Б., 2003, с. 155–158

Запреты должны быть согласованы со всеми взрослыми. Ведь в семье часто бывает, что мама говорит одно, папа — другое, а бабушка — третье. А если еще есть и дедушка?... В такой ситуации, пишет Ю. Б. Гиппенрейтер, ребенку невозможно усвоить правила, привыкнуть к дисциплине. Он привыкает добиваться своего, «раскалывая» ряды взрослых. Поэтому, даже если один родитель не согласен с требованием другого, лучше сейчас промолчать, а потом, уже без ребенка, обсудить разногласия и попытаться прийти к общему мнению.

Не менее важна последовательность в соблюдении правил. Если ребенок два дня подряд ложился в 10 часов вечера вместо 9, то на третий день родителям трудно будет уложить его вовремя, он резонно возразит, что вчера и позавчера они ему «разрешали».

Стоит помнить, что дети постоянно испытывают требования взрослых «на прочность» и принимают, как правило, только то, что не поддается расшатыванию. В противном же случае приучаются настаивать, ныть, вымогать, пишет Ю. Б. Гиппенрейтер.

Запреты могут выражаться не только словами, но и неодобрительной интонацией или взглядом, агрессивной позой взрослого, его общим стилем поведения. Важно, с какой интонацией произносятся запреты: если в слово «нельзя» не вкладывать достаточно силы и убедительности (императивности, требовательности) — ожидаемого эффекта не будет. Требование предполагает наличие ресурса у взрослого настоять на подчинении запрету. Если взрослый не чувствует в себе достаточно сил настоять на требовании, лучше не использовать этот способ запрета.

На вопрос «Почему нельзя?» не стоит отвечать: «Потому, что я так сказал», «Я так велю», «Нельзя, и все!» Нужно коротко пояснить: «Уже поздно», «Это опасно», «Может разбиться…»

Объяснение должно быть коротким и повторяться один раз. Если ребенок снова спрашивает: «Почему?», то это не потому, что он вас не понял, а потому, что ему трудно побороть свое желание. Здесь поможет то, что вы уже проходили: например, активное слушание. Приказы же… усугубляют сопротивление ребенка.

Предложение, в котором вы говорите о правиле, лучше строить в безличной форме. Например, стоит сказать: «Спичками не играют» вместо «Не смей играть спичками!»; «Конфеты едят после обеда» вместо «Сейчас же положи конфету назад!»; «Хвост у кошки не для того, чтобы за него тянули» вместо: «Перестань мучить кошку!»

Гиппенрейтер Ю. Б., 2003, с. 164

В разных культурах существуют разные ограничения. Нашим детям до школы обычно запрещают трогать нож без присмотра родителей, тогда как на о. Самоа девочка 6–7 лет умеет вскрывать кокосовый орех твердым и метким ударом ножа размером с нее саму.

Используя запреты, следует учитывать их неприятную сторону, которая выражается в известном изречении: «Запретный плод сладок». Например, когда подростку начинают ставить запреты, родители невольно усиливают его желание убедиться и проверить, что же на самом деле представляет собой запретный плод.

15.2. Психологические аспекты наказания

Наказание — применение каких-либо неприятных или нежелательных мер в отношении человека или животного в ответ на неповиновение или на неугодное или морально неправильное поведение.

В психологии термин «наказание» означает принудительное действие, которое совершается с целью уменьшения, по крайней мере временно, вероятности того, что какое-либо негативное поведение наказанного повторится. Предполагаемая цель наказания — побудить человека не вести себя данным образом. Следовательно, наказание является одной из форм насилия, используемого с целью исправления человека.

Специалист по детской психологии Кристиане Бассиюне в статье «Когда ломается воля к автономии» пишет, что родители прошлых поколений были убеждены, что цель практического воспитания состояла в том, чтобы вынудить к покорности, подчинить детское «Я» посредством телесных наказаний. Считалось необходимым «выбить своенравие из ребенка». Далее она приводит пример, взятый из книги Ллойда де Моз «Вы слышите, как плачут дети?», дающий представление о частоте применения телесных наказаний в прошлом в Европе: «Один немецкий школьный учитель подсчитал, что он нанес 911 527 ударов палкой, 124 000 ударов хлыстом, 136 715 ударов рукой и 1 115 800 пощечин. Описываемые в источнике удары были обычно тяжелыми, приводили к синякам и кровотечениям, начинали применяться в раннем возрасте и представляли из себя рутинный компонент жизни детей».

Это было в прошлом. Работая над этой статьей, я наткнулся в Интернете на заметку, относящуюся уже к нынешнему году: «Апелляционный суд провинции Онтарио постановил в середине января, что родители и учителя имеют право применять телесные наказания к детям, используя “разумную силу”. При этом было оговорено, что нельзя бить детей моложе двух лет и подростков, использовать ремень или линейку, а также бить детей по голове».

Татарский И. Наказание: психологические аспекты,
или «Наказывать нельзя воспитывать» // Интернет-портал

Однако воспитательный эффект не достигается в том случае, если наказание воспринимается ребенком как своеобразная индульгенция, — ребенок может считать, что раз он наказан, то проблема снята, вопрос решен, его проступок искуплен, точнее уравновешен его страданием, и теперь все можно начинать сначала.

Наказывать детей до 2,5-летнего возраста не имеет смысла. До тех пор пока ребенок не осознал себя как личность, не начал говорить о себе «я», спрашивать с него за разбитую кружку не стоит. Он еще не ассоциирует свои поступки с самим собой и считает, что это сделал не он. Разубеждать его в этом пока рано. Единственное, что можно сделать в таком случае, — это объяснить малышу, что того-то и того-то делать нельзя. Следует иметь в виду, что наказание не всегда приводит к исправлению поведения и может иметь для ребенка и негативные последствия.

Часто наказание лишь преображает негативное поведение. Один проступок заменяется другим, по-прежнему остающимся неправильным.

Наказания вынуждают ребенка опасаться потерять родительскую любовь. Он чувствует себя отвергнутым и нередко начинает ревновать

к брату или сестре, а порой и к родителям. У наказанного ребенка может возникнуть и враждебное чувство к родителям.

Частые наказания побуждают ребенка оставаться инфантильным. Обычно его наказывают за какую-нибудь ребяческую проделку. Но желание достичь запретного у ребенка не пропадает, и он решает, что, пожалуй, не стоит от него отказываться, если можно расплатиться всего лишь наказанием.

Наказывая ребенка, обязательно нужно объяснять ему, за что именно он наказан. При этом нужно выяснить: а был ли на самом деле проступок? Например, стоит разобраться, почему у ребенка плохая успеваемость. Связано ли это с ленью, отсутствием заинтересованности в учебе, какими-либо проблемами в отношениях с одноклассниками, проблемами в семье (при разводах успеваемость детей часто снижается), или просто речь идет о неспособности ребенка к какому-либо предмету. Возможно, ребенок нуждается не в наказании, а в помощи.

Нельзя из наказания, да еще незаслуженного, устраивать аутодафе. Так, одного мальчика четырех лет мать заставила перед друзьями каяться в том, что он намочил штанишки, — ребенок заигрался, все откладывал поход в туалет, вот и приключилось несчастье. Когда его заставляли «признать вину», он плакал и обещал, что больше никогда-никогда не будет так делать, лишь бы только никому об этом не рассказывали. Тогда мать продемонстрировала всем штанишки и во всех подробностях рассказала о «проступке». Дело закончилось для малыша тяжелым нервным расстройством.

Наказывая, следует помнить о том, что за один проступок дважды не наказывают. Да и напоминать лишний раз о проступке не стоит, если подобное больше не повторяется, а раскаяние ребенка было искренним. Иначе у ребенка возникнет обида: он сделал все, чтобы загладить свою вину, а его так и не простили, так стоило ли каяться?

Очень важно, наказывая за плохое, поощрять за хорошее.

Как пишет Б. Ф. Скиннер, наказание может быть осуществлено двумя способами, которые он называет «позитивное наказание» и «негативное наказание».

Примеры позитивного наказания: если дети плохо себя ведут, то их ставят в угол или шлепают; если студенты пользуются шпаргалками

на экзамене, то их удаляют с экзамена; если взрослых ловят на краже, их штрафуют или сажают в тюрьму.

Негативное наказание состоит в том, что за определенным неодобряемым поведением человека следует устранение (возможного) позитивного подкрепляющего стимула. Например, детям запрещают смотреть телевизор из-за плохого поведения, с работником, нарушающим трудовую дисциплину, расторгают трудовой договор.

> За дело побить — уму-разуму учить.
> Не все таской, можно и лаской.
> Ласковое слово пуще дубины.
>
> (Русские народные пословицы и поговорки)

Наказание молчанием родителя («пока не извинишься»), часто может быть, по признанию самих детей, более сильным, изощренным и болезненным, нежели шлепок или подзатыльник, сделанный в сердцах. Естественно, нефизические наказания чаще применяются к более взрослым детям — во-первых, родители считают такой вид наказания «апелляцией к разуму» своего «уже большого» ребенка, во-вторых, они уже более склонны щадить его самолюбие. Наконец, некоторые дети в 14–15 лет уже обгоняют по росту своих родителей, и бить такого, с одной стороны, как-то не с руки, а с другой стороны, он, чего доброго, и ответить может.

Родители часто по-разному реагируют на агрессивное поведение детей в зависимости от того, направлено ли оно на них или на сверстников. Как правило, строже наказывается ребенок за агрессию по отношению к взрослому, чем по отношению к своему сверстнику или товарищу по игре, особенно если последний действительно заслужил это.

15.3. Виды педагогического наказания учащихся

В середине XIX в педагоги придумывали весьма изощренные виды наказаний для учащихся. Вот описание этих наказаний, данное Н. Г. Помяловским в «Очерках бурсы» (Л.: Художественная литература, 1971): розги, оплеухи, лишения обеда, стояние на коленях, многочислен-

ные земные поклоны и т. п. Одного из бурсаков «ставили коленями на покатой доске парты, на выдающееся ребро ее, заставляли в двух волчьих шубах делать до двухсот земных поклонов, приговаривали держать в поднятой руке, не опуская ее, тяжелый камень по получасу и более (нечего сказать, изобретательно было начальство), жарили его линейкой по ладони, били по щекам, посыпали сеченое тело солью...» (с. 25–26).

В настоящее время наказание учащихся за проступки может осуществляться педагогом только в моральной форме в виде замечания, выговора, записи в дневнике и т. д. Физические наказания должны быть исключены. Однако при этом нужно помнить, что наказание не должно преследовать цель унизить достоинство ребенка, опозорить его. Чтобы наказания были эффективными, они не должны быть очень суровыми.

Телесное наказание

Телесное наказание, также обозначаемое термином «физическое наказание», — это применение физической силы с целью причинения боли. Оно часто ассоциируется со страхом и унижением.

Хотя физическое наказание уже не так распространено, как несколько десятилетий назад, Грегори (1997) отмечает, что этот вид наказания по-прежнему используется во многих школах. На практике этот вид наказания в Северной Америке был очень распространен на протяжении истории (Ryan, 1994), так что по крайней мере в некоторых школьных системах большинство учеников считают допустимым их использование (см., например, Anderson and Payne, 1994).

Интересно, что верховные суды, например Верховный суд США, подтвердили право школ использовать телесные наказания и не сочли их чрезмерными. А вот некоторые, по-видимому, более мягкие формы наказания, такие как исключение и требование выйти из класса, оказываются незаконными, поскольку некоторые суды постановили, что такая угроза ущемляет учеников в правах на образование.

Лефрансуа Г., 2005, с. 354

Существует много видов наказания, однако не все они связаны с принуждением, например замечания, выговор, отказ в доверии, запись в дневнике.

Замечания являются оперативными средствами дисциплинирования ученика на занятиях. Они могут быть вербальными (устными и письменными) и невербальными (покачивание головой). Они должны де-

латься в спокойной и тактичной форме. Нет смысла делать замечания одному и тому же ученику несколько раз подряд: они утрачивают свою действенность уже после третьего раза.

Моральное осуждение (*выговор*) должно быть итогом принципиального обсуждения проступка учащегося. Без активной поддержки общественного мнения коллектива учащихся выговор не приносит пользу, а иногда даже и вредит. Вслед за выговором нужно разъяснить учащемуся, каким путем он может снять с себя наложенное взыскание.

Учителя часто, объявив выговор ученику, вскоре забывают о нем. Не сняв предыдущее взыскание, они за новый проступок объявляют новый выговор. В этом случае и первый, и второй выговор теряет всякую действенность. Нельзя объявлять выговор «для острастки».

> Дисциплина, слишком сильно опирающаяся на угрозу наказания или лишение любви, порождает настолько высокие уровни страха и беспокойства, что дети не способны думать с достаточной ясностью для того, чтобы оценить то, что им следует делать. При длительном использовании эти методы не позволят детям интернализировать нравственные нормы.
>
> Берк Л. Е., 2006, с. 762

Наказание с помощью морального осуждения (замечания, выговора) не должно превращаться в нудное морализирование. Чтобы этого не произошло, его надо использовать время от времени и в разной форме. Оно эффективно только в классе с развитыми коллективистическими отношениями, имеющем определенные традиции и сильное общественное мнение, а также когда ученики обладают высокой степенью сознательности.

Наказание *изменением отношения педагога к учащемуся, отказ в доверии*, «игнорирование» на уроке действенно в том случае, если у педагога сложились с учащимся хорошие отношения и ребенок дорожит этими отношениями. Использование этой формы наказания требует большого такта и мастерства педагога.

> В одном из экспериментов студенткам университета — будущим педагогам — были даны описания проступков, которые совершили семилетние ребята. К этим описаниям были приложены фотографии «виновников». Оценивая свое отношение к малышам и их поведению, студентки оказа-

лись более снисходительными к тем, у кого была более привлекательная внешность.

Реан А. А., Коломинский Я. Л., 1999, с. 336

Наказание путем отстранения ученика от выполнения заданий учителя (например, заставить ученика стоять у доски или удалить из класса). Эта форма наказания действенна в младших и средних классах, однако, используя ее, не надо перебарщивать: как только ученик осознает меру своего проступка, его надо вернуть к работе. Ошибку допускают те учителя, которые заставляют долго стоять школьника. Во-первых, это приводит к его утомлению, а во-вторых, это унижает учащегося, вызывает у него протест. Он начинает развлекаться сам (паясничать) и развлекать класс, ища у него поддержку и сочувствие.

Удаление с урока — крайняя мера наказания, пользоваться которой можно только в том случае, если учащийся своим поведением стремится сорвать урок. При этом учитель должен быть уверен в поддержке его решения классом. Удаление не должно происходить на фоне раздраженности учителя, иначе оно будет воспринято как месть. Нужно также помнить, что удалением наказание не заканчивается. После урока учитель должен поговорить с учащимся и определить окончательную меру наказания.

Тайм-ауты

Тайм-аут (time-out) — это такая практика воспитания, когда учеников лишают подкрепления — помещают в ситуацию, в которой нет ожидаемого подкрепления. Например, если ученикам нравится участвовать в деятельности класса, то тогда ученика выставляют из класса — предоставляют ему тайм-аут, такая процедура оказывается формой наказания.

Брантнер и Догерти (Brantner, Doherty, 1983) указывают три типа тайм-аутов, которые учителя могут применять в классе. *Изоляция* — это такой прием, когда ученика фактически удаляют из области подкрепления (как правило, из класса или с игровой площадки, из столовой или библиотеки) и помещают в другое место. Хотя изоляция в школах встречается довольно часто, ее суть противоречива, потому что она нарушает гуманистические ценности. Она напоминает в чем-то заключение в тюрьму, применяющееся к преступникам.

Когда применяется *исключение*, то детей, которые хулиганят и шалят, просто отстраняют от их шалостей. Чаще всего в таком случае ребенка пересаживают на задние места в классе или сажают так, что ребенок смотрит в противоположную сторону...

Третья, довольно мягкая процедура тайм-аута, называется *включенным тайм-аутом.* Эта методика подразумевает, что ребенка отстраняют от того дела, которым он занимается (убирают непосредственный источник подкрепления), и заставляют смотреть, как занимаются этим другие дети. Ребенка, например, просят не участвовать в игре (или сесть сбоку) и просто наблюдать…

Несмотря на то что процедуры тайм-аута часто оказываются эффективными методами корректировки поведения детей в классе, иногда они вообще не дают результата. Это особенно верно… когда эти процедуры используются с несколькими учениками одновременно; в таком случае тайм-аут может стать источником подкрепления дурного поведения… Очевидно, что тайм-аут не пресекает поступки, цель которых — привлечь внимание учителя.

Лефрансуа Г., 2005, с. 356–357

Наказание в виде выполнения внеочередных работ. Учитель может заставить ученика снова дежурить на уроке, если на предыдущем он плохо выполнял свои функции. Внеочередные работы за проступки должны стать традиционными, определенными заранее. Тогда будут сняты возражения учащихся типа: «А почему я должен убирать класс? Это не я насорил!»

Наказание в виде лишения удовольствия. Оно близко к способу наказания отстранением учащегося от выполнения учебного задания, о котором уже говорилось. В данном случае речь идет об отстранении ребенка от любимого им дела или занятия: отлучении на время (пока не исправит двойки) от исполнения обязанностей помощника, лишении права идти в туристический поход и т. п. Пользоваться этим способом можно только в том случае, когда ребенок увлечен своими обязанностями или предметом.

Дисциплинарная запись в дневнике. Она не должна отражать эмоциональную взвинченность учителя, а может содержать лишь осуждение, выраженное в сдержанной, официальной форме. Нельзя, например, писать: «Возмутительно ведет себя на уроке» или: «Родителям немедленно явиться в школу». Это обычно приводит лишь к конфликту учителя с родителями. Мерой наказания является и запись в дневнике неудовлетворительной оценки за поведение.

Наказание в виде оставления в школе после уроков. Используя этот вид наказания, учитель должен предусмотреть два условия: ребенок не должен быть предоставлен сам себе и не должен в это время заниматься интересными для него делами, иначе наказание превратится для ученика в продленный день в школе.

Наказания бывают традиционными или же типа экспромта. Наказания-экспромты нельзя повторять: они не действуют, так как меняется обстановка, в которой объявляется наказание. Наказание-экспромт используется тогда, когда надо в яркой, запоминающейся форме воздействовать на общественное мнение коллектива учащихся.

Наказание в соответствии с логикой естественных последствий (типа «насорил — убери») воспринимается ребенком как само собой разумеющееся и выполняется безоговорочно.

Следует учитывать, что неудовлетворительные отметки часто воспринимаются школьниками не как спокойная оценка уровня их знаний, а как наказание. Кроме того, и сами учителя используют низкие отметки с этой же целью — наказать ученика (например, забыл дома необходимую на уроке вещь — двойка). Фактически отметка заменила в современной школе древние розги, только теперь школьники испытывают душевные муки вместо телесных. Однако наказание плохой отметкой развращает учителя, превращая его во властителя, получающего садистическое удовольствие от сознания своего могущества и от лицезрения трепета ученика.

Ги Лефрансуа (2005) ссылается на исследование Уайта (White M., 1975), который выявил, что в начальных классах учителя хвалят детей чаще, чем делают замечания и выговоры; в старших классах, наоборот, чаще высказывают замечания, чем хвалят. Учителя чаще упрекают отстающих и неспособных учеников. По данным Меррет и Уелдал (Merret, Wheldall, 1992), в средних классах в отличие от начальных мальчикам чаще делают выговоры, чем девочкам.

15.4. Последствия наказаний

Психологи, изучающие эту проблему, говорят о том, что дети, подвергавшиеся интенсивным наказаниям, часто, но не всегда, вырастают или в безынициативных, забитых, нетворческих взрослых с низкой самооценкой, или в агрессивных людей, мстящих всем вокруг. Так, зарубежными специалистами было обнаружено, что 98% преступников, осужденных за насильственные преступления, сами подвергались в детстве систематическому насилию со стороны взрослых.

Люди, подвергавшиеся в детстве интенсивным физическим наказаниям, часто имеют серьезные проблемы в сексуальной сфере, в общении

с противоположным полом. Как правило, эти люди с трудом принимают свое тело. Психологи, работающие в области телесно-ориентированной терапии, отмечают, что таких взрослых легко можно распознать по характерным мышечным зажимам в области шеи и плеч, а также в области малого таза, что сказывается на осанке и походке.

На производстве, как правило, применяются различные выговоры и штрафы. Исследования психологов показали, что наказание часто не является эффективным способом коррекции поведения провинившихся работников. Существуют три типа реакций людей на наказание: около трети наказанных изменяют свое поведение в нужную сторону; незначительная часть людей, понесших наказание, никак не реагирует на него, и больше половины наказанных реагирует озлоблением, которое сопровождается явным или скрытым сопротивлением. Такой работник, считая наказание несправедливым, может либо уволиться, либо начать открыто возмущаться действиями администрации, либо стать саботажником. Для компенсации «моральных издержек» (восстановления поколебленного чувства самоуважения) некоторые обиженные работники начинают работать с меньшей отдачей, работать «по правилам», «от сих до сих». Другие просто выводят из строя оборудование или не принимают мер по его сохранению. Некоторые начинают заниматься воровством, причем, как показали исследования, часто воруют даже ненужные им вещи, руководствуясь принципом «чем вам хуже, тем мне лучше».

15.5. Поведение ребенка для избежания наказания

К. Левин (Levin, 1931; Левин, 2001) пишет, что создаваемая угрозой наказания конфликтная ситуация порождает у ребенка весьма сильную тенденцию к выходу из нее. Наказание и задание выступают для него как единое недифференцированное целое, которое вдвойне неприятно ребенку. И ему не хочется ничего знать об этом неприятном деле. В этой ситуации у ребенка возникает сильное желание убежать или спрятаться. Нередко такой выход из ситуации происходит лишь на время, на несколько минут или часов. Однако в тяжелых случаях регулярных наказаний новая угроза наказания может привести к тому, что ребенок попытается на самом деле убежать из дома. На начальных стадиях детского бродяжничества страх наказания часто играет довольно значительную роль.

Другой выход из ситуации состоит в том, чтобы заняться чем-то другим, против чего взрослый не может возразить. Ребенок может выполнять другое, более приятное для него домашнее задание или пойти за порученными ему покупками и т. п.

Наконец, иногда ребенок может избегать как наказания, так и выполнения неприятного задания тем, что он более или менее грубо обманывает взрослых. Например, в тех случаях, когда проверить выполнение задания сложно, ребенок может сказать, что сделал его, хотя на самом деле за него и не брался, или же он может сказать (и это более утонченная форма обмана), что некое третье лицо разрешило ему не выполнять это задание, или же сказать, что выполнение задания по каким-либо причинам не является необходимым.

Поэтому если взрослый хочет заставить ребенка выполнить требование, то одной угрозы наказания недостаточно. Необходимо еще позаботиться о создании каких-либо барьеров, препятствующих побегу ребенка, чтобы он имел возможность выйти из ситуации лишь через выполнение задания или через наказание. При этом важно не оставлять ребенку никаких «лазеек», сквозь которые он мог бы выскользнуть. Простейшим видом таких барьеров являются телесно-физические: взрослый запирает ребенка в комнате до тех пор, пока тот не выполнит задание.

Однако чаще всего барьеры имеют социальную природу. Для того чтобы окружить ребенка барьером, взрослые используют средства власти, которыми они обладают в силу своей социальной позиции во взаимоотношениях с ребенком. И такого рода социальные барьеры являются ничуть не менее реальными, чем физические.

Например, ребенок может быть не заперт, но ему может быть запрещено выходить из комнаты, пока он не выполнит задание. В других случаях внешняя свобода передвижений не ограничивается или ограничивается в весьма незначительной степени, однако взрослый держит ребенка под постоянным наблюдением, «не выпускает его из виду». При этом взрослый, обычно не имеющий возможности следить за ребенком постоянно, часто использует магическую картину мира маленького ребенка: способность постоянного контроля за ребенком приписывается часовому или «черному человеку». С той же целью взрослые нередко используют Господа Бога, «который может везде видеть» ребенка (в том числе, например, и тогда, когда малыш тайком таскает сладости) и от которого поэтому нигде нельзя скрыться.

В рассказе Виктора Драгунского про Дениску «Подзорная труба» описывается подобный случай. Утомленные проступками сына, родители

сообщают Дениске, что отныне будут наблюдать за его поведением на улице в подзорную трубу. Дениска выходит из дома преисполненный решимости «вести себя хорошо» и некоторое время держится, преодолевая соблазны. Однако после первого проступка мальчик решает, что наказания все равно не миновать, а потому надо повеселиться вволю. В результате он совершает гораздо больше проступков, чем в обычные дни, и приходит к родителям готовый нести ответственность за все: «Где эта ваша позорная труба, я готов понести наказание!»

Наряду с физическими и социальными барьерами К. Левин выделяет и третью разновидность барьеров, которая хотя и связана с социальными фактами, однако обладает существенно иной природой. Это обращение к «самолюбию» ребенка («Ведь ты же не уличный мальчишка!», «Ты ведь хорошая девочка!») или к групповой морали («Ведь ты же девочка!», «Ведь ты мальчик!»). В общем случае взрослый обращается здесь к тем целям и ценностям, которые признает сам ребенок. Такая апелляция содержит в себе угрозу, ибо указывает на опасность исключения из группы. В то же время эта идеология означает наличие внешнего барьера, она определяет границы свободы действий для тех, кто ее разделяет. Насколько сильным должен быть барьер в том или ином конкретном случае, зависит от особенностей ребенка и от силы негативной побудительности задания и наказания. Чем сильнее эти отрицательные побудители, тем более прочным должен быть барьер, поскольку тем мощнее результирующая сила, направленная в сторону.

15.6. Психологические правила наказания детей

Первое: наказание должно быть совершено по возможности без эмоций. Это не значит, что нужно хлестать своего ребенка ремнем с бесстрастным выражением лица. Важно, чтобы наказание не проводилось под горячую руку, под воздействием сильных негативных эмоций. Когда малыш видит, что родитель злится, у ребенка рушится вера в то, что его наказывают справедливо, даже если это действительно так.

Второе: ребенок должен понимать, за что его наказывают. В связи с этим нужно воздерживаться от «профилактических» наказаний, которые трудно обосновать.

Третье: наказание должно быть адекватным тяжести проступка, так как ребенок понимает, что какие-то проступки более серьезные (и за ними должно последовать более тяжелое наказание), а какие-то — менее. Это будет способствовать формированию у ребенка чувства справедливости.

> Есть еще одна проблема — проблема соотнесения тяжести наказания и проступка. Видимо, взрослые склонны скорее недооценивать тяжесть наказания, особенно если они вынуждены прибегать к нему многократно, а ребенку «хоть кол на голове теши», «как от стенки горох» или «как с гуся вода», в то время как наказанный или ожидающий кары ребенок — переоценивать его. Какой вывод в этом случае может сделать ребенок? Наверное, о том, что взрослые несправедливо с ним обошлись, что они его не понимают, что им нельзя доверять, что они вообще злые и плохие. Иногда дети в своих фантазиях сами наказывают родителей (или ненавистных учителей). Ребенок может испугаться этих своих чувств и мыслей по отношению к родителям: раз он так думает, значит, он сам плохой. Сказать о таком страшном прегрешении никому нельзя, жить с этими чувствами ребенку очень тяжело. Что делать? Надо себя наказать, решает бессознательная часть психики ребенка, тогда станет легче. Этот процесс в психологии называется аутоагрессией. Часто именно так рождаются неврозы, язвы желудка, кожные, нервные и многие другие психосоматические заболевания.
>
> Татарский И. Наказание: психологические аспекты, или «Наказывать нельзя воспитывать» // Интернет-портал

Наказание должно иметь временный характе, например запрет чего-то на опредленный срок, и быть своевременным.

Четвертое: наказание должно быть своевременным. Очень важно, чтобы наказание состоялось именно тогда, когда нужно, пока ребенок не забыл о проступке. Если это произойдет, то наказывать его спустя продолжительное время будет почти бессмысленно: ребенок просто не поймет, за что его наказали.

Пятое: не следует говорить ребенку ничего такого, из чего он может сделать вывод, что он плохой. Повторяя раз за разом ребенку «ты плохой», родители «программируют» его на плохое поведение, так как через какое-то время ребенок уже сам начинает считать себя плохим.

Шестое: необходимо разобраться, что может стоять за плохим поведением ребенка. За непослушанием ребенка могут стоять самые разные причины. Одна из них — чтобы на него обратили внимание.

Ведь пока ребенок не осознает, что хорошо, а что плохо, ему совершенно не важно, какие поступки можно совершать для привлечения внимания.

Седьмое: наказывая ребенка, лучше лишать его хорошего, чем делать ему плохое.

Восьмое: нельзя лишать детей удовлетворения их физиологических потребностей.

Если все эти пункты будут соблюдены, чувства вины у родителей возникать не должно или, во всяком случае, оно будет минимальным.

Что вместо наказания?

«И вот, мой отец — Сидоров-старший, драл меня, Сидорова-младшего, как сидорову козу» (из выступления А. Райкина).

Наказание — это чаще всего признак беспомощности. Не только телесное, но и любое другое наказание является признанием того факта, что мы не в состоянии объяснить ребенку, почему чего-то делать нельзя, а он не в состоянии иным способом уяснить это. Наказывая, мы расписываемся в своей неспособности быть воспитателем. «Насилие — последнее прибежище некомпетентности», — говорил Айзек Азимов.

Всем нам надо помнить, что почти всегда есть альтернатива наказанию. Иногда родители спрашивают, а как объяснить без наказания совсем маленькому ребенку, что можно, а что нельзя делать? Ведь он пока не способен понять логичные рассуждения.

Это верно, ответим мы, но почему вы думаете, что маленький ребенок может в этом случае правильно понять, что вы хотите сказать ему с помощью наказания? Вы хотите, например, чтобы ребенок сделал вывод: «Буду поступать плохо — меня ударят». На основании чего вы полагаете, что у несмышленого ребенка та же логика, что и у вас? Попробуйте посмотреть на ситуацию глазами ребенка. Почему бы ему не сделать вывод типа: «Мама плохая, она меня не любит, поэтому бьет» или «Я вообще плохой, поэтому меня бьют, а вот моя младшая сестренка хорошая — ее не бьют». Представьте, что вы завели щенка и позволяете ему погрызть старый тапок или башмак, но будете наказывать, если он примется играть с новой туфлей. Видимо, ему будет трудно разобраться в наших критериях «дорогая — дешевая вещь» и единственный вывод, который он сделает, — «Этих людей понять невозможно».

Когда вам надо прервать неправильные действия маленького ребенка, вспомните, что в этом возрасте он — «раб зрительного поля». Иногда вместо наказаний и даже вместо объяснений, которые не всегда эффективны, если ребенок возбужден, вы можете просто взять его на руки и унести в другое место, где он может успокоиться и переключиться на

что-то иное. Наконец, вы можете отвлечь ребенка. Подойдите, например, к окну и, глядя на улицу, громко скажите: «А куда это, интересно, побежала эта странная большая собака?»

Родитель, желающий избежать наказания своего ребенка, вовсе не обязан скрывать свои негативные чувства, неизбежно возникающие у него вследствие его неправильного поведения. Вполне допустимы такие чувства, как горечь, сожаление, разочарование, досада, страдание, возмущение, но не обвинение. Нормально и даже желательно их проявление и демонстрация себе и ребенку. Уже одна эта обратная связь способна показать ребенку, что он поступает неправильно.

Если вашему ребенку уже больше 5 лет, то один из способов коррекции детского поведения — пригласить ребенка к совместным размышлениям над причинами его неправильного поведения, с одной стороны, а с другой стороны, над способами изменения поведения в лучшую сторону. В этом случае вы выступаете не как противники, а как равноправные партнеры, вместе разрабатывающие план атаки на общую проблему. Воспитывая ребенка, старайтесь занимать позицию психотерапевта и тренера одновременно. Будьте для своего ребенка опытным и заботливым «старшим братом» или «старшей сестрой». Старайтесь вообще избегать слов «кто виноват», «вина». Говорите вместо этого «в чем причина», «что помешало».

«Не ищите виноватого, ищите лекарство», — почти сто лет назад говорил Генри Форд. Недавно наша соседка рассказала, как она разработала для своей шестилетней внучки, не желавшей класть на место свои вещи, специальную увлекательную игру под названием «Где кто живет?». Теперь проблема с уборкой своей комнаты для этой девочки решена почти на 70–80%…

Как-то раз, крича на собственного ребенка, я случайно увидел в зеркале свое лицо. Картина была не из приятных. Потом я прочитал одно исследование, где говорилось, что наличие в служебном помещении больших зеркал на видных местах примерно на треть снижает конфликтность между сотрудниками.

Желая воздействовать на ребенка, правильно выбирайте время и место для этого. Не стоит заниматься воспитанием по ночам, когда ребенок или вы сами раздражены или плохо себя чувствуете, а также в присутствии посторонних.

Воспитывая ребенка и последовательно, поэтапно формируя у него полезный навык или желание делать что-либо, не ждите мгновенного и полного эффекта. Подкрепляйте похвалой, одобрением любой, даже самый маленький, шаг ребенка в нужном направлении. Например, прекрасное средство — повесить на стене лист бумаги, где фиксировать, с помощью, допустим, звездочек, все случаи, когда ребенок поступал хорошо, выполнял поручения правильно и быстро. Или попросите ребенка научить чему-нибудь вас — пусть он побудет вашим учителем. Это разовьет в нем ответственность и умение быть взрослым…

Иногда сторонники применения наказания ошибочно противопоставляют наказанию вседозволенность и потакание любым прихотям ребенка. Настоящей альтернативой наказанию является любовь, принятие, целенаправленное обучение и последовательное воспитание. Безусловно, ребенок должен знать, уважать и соблюдать границы, правила и нормы, установленные взрослыми. Было бы очень хорошо, чтобы ребенок подчинялся этим правилам не бездумно, не по принципу «есть, так точно», а, проанализировав их вместе с родителями и поняв их разумность и обоснованность, принял бы их на эмоциональном и на рациональном уровне.

И. Татарский // Интернет-портал

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросник Басса—Дарки для диагностики склонности к различным формам агрессивного поведения

Опросник выделяет следующие формы агрессивных и враждебных реакций:

1. *Физическая агрессия* (*нападение*) — использование физической силы против другого лица.
2. *Косвенная агрессия* — агрессия, направленная на другое лицо окольным путем или ни на кого не направленная.
3. *Раздражение* — готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость).
4. *Негативизм* — оппозиционная манера в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов.
5. *Обида* — зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия.
6. *Подозрительность* — в диапазоне от недоверия и осторожности по отношению к людям до убеждения в том, что другие люди планируют и приносят вред.
7. *Вербальная агрессия* — выражение негативных чувств как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы).
8. *Чувство вины* — выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести.

Процедура тестирования

Ведущий читает вопросы пункт за пунктом, называя их номера. Испытуемые получают бланки с номерами и около каждого номера ставят «плюс», если они согласны с утверждением, и «минус», если не согласны. Для удобства обработки бланк совпадает с ключом к тесту. Далее приводится полный список вопросов-утверждений, который был использован на занятиях.

Инструкция: отвечайте «да», если вы согласны с утверждением, и «нет» — если не согласны. Старайтесь долго не думать над вопросами.

Вопросы

1. Временами я не могу справиться с желанием причинить вред другим.
2. Иногда я сплетничаю о людях, которых не люблю.
3. Я легко раздражаюсь, но быстро успокаиваюсь.
4. Если меня не попросят по-хорошему, я не выполню просьбы.
5. Я не всегда получаю то, что мне положено.
6. Я знаю, что люди говорят обо мне за моей спиной.
7. Если я не одобряю поведения друзей, то даю им это почувствовать.
8. Если мне случалось обмануть кого-нибудь, я испытывал(а) мучительные угрызения совести.
9. Мне кажется, что я не способен(на) ударить человека.
10. Я никогда не раздражаюсь настолько, чтобы кидаться предметами.
11. Я всегда снисходителен(ьна) к чужим недостаткам.
12. Если мне не нравится установленное правило, мне хочется нарушить его.
13. Другие умеют (лучше, чем я) почти всегда пользоваться благоприятными обстоятельствами.
14. Я держусь настороженно с людьми, которые относятся ко мне несколько более дружественно, чем я ожидал(а).
15. Я часто бываю не согласен(на) с людьми.
16. Иногда мне на ум приходят мысли, которых я стыжусь.
17. Если кто-нибудь первым ударит меня, я не отвечу ему.
18. Когда я раздражаюсь, я хлопаю дверьми.
19. Я гораздо более раздражителен(льна), чем кажется окружающим.
20. Если кто-то корчит из себя начальника, я всегда поступаю ему наперекор.
21. Меня немного огорчает моя судьба.
22. Я думаю, что многие люди не любят меня.
23. Я не могу удержаться от спора, если люди не согласны со мной.

24. Люди, увиливающие от работы, должны испытывать чувство вины.
25. Тот, кто оскорбляет меня или мою семью, напрашивается на драку.
26. Я не способен (способна) на грубые шутки.
27. Меня охватывает ярость, когда надо мной насмехаются.
28. Когда люди строят из себя начальников, я делаю все, чтобы они не зазнавались.
29. Почти каждую неделю я вижу кого-нибудь, кто мне не нравится.
30. Довольно многие люди завидуют мне.
31. Я требую, чтобы люди уважали мои права.
32. Меня угнетает то, что я мало делаю для моих родителей.
33. Люди, которые постоянно изводят вас, стоят того, чтобы их щелкнули по носу.
34. От злости я иногда бываю мрачен.
35. Если ко мне относятся хуже, чем я того заслуживаю, я не расстраиваюсь.
36. Если кто-то выводит меня из себя, я не обращаю на это внимания.
37. Хотя я и не показываю этого, иногда меня гложет зависть.
38. Иногда мне кажется, что надо мной смеются.
39. Даже если я злюсь, я не прибегаю к «сильным» выражениям.
40. Мне хочется, чтобы мои ошибки были прощены.
41. Я редко даю сдачи, даже если кто-нибудь ударит меня.
42. Когда получается не по-моему, я иногда обижаюсь.
43. Иногда люди раздражают меня просто своим присутствием.
44. Нет людей, которых я ненавидел(а) бы по-настоящему.
45. Мой принцип: «Никогда не доверяй чужакам».
46. Если кто-нибудь раздражает меня, я готов сказать все, что я о нем думаю.
47. Я делаю много такого, о чем впоследствии сожалею.
48. Если я разозлюсь, я могу ударить кого-нибудь.
49. С десяти лет я никогда не проявлял(а) вспышек гнева.

50. Я часто чувствую себя, как пороховая бочка, готовая взорваться.
51. Если бы все знали, что я чувствую, меня бы считали человеком, с которым нелегко ладить.
52. Я всегда думаю о том, какие тайные причины заставляют людей делать что-то приятное для меня.
53. Когда на меня кричат, я начинаю кричать в ответ.
54. Неудачи огорчают меня.
55. Я дерусь не реже и не чаще, чем другие.
56. Я могу вспомнить случай, когда я был(а) настолько зол, что хватал попавшуюся мне под руку вещь и ломал ее.
57. Иногда я чувствую, что готов(а) первым начать драку.
58. Иногда я чувствую, что жизнь поступает со мной несправедливо.
59. Раньше я думал(а), что большинство людей говорит правду, но теперь я в это не верю.
60. Я ругаюсь со злости.
61. Когда я поступаю неправильно, меня мучает совесть.
62. Если для защиты своих прав мне надо применять физическую силу, я применяю ее.
63. Иногда я выражаю свой гнев тем, что стучу по столу кулаком.
64. Я бываю грубоват(а) по отношению к людям, которые мне не нравятся.
65. У меня нет врагов, которые хотели бы мне навредить.
66. Я не умею поставить человека на место, даже если он этого заслуживает.
67. Я часто думаю, что жил неправильно.
68. Я знаю людей, которые способны довести меня до драки.
69. Я не раздражаюсь из-за мелочей.
70. Мне редко приходит в голову, что люди пытаются разозлить или оскорбить меня.
71. Я часто просто угрожаю людям, хотя и не собираюсь приводить угрозы в исполнение.

72. В последнее время я стал(а) занудой.

73. В споре я часто повышаю голос.

74. Обычно я стараюсь скрывать плохое отношение к людям.

75. Я лучше соглашусь с чем-либо, чем стану спорить.

Обработка результатов

Индексы различных форм агрессивных и враждебных реакций определяются суммированием баллов (по одному за каждый ответ):

1. *Физическая агрессия*: «да» — № 1, 25, 33, 48, 55, 62, 68;

«нет» — № 9, 17, 41.

2. *Косвенная агрессия*: «да» — № 2, 18, 34, 42, 56, 63;

«нет» — № 10, 26, 49.

3. *Раздражение*: «да» — № 3, 19, 27, 43, 50, 57, 64, 72;

«нет» — № 11, 35, 69.

4. *Негативизм*: «да» — № 4, 12, 20, 23, 36.

5. *Обида*: «да» — № 5, 13, 21, 29, 37, 51, 58;

«нет» — № 44.

6. *Подозрительность*: «да» — № 6, 14, 22, 30, 38, 45, 52, 59;

«нет» — № 65, 70.

7. *Вербальная агрессия*: «да» — № 7, 15, 23, 31, 46, 53, 60, 71, 73;

«нет» — № 39, 74, 75.

8. *Угрызения совести, чувство вины*: «да» — № 8, 16, 24, 32, 40, 47, 54, 61, 67.

Шкала 1, суммарное количество баллов __________

Шкала 2, суммарное количество баллов __________

Шкала 3, суммарное количество баллов __________

Шкала 4, суммарное количество баллов __________

Шкала 5, суммарное количество баллов __________

Шкала 6, суммарное количество баллов __________

Шкала 7, суммарное количество баллов __________

Шкала 8, суммарное количество баллов ________

Физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение и вербальная агрессия вместе образуют суммарный индекс агрессивных реакций, а обида и подозрительность — индекс враждебности; враждебность — общая негативная, недоверчивая позиция по отношению к окружающим; агрессия — активные внешние реакции агрессии по отношению к конкретным лицам.

Индекс враждебности включает в себя 5-ю и 6-ю шкалу, а индекс агрессивности (как прямой, так и мотивационной) включает в себя шкалы 1, 3, 7.

Враждебность = Обида + Подозрительность;

Агрессивность = Физическая агрессия + Раздражение + Вербальная агрессия.

Нормой агрессивности является величина ее индекса, равная 21 плюс-минус 4, а враждебности — 6,5–7 плюс-минус 3. При этом обращается внимание на возможность достижения определенной величины, показывающей степень проявления агрессивности.

Пользуясь данной методикой, необходимо помнить, что агрессивность как свойство личности и агрессия как акт поведения могут быть поняты в контексте психологического анализа мотивационно-потребностной сферы личности. Поэтому опросником Басса—Дарки следует пользоваться в совокупности с другими методиками: личностными тестами психологических состояний (Кеттел, Спилберг), проективными методиками (Люшер) и т. д.

Сокращенный вариант опросника Басса—Дарки

(Опросник взят из кн.: *Фетискин Н. П.* Психология девиантного поведения: диагностика и методы профилактики. М.; Кострома. С. 116–118.)

1. Если я разозлюсь, то могу ударить кого-нибудь.
2. Я никогда не раздражаюсь настолько, чтобы кидаться предметами.
3. Я легко раздражаюсь, но быстро успокаиваюсь.

4. Если меня не попросят по-хорошему, я не выполню просьбу.
5. Мне кажется, что судьба ко мне несправедлива.
6. Я знаю, что люди говорят обо мне за спиной.
7. Я не могу удержаться от спора, если люди не согласны со мной.
8. Если мне случалось обмануть кого-нибудь, я испытывал(а) мучительные угрызения совести.
9. Мне кажется, что я не способен ударить человека.
10. Когда я раздражаюсь, то хлопаю дверьми.
11. Иногда люди раздражают меня просто своим присутствием.
12. Если мне не нравится установленное правило, мне хочется его нарушить.
13. Иногда меня гложет зависть, хотя я этого не показываю.
14. Я думаю, что многие люди не любят меня.
15. Я требую, чтобы люди уважали мои права.
16. Иногда мне на ум приходят мысли, которых я стыжусь.
17. Я знаю людей, которые способны довести меня до драки.
18. Иногда я выражаю гнев тем, что стучу кулаком по столу.
19. Я часто чувствую себя как пороховая бочка, готовый(ая) взорваться.
20. Если кто-то корчит из себя начальника, я всегда поступаю ему наперекор.
21. Нет людей, которых я ненавидел бы по-настоящему.
22. Довольно много людей мне завидуют.
23. Даже если я злюсь, то не прибегаю к «сильным» выражениям.
24. Люди, увиливающие от работы, должны испытывать чувство вины.
25. Я редко даю сдачи, даже если кто-то ударит меня.
26. Я могу вспомнить случай, когда был так зол, что хватал первый попавшийся предмет и ломал его.
27. Я бываю грубоват(а) по отношению к людям, которые мне не нравятся.

28. Когда со мной разговаривают командным тоном, мне ничего не хочется делать.
29. Обычно я стараюсь скрывать свое плохое отношение к людям.
30. Иногда мне кажется, что надо мной смеются.
31. Если кто-то раздражает меня, я готов(а) сказать все, что я о нем думаю.
32. Меня угнетает то, что я мало делаю для своих родителей.
33. Если кто-то первым ударит меня, я ему не отвечу.
34. В споре я часто повышаю голос.
35. Я не раздражаюсь из-за мелочей.
36. Когда люди корчат из себя начальника, я делаю все, чтобы они не зазнавались.
37. Я не всегда получаю то хорошее, что заслуживаю.
38. У меня нет врагов, которые хотели бы мне навредить.
39. Я часто угрожаю людям, хотя и не собираюсь приводить угрозы в исполнение.
40. Я много делаю такого, о чем впоследствии жалею.

Ключ к тесту

1.	Физическая агрессия	1	–9	17	–25	–33
2.	Косвенная агрессия	–2	10	18	26	34
3.	Раздражительность	3	11	19	27	–35
4.	Негативизм	4	12	20	28	36
5.	Обидчивость	5	13	–21	29	37
6.	Подозрительность	6	14	22	30	–38
7.	Вербальная агрессия	7	15	–23	31	39
8.	Чувство вины	8	16	24	32	40

Подсчитывается сумма баллов с учетом знака ответов (ответ «нет» обозначен знаком минус) по каждой шкале.

Тест измерения агрессии Б. Басса и Р. Дарки, адаптированный Л. Г. Почебут

Инструкция. Предлагаемый тест выявляет ваш обычный стиль поведения в стрессовых или конфликтных ситуациях. Вам необходимо однозначно ответить на 40 вопросов либо «да», либо «нет». Ответ отмечайте на отдельном бланке, подчеркнув ответ в соответствующей колонке.

1. Вербальная агрессия (ВА): человек вербально, словами, выражает свое агрессивное отношение к другому человеку, употребляет словесные оскорбления.
2. Физическая агрессия (ФА): человек склонен физически выражать свою агрессию по отношению к другому человеку и может применить грубую физическую силу.
3. Предметная агрессия (ПА): человек срывает свою агрессию на окружающих предметах.
4. Эмоциональная агрессия (ЭА): у человека при общении с другим человеком возникают эмоциональное отчуждение, чувство подозрительности, враждебности, неприязни и недоброжелательства по отношению к нему.
5. Самоагрессия (СА): человек не находится сам с собой в мире, согласии, у него отсутствуют или ослаблены механизмы защиты «Я», он оказывается беззащитен по отношению к агрессивной среде.

Сумма баллов больше 5 означает, что у человека высокая степень агрессии по этому типу поведения и низкая степень адаптивного поведения. Если сумма составляет 3 или 4 балла, можно говорить о средней степени агрессии и адаптации. Сумма баллов от 0 до 2 свидетельствует о низкой выраженности агрессивного поведения и высокой степени адаптированности, приспособляемости по данному типу поведения.

Текст

1. Во время спора я часто повышаю голос.
2. Если меня кто-то раздражает, я могу сказать ему все, что я о нем думаю.
3. Если мне необходимо будет прибегнуть к физической силе для защиты своих прав, я не раздумывая сделаю это.

4. Когда я встречаю неприятного мне человека, я могу позволить себе незаметно ущипнуть или толкнуть его.
5. Увлекшись спором с другим человеком, я могу стукнуть кулаком по столу, чтобы привлечь внимание или доказать свою правоту.
6. Я постоянно чувствую, что другие не уважают мои права.
7. Вспоминая прошлое, порой я чувствую обиду за себя.
8. Хотя я и не подаю вида, иногда меня съедает зависть.
9. Если я не одобряю поведения своих знакомых, то я прямо говорю им об этом.
10. В гневе я употребляю сильные выражения (сквернословлю).
11. Если кто-нибудь поднимет на меня руку, я постараюсь ударить его первым.
12. Я бываю настолько взбешен(а), что бросаю вещи.
13. У меня часто возникает потребность переставить в квартире мебель или полностью сменить ее.
14. В общении с людьми я часто чувствую себя как «пороховая бочка», в постоянной готовности взорваться.
15. Порой у меня появляется желание зло подшутить над другим человеком.
16. Когда я сердит(а), то обычно мрачнею.
17. В разговоре с человеком я стараюсь его внимательно выслушать, не перебивая.
18. В молодости у меня часто «чесались кулаки» и я всегда был(а) готов пустить их в ход.
19. Если я знаю, что человек намеренно меня толкнул, то дело может дойти до рукопашной.
20. Творческий беспорядок на моем рабочем столе позволяет мне эффективно работать.
21. Я помню, что бывал(а) настолько сердитым, что хватал(а) все, что попадало под руку, и ломал(а).
22. Иногда люди раздражают меня только одним своим присутствием.

23. Я часто удивляюсь, какие скрытые причины заставляют другого человека делать для меня что-то хорошее.
24. Если мне нанесут обиду, то у меня пропадает желание разговаривать с кем бы то ни было.
25. Иногда я намеренно говорю плохие вещи про человека, которого не люблю.
26. Когда я взбешен(а), я говорю самое злобное ругательство.
27. В детстве я избегал(а) драться.
28. Я знаю, по какой причине и когда можно кого-нибудь ударить.
29. Когда я взбешен(а), я могу хлопнуть дверью.
30. Мне кажется, что окружающие люди меня не любят.
31. Я постоянно делюсь с другими людьми своими чувствами и переживаниями.
32. Очень часто своими словами и действиями я причиняю вред себе.
33. Когда люди орут на меня, я отвечаю тем же.
34. Если кто-нибудь ударит меня первым, я в ответ ударю его.
35. Меня раздражает, когда вещи и предметы лежат не на своем месте.
36. Если мне не удается починить сломавшуюся и порвавшуюся вещь, то я в гневе ломаю и рву ее окончательно.
37. Другие люди мне всегда кажутся более преуспевающими.
38. Когда я думаю об очень неприятном мне человеке, я могу прийти в возбуждение от желания причинить ему зло.
39. Иногда мне кажется, что судьба сыграла со мной злую шутку.
40. Если кто-нибудь обращается со мной не так, как следует, я очень расстраиваюсь по этому поводу.

ОТВЕТНЫЙ ЛИСТ

Профессия

Пол

Возраст

№ утверждения	Да	Нет
1		
2		
3		
4		
5		
6		
7		
8		
9		
10		
11		
12		
13		
14		
15		
16		
17		
18		
19		
20		
21		
22		
23		
24		
25		
26		
27		
28		
29		
30		
31		
32		
33		
34		
35		
36		
37		
38		
39		
40		

Обработка результатов

Вначале в соответствии с ключом подсчитываются суммы баллов по каждой из шкал. Всего опросник содержит пять диагностических шкал агрессивности.

Далее высчитывается сумма баллов по всему тесту. Если она превышает 20 баллов, это означает высокий уровень агрессивности поведения, низкие адаптационные возможности. Сумма баллов от 0 до 10 означает низкую степень агрессивности и выраженное адаптивное поведение.

Опросник «Ауто- и гетероагрессия»

Методика разработана Е. П. Ильиным для определения направленности агрессии на себя или на других.

Инструкция. Сейчас я оглашу ряд положений, касающихся вашего поведения. Если они соответствуют имеющейся у вас тенденции реагировать именно так, рядом с номером зачитываемого положения поставьте знак «+», если нет, то знак «–».

Текст опросника

1. Я не могу удержаться от грубых слов в свой адрес, если допускаю оплошность в каком-нибудь важном для меня деле.
2. Подчас я требую в резкой форме, чтобы уважали мои права.
3. Когда у меня что-то не получается в совместной работе с другими, я прежде всего ругаю себя, а не партнеров.
4. От злости я часто посылаю проклятия своему обидчику.
5. При возникновении конфликта с другими людьми я чаще всего обвиняю себя.
6. Если кто-нибудь меня раздражает, я готов(а) сказать все, что о нем думаю.
7. Я часто проклинаю себя за то, что сделал(а) не то, что хотел.
8. Когда на меня кричат, я тоже начинаю кричать в ответ.
9. Иногда я выражаю досаду на себя каким-нибудь физическим действием (ударяю себя по бедру, по лбу и т. п.).
10. Я часто просто угрожаю людям, хотя и не собираюсь приводить угрозу в исполнение.

11. Если я совершаю поступок, который кажется мне недостойным, я долго корю себя, не стесняясь при этом в выражениях в свой адрес.
12. Я не могу удержаться от грубых слов, если кто-то не согласен со мной.
13. Если я делаю глупость, то ругаю себя последними словами.
14. В споре я начинаю сердиться и кричать.
15. Когда кто-то не отдает мне долг, я обвиняю прежде всего самого себя: так мне, дураку, и надо.
16. Я бываю грубоват с людьми, которые мне не нравятся.
17. Поссорившись с кем-то, я никогда не обвиняю себя.
18. Я не умею «поставить человека на место», даже если он этого заслуживает.
19. Даже если я злюсь на себя, я не прибегаю к сильным выражениям в свой адрес.
20. Как бы ни был я зол, я стараюсь не оскорблять других.

Ключ к опроснику

Шкала аутоагрессии: начисляется по 1 баллу за ответы «да» по пунктам 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 и ответы «нет» по пунктам 17 и 19.

Шкала гетероагрессии: начисляется по 1 баллу за ответы «да» по пунктам 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16 и ответы «нет» по пунктам 18, 20.

Подсчитывается общая сумма баллов по каждой шкале. Сравнение полученных баллов позволяет судить о том, какой вид агрессии более выражен у данного человека.

Методика А. Ассингера «Диагностика склонности к агрессивному поведению»

Инструкция. Вам предлагаются ряд ситуаций. Подчеркните тот вариант их разрешения, который для вас наиболее характерен.

Текст опросника

1) Склонны ли вы искать пути к примирению после очередного конфликта?

1. Всегда.
2. Иногда.
3. Никогда.

2) Как вы ведете себя в критической ситуации?

1. Сохраняете полное спокойствие.
2. Внутренне кипите.
3. Теряете самообладание.

3) Каким(ой) считают вас коллеги и знакомые?

1. Дружелюбным.
2. Спокойным и независтливым.
3. Самоуверенным и завистливым.

4) Как вы отреагируете, если вам предложат ответственную должность?

1. Откажетесь от нее ради собственного спокойствия.
2. Примите ее с некоторыми опасениями.
3. Согласитесь без колебаний.

5) Как вы будете себя вести, если кто-то из коллег без разрешения возьмет с вашего стола бумагу?

1. Спросите, не нужно ли ему еще что-нибудь.
2. Заставите вернуть.
3. Выдадите ему «по первое число».

6) Какими словами вы встретите мужа (жену), если он(она) вернулся(лась) с работы позже обычного?

1. «Я уже начал(а) волноваться».
2. «Что это тебя так задержало?»
3. «Где ты торчишь допоздна?»

7) Как вы ведете себя за рулем автомобиля?

1. Вам все равно, сколько машин вас обогнало.
2. Стараетесь обогнать машину, которая «показала вам хвост».

3. Помчитесь с такой скоростью, чтобы никто не догнал вас.

8) Какими вы считаете свои взгляды на жизнь?

1. Легкомысленными.

2. Сбалансированными.

3. Крайне жесткими.

9) Что вы предпринимаете, если не все удается?

1. Смиряетесь.

2. Становитесь впредь осторожнее.

3. Пытаетесь свалить вину на другого.

10) Как вы отреагируете на фельетон о случаях распущенности среди современной молодежи?

1. «Надо создать им возможность организованно и культурно отдыхать».

2. «Пора бы уже запретить им такие развлечения».

3. «И чего только мы с ними возимся?»

11) Что вы ощущаете, если должность, которую вы хотели занять, досталась вашему коллеге?

1. «Может быть, мне это удастся в следующий раз».

2. «И зачем я только на это нервы тратил?»

3. «Видно, его физиономия шефу приятнее».

12) Как вы смотрите страшные фильмы?

1. Боитесь.

2. Скучаете.

3. Получаете искреннее удовольствие.

13) Если из-за дорожной пробки вы опоздаете на важное совещание:

1. Огорчитесь.

2. Будете нервничать во время заседания.

3. Попытаетесь вызвать снисходительность партнеров.

14) Как вы относитесь к своим спортивным успехам?

1. Цените удовольствие почувствовать себя сильным, ловким.
2. Обязательно стараетесь выиграть.
3. Очень сердитесь, если не везет.

15) Как вы поступите, если вас плохо обслужили в ресторане?

1. Стерпите, избегая скандала.
2. Вызовите метрдотеля и сделаете ему замечание.
3. Отправитесь с жалобой к директору ресторана.

16) Как вы себя поведете, если вашего ребенка обидели в школе?

1. Поговорите с учителем.
2. Устроите скандал родителям «малолетнего преступника».
3. Посоветуете ребенку дать сдачи.

17) Какой, по-вашему, вы человек?

1. Средний.
2. Самоуверенный.
3. Пробивной.

18) Что вы ответите подчиненному, с которым столкнулись в дверях, если он начал извиняться перед вами?

1. «Простите, это моя вина».
2. «Ничего, пустяки».
3. «А повнимательней вы быть не можете?»

19) Как вы отреагируете на статью в газете о случаях хулиганства среди молодежи?

1. «Нельзя все валить на молодежь, виноваты и воспитатели!»
2. «Когда же наконец будут приняты меры?»
3. «Надо бы ввести телесные наказания».

20) Представьте, что вам предстоит заново родиться, но уже животным. Какое животное вы предпочтете?

1. Домашнюю кошку.
2. Медведя.
3. Тигра или леопарда.

Обработка результатов

Подсчитывается сумма номеров подчеркнутых ответов.

Интерпретация

Если отвечавший набирает 45 очков и больше, то он излишне агрессивен, 36–44 очка — умеренно агрессивен; 35 очков и меньше — миролюбив.

Если по 7 вопросам и более отвечавший набрал по 3 очка, а менее чем по 7 вопросам — по 1 очку, то взрывы его агрессивности отличаются скорее разрушительным, чем конструктивным характером. Он сам провоцирует конфликты. Если же по 7 вопросам и более опрошенный набирает по 1 очку, а менее чем по 7 вопросам — по три очка, ему не присущи вспышки агрессии или же он их слишком тщательно подавляет.

Методика «Конфликтная личность»

Источник: Женская психология / Сост. Н. А. Литвинцева. М., 1994.

Эта методика позволяет оценить степень конфликтности или тактичности человека.

Инструкция. Вам предлагается ряд утверждений. Выберите один из 3 предложенных вариантов, соответствующий вашим взглядам, и рядом с его обозначением — а, б, в — поставьте на бланке для ответа знак «+» («да»).

Текст опросника

1. Представьте, что в общественном транспорте начался спор. Что вы предпримете?

   а) Не будете вмешиваться в ссору.

   б) Вмешаетесь, встав на сторону того, кто прав.

   в) Вмешаетесь и будете отстаивать свою точку зрения.

2. На собрании вы критикуете руководство за допущенные ошибки:

   а) нет;

   б) да, но в зависимости от вашего личного отношения к нему;

   в) всегда критикуете за ошибки.

3. Ваш непосредственный начальник излагает план работы, который не кажется вам правильным. Предложите ли вы свой план, который кажется вам лучше:

   а) если другие вас поддержат, то да;

   б) разумеется, вы будете поддерживать свой план;

   в) боитесь, что за критику у вас будут неприятности.

4. Любите ли вы спорить с коллегами, друзьями?

   а) Только с теми, кто не обижается, и когда споры не портят ваши отношения.

   б) Да, но только по важным, принципиальным вопросам.

   в) Вы спорите со всеми и по любому поводу.

5. Кто-то пытается «пролезть» вперед вас без очереди:

   а) считая, что и вы не хуже его, попытаетесь обойти очередь;

   б) возмущаетесь, но про себя;

   в) открыто высказываете свое негодование.

6. Если в какой-то спорной ситуации ваше мнение будет решающим, как вы поступите?

   а) Выскажетесь и о положительных, и об отрицательных сторонах предложения.

   б) Выделите положительные его стороны и предложите подумать еще.

   в) Станете только критиковать идею.

7. Ваша жена (муж) постоянно говорит вам о вашей расточительности, а сама (сам) то и дело покупает дорогие вещи. Она(он) захотел(а) узнать о своей последней покупке ваше мнение. Что вы ей (ему) скажете?

   а) Что одобряете покупку, если она доставила жене (мужу) удовольствие.

   б) Что эта вещь безвкусна.

   в) Ругаете ее (его) за эту покупку.

8. Вы встретили подростков, которые курят. Как вы отреагируете?

а) Подумаете: «Зачем мне портить себе настроение из-за чужих ребят?»

б) Сделаете им замечание.

в) Отчитаете их.

9. В ресторане вы заметили, что официант вас обсчитал:

а) в таком случае вы не даете ему чаевые, которые заранее приготовили;

б) попросите, чтобы он еще раз при вас подсчитал сумму;

в) устроите скандал.

10. В гостинице плохое обслуживание. Какой выход вы дадите своему возмущению?

а) Выскажете претензии администратору.

б) Пожалуетесь на администратора, чтобы его наказали.

в) Выместите свое недовольство на младшем персонале: уборщицах, официантках.

11. Вы спорите с вашим сыном-подростком и убеждаетесь, что он прав. Признаете ли вы свою ошибку?

а) Нет.

б) Разумеется, признаете.

в) Какой же у родителя будет авторитет, если признает ошибку?

Обработка результатов

Каждый вариант ответа получает определенное количество баллов: *а* — 4, *б* — 2, *в* — 0. Подсчитывается сумма баллов.

Выводы

Если сумма баллов в пределах от 30 до 44, опрашиваемый тактичен, не любит конфликтов, избегает критических ситуаций; стремится быть приятным для окружающих, но не всегда оказывает им помощь.

Если сумма в пределах от 15 до 29, то опрашиваемый — конфликтная личность. Настойчиво отстаивает свое мнение, невзирая на то как это повлияет на личные или служебные отношения. За это его уважают.

Если же сумма в пределах от 10 до 14, то опрашиваемый сам провоцирует конфликты, ищет поводы для споров, любит критиковать, навязывает свое мнение. Короче, он скандалист.

Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев)

Методика предназначена для выявления склонности субъекта к конфликтности и агрессивности как личностным характеристикам.

Инструкция. Вам предлагается ряд утверждений. При согласии с утверждением в карте опроса (она приводится ниже) в соответствующем квадратике поставьте знак «+» («да»), при несогласии — знак «–» («нет»).

Текст опросника

1. Я легко раздражаюсь, но быстро успокаиваюсь.
2. В спорах я всегда стараюсь захватить инициативу.
3. Мне чаще всего не воздают должное за мои дела.
4. Если меня не попросят по-хорошему, я не уступлю.
5. Я стараюсь делать все, чтобы избежать напряженности в отношениях.
6. Если по отношению ко мне поступают несправедливо, то я про себя накликаю обидчику всякие несчастья.
7. Я часто злюсь, когда мне возражают.
8. Я думаю, что за моей спиной обо мне говорят плохо.
9. Я гораздо более раздражителен(льна), чем кажется.
10. Мнение, что нападение — лучшая защита, правильное.
11. Обстоятельства почти всегда благоприятнее складываются для других, чем для меня.
12. Если мне не нравится установленное правило, я стараюсь его не выполнять.
13. Я стараюсь найти такое решение спорного вопроса, которое удовлетворило бы всех.
14. Я считаю, что добро эффективнее мести.

15. Каждый человек имеет право на свое мнение.
16. Я верю в честность намерений большинства людей.
17. Меня охватывает ярость, когда надо мной насмехаются.
18. В споре я часто перебиваю собеседника, навязывая ему мою точку зрения.
19. Я часто обижаюсь на замечания других, даже если и понимаю, что они справедливы.
20. Если кто-то корчит из себя важную персону, я всегда поступаю ему наперекор.
21. Я предлагаю, как правило, среднюю позицию.
22. Я считаю, что лозунг из мультфильма: «Зуб за зуб, хвост за хвост» справедлив.
23. Если я все обдумал(а), то я не нуждаюсь в советах других.
24. С людьми, которые со мной любезнее, чем я мог(ла) ожидать, я держусь настороженно.
25. Если кто-то выводит меня из себя, я не обращаю на это внимания.
26. Я считаю бестактным не давать высказаться в споре другой стороне.
27. Меня обижает отсутствие внимания со стороны окружающих.
28. Я не люблю поддаваться в игре даже с детьми.
29. В споре я стараюсь найти то, что устроит обе стороны.
30. Я уважаю людей, которые не помнят зла.
31. Утверждение «Ум — хорошо, а два — лучше» справедливо.
32. Утверждение «Не обманешь — не проживешь» тоже справедливо.
33. У меня никогда не бывает вспышек гнева.
34. Я могу внимательно и до конца выслушать аргументы спорящего со мной.
35. Я всегда обижаюсь, если среди награжденных за дело, в котором я участвовал(а), нет меня.

36. Если в очереди кто-то пытается доказать, что он стоит впереди меня, я ему не уступаю.
37. Я стараюсь избегать обострения отношений.
38. Часто я воображаю те наказания, которые могли бы обрушиться на моих обидчиков.
39. Я не считаю, что я глупее других, поэтому их мнение мне не указ.
40. Я осуждаю недоверчивых людей.
41. Я всегда спокойно реагирую на критику, даже если она кажется мне несправедливой.
42. Я всегда убежденно отстаиваю свою правоту.
43. Я не обижаюсь на дружеские шутки, даже если они злые.
44. Иногда я предоставляю возможность другим взять на себя ответственность за решение важного для всех вопроса.
45. Я стараюсь убедить другого прийти к компромиссу.
46. Я верю, что за зло можно отплатить добром, и действую в соответствии с этим.
47. Я часто обращаюсь к коллегам, чтобы узнать их мнение.
48. Если меня хвалят, значит, этим людям от меня что-то нужно.
49. В конфликтной ситуации я хорошо владею собой.
50. Мои близкие часто обижаются на меня за то, что в разговоре с ними я им «рта не даю открыть».
51. Меня не трогает, если при похвале за общую работу не упоминается мое имя.
52. Ведя переговоры со старшим по должности, я стараюсь ему не возражать.
53. В решении любой проблемы я предпочитаю «золотую» середину.
54. У меня отрицательное отношение к мстительным людям.
55. Я не думаю, что руководитель должен считаться с мнением подчиненных, ведь отвечать за все ему.
56. Я часто боюсь подвохов со стороны других людей.

57. Меня не возмущает, когда люди толкают меня на улице или в транспорте.
58. Когда я разговариваю с кем-то, меня так и подмывает скорее изложить свое мнение.
59. Иногда я чувствую, что жизнь поступает со мной несправедливо.
60. Я всегда стараюсь выйти из вагона раньше других.
61. Вряд ли можно найти такое решение, которое бы всех удовлетворило.
62. Ни одно оскорбление не должно оставаться безнаказанным.
63. Я не люблю, когда другие лезут ко мне с советами.
64. Я подозреваю, что многие поддерживают со мной знакомство из корысти.
65. Я не умею сдерживаться, когда меня незаслуженно упрекают.
66. Я больше люблю атаковать, чем защищаться.
67. У меня вызывают сожаление чрезмерно обидчивые люди.
68. Для меня не имеет большого значения, чья точка зрения в споре окажется правильной — моя или чужая.
69. Компромисс не всегда является лучшим разрешением спора.
70. Я не успокаиваюсь до тех пор, пока не отомщу обидчику.
71. Я считаю, что лучше посоветоваться с другими, чем принимать решение одному.
72. Я сомневаюсь в искренности слов большинства людей.
73. Обычно меня трудно вывести из себя.
74. Если я вижу недостатки у других, я не стесняюсь их критиковать.
75. Я не вижу ничего обидного в том, что мне говорят о моих недостатках.
76. Будь я на базаре продавцом, я не стал(а) бы уступать в цене за свой товар.
77. Пойти на компромисс — значит показать свою слабость.

78. Справедливо ли мнение, что если тебя ударили по одной щеке, то надо подставить и другую?
79. Я не чувствую себя ущемленным, если мнение другого оказывается более правильным.
80. Я никогда не подозреваю людей в нечестности.

Обработка результатов

Для удобства обработки ответов (мнений по утверждениям) целесообразно, чтобы испытуемые свои ответы («да», «нет») заносили в карту опроса.

Карта опроса

№ п/п	Да	Нет	№ п/п	Да	Нет	№ п/п	Да	Нет	№ п/п	Да	Нет
1			21			41			61		
2			22			42			62		
3			23			43			63		
4			24			44			64		
5			25			45			65		
6			26			46			66		
7			27			47			67		
8			28			48			68		
9			29			49			69		
10			30			50			70		
11			31			51			71		
12			32			52			72		
13			33			53			73		
14			34			54			74		
15			35			55			75		
16			36			56			76		
17			37			57			77		
18			38			58			78		
19			39			59			79		
20			40			60			80		

Ответы на вопросы соответствуют 8 шкалам:

- вспыльчивость;
- наступательность;
- обидчивость;
- неуступчивость;
- компромиссность,
- мстительность;
- нетерпимость к мнению других;
- подозрительность.

За каждый ответ «да» или «нет» в соответствии с ключом к каждой шкале начисляется 1 балл. По каждой шкале испытуемые могут набрать от 0 до 10 баллов.

Ключ

Ответы «да» по позициям 1, 9, 17, 65 и ответы «нет» по позициям 25, 33, 41, 49, 57, 73 свидетельствуют о склонности субъекта к вспыльчивости.

Ответы «да» по позициям 2, 10, 18, 42, 50, 58, 66, 74 и ответы «нет» по позициям 26, 34 свидетельствуют о склонности к наступательности, напористости.

Ответы «да» по позициям 3, 11, 19, 27, 35, 59 и ответы «нет» по позициям 43, 51, 67, 75 — склонность к обидчивости.

Ответы «да» по позициям 4, 12, 20, 28, 36, 60, 76 и ответы «нет» по позициям 44, 52, 68 — склонность к неуступчивости.

Ответы «да» по позициям 5, 13, 21, 29, 37, 45, 53 и ответы «нет» по позициям 61, 69, 77 — склонность к бескомпромиссности.

Ответы «да» по позициям 6, 22, 38, 62, 70 и ответы «нет» по позициям 14, 30, 46, 54, 78 — склонность к мстительности.

Ответы «да» по позициям 7, 23, 39, 55, 63 и ответы «нет» по позициям 15, 31, 47, 71, 79 — склонность быть нетерпимым к мнению других.

Ответы «да» по позициям 8, 24, 32, 48, 56, 64, 72 и ответы «нет» по позициям 16, 40, 80 — склонность к подозрительности.

Сумма баллов по шкалам «наступательности (напористости)», «неуступчивости» дает суммарный показатель *позитивной агрессивности* субъекта. Сумма баллов, набранная по шкалам «нетерпимость к мнению других», «мстительность», — показатель *негативной агрессивности* субъекта. Сумма баллов по шкалам бескомпромиссности, вспыльчивости, обидчивости, подозрительности — обобщенный показатель *конфликтности*.

Методика «Агрессивное поведение»

Методика разработана Е. П. Ильиным и П. А. Ковалевым и направлена на выявление сдержанности — несдержанности и типа агрессивного поведения.

Инструкция. На каждое утверждение в матрице нужно дать ответы «да» (ставится знак «+») или «нет» (ставится знак «–»).

Вопросы теста

1. Я не могу удержаться от грубых слов, если кто-то не согласен со мной.
2. Иногда я сплетничаю о людях, которых не люблю.
3. Я никогда не раздражаюсь настолько, чтобы кидаться предметами.
4. Я редко даю сдачи, если меня ударят.
5. Подчас я требую в резкой форме, чтобы уважали мои права.
6. От злости я часто про себя посылаю проклятия моему обидчику.
7. Я могу вспомнить случаи, когда я был(а) настолько злой, что хватал(а) попавшуюся под руку вещь и ломал(а) ее.
8. Если я разозлюсь, я могу ударить человека.
9. Если кто-нибудь раздражает меня, я готов сказать все, что о нем думаю.
10. При возникновении конфликта на работе я чаще всего «разряжаюсь» в разговорах с друзьями и близкими.

11. Иногда я выражаю свой гнев тем, что стучу по столу кулаком.
12. Если я должен(на) для защиты своих прав применить физическую силу, то я так и делаю.
13. Когда на меня кричат, я начинаю кричать в ответ.
14. Я часто рассказываю дома о недостатках сослуживцев, которые критикуют меня.
15. С досады я могу пнуть ногой все, что подвернется.
16. В детстве мне нравилось драться.
17. Я часто просто угрожаю людям, хотя и не собираюсь приводить угрозу в исполнение.
18. Я часто про себя обдумываю, что мне надо высказать начальнику, но так и не делаю этого.
19. Я считаю неприличным стучать по столу, даже если человек очень сердит.
20. Если тот, кто взял мою вещь, не отдает ее, я могу применить силу.
21. В споре я часто начинаю сердиться и кричать.
22. Я считаю, что осуждать человека «за глаза» не очень этично.
23. Не было случая, чтобы я со злости что-нибудь сломал.
24. Я никогда не применяю физическую силу для решения спорных вопросов.
25. Даже если я злюсь, я не прибегаю к сильным выражениям.
26. Я не сплетничаю о людях, даже если они мне очень не нравятся.
27. Я могу так рассвирепеть, что буду крушить все подряд.
28. Я не способен(на) ударить человека.
29. Я не умею «поставить человека на место», даже если он этого заслуживает.
30. Иногда я про себя обзываю начальника, если остаюсь недоволен его решением.
31. Мне не нравятся люди, которые вымещают зло на своих детях, раздавая им подзатыльники.

32. Люди, которые постоянно изводят вас, стоят того, чтобы их ударили.
33. Разозлившись, я стараюсь не оскорблять других.
34. После неприятностей на работе я часто скандалю дома.
35. Когда я раздражаюсь, то, уходя, хлопаю дверьми.
36. Я никогда не любил(а) драться.
37. Я бываю грубоват(а) с людьми, которые мне не нравятся.
38. Если в транспорте мне отдавили ногу, я про себя ругаюсь всякими словами.
39. Я всегда осуждаю родителей, бьющих своих детей только потому, что у них плохое настроение.
40. Лучше убедить человека, чем принуждать его физически.

Матрица для ответов опрашиваемых

№ п/п	Да	Нет	№ п/п	Да	Нет	№ п/п	Да	Нет	№ п/п	Да	Нет
1			11			21			31		
2			12			22			32		
3			13			23			33		
4			14			24			34		
5			15			25			35		
6			16			26			36		
7			17			27			37		
8			18			28			38		
9			19			29			39		
10			20			30			40		

Для удобства подсчета набранных баллов целесообразно иметь 4 ключа, которые по размерам и форме точно должны соответствовать опросной матрице, а в месте указанных выше ответов — вырезанные окошечки, где может появиться поставленный опрашиваемым знак («+» или «–»). Подсчитываются как плюсы, так и минусы.

Ключ

Ответы «да» по позициям 1, 5, 9, 13, 17, 21, 37 и «нет» по позициям 25, 29, 33 свидетельствуют о склонности опрашиваемого к прямой вербальной агрессии.

Ответы «да» по позициям 2, 6, 10, 14, 18, 30, 34, 38 и «нет» по позициям 22, 26 — о склонности к косвенной вербальной агрессии.

Ответы «да» по позициям 7, 11, 15, 27, 35 и «нет» по позициям 3, 19, 23, 31, 39 — о склонности к косвенной физической агрессии.

Ответы «да» по позициям 8, 12, 16, 20, 32 и «нет» по позициям 4, 24, 28, 36, 40 — о склонности к прямой физической агрессии.

За каждый из указанных ответов начисляется 1 балл.

Выводы

Чем больше сумма набранных баллов, тем выше у данного человека склонность к агрессии.

Сумма баллов за прямую и косвенную физическую агрессию и прямую вербальную агрессию позволяет судить о несдержанности, если сумма 20 баллов и больше, или сдержанности (выдержке), если сумма 10 баллов и меньше.

Тест руки Вагнера (Hand Test)

Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб., 2003. С. 310–327.

Шкалы: «Агрессия», «Указание», «Страх», «Эмоциональность», «Коммуникация», «Зависимость», «Демонстративность», «Увечность», «Активная безличность», «Пассивная безличность», «Описание».

Назначение теста

Тест руки — проективная методика, направленная на изучение агрессивного отношения. Тест опубликован Б. Брайклином, З. Пиотровским и Э. Вагнером в 1962 г. Идея теста принадлежит Э. Вагнеру. Методика может использоваться для обследования как взрослых, так и детей.

Стимульный материал состоит из девяти стандартных изображений кистей рук и одной пустой карточки, при показе которой просят представить кисть руки и описать ее воображаемые действия. Изображения показываются последовательно. Обследуемому дается инструкция ответить на вопрос о том, какое, по его мнению, действие выполняет нарисованная рука (или сказать, что способен выполнять человек с такой рукой). Допускается указывать для каждой карточки несколько вариантов действия.

Изображения предъявляются в определенной последовательности и положении.

При нечетком и недвусмысленном ответе просят пояснения, спрашивают: «Хорошо, а что еще?», но не навязывают никаких специфических ответов. Если экспериментатор чувствует, что его действия встречают сопротивление, рекомендуется перейти к другой карточке.

Держать рисунок-карточку можно в любом положении.

Число вариантов ответов по карточке не ограничивается и не стимулируется так, чтобы вызвать сопротивление испытуемого. Желательно получить четыре варианта ответов. Если число ответов меньше, уточняете, нет ли желания еще что-либо сказать по данному изображению руки, а в протоколе, например, при единственном варианте ответа проставляется его обозначение со знаком *, т. е. этот единственный безальтернативный ответ оценивается в четыре балла вместо одного.

Важно во всех возможных случаях (если испытуемый не выражает протеста) максимально снижать неопределенность ответа, наполнять смыслом высказывания типа «кто-то, что-то, кому-то» и т. п.

Все ответы фиксируются в протоколе. Помимо записи ответов регистрируется положение, в котором обследуемый держит карточку, а также время с момента предъявления стимула до начала ответа.

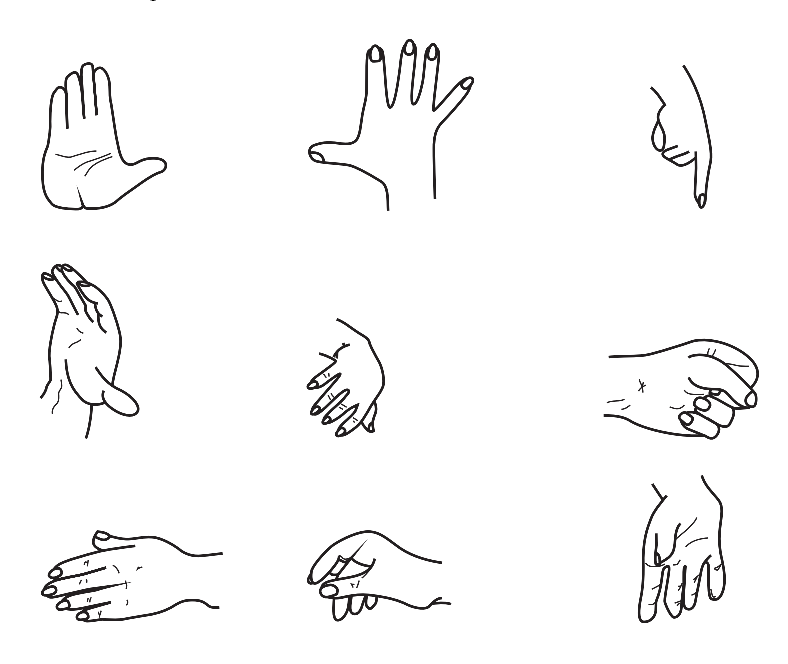
Инструкция к тесту

«Внимательно рассмотрите предлагаемые вам изображения и скажите, что, по вашему мнению, делает эта рука?»

Если испытуемый затрудняется с ответом, ему предлагается вопрос: «Как вы думаете, что делает человек, которому принадлежит эта рука?

На что способен человек с такой рукой? Назовите все варианты, которые можете себе представить».

Тестовый материал

Обработка и интерпретация результатов теста

При обработке полученных результатов каждый ответ испытуемого относят к одной из 11 категорий.

1. «Агрессия» (Аг). Это ответы, в которых рука представляется как нападающая, ранящая, приносящая ущерб, агрессивно доминирующая или активно хватающая другое лицо или предмет.

   Например: рука, «дающая пощечину», «ударяющая», «толкающая», «хватающая за нос», «захватывающая», «сжимающая», «выбивающая кому-то глаз», «дающая шлепок ребенку», «щиплющая кого-то», «готовая нанести удар», «находящаяся в драке», «готовая к захвату», «хватающая ужа», «ловящая насекомое», «крадущая фрукты» и пр. Все эти тенденции к действию

предполагают довольно высокую степень принятия идеи «проявления».

2. «Указание» (У). Эта категория включает ответы, в которых рука представляется как ведущая, разрушающая или иным образом оказывающая влияние на другое лицо. Рука участвует в действии императивного (директивного) характера: ведет, направляет, препятствует, господствует над другими людьми (дирижирует оркестром, дает указание, читает лекцию, учитель говорит ученику: «Выйди вон», милиционер останавливает машину, «человек, говорит: “Стоп!”» и т. п.). Ответы этой категории отражают чувство превосходства по отношению к другим людям.
3. «Страх» (С). Ответы этой категории отражают страх перед возмездием. Рука представляется как пытающаяся предотвратить физическое насилие, направленное на ее владельца. Рука, «поднятая в страхе, чтобы защитить себя», «отражающая удар», «царапающая ногтями», «выражающая просьбу: “Пожалуйста, не бей меня”». Это могут быть ответы, в которых рука представляется наносящей ущерб самому испытуемому, т. е. «рука, душащая меня».
4. «Эмоциональность» (Э). Рука выражает любовь, позитивные эмоциональные установки к другим людям; участвует в действии, выражающем привязанность, положительное отношение, благожелательность (дружеское рукопожатие; похлопывание по плечу; рука, гладящая животное, дарящая цветы; обнимающая рука и т. п.).
5. «Коммуникация» (К). Рука участвует в коммуникативном действии: обращается к кому-либо, контактирует или стремится установить контакты. Общающиеся партнеры находятся в положении равенства (жестикуляция в разговоре, язык жестов, показывает дорогу и т. п.).
6. «Зависимость» (З). Рука выражает подчинение другим лицам: участвует в коммуникативном действии в позиции «снизу», успех которого зависит от благожелательного отношения другой стороны (просьба; солдат отдает честь офицеру; ученик поднял руку для вопроса; рука, протянутая за милостыней; человек останавливает попутную машину и т. п.).

7. «Демонстративность» (Д). Рука разными способами выставляет себя напоказ, участвует в явно демонстративном действии (показывает кольцо, любуется маникюром, показывает тени на стене, танцует, играет на музыкальном инструменте и т. п.).

8. «Увечность» (УВ). Рука повреждена, деформирована, больна, не способна к каким-либо действиям (раненая рука, рука больного или умирающего, сломанный палец и т. п.).

9. «Активная безличность» (АБ). Рука участвует в действии, не связанном с коммуникацией; однако она должна изменить свое физическое местоположение, приложить усилие (вдевает нитку в иголку, пишет, шьет, ведет машину, плывет и т. п.).

10. «Пассивная безличиость» (ПБ). Рука в покое либо наблюдается появление тенденции к действию, завершение которого не требует присутствия другого человека, но при этом рука все же не изменяет своего физического положения (лежит, отдыхая; спокойно вытянута; человек облокотился на стол; свесилась во время сна и т. п.).

11. «Описание» (О). В эту категорию входят описания руки без указания на совершаемые ею действия (пухлая рука, красивая рука, рука ребенка, рука больного человека т. п.).

При категоризации возможна определенная однозначность, однако предполагается, что она не очень существенно влияет на окончательную интерпретацию. Ниже для иллюстрации приводится примерная форма протокола.

В первой колонке указывают номер карточки. Во второй дается время первой реакций на карточку в секундах. В третьей приводятся все ответы испытуемого. В четвертой — результаты категоризации ответов. Если экспериментатору приходится обращаться к испытуемому с уточнениями — это обозначается (ОБ).

ПРИМЕР

№ карты	Ответы испытуемого	Категоризация
1	Объясняет что-то жестом, который стремится подчеркнуть что-то важное	К*4

2	Человек, в страхе поднявший руки в целях защиты от нападения Приказывает: встаньте! Если не сделаешь — ты мне не друг! Большой палец руки	С У У ПБ
3	Высмеивает кого-то, показывая пальцем Подчеркивает сказанное Внушает свое желание кому-то	А У К
4	Указывает направление движения Просит милостыню Готов к дружескому рукопожатию	У З К
5	Выглядит уставшим, отдыхает Может быть злым, ударить кого-либо	ПБ А*З
6	Подчеркивает какой-то момент	К*4
7	Пожимает руку. Но почему левую? Может быть, он левша? Возможно, ударит кого-либо в лицо или другое место, если это не ребенок Просто вытянутая вперед рука — большой палец жесткий Спонтанный удар в запястье	Э А О А
8	Милостыня, даваемая ребенку Держит карандаш Пишет ручкой Спокойно отдыхает	Э О АБ АБ
9	Подчеркивает момент, который обсуждался Стоп. Остановка машины Попытка меня ударить Угрожающая рука	К У С С
10	Я прикасаюсь большим пальцем к носу. Это шутка, не пишите! Попытка остановить машину	З У

После категоризации подсчитывается число высказываний в каждой категории.

- Коммуникация — 11
- Указание — 9

- Агрессия — 6
- Страх — 3
- Активная безличность — 2
- Описание — 2
- Эмоциональность — 2
- Зависимость — 2
- Пассивная безличность — 2

Итого: данный испытуемый набрал 39 баллов.

Максимальное число баллов, которое может набрать испытуемый, учитывая, что он дает по четыре ответа на каждую карточку, — 40. Однако испытуемый может давать больше ответов по одним категориям и меньше по другим. В приведенном примере мы имеем больше четырех высказываний по категориям «Агрессия», «Указание», «Коммуникация» и не имеем высказываний по категориям «Демонстративность» и «Увечность».

Ответы, относящиеся к категориям «Агрессия» и «Указание», рассматриваются как связанные с готовностью обследуемого к высшему проявлению агрессивности, нежеланием приспособиться к окружению.

Категории ответов: «Страх», «Эмоциональность», «Коммуникация» и «Зависимость» отражают тенденцию к действию, направленную на приспособление к социальной среде; при этом вероятность агрессивного поведения незначительна.

Ответы, относящиеся к категориям «Демонстративность» и «Увечность», при оценке вероятности агрессивных проявлений не учитываются, так как их роль в данной области поведения непостоянна. Эти ответы могут лишь уточнять мотивы агрессивного поведения.

Категории «Активная безличность» и «Пассивная безличность» в анализе также не участвуют, так как их влияние на агрессивность поведения не однозначно.

Суммарный балл агрессивности вычисляется по формуле

A = (Агрессия + Указание) — (Страх + Эмоциональность + Коммуникация + Зависимость).

То есть количественный показатель открытого агрессивного поведения рассчитывается путем вычитания суммы «адаптивных» ответов из суммы ответов по первым двум категориям.

Первый член формулы характеризует агрессивные тенденции, второй — тенденции, сдерживающие агрессивное поведение.

Норма агрессии = от –1 до +1 (–1, 0, +1).

Иногда весь тест проводится только для того, чтобы узнать эту цифру.

В норме у человека должны быть представлены как агрессивные и директивные показатели, так и теплые и коммуникационные, а также активные и пассивные. Чем больше различных показателей (за исключением «Увечности», «Описания», «Галлюцинаций» и «Отказов»), тем гармоничнее личность.

«+1 и больше»:

+1 — близка «кнопка гнева» — человек сдерживает себя на людях, но может наорать на близких и даже наподдать детям.

+2 — это уже агрессивность.

+3, +4 — допустимая норма для силовиков (МВД, СОБР, ОМОН), но запредельная для коммерческих компаний.

+5, +6 — это уже социально неадаптированные люди.

Сокращенная интерпретация результатов теста основывается на сравнении суммарного балла с тестовыми нормами и принятии решения об уровне агрессивности и актуальном состоянии испытуемого. Однако более содержательную информацию можно получить при анализе удельного веса и места агрессивных тенденций в общей системе диспозиций. Информационной в плане прогноза агрессивного поведения является доля ответов в категории «Агрессия» по отношению к суммарному количеству ответов в категориях, учитываемых при подсчете суммарного балла.

Таким образом, 2–3 агрессивных ответа при полном отсутствии ответов типа социальной кооперации говорят о большой степени враждебности, чем множество таких ответов на фоне еще большего количества установок на доброжелательное межличностное взаимодействие. В рассматриваемом примере А = (6 + 9) — (3 + 2 + 11 + 2) = –3.

То есть установки на социальное сотрудничество и зависимость преобладают над агрессивными, доминантными тенденциями.

Важно, что значение имеет не только соотношение установок на социальную кооперацию и агрессию, но и то, какие именно тенденции противопоставляются конфронтации, что побуждает человека к сотрудничеству: страх перед ответной агрессией, чувство собственной неполноценности, зависимости или потребность в теплых, дружеских контактах с окружающими. Внешне сходное поведение в этих случаях имеет принципиально различные внутренние детерминанты. Данные об их природе можно получить при анализе удельного веса установок, которые противостоят агрессии (категории «Страх», «Коммуникация», «Эмоциональность», «Зависимость»).

Средние значения агрессивности: взрослые: –0,93, подростки –0,56.

Самооценка уровня агресивности и латентного экстремизма

(В. В. Бойко в модификации Н. П. Фетискина.)[1]

Методика позволяет определить помимо тонких форм проявлений агрессивности и потребностей в ней и степень агрессивного заражения, и способность к торможению агрессивных реакций, и способы переключения агрессивности.

Инструкция: вам представлены суждения, касающиеся некоторых форм поведения, характерных для состояния повышенного возбуждения, напряженности или негативного отношения к кому- или чему-либо.

На чистом листе бумаги, рядом с номером суждения, проставьте свои ответы в форме «да» (+) или «нет» (–).

Помните, что нет хороших или плохих ответов. Ориентируйтесь на первый ответ, который возник сразу после прочтения суждения.

Опросник

1. Временами я неожиданно «взрываюсь» злостью, гневом.

[1] *Фетискин Н. П., Кондрат Е. Н., Миронова Т. И., Шепелева С. В.* Психология молодежного экстремизма в российской ментальности. СПб.; Кострома, 2007. С. 18–21.

2. Если я вижу, что мое раздражение или злость передается другим, то обычно тут же беру себя в руки.
3. Чтобы избавляться от накопившейся злости, я придумал(а) себе особый ритуал: периодически колочу подушку, боксирую в стенку, бегаю вокруг дома и т. п.
4. На работе обычно держу себя в руках, а дома бываю невыдержанным(ой).
5. Иногда я понимаю, что вызываю у кого-либо злость, раздражение, но мне трудно изменить свое поведение или не хочу этого делать.
6. Если мне хамят, я, как правило, сдерживаю себя от резкости.
7. Иногда я честно признаюсь себе: я плохой человек.
8. Стоит мне разозлиться, как я добиваюсь своего от окружающих.
9. Нередко я оказываюсь вовлеченным(ой) в какую-нибудь противоборствующую группировку.
10. Время от времени меня словно тянет поругаться с кем-нибудь.
11. Я часто расплачиваюсь за свою резкость или грубость.
12. Часто какой-нибудь пустяк выводит меня из себя.
13. Разозлившись, я могу ударить кого-либо (ребенка, партнера и т. п.).
14. Чувствуя прилив злости, я могу разрядиться на неодушевленных предметах (бью кулаком о стол, что-нибудь ломаю, бью посуду).
15. Я позволяю себе разозлиться или разгневаться там, где меня никто не знает.
16. Я думаю, что мой характер — не подарок.
17. Если кто-нибудь плохо выскажется по моему адресу, я выскажу ему все, что я о нем думаю.
18. Бывают минуты, когда я ненавижу или презираю себя.
19. Чтобы заставить себя сделать что-либо трудное или сложное, мне иногда надо себя хорошенько разозлить.

20. Бывало так, что я оказывался(лась) членом нехорошей компании (группировки).
21. Обычно, когда я поругаюсь с кем-нибудь, мне становится легче.
22. Некоторые люди обижены на меня за мою резкость или злобу.
23. Когда я очень устаю, легко могу разозлиться, выйти из себя.
24. Моя злость обычно быстро проходит, если тот, кто ее вызвал, извиняется или признает свою неправоту.
25. Мне удается гасить раздражение и прочие напряженные состояния с помощью активного отдыха — в спорте, туризме, культурных мероприятиях.
26. Бывает, я выясняю отношения с продавцом или клерком на повышенных тонах.
27. Я остер (остра) на язык, мне палец в рот не клади.
28. Я обычно легко «завожусь», когда сталкиваюсь с грубостью, агрессивностью или злостью окружающих.
29. Многое из того плохого, что случилось со мной в жизни, я наверняка заслужил(а).
30. Злость чаще всего помогает мне в жизни.
31. Я часто ругаюсь в очередях.
32. Иногда меня упрекают в том, что я злюсь, а я не замечаю этого.
33. Переживание злости или гнева явно вредит моему здоровью.
34. Иногда я начинаю злиться ни с того ни с сего.
35. Если я разозлюсь, то чаще всего быстро отхожу.
36. Чтобы успокоить свою нервную систему, я часто начинаю заниматься каким-нибудь делом.
37. В транспорте или магазине я бываю более агрессивен(на), чем на работе.
38. Я человек резкий и категоричный.
39. Если кто-либо будет зло шутить по моему адресу, я, скорее всего, поставлю его на место.
40. Я часто злюсь на себя по разным поводам.

41. В общении с домашними я часто специально придаю своему лицу суровое выражение.
42. Обычно моя злость дает мне импульс активности.
43. Бывает, что я по нескольку дней переживаю последствия того, что не смог(ла) сдержаться от злости.
44. Бывают моменты, когда мне кажется, что я всех ненавижу.
45. Когда я чувствую прилив злобы или агрессии, то часто ухожу куда-нибудь, чтобы никого не видеть и не слышать.
46. Я часто успокаиваю себя тем, что срываю зло на вещах обидчика.
47. Иногда в транспортной толчее или в очереди я бываю столь агрессивен(на) что потом переживаю неловкость за свое поведение.
48. Я часто бываю несговорчивым(ой), упрямым(ой).
49. Я легко лажу с людьми, которые провоцируют грубость или злость.
50. Если Бог когда-нибудь накажет меня за мои грехи, то это будет заслуженно.
51. Чтобы повлиять на окружающих, я часто лишь изображаю злость или гнев, не переживая этих состояний.
52. Я бы принял(а) участие в стихийном митинге протеста, чтобы отстаивать вместе со всеми свои насущные интересы.
53. После вспышки раздражения, злобы я некоторое время обычно чувствую себя хорошо.
54. Моя раздражительность отрицательно сказывалась на отношениях с близкими и друзьями.

Обработка данных

Опросник позволяет вывести «индекс агрессии» с учетом 11 параметров, каждый из которых оценивается отдельно в интервале от нуля до пяти баллов. За каждый ответ, соответствующий «ключу», начисляется один балл; подсчитывается сумма баллов по первым 11 шкалам. Чем она больше, тем больше склонность к проявлению агрессии.

1. Спонтанность агрессии: +1, +12, +23, +34, +45.
2. Неспособность тормозить агрессию: –2, +13, –24, –35, –46.

3. Неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты: –3, –14, –25, –36, –47.
4. Анонимная агрессия: +4, +15, +26, +37, +48.
5. Провокация агрессии у окружающих: +5, +16, +27, +38, +49.
6. Склонность к отраженной агрессии: –6, +17, +28, +39, –50.
7. Аутоагрессия: +7, +18, +29, +40, +51.
8. Ритуализация агрессии: +8, +19, +30, +41, +52.
9. Склонность заражаться агрессией толпы: +9, +20, +31, +42, +53.
10. Удовольствие от агрессии: +10, +21, +32, +43, +54.
11. Расплата за агрессию: +11, +22, +33. +44, +55.
12. Склонность к экстремизму: +9, +10, +13, +14, +20, +42, +45, +53.

Интерпретация данных

Отсутствие или очень низкий уровень агрессии (от 0 до 8 баллов) обычно свидетельствуют о неискренности респондента, о его стремлении соответствовать социальной норме. Это встречается у людей со сниженной самокритичностью и завышенными притязаниями.

Невысокий уровень агрессии и латентного экстремизма (9–20 баллов) отмечается у большинства опрашиваемых. Он обычно обусловлен спонтанной агрессией и сопряжен с неумением переключать агрессию на деятельность и неодушевленные объекты (возможно, в этом и нет необходимости).

Средний уровень агрессии и латентного экстремизма (21–30 баллов) обычно выражается в спонтанности, анонимности и слабой способности к торможению агрессивных реакций.

Повышенный уровень агрессии и латентного экстремизма (31–40 баллов) — к атрибутам, характерным для среднего уровня агрессии, обычно добавляются показатели расплаты и провокации.

Очень высокий уровень агрессии и латентного экстремизма (41 балл и более) связан с получением удовольствия от агрессии, перенятием агрессии толпы, провокацией агрессии у окружающих.

Опросник «Мини-мульт» (сокращенный и адаптированный Ф. Б. Березиным и М. П. Мирошниковым вариант опросника MMPI)

Агрессивность людей характеризуют высокие оценки по двум шкалам этого опросника (психопатия и паранойяльность).

Опрос рекомендуется проводить индивидуально или в группе при наличии у каждого испытуемого текста опросника и бланка для ответов, в присутствии экспериментатора, которому испытуемые могут задавать вопросы.

Текст опросника

1. По утрам вы обычно чувствуете, что выспались и отдохнули.
2. В вашей повседневной жизни масса интересного.
3. Временами вам приходят в голову такие нехорошие мысли, что о них лучше не рассказывать.
4. Иногда вам очень хотелось навсегда уйти из дома.
5. Временами у вас бывают приступы неудержимого смеха или плача.
6. У вас такое впечатление, что вас никто не понимает.
7. Вам труднее сосредоточиться, чем большинству людей.
8. С вами происходили (или происходят) странные вещи.
9. Вы достигли бы в жизни гораздо большего, если бы люди не были настроены против вас.
10. В детстве вы одно время совершали кражи.
11. Большинство людей довольны своей жизнью более, чем вы.
12. У вас может ухудшиться самочувствие и здоровье, если люди критикуют вас, требуют от вас слишком многого.
13. Обычно вы удовлетворены своей судьбой.
14. Некоторые так любят командовать, что вам хочется все сделать наперекор, хотя вы знаете, что они правы.

15. Вы считаете, что против вас что-то замышляют.
16. Большинство людей способно добиваться выгоды не совсем честным путем.
17. Вы считаете, что вас часто незаслуженно наказывали.
18. С памятью у вас все благополучно.
19. Ваши родители часто не одобряли ваших знакомств.
20. Ваши родители и другие члены семьи часто придираются к вам.
21. Часто у вас звенит или шумит в ушах.
22. В вашей жизни были случаи (может быть, только один), когда вы чувствовали, что на вас действуют гипнозом.
23. Даже находясь в обществе, вы обычно чувствуете себя одиноко.
24. Вы считаете, что почти каждый может солгать, чтобы избежать неприятностей.
25. Вы чувствуете острее, чем большинство других людей.
26. Вы злоупотребляли спиртными напитками.

Обработка результатов

К методике прилагается бланк, где на одной стороне фиксируются ответы испытуемого. Если испытуемый согласен с утверждением, то в клетке с номером вопроса он ставит знак «+» («да», «верно»), если не согласен — знак «–» («нет», «неверно»).

Ключ

По одному баллу начисляется за ответы «да» по пп. 3–12, 15, 17, 19–23, ответы «нет» по пп. 1, 2, 13, 14, 18, 24.

Чем больше баллов набрал опрашиваемый, тем выше у него агрессивность, злопямятность, пренебрежение социальными нормами и ценностями. Кто не согласен с ним, кто думает иначе, тот враг. Свои взгляды он активно насаждает, поэтому имеет частые конфликты с окружающими. Он обидчив и возбудим.

Опросник диагностики насилия и буллинга в школе

(Опросник Kim Su Jeong в модификации В. Р. Петросянц (2011).)

Инструкция. Приглашаем вас принять участие в научном исследовании. Все результаты опроса останутся конфиденциальными.

Фамилия, имя

Пол

Возраст

Школа, класс

Семья: полная/неполная

Часть 1. Насилие в школе

Текст опросника

1. Существует ли проблема насилия в школе?

   а) Да.

   б) Нет.

2. Теми, кто совершает насилие в школе, на ваш взгляд, являются:

   а) старшие ученики;

   б) ровесники;

   в) младшие школьники;

   г) учителя;

   д) администрация школы.

3. Как бы вы могли охарактеризовать ваше чувство безопасности в школе?

   а) Полное.

   б) Зависит от обстоятельств.

   в) Разрушенное.

4. В каких ситуациях происходит насилие в школе?

а) Во время перемены.

б) Перед уроками или после уроков.

в) На пути в школу или из школы.

5. Какие формы насилия, по вашему мнению, существуют в школьной среде?

а) Грубость.

б) Насмешки.

в) Притеснение.

г) Подножки.

д) Сталкивание с лестницы.

е) Побои.

ж) Сплетни и интриги.

з) Угрозы (запугивание).

и) Вымогательство денег и других предметов.

к) Целенаправленное разрушение чужой собственности.

л) Изолирование.

м) Поведение и жесты сексуального характера.

н) Унижение.

6. Появляется ли у вас желание ответить тем же?

а) Да.

б) Нет.

7. Какие эмоции и чувства у вас вызывает насилие?

а) Страх.

б) Ненависть.

в) Злобу.

г) Ужас.

д) Вину.

е) Стыд.

ж) Подавленность.

з) Безразличие.

8. Испытывали ли вы насилие со стороны друзей, одноклассников, учителей?

а) Да.

б) Нет.

9. Как часто вы испытывали физическое насилие?

а) Никогда.

б) Один или два раза.

в) Раз в месяц.

г) Раз в неделю.

д) Почти каждый день.

10. Как часто вы испытывали психологическое насилие?

а) Никогда.

б) Один или два раза.

в) Раз в месяц.

г) Раз в неделю.

д) Почти каждый день.

11. Воспринимаете ли вы себя жертвой физического насилия?

а) Нет.

б) Редко.

в) Часто.

г) Очень часто.

12. Воспринимаете ли вы себя жертвой психологического насилия?

а) Нет.

б) Редко.

в) Часто.

г) Очень часто.

Часть 2. Ситуация буллинга в школе

1. Как часто ты подвергался(лась) травле в этом семестре?

   а) Никогда.

   б) Несколько раз.

   в) Два или три раза в месяц.

   г) Один раз в неделю.

   д) Несколько раз в неделю.

2. Как часто другие ученики использовали в этом семестре в отношении тебя следующие способы травли?

Способы	Никогда	Несколько раз	Два-три раза в месяц	Один раз в неделю	Несколько раз в неделю
Насмехались над тобой и делали тебя «игрушкой»					
Игнорировали, и исключали из из совместной деятельности					
Применяли физическую силу (ударяли, пинали, толкали и т. п.)					
Распространяли ложные слухи о тебе					
Отбирали деньги или вещи					
Насмехались над твоим внешним видом, особенностями твоей фигуры					

3. Почему другие ученики осуществляют травлю в отношении тебя (отметь все возможные пункты)?

   а) Я считаю себя «выше» их.

   б) Я игнорирую их.

в) Я нравлюсь учителю больше, чем они.

г) Я богатый(ая)/бедный(ая).

д) Моя внешность слишком привлекательна/специфична.

е) Я часто ссорюсь с другими учениками.

ж) Я не знаю, почему.

4. Как ты поступаешь, когда тебя травят (отметь все возможные пункты)?

а) Пропускаю занятия в школе.

б) Ни с кем не разговариваю.

в) Становлюсь беспомощным.

г) Избегаю места, где это происходит.

д) Стараюсь объяснить, что так поступать нельзя.

е) Делаю вид, что ничего не произошло.

5. Какие методы ты используешь, чтобы решить проблему травли?

а) Рассказываю о ней родителям.

б) Говорю об этом с учителями.

в) Посещаю школьного психолога.

г) Какое-то время не хожу в школу.

д) Терплю и не предпринимаю никаких мер.

е) Противостою травле.

ж) Меняю школу.

6. Ты был(а) свидетелем травли в классе?

а) Да.

б) Нет.

7. Как ты поступал(а), когда травили твоего одноклассника?

а) Ничего не делал, так как это не мое дело.

б) Ничего не делал, но возникало желание помочь ему.

в) Пытался помочь ему.

8. Ты когда-нибудь участвовал(а) в травле другого ученика?

а) Нет.

б) Несколько раз.

в) Два-три раза в месяц.

г) Один раз в неделю.

д) Несколько раз в неделю.

9. Использовал(а) ли ты при травле других учеников следующие способы?

Способы	**Никогда**	**Несколько раз**	**Два-три раза в месяц**	**Один раз в неделю**	**Несколько раз в неделю**
Высмеивал, и оскорблял					
Игнорировал и исключал из совместной деятельности					
Применял физическую силу (ударял, пинал, толкал и т. п.)					
Распространял ложные слухи о них					
Отбирал деньги или вещи					
Насмехался над их внешним видом, особенностями их фигуры					

10. Ты осуществлял(а) травлю один или в группе учеников?

а) Обычно я делаю это один.

б) Я делаю это с кем-нибудь.

11. По каким причинам ты травишь другого?

а) Он(а) ведет себя высокомерно, ставит себя выше других.

б) Игнорирует других учеников.

в) Нравится учителю больше, чем другие.

г) Всегда делает то, что говорит учитель.

д) Рассказывает учителю о других учениках.

е) Он богатый(ая)/бедный(ая).

ж) Часто ссорится с другими.

з) Не обращает на меня внимания.

Диагностика враждебности по шкале Кука—Медлей

Методика позволяет оценить цинизм, враждебность и агрессивность личности.

Инструкция. Внимательно прочитайте суждения опросника. Варианты ответов по всем суждениям даны на специальном бланке. Если вы считаете, что суждение верно и соответствует вашему представлению о себе и других людях, то в бланке ответов напротив номера суждения отметьте степень вашего согласия с ним, используя предложенную шкалу:

- обычно;
- часто;
- иногда;
- случайно;
- редко;
- никогда.

Бланк ответов:

Ф. И. О.

Возраст

Пол

№ вопросов	Варианты ответов					
	обычно	часто	иногда	случайно	редко	никогда
1						
2						
3						
4						
5						

6						
7						
8						
9						
10						
11						
12						
13						
14						
15						
16						
17						
18						
19						
20						
21						
22						
23						
24						
25						
26						
27						

Опросник

1. Я часто встречаю людей, называющих себя экспертами, хотя они таковыми не являются.
2. Мне часто приходилось выполнять указания людей, которые знали меньше, чем я.
3. Многих людей можно обвинить в аморальном поведении.
4. Многие люди преувеличивают тяжесть своих неудач, чтобы получить сочувствие и помощь.
5. Временами мне приходилось грубить людям, которые вели себя невежливо по отношению ко мне и действовали мне на нервы.
6. Большинство заводят друзей, потому что друзья могут быть полезны.
7. Часто необходимо затратить много усилий, чтобы убедить других в своей правоте.
8. Люди часто разочаровывали меня.
9. Обычно люди требуют большего уважения своих прав, чем стремятся уважать права других.
10. Большинство людей не нарушают закон, потому что боятся быть пойманными.

11. Зачастую люди прибегают к нечестным способам, чтобы не потерять возможной выгоды.
12. Я считаю, что многие люди используют ложь для того, чтобы двигаться дальше.
13. Существуют люди, которые настолько мне неприятны, что я невольно радуюсь, когда их постигают неудачи.
14. Я часто могу отойти от своих принципов, чтобы превзойти своего соперника.
15. Если люди поступают со мной плохо, я обязательно отвечаю им тем же, хотя бы из принципа.
16. Как правило, я отчаянно отстаиваю свою точку зрения.
17. Некоторые члены моей семьи имеют привычки, которые меня раздражают.
18. Я не всегда легко соглашаюсь с другими.
19. Никого никогда не заботит то, что с тобой происходит.
20. Более безопасно никому не верить.
21. Я могу вести себя дружелюбно с людьми, которые, по моему мнению, поступают неверно.
22. Многие люди избегают ситуаций, в которых они должны помогать другим.
23. Я не осуждаю людей за то, что они стремятся присвоить себе все, что только можно.
24. Я не виню человека за то, что он в своих целях использует других людей, позволяющих ему это делать.
25. Меня раздражает, когда другие отрывают меня от дела.
26. Мне бы определенно понравилось, если бы преступника наказали его же преступлением.
27. Я не стремлюсь скрыть плохое мнение о других людях.

Обработка и интерпретация результатов

Ключ

Шкала цинизма: 2–4, 6, 7, 9–12, 19, 20, 22.

Шкала агрессивности: 5, 14–16, 21, 23, 24, 26, 27.

Шкала враждебности: 8, 13, 17, 18, 25.

Варианты ответа

6 баллов — обычно

5 баллов — часто

4 балла — иногда

3 балла — случайно

2 балла — редко

1 балл — никогда

Шкала цинизма: 65 баллов и больше — высокий показатель; 40–65 баллов — средний показатель с тенденцией к высокому; 25–40 баллов — средний показатель с тенденцией к низкому; 25 баллов и меньше — низкий показатель.

Шкала агрессивности: 45 баллов и больше — высокий показатель; 30–45 баллов — средний показатель с тенденцией к высокому; 15–30 баллов — средний показатель с тенденцией к низкому; 15 баллов и меньше — низкий показатель.

Шкала враждебности: 25 баллов и больше — высокий показатель; 18–25 баллов — средний показатель с тенденцией к высокому; 10–18 баллов — средний показатель с тенденцией к низкому; 10 баллов и меньше — низкий показатель.

Тест «Несуществующее животное»

Это ориентировочный тест, который используется в сочетании с другими тестами на агрессивность.

Инструкция. Приготовьте лист белой бумаги и карандаш средней мягкости (фламастером и ручкой пользоваться нельзя). Придумайте и нарисуйте несуществующее животное и назовите его несуществующим названием.

Показатели агрессивности

Учитывается количество углов в рисунке, особенно острых; наличие рогов, клювов, когтей; рта с зубами (указывает на склонность к вербальной агрессии: задирается, огрызается, грубит).

Анкета на проверку понимания критериев, характеризующих агрессию в спорте

(Из кн.: *Уэйнберг Р., Гоулд Д.* Основы психологии спорта и физической культуры. Киев: Олимпийская литература, 1998.)

Инструкция. Проверьте, насколько хорошо вы поняли критерии, характеризующие агрессивность.

Используя четыре критерия Джилла, обведите кружочком А или Н в зависимости от того, считаете ли вы поведение в каждой из приведенных ситуаций агрессивным (А) или неагрессивным (Н).

А Н 1. Футболист выполняет очень коварный, но разрешенный правилами удар в направлении принимающего игрока и позже отмечает, что хотел наказать его за неправильные действия.

А Н 2. Футболист выполняет очень коварный и запрещенный правилами удар в направлении принимающего игрока и позже отмечает, что хотел наказать его за неправильные действия.

А Н 3. Тренер баскетбольной команды ломает стул, протестуя против решения арбитров.

А Н 4. Хоккеистка умышленно наносит удар своей сопернице в отместку за такой же удар, который перед этим нанесла ей соперница.

А Н 5. Автогонщик убивает своего коллегу, столкнувшись с его машиной, неожиданно появившейся из-за поворота.

А Н 6. Пытаясь заставить игрока соперников поволноваться и снова «пережить» предыдущую ошибку, тренер берет тайм-аут.

А Н 7. Барри знает, что Джон очень болезненно воспринимает замечания по поводу его способности загонять мяч в лунку в напряженные моменты поединка, поэтому он говорит ему, что тренер сказал, что если он будет неудачно играть, то потеряет место в основном составе. Тренер ничего подобного не говорил.

А Н 8. Джейн попадает по голове Фран быстро летящим мячом, который «ушел» от нее.

Ответы

1. Агрессивное (хотя удар был выполнен по правилам, действие содержало намерение нанести ущерб).

2. Агрессивное (было намерение нанести ущерб).
3. Неагрессивное (действие не было направлено на другое живое существо).
4. Агрессивное (было намерение нанести повреждение).
5. Неагрессивное (хотя другой автогонщик был убит, отсутствовало намерение совершить это).
6. Агрессивное (хотя большинство могут посчитать это тактическим ходом, его цель состояла в том, чтобы нанести вред сопернику, вызвав состояние тревожности и пробудив страх).
7. Агрессивное (намерение состояло в нанесении психологического ущерба).
8. Неагрессивное (отсутствовало намерение нанести травму).

Опросник «Феноменология запретов и ограничений»

(Из методики «Феномен риска в спортивной деятельности», разработанной на кафедре психологии им. А. Ц. Пуни Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта. СПб., 2011)

1. Приведите, пожалуйста, пример из детской, спортивной, профессиональной или семейной жизни, в которой вы сталкивались с какими-либо принуждениями, запретами или ограничениями.

---

2. Приведите ваши приемы, методы и способы преодоления принуждений, запретов, ограничений. Опишите ваши способы поведения, образы, мысли и чувства.

Описание способов преодоления пространственно-временны́х ограничений, например типа:	
Запирание в комнате	Стояние в углу
Требование быть дома в таком-то часу	Заниматься музыкой 2 часа

Мой способ преодоления — это
Мой способ преодоления — это
Мой способ преодоления — это

Описание способов преодоления физических наказаний
Мой способ преодоления — это

Описание способов преодоления интеллектуальных ограничений: запрет чтения каких-то книг, сидения за компьютером, просмотра телефильмов и некоторых телепередач
Мой способ преодоления — это

Описание способов преодоления религиозных запретов
Мой способ преодоления — это

Описание способов преодоления национальных запретов
Мой способ преодоления — это

Описание способов преодоления сексуальных запретов
Мой способ преодоления — это
Описание способов преодоления духовных запретов
Мой способ преодоления — это

3. Оцените, пожалуйста, степень ограничений в различных сферах вашей жизни по 4-балльной шкале.

№ п/п	**Когда и где ограничивали и запрещали**	**Частота ограничений**			
		никогда	**редко**	**часто**	**очень часто**
Меня ограничивали					
1	В детстве				
2	В школе				
3	В обществе				
Я сам себя ограничивал					
4	В детстве				

5	В школе				
6	В обществе				
Я чувствую себя					
7	В обществе несвободным				
8	В морально-нравственной жизни чувствую ограничения				
9	В жизни чувствую себя скованно				
10	В религиозной жизни чувствую запреты				

Е. П. Ильин

Психология агрессивного поведения

Заведующий редакцией	*П. Алесов*
Ведущий редактор	*Е. Маслова*
Литературный редактор	*Н. Никитина*
Художник	*С. Заматевская*
Корректоры	*М. Одинокова, Н. Сулейманова*
Верстка	*С. Киселева*

ООО «Питер Пресс», 192102, Санкт-Петербург, ул. Андреевская (д. Волкова), д. 3, литер А, пом. 7Н.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.
Подписано в печать 19.03.14. Формат 60х90/16. Усл. п. л. 23,000. Тираж 2000. Заказ
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс». 420066, Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

КНИГА-ПОЧТОЙ

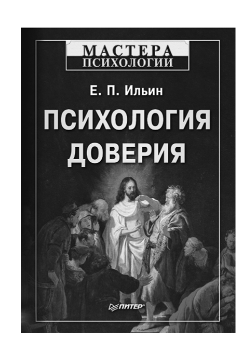

288 с., 16,5×23,5, перепл.

Е. Ильин

ПСИХОЛОГИЯ РИСКА

В новом пособии профессора Е. П. Ильина в систематизированном виде, с учетом новейших отечественных и зарубежных публикаций, рассмотрены основные аспекты проблемы психологии риска, способы снижения риска в различных сферах деятельности человека, приведены методики выявления лиц, склонных к риску. Издание адресовано студентам и преподавателям психологических факультетов, а также специалистам, интересующимся теоретическими и прикладными аспектами проблемы риска: экономистам, предпринимателям, педагогам, врачам, спортсменам, тренерам и так далее.

288 с., 16,5×23,5, перепл.

Е. Ильин

ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ

Из всех актуальных кризисов именно кризис доверия вызывает сегодня наиболее серьезные опасения. В связи с этим зачастую высказывается мнение о том, что современное общество неуклонно превращается в общество лжи, в общество, в котором доверие становится одной из высших ценностей, привлекающих к себе максимум внимания. В новой книге профессора Ильина эта тема раскрыта максимально полно, что явилось результатом использования последних научных данных. Издание адресовано студентам и преподавателям психологических и педагогических факультетов, а также всем специалистам, работающим в системе «человек–человек».

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ПИТЕР®
WWW.PITER.COM